DA23
K56
T.1

Максимъ Ковалевскій

СОЦІОЛОГІЯ

Томъ I.

СОЦІОЛОГІЯ И КОНКРЕТНЫЯ НАУКИ ОБЪ ОБЩЕСТВѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ СОЦІОЛОГІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1910

225

СОЦІОЛОГІЯ

DA
93
K56

Максимъ Ковалевскій

301

СОЦІОЛОГІЯ

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 104994

Томъ I.

СОЦІОЛОГІЯ И КОНКРЕТНЫЯ НАУКИ ОБЪ ОБЩЕСТВѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ СОЦІОЛОГІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1910

3974

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
109994/8 л

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Двадцать лѣтъ назадъ соціологія еще занимала на Западѣ то мѣсто, какое признается за нею нынѣ только въ Россіи. Ея не считаютъ у насъ не только наукой, но и одной изъ тѣхъ многочисленныхъ дисциплинъ, которыя преподаются на юридическихъ и филологическихъ факультетахъ. Тогда какъ политическая экономія, статистика и финансовое право, давно заняли опредѣленное мѣсто въ университетскомъ преподаваніи, тогда какъ послѣднее обогатилось постепенно археологіей, этнографіей, исторіей права и учрежденій, тогда какъ отдѣльные вопросы обществовѣдѣнія давно подымаются въ курсахъ, посвященныхъ такъ неудачно названному „полицейскому праву“, или наукѣ „о благоустройствѣ и благочиніи“, соціологія, обнимающая всѣ области соціальнаго знанія, синтезирующая ихъ основные выводы, раскрывающая предъ нами причины прогресса и упадка отдѣльныхъ націй, указывающая на условія примиренія порядка съ поступательнымъ ходомъ исторіи, продолжаетъ оставаться изгнанной изъ высшихъ школъ и пользуется незавидной репутаціей у оффиціальныхъ педагоговъ.

Двадцать лѣтъ назадъ мнѣ приходилось слышать о ней на Западѣ то же, что говорится еще во всеуслышаніе у насъ въ кругахъ, причастныхъ къ высшему образованію. Шутя ее называли во Франціи „blaguologie“. Русскіе перевели это слово и въ ученыхъ совѣтахъ соціологія слыветъ подъ названіемъ „пустословія“.

Въ послѣднюю мою поѣздку во Францію я съ удовольствіемъ узналъ отъ профессора Дюркгейма, что соціологія

сдѣлалась предметомъ преподаванія въ трехъ французскихъ университетахъ, въ томъ числѣ въ Сорбоннѣ. Лекціи по соціологіи давно читаются въ высшихъ школахъ, устроенныхъ на частныя средства. И мнѣ самому пришлось выступать въ качествѣ лектора въ „Вольной Школѣ Общественныхъ Наукъ“ въ Парижѣ рядомъ съ покойнымъ Тардомъ и профессоромъ Дюркгеймомъ. Съ нынѣшняго академическаго года курсъ соціологіи открывается и въ парижской „Школѣ правовѣдѣнія“.

И въ другихъ странахъ соціологія постепенно становится университетской наукой. Она уже много лѣтъ преподается въ Берлинѣ профессоромъ Зиммелемъ, на факультетѣ общественныхъ Наукъ въ Лондонѣ, во многихъ университетахъ Италіи. Но нигдѣ число каѳедръ, посвященныхъ этой наукѣ, такъ не многочисленно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Соціологія проникла въ университеты Запада много лѣтъ спустя послѣ того, какъ соціологическія общества и институты сдѣлали ее популярной въ широкихъ кругахъ образованнаго общества. Благодаря дѣятельности этихъ свободныхъ сообществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ частности „Международный Институтъ Соціологіи“ и „Парижское Соціологическое Общество“, получили и оффиціальное признаніе [1]), возникли журналы, библіотеки и ежегодники, посвященные разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ соціологіи. Въ Парижѣ выходитъ уже болѣе десяти лѣтъ „Международное обозрѣніе соціологіи“, „Соціологическій ежегодникъ“ и цѣлая библіотека оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по обществовѣдѣнію. Въ Римѣ печатается замѣчательное по именамъ своихъ сотрудниковъ и богатое содержаніемъ „Международное обозрѣніе соціологіи“; въ Лондонѣ уже второй годъ появляется журналъ по соціологіи, издаваемый Лондонскимъ соціологическимъ обществомъ. Онъ явился на смѣну „Соціологическихъ записокъ“—сборника работъ этого общества, вышедшему въ трехъ томахъ. Въ Германіи къ многочисленнымъ изданіямъ, посвященнымъ обществовѣдѣнію, присоединился въ текущемъ году выходящій въ Цюрихѣ журналъ „Соціологія“. Въ Чикаго профессоръ Смолль издаетъ „Американскій журналъ

[1]) Благодаря почину французскаго военнаго министра генерала Андре оба общества были признаны „d'utilité publique“.

соціологіи". Въ Вѣнѣ и Грацѣ образовались за послѣдніе годы соціологическія общества, печатающія свои бюллетени. Въ одной Венгріи насчитываютъ девять изданій, посвященныхъ вопросамъ соціологіи. Въ Россіи нѣтъ ни общества, ни изданій, ни университетскаго преподаванія этой науки. Изъ всѣхъ свободныхъ высшихъ школъ, возникшихъ за послѣднее время въ Петербургѣ, одинъ Психо-неврологическій институтъ озаботился включеніемъ въ свой уставъ статьи, дѣлающей возможнымъ преподаваніе въ немъ соціологіи.

Въ виду этого я поспѣшилъ принять съ благодарностью предложеніе президента этого института и совѣта его профессоровъ вступить въ ихъ среду. Въ теченіе двухъ лѣтъ я имѣлъ честь преподавать соціологію въ этомъ новомъ и многообѣщающемъ учрежденіи.

Печатаемые нынѣ два тома, одинъ объ отношеніи соціологіи къ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ, другой—о генетической соціологіи, которую можно было бы также назвать эмбріологіей и палеонтологіей общества, заключаютъ въ себѣ обработку моихъ курсовъ. Вмѣстѣ съ изданнымъ мною тремя годами ранѣе трактатомъ о „Современныхъ соціологахъ", они ставятъ себѣ задачей ознакомленіе широкихъ круговъ читателей и съ основными задачами обществовѣдѣнія и съ содержаніемъ того изъ отдѣловъ соціологіи, который за послѣднее время подвергся особенно тщательной обработкѣ и приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Отдѣлъ, отведенный исторіи соціологіи, можетъ служить вступленіемъ къ изученію современныхъ соціологическихъ системъ, изложенныхъ мною въ особомъ сочиненіи. Соціологическая литература растетъ на Западѣ такъ быстро, что книга, изданная три года тому назадъ, уже нуждается въ дополненіи, какъ не заключающая въ себѣ разбора недавнихъ трудовъ Ратценгофера, Зиммеля, де-Грефа и де-Роберти.

Если соціологія не представлена въ Россіи ни въ университетскомъ преподаваніи, ни въ журналистикѣ, особымъ изданіемъ, спеціально посвященнымъ ея задачамъ, то соціологическая мысль давно проникла въ среду русскихъ историковъ, экономистовъ и публицистовъ. Съ именами Строева и Лаврова, Лиліенфельда, Н. Михайловскаго, Карѣева и Южакова, неразрывно связано представленіе о піонерахъ въ этой области человѣческаго знанія въ Россіи. Къ этимъ именамъ слѣдовало бы

еще прибавить имя Е. В. де-Роберти, несравненно болѣе извѣстнаго на берегахъ Сены, чѣмъ на берегахъ Невы. Недавно вышедшая на русскомъ языкѣ „Новая программа соціологіи“, изданная имъ по-французски еще въ 1905 году, познакомитъ русскаго читателя съ новѣйшей эволюціей его соціологической мысли. Взгляды де-Роберти на задачи соціологіи значительно измѣнились съ того времени, когда, въ сообществѣ съ Литре и Вырубовымъ, онъ посвящалъ себя пропагандѣ основъ положительной философіи и печаталъ въ посвященномъ ей журналѣ въ Парижѣ свои замѣчательныя статьи по соціологіи, вышедшія затѣмъ отдѣльнымъ томомъ, въ „Философской библіотекѣ“ Алькана въ Парижѣ [1]).

За послѣдніе два года Е. В. де-Роберти принялъ участіе и въ преподаваніи соціологіи въ Психо-неврологическомъ институтѣ. Съ нынѣшняго года оно всецѣло переходитъ въ его руки; можно надѣяться, что ему удастся своими лекціями содѣйствовать образованію недостающей еще школы русскихъ соціологовъ.

Задача издаваемыхъ мною опытовъ несравненно скромнѣе. Я имѣю въ виду ввести русскаго читателя въ сферу тѣхъ вопросовъ, которые интересуютъ соціологовъ Запада, и познакомить его въ то же время съ нѣкоторыми рѣшеніями, какія соціологія даетъ относительно зарожденія важнѣйшихъ общественныхъ институтовъ. Въ ближайшемъ будущемъ я намѣренъ восполнить издаваемое нынѣ сочиненіе отдѣльными монографіями, посвященными исторіи семьи, рода, свободной и несвободной общины и, наконецъ, государства. Предполагаемые томы будутъ содержать въ себѣ переработку частью изданныхъ ранѣе трудовъ, частью прочитанныхъ курсовъ. Въ своей совокупности они дадутъ посильный отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ чемъ выразился соціальный и политическій ростъ западно-европейскаго общества. Каковъ былъ ходъ его экономическаго развитія, указано было мною прежде въ моемъ „Экономическомъ ростѣ Европы“ и въ болѣе популярномъ сочиненіи, заключавшемъ въ себѣ передачу на русскій языкъ курса, читаннаго въ Брюсселѣ и посвященнаго исторіи хозяйственнаго развитія Запада.

Взаимодѣйствіе государственныхъ учрежденій и политиче-

[1]) Переводъ этой книги появился и на русскомъ языкѣ.

скихъ теорій въ ихъ исторической послѣдовательности составило уже предметъ изданныхъ мною ранѣе трехъ томовъ подъ заглавіемъ „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ конституціонной монархіи къ парламентаризму“. Этимъ тремъ томамъ недостаетъ необходимаго завершенія. Четвертый и заключительный томъ былъ сожженъ въ Москвѣ при подавленіи вооруженнаго возстанія вмѣстѣ съ типографіей Сытина, гдѣ онъ печатался.

Если мнѣ удастся осуществить мои намѣренія, русскій читатель получитъ въ серіи моихъ трудовъ по исторіи общественныхъ институтовъ достаточный матеріалъ для характеристики поступательнаго хода гражданственности, начиная съ эпохи первобытнаго права и господства обычая и оканчивая періодомъ свободнаго самоопредѣленія общества въ формѣ закона, издаваемаго народными представителями, закона, осуществленіе котораго ввѣряется ихъ уполномоченнымъ.

Прогрессъ въ сферѣ политическаго уклада сказывается тѣмъ же торжествомъ свободнаго договора, что и въ сферѣ экономической. Ходъ развитія новой гражданственности, разумѣется, не остановился. Мы далеки еще отъ осуществленія того начала общественной солидарности, которое Платонъ вводилъ въ понятіе „дике“, или справедливости. Торжество ея предполагаетъ одинаковое измѣненіе въ общественномъ и политическомъ укладѣ. Мы еще въ самомъ началѣ этой новой эволюціи. Соціологу надлежитъ только отмѣтить этотъ фактъ, не предрѣшая вопроса о томъ, какъ сложится подъ вліяніемъ охватившаго всѣхъ сознанія экономическая и соціально-политическая структура общества будущаго.

ОТДѢЛЪ I.

Соціологія и конкретныя науки объ обществѣ.

ГЛАВА I.

Природа соціологіи. Отношеніе ея къ философіи исторіи, этикѣ и психологіи. Соціологія и ученіе о соціальной жизни животныхъ. Соціологія и статистика.

---

§ 1.

Что такое соціологія? Родоначальникъ ея, Контъ, считалъ соціологію наукой о *порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ*. Уже первая глава 4-ой книги „Курса положительной философіи" открывается разсужденіемъ на ту тему, что „порядокъ и прогрессъ, которые древними считались между собою непримиримыми, современными народами признаются необходимымъ условіемъ всякаго здороваго политическаго тѣла. Никакой порядокъ не можетъ упрочиться на долго, если не идетъ рука объ руку съ прогрессомъ; никакой прогрессъ не можетъ найти осуществленія, если онъ не направленъ къ упроченію порядка".

Когда Контъ приступалъ къ созданію соціологіи, онъ указывалъ на то, что и по настоящій день обѣ идеи—идея порядка и идея прогресса—руководятъ и въ свою очередь поддерживаются стоящими въ антагонизмѣ философскими системами. Идея порядка составляетъ основу того міросозерцанія, которое Контъ называлъ милитарно-теологическимъ, т.-е. той системы, которая вручаетъ власть и руководительство обществомъ военному сословію и сословію жреческому. Это міровоззрѣніе выдвигаетъ идею порядка, но зато оно относится враждебно къ идеѣ прогресса и неизмѣнно поддерживаетъ разъ установившійся строй. Наоборотъ, отрицательное міровоззрѣніе, источникомъ котораго былъ протестантизмъ, ничего не

хочетъ знать о порядкѣ и подчеркиваетъ только одну сторону—прогрессъ.

Происходящая отсюда, по ученію Конта, анархія умовъ и жизни не найдетъ своего исхода ранѣе, чѣмъ послѣдуетъ построеніе науки объ обществѣ, которая поставитъ своей основной задачей указаніе тѣснѣйшей связи прогресса и порядка. Она должна установить невозможность порядка безъ прогресса и, наоборотъ, прогресса безъ порядка; она должна показать немыслимость прогресса вообще, разъ существуетъ анархія умственная, нравственная, соціальная, политическая; такъ какъ только тамъ, гдѣ есть гармонія, есть и порядокъ. Вотъ какія серьезныя въ общественномъ отношеніи задачи ставилъ Контъ для соціологіи!

Говоря о характерѣ положительнаго метода въ примѣненіи къ изученію общественныхъ явленій, онъ развиваетъ ту мысль, что общественные феномены управляются извѣстными *законами*. Они не являются продуктомъ свободнаго выбора, а обусловливаются цѣлой массой предшествующихъ причинъ, которыя, въ свою очередь, имѣютъ корни въ другихъ, болѣе первоначальныхъ. Необходимо, говоритъ Контъ, узнать, каковъ предметъ и характеръ этихъ законовъ. Для этого нужно различать во всякомъ общественно-политическомъ укладѣ условія его существованія и условія его поступательнаго хода, его развитія. Отсюда—источникъ двухъ основныхъ подраздѣленій соціологіи: на соціальную статику, которая занимается изученіемъ условій существованія человѣческихъ обществъ, и соціальную динамику, которая занимается изслѣдованіемъ условій прогресса этихъ обществъ. Статическое изученіе общественнаго организма совпадаетъ съ построеніемъ теоріи порядка, тогда какъ динамическое изученіе общественной жизни отвѣчаетъ теоріи прогресса.

Обѣ, т.-е. статика и динамика—нераздѣльныя части отвлеченной науки объ обществѣ—соціологіи; обѣ, говоритъ Контъ, такъ же отличны другъ отъ друга, какъ анатомія и физіологія.

Такова была та дефиниція соціологіи, на которой остановился Огюстъ Контъ, можно сказать, еще въ 1822 году, когда появился его коротенькій трактатъ, озаглавленный: „Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для организаціи общества“ и переизданный позже въ приложеніи къ „Системѣ позитивной политики“ („Système de politique positive“).

Если даже допустить, что въ этомъ трактатѣ мы находимъ одинъ контуръ соціологіи, то нельзя будетъ сказать, что четырьмя годами позже, въ 1826 году, у Конта не имѣлось уже опредѣ-

ленной ея схемы. Къ этому году относится извѣстное письмо Конта, о значеніи соціологіи, къ его пріятелю, Бленвилю, отъ 17 февраля. Въ немъ онъ, заимствуя дефиницію соціологіи изъ тѣхъ лекцій, которыя были имъ прочитаны въ 1828 г. въ Рю де-Турнонъ, говоритъ, что подъ именемъ *соціальной физики* (это то названіе, на которомъ онъ первоначально остановился) онъ намѣренъ развить одновременно двѣ мысли: 1) онъ покажетъ необходимость возстановленія порядка, дисциплины въ обществѣ; 2) онъ разовьетъ идею прогресса, которая сводится, какъ онъ утверждаетъ въ этомъ письмѣ, къ открытому имъ *закону трехъ стадій*, т.-е. переходу человѣчества отъ мышленія теологическаго къ метафизическому, а отъ послѣдняго—къ позитивному, или научному.

Подводя итогъ, можно сказать, что уже въ періодъ времени съ 1822 года по 1828 годъ опредѣлилась природа соціологіи; было признано, что она ставитъ себѣ задачей изученіе порядка и прогресса человѣческихъ обществъ; были указаны двѣ важнѣйшія вѣтви соціологіи: соціальная статика и соціальная динамика, т.-е. теорія порядка сосуществованія элементовъ общественныхъ организмовъ, и теорія прогресса, поступательнаго хода, эволюціи тѣхъ же организмовъ; былъ, наконецъ, указанъ для этой науки тотъ же методъ, что и для точныхъ наукъ, методъ такъ называемой обратной дедукціи.

Прошло болѣе трехъ четвертей вѣка, а если считать, что основныя теоремы Конта были построены въ 1822 году, то даже 87 лѣтъ, и одиночная попытка Конта построить новую науку вызвала рядъ подражателей въ Англіи, Америкѣ и Германіи. Гербертъ Спенсеръ издалъ свой трактатъ по соціологіи, американецъ Лестеръ Уордъ изложилъ свои соображенія о соціальной динамикѣ и обнародовалъ свой извѣстный трактатъ—„Чистая соціологія“ („Pure sociology“), появились труды Шефлэ, Лакомба, Де-Роберти и другихъ. Въ настоящее время нѣтъ въ Америкѣ почти ни одного университета, въ которомъ не существовало бы каѳедры соціологіи; издаются журналы, постоянно слѣдящіе за успѣхами соціологіи. Наконецъ, имѣется въ Парижѣ „Международный Соціологическій Институтъ“ („l'Institut International de Sociologie“), который издаетъ журналъ „Международное Соціологическое Обозрѣніе“ („Revue internationale de Sociologie“), слѣдящій не только за успѣхами соціологіи, но и за ея преподаваніемъ.

Спрашивается, въ какой мѣрѣ установленное Контомъ пониманіе соціологіи: ея ближайшихъ задачъ, ея распаденія на двѣ главныя

части, теоріи порядка и прогресса, признается и въ настоящее время? Остаются-ли современные соціологи вѣрными тому ученію, котораго держался ея творецъ?

Прослѣдивъ все то, что явилось въ области литературы и преподаванія соціологіи, мы придемъ къ тому заключенію, что большинство еще держится того толкованія природы и задачъ соціологіи, которому слѣдовалъ Огюстъ Контъ.

Въ курсѣ соціологіи, читаемомъ въ настоящее время въ одномъ изъ самыхъ многолюдныхъ университетовъ Америки, именно въ Миссурійскомъ, профессоромъ Карломъ Эльвудомъ, вмѣстѣ съ критикой различныхъ попытокъ дать опредѣленіе соціологіи, мы находимъ заявленіе, что автора всего болѣе удовлетворяетъ такое пониманіе соціологіи, которое содержитъ въ себѣ признаніе ее наукой *объ организаціи и эволюціи общества*. Такое опредѣленіе, говоритъ Эльвудъ, имѣетъ то преимущество, что сразу указываетъ задачи, съ которыми приходится имѣть дѣло соціологіи. Одной изъ нихъ является организація общества, или его порядокъ; другой—эволюція общества, или его прогрессъ. Такое пониманіе рѣзко выдѣляетъ задачи соціологіи изъ задачъ близкихъ къ ней наукъ.

Авторъ признаетъ, что его опредѣленіе соціологіи почти сходится съ тѣмъ, какое даетъ ей ея основатель, Огюстъ Контъ, какъ наукѣ о порядкѣ и прогрессѣ общества; разница лишь въ томъ, прибавляетъ американскій ученый, что понятія организаціи и эволюціи шире, нежели понятія порядка и прогресса. Порядокъ предполагаетъ устойчивое, прочное и гармоническое состояніе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общество, тогда какъ организація мирится со всякимъ расположеніемъ частей общества, со всякимъ ихъ взаимоотношеніемъ. Нужно-ли иллюстрировать эту мысль?

Несомнѣнно, что въ русскомъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, имѣется организація, но говорить, что всѣ элементы, входящіе въ составъ его, находятся въ гармоніи, было бы безъ сомнѣнія слишкомъ смѣло. Позволительно усомниться, что въ русскомъ обществѣ существуетъ порядокъ въ другомъ смыслѣ, кромѣ полицейскаго; но именно порядокъ въ этомъ смыслѣ не есть тотъ, который интересовалъ Конта. Иначе онъ не говорилъ бы, что всякая анархія—прежде всего умственная, и что, если желаютъ водворить порядокъ, то нужно начать съ устраненія анархіи въ умахъ.

Совершенно правильно Эльвудъ и другіе соціологи говорятъ, что лучше употреблять слово—организація, такъ какъ каждое общество имѣетъ организацію, но не каждое имѣетъ порядокъ. Со-

ціальная организація въ сущности равнозначуща съ понятіемъ соціальной структуры, или общественнаго строя. Для порядка предполагается соціальная гармонія, однако таковой въ современномъ обществѣ нѣтъ. Настоящее общество находится въ такомъ положеніи, когда нѣтъ порядка, но есть лишь организація. Поэтому необходимо замѣнить слово порядокъ болѣе широкимъ—*организація*.

То же самое можно сказать и относительно термина прогрессъ, подъ которымъ Контъ подразумѣвалъ поступательный ходъ развитія общества и безъ котораго онъ не допускалъ порядка, такъ какъ нельзя разсчитывать на поддержку порядка, „глядя назадъ, а не впередъ".

Можно-ли, однако, сказать, что во всякій данный моментъ поступательный ходъ общества имѣется на-лицо, т.-е. что общество прогрессируетъ качественно, понимая подъ этимъ уничтоженіе или сокращеніе общественныхъ недуговъ и увеличеніе положительныхъ сторонъ общежитія? Нѣтъ. Нельзя утверждать, что развитіе идетъ въ смыслѣ излѣченія общественныхъ недуговъ и увеличенія общественнаго благополучія. Гораздо лучше поэтому вмѣсто термина прогрессъ употреблять болѣе неопредѣленный—*развитіе*. Этотъ терминъ не устраняетъ и сохраненія общественныхъ язвъ и временнаго ихъ пріумноженія, такъ какъ въ понятіе развитія не входитъ необходимо переходъ отъ худшаго къ лучшему, составляющій содержаніе понятія прогресса. Прогрессъ, справедливо говоритъ Эльвудъ, предполагаетъ усовершенствованіе, измѣненіе къ лучшему, тогда какъ эволюція говоритъ о всякомъ измѣненіи.

Итакъ, послѣ обзора многихъ дефиниціи соціологіи, одному изъ новѣйшихъ писателей, Эльвуду, пришлось повторить въ нѣсколько измѣненномъ видѣ то опредѣленіе, какое дано было соціологіи ея основателемъ, О. Контомъ. И что въ этомъ отношеніи Эльвудъ не составляетъ исключенія, доказательствомъ тому служитъ то, что въ любомъ изъ современныхъ курсовъ соціологіи ея опредѣленіе является лишь видоизмѣненіемъ или расширеніемъ опредѣленія Конта.

Возьмемъ, напримѣръ, Штукенберга, который въ 1903 г. издалъ на англійскомъ языкѣ книгу, озаглавленную „Соціологія—наука о человѣческомъ обществѣ". Предметъ соціологіи опредѣленъ имъ въ томъ же смыслѣ, что и Контомъ; для него соціологія „ставитъ себѣ задачей изучать природу общества, соціальныхъ учрежденій и соціальной эволюціи", что опять таки равнозначуще съ изученіемъ организаціи общества и его эволюціи.

Такимъ образомъ, даже принимая тѣ поправки къ ученію Конта,

которыя предложены были едва ли не впервые Гербертомъ Спенсеромъ, можно все-таки сказать, что современные соціологи остаются вѣрны пониманію соціологіи, какъ науки о порядкѣ и прогрессѣ или, точнѣе, организаціи и эволюціи общества.

§ 2.

Очевидно, природа соціологіи для своего окончательнаго выясненія нуждается въ сопоставленіи ея съ природою другихъ наукъ, также имѣющихъ дѣло съ различными проявленіями общественности. Необходимо изслѣдовать, въ какомъ отношеніи стоитъ соціологія, какъ отвлеченная общественная наука, къ конкретнымъ общественнымъ наукамъ. Намъ придется, прежде всего, затронуть нѣкоторыя, сдѣланныя за послѣднія 20—30 лѣтъ, попытки доказать, что соціологія не нужна, что она занимаетъ или пытается занять мѣсто уже существующихъ наукъ, и потому лучшее, что можно сдѣлать по отношенію къ ней, это вычеркнуть ее изъ списка наукъ.

Разбирая тѣ ученія, которыя направлены противъ самаго существованія соціологіи, какъ науки, на первое мѣсто придется поставить доктрину Фюстеля де-Куланжа, одного изъ самыхъ выдающихся историковъ второй половины XIX вѣка. Онъ развилъ ту мысль, что соціологія совершенно лишняя наука, такъ какъ то, чѣмъ занимается она, давно уже составляетъ предметъ заботливости исторіи. Объ этомъ положеніи Фюстеля де-Куланжа приходится сказать, что не было еще высказано болѣе ошибочной точки зрѣнія на природу соціологіи и на природу исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, справедлива ли та мысль, что соціологія, такъ сказать, покрывается исторіей? Имѣемъ ли мы дѣло съ совершенно безполезнымъ приуроченіемъ двухъ наукъ къ изученію рѣшительно одного и того же предмета? Словомъ, является ли соціологія наукой ненужной, какъ говоритъ Фюстель де-Куланжъ?

Не будетъ заблужденіемъ, если мы признаемъ, что задачей исторіи является изображеніе въ прагматической связи хода событій, изъ которыхъ слагается жизнь націй или всего человѣчества. Каждое событіе обусловливается, разумѣется, массою причинъ и въ свою очередь входитъ въ сѣть причинъ, вызывающихъ собою новыя событія. Только съ этой стороны, со стороны изученія причинной связи явленій, исторія представляетъ нѣчто общее съ соціологіей. Но, чтобы возможно вѣрнѣе передавать прошлое, исторіи необходимо считаться съ конкретными фактами, все равно—вліяютъ ли они на измѣненіе

общаго уклада или не вліяютъ, сказывается ли ихъ вліяніе въ смыслѣ поступательной эволюціи общества или, наоборотъ, они тормозятъ ее.

Соціологія, въ отличіе отъ исторіи, необходимо отвлекается отъ массы конкретныхъ фактовъ и указываетъ лишь общую ихъ тенденцію, никогда не теряя изъ виду основной своей задачи — раскрытія причинъ покоя и движенія человѣческихъ обществъ, устойчивости и развитія порядка въ разныя эпохи въ ихъ преемственной и причинной связи между собой.

Однако, въ средѣ самихъ соціологовъ можно найти людей, которые, совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что исторія не покрываетъ собою соціологіи, а соціологія не можетъ признать себя исторіей, тѣмъ не менѣе думаютъ, что соціологія и философія исторіи взаимно другъ другомъ покрываются. Вмѣсто созданія новой науки объ обществѣ и условіяхъ его порядка и прогресса, по ихъ мнѣнію, можно удовольствоваться философіей исторіи или культурной исторіей (исторіей цивилизаціи). Писателемъ, высказавшимся въ этомъ смыслѣ, является профессоръ Лейпцигскаго университета, занимающій каѳедру по философіи исторіи, П. Бартъ. Спрашивается, поскольку эта мысль выдерживаетъ серьезную критику? Тождественны ли соціологія и философія исторіи?

Если мы вспомнимъ о дѣленіи соціологіи ея основателемъ Контомъ на двѣ части — соціальную статику и соціальную динамику, т.-е., съ одной стороны, науку о гармоническомъ порядкѣ, а съ другой стороны, науку объ условіяхъ прогресса человѣческаго общества, то должны будемъ признать, что философія исторіи не покрываетъ собой первой части соціологіи, т.-е. соціальной статики. Философія исторіи не имѣетъ въ виду считаться съ условіями, въ которыхъ устанавливается порядокъ въ обществѣ. Она не задается вопросомъ о томъ, что нужно, чтобы элементы, изъ которыхъ слагается общество, находились въ гармоническомъ между собою сочетаніи. Философія исторіи не можетъ заступить мѣсто соціологіи, потому что послѣдняя ставитъ себѣ болѣе широкія задачи. Уже одно это обстоятельство должно навести насъ на отрицательное отношеніе къ мнѣнію профессора Барта.

Пойдемъ далѣе. Попытаемся выяснить, въ какой мѣрѣ философія исторіи можетъ замѣнить вторую часть соціологіи — соціальную динамику.

Профессоръ Эльвудъ замѣчаетъ, что въ прошломъ философы исторіи считались или съ такими теократическими понятіями, какъ Провидѣніе, или судьба, или съ такими метафизическими, какъ

раскрытіе въ исторіи мірового духа (Weltgeist). Дѣйствительно, познакомившись съ любой доктриной философіи исторіи, мы увидимъ, что она или теологическаго или метафизическаго характера. Если она относится къ первой категоріи, то въ ней мы найдемъ тѣ же основныя мысли, что во „Всемірной Исторіи“ Боссюэта, а именно: „Человѣкъ волнуется, а Всевышній имъ руководитъ“. Оказывается, если и имѣется прогрессъ въ человѣческомъ обществѣ, то лишь потому, что Всевышній, видя, что человѣкъ не можетъ найти пути къ совершенству, управляетъ имъ и устраиваетъ все къ лучшему. Такова сущность всякой теологической доктрины философіи исторіи. Современная соціологія не можетъ удовольствоваться *такимъ* объясненіемъ поступательнаго движенія общества.

Если мы обратимся къ метафизическимъ системамъ философіи исторіи, то, ознакомившись съ ними, убѣдимся, что правъ былъ великій Гете, устами Мефистофеля сказавшій, что то — что называется духомъ времени — есть духъ самого писателя, въ которомъ событія призваны отражаться („Фаустъ“, I часть. Сцена съ ученикомъ). Дѣйствительно, ознакомившись съ этими доктринами, мы придемъ къ тому заключенію, что на нихъ лежитъ какъ-разъ отпечатокъ того, кто строилъ эти доктрины. Много ли даетъ намъ для пониманія условій и хода прогресса, положимъ, извѣстное ученіе о томъ, что исторія есть раскрытіе всемірнаго духа. Она такъ же малоцѣнна, какъ и теологическая доктрина, гласящая, что „человѣкъ волнуется, а Всевышній руководитъ имъ“.

Намъ остается отвѣтить на послѣдній вопросъ: можетъ ли исторія цивилизаціи занять мѣсто соціологіи? Нужно замѣтить слѣдующее: даже поверхностное знакомство съ культурной исторіей убѣждаетъ насъ въ томъ, что это понятіе чисто субъективное. Одни желаютъ внести въ исторію культуры экономику, другіе ее туда не вносятъ; одни вводятъ въ нее международное право, другіе — исторію литературы, художественнаго развитія и пластики. Другими словами, культуръ-исторія — это конгломератъ, въ который, по желанію, можно ввести и исторію языка, и исторію модъ, и все, что заблагоразсудится. Это наводитъ насъ на мысль, что культуръ-исторія — та же исторія, но лишь болѣе обращающая вниманіе на внутренній бытъ народовъ. Мы можемъ изучить отдѣльно различныя стороны этого быта и получимъ рядъ историческихъ наукъ: исторію религіи, права, искусствъ и т. п., но всѣ эти конкретныя науки будутъ имѣть между собою общаго только то, что онѣ интересуются данными явленіями съ точки зрѣнія причинной связи и послѣдователь-

ности, существующей между ними. Эти науки, конечно, могутъ доставить важный матеріалъ для соціолога, но сами по себѣ безсильны открыть какіе-либо соціологическіе законы. Самое большее, онѣ могутъ установить лишь нѣкоторыя чисто эмпирическія обобщенія.

Чтобы яснѣе представить эту мысль о взаимоотношеніи между историческими дисциплинами вообще и соціологіей, какъ наукой не только о порядкѣ, но и о прогрессѣ человѣческаго общества, въ слѣдующей главѣ мы остановимся на одной изъ такихъ историческихъ дисциплинъ, именно, на исторіи права и учрежденій, и разсмотримъ подробно тѣ выводы, какіе ею уже достигнуты, и въ какой степени эти выводы, являющіеся не болѣе, какъ эмпирическими обобщеніями, могутъ сдѣлаться законами тогда, когда историческія дисциплины обратятся къ помощи соціологіи.

§ 3.

Сближаютъ соціологію и съ этикой, настаивая на возможности ея упраздненія послѣдней. Огюстъ Контъ не дѣлалъ такихъ смѣшеній. Онъ только счелъ нужнымъ восполнить установленную имъ въ „Курсѣ положительной философіи“ скалу наукъ (математика, астрономія, физика, химія, біологія, соціологія) позитивной политикой, часть которой составляла бы этика. Во второмъ его большомъ трактатѣ, который носитъ названіе „Система позитивной политики“, онъ это и сдѣлалъ. Важнѣйшую часть этой позитивной политики составляетъ этика, построенная Контомъ на данныхъ соціологіи, законы которой уже были установлены имъ въ его „Положительной философіи“.

Одинъ изъ недавнихъ послѣдователей философіи О. Конта вообще и его соціологіи въ частности—Lévy Brühl—опубликовалъ очень интересный матерьялъ для пониманія всего хода развитія доктрины О. Конта, а также и для его біографіи. Этотъ матерьялъ—переписка Конта съ самымъ выдающимся его послѣдователемъ въ Англіи, Джономъ Стюартомъ Миллемъ, авторомъ знаменитаго „Трактата о логикѣ“.

Во второй части своего сочиненія, касаясь наукъ общественныхъ, Милль, какъ извѣстно, систематически передалъ тѣ правила, тѣ методологическіе пріемы, которымъ слѣдовалъ Контъ при построеніи соціологіи. На этотъ счетъ есть прямое указаніе самого Д. С. Милля, и это же вытекаетъ изъ его переписки съ Кон-

томъ. Контъ уже въ это время придерживался того правила разумной умственной гигіены, которое состоитъ въ томъ, чтобы чужихъ книгъ не читать и мыслить самостоятельно. Въ перепискѣ съ Миллемъ мы какъ-разъ находимъ указаніе на это, а именно въ томъ письмѣ, въ которомъ Милль убѣждаетъ О. Конта отступить отъ своего правила и прочесть его книгу, говоря, что онъ найдетъ въ ней передачу и воспроизведеніе тѣхъ методологическихъ пріемовъ, которыхъ придерживался самъ О. Контъ. Контъ согласился прочесть, и мы имѣемъ его восторженный отзывъ о „Логикѣ“, какъ о сочиненіи, которое лучше всего передаетъ его методологическіе пріемы. Уже изъ сказаннаго можно видѣть, насколько интересна переписка между О. Контомъ и Д. С. Миллемъ.

Пользуясь этимъ драгоцѣннымъ матерьяломъ, мы имѣемъ возможность разрѣшить вопросъ о томъ, какъ возникла у О. Конта идея дополнить ту скалу наукъ, которую онъ установилъ въ „Курсѣ положительной философіи“. Этимъ восполненіемъ является у него позитивная политика и позитивная религія человѣчества, первая, собственно говоря, — этика, во второй же, въ сущности, имѣется такъ же мало религіи, какъ и въ религіи графа Л. Н. Толстого, отличающейся, какъ извѣстно, полнымъ отсутствіемъ догматовъ. У Конта единственнымъ догматомъ является вѣра въ прогрессъ человѣчества и убѣжденіе, что всякій человѣкъ долженъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать этому прогрессу. Переписка между О. Контомъ и Миллемъ любопытна тѣмъ, что въ ней можно найти цѣнное указаніе на причины позднѣйшей эволюціи О. Конта во второй половинѣ его жизни и восполненія имъ своей системы болѣе моралью, чѣмъ религіей. Въ письмѣ отъ 14 іюня 1845 г. О. Контъ говоритъ: „Вторая часть моей философской дѣятельности тѣмъ существенно должна отличаться отъ первой, что въ ней чувству отведено будетъ такое же мѣсто, какъ и разуму. Великая систематическая работа, выпавшая въ удѣлъ нашему вѣку, должна обнять собою и совокупность чувствованій (l'ensemble des sentiments) и совокупность мыслей (l'ensemble des idées). Конечно, надо было начать систематизацію съ послѣднихъ; въ противномъ случаѣ грозила бы опасность впасть въ мистицизмъ—болѣе или менѣе неопредѣленный, и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ возрожденіе (очевидно, философіи—въ смыслѣ обращенія ея изъ метафизической въ научную). Этимъ объясняется, что мой основной трудъ апеллировалъ почти исключительно къ разуму“. „Но теперь, когда это дѣло закончено, настало время перейти къ систематизаціи чувствованій, какъ

необходимому слѣдствію систематизаціи идей и какъ къ фундаменту для систематизаціи учрежденій“ [1]).

О. Контъ въ этихъ словахъ вѣрно передаетъ порядокъ, въ которомъ онъ заинтересовался прежде всего царившей въ его время умственной, а затѣмъ нравственной и религіозной анархіей; конца первой онъ ждалъ отъ построенія научной философіи, а второй — отъ построенія религіи человѣчества и опирающейся на соціологію этики. Изъ этого должно быть ясно, что О. Контъ не считалъ возможнымъ смѣшивать этику съ соціологіей, такъ какъ, по его мнѣнію, фундаментомъ этики можетъ служить только соціологія.

Изъ новѣйшихъ соціологовъ, долгое время остававшихся въ тѣсномъ общеніи съ мыслью Конта, профессоръ Е. В. де-Роберти можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей той точки зрѣнія, которая отожествляетъ соціологію съ этикой. „Мораль, пишетъ онъ, часто понимаема была какъ планъ, метода, правила поведенія, которыя управляютъ жизнью человѣка въ средѣ ему подобныхъ. Но достаточно минутнаго размышленія, чтобы убѣдиться въ томъ, что такія правила поведенія не имѣютъ никакой цѣны, если они не выражаютъ собою, по крайней мѣрѣ, отдаленно и приблизительно, существенные законы, управляющіе нашимъ общественнымъ поведеніемъ, законы, открытіе которыхъ составляетъ прямой предметъ соціологіи. Всегда и повсюду переходъ отъ моральнаго къ соціальному выступаетъ какъ переходъ отъ равнаго къ равному. Мораль въ области мышленія точно отвѣчаетъ нравамъ, обычаямъ, правовымъ нормамъ, а въ области фактовъ—общественнымъ отношеніямъ“. Нѣсколькими строками ниже профессоръ де-Роберти пишетъ: „Этика, какъ мы ее понимаемъ, есть мораль, ставшая абстрактной соціологіей. Это—перемѣщеніе науки изъ міра трансцедентальнаго въ міръ опыта. Это осуществленіе Кантовыхъ мечтаній“ [2]). „Міръ мыслей имѣетъ два различныхъ источника, изъ которыхъ вытекаетъ все его содержаніе: во-первыхъ, законы или условія органической жизни, во-вторыхъ, законы или условія соціальнаго существованія. Біологія—наука о законахъ органической жизни, соціологія, или мораль,—наука о законахъ соціальной жизни“ [3]).

Итакъ, мы должны придти къ заключенію, что для профессора де-Роберти нѣтъ различія между этикой и соціологіей.

---

[1]) См. корреспонденцію Конта съ Миллемъ, стр. 456—457.

[2]) См. „Constitution de l'Ethique“, 1900 г., стр. 123—124.

[3]) Ibid., стр. 124.

Такое отождествленіе морали съ соціологіей возможно, разумѣется, только подъ условіемъ пониманія соціологіи въ смыслѣ, совершенно отличномъ отъ того, который придавался ей ея творцомъ и основателемъ, О. Контомъ, и который остается ходячимъ и нынѣ. Мораль—ученіе о нравственномъ поведеніи; поведеніе нравственное—несомнѣнно такое, которое отвѣчаетъ одновременно требованіямъ порядка и прогресса, иначе говоря, гармоніи общественнаго уклада и его постепенному росту. Но мораль, въ противность мнѣнію де-Роберти, какъ она понимается обычно, есть прикладная дисциплина, стоящая въ такомъ же отношеніи къ соціологіи, въ какомъ механика и технологія стоятъ къ физикѣ и химіи. Моральнымъ, разумѣется, можно признать только поведеніе, клонящееся ко благу общества, какъ цѣлаго, и въ этомъ смыслѣ нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ основной идеѣ франко-русскаго писателя. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что раскрытіе элементовъ, необходимыхъ для блага общества, т. е. для его порядка и прогресса, составляетъ задачу этики, или морали, не слѣдуетъ потому, что поступательный ходъ общества зависитъ, въ противность ученію де-Роберти, не отъ одного накопленія знанія, а отъ многообразнѣйшихъ причинъ біо соціальныхъ, къ числу которыхъ можно отнести и уплотненіе народонаселенія, и измѣненіе формъ производства и обмѣна, и т. д. Одна соціологія можетъ поставить себѣ цѣлью раскрытіе всѣхъ этихъ причинъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Мораль же должна удовольствоваться болѣе конкретной задачей—выводомъ изъ законовъ соціологическихъ правилъ поведенія, способствующихъ гармоничности общественнаго строя и возможности его совершенствованія.

§ 4.

Въ глазахъ нѣкоторыхъ писателей, въ томъ числѣ покойнаго французскаго соціолога Тарда, соціологія, если не вполнѣ, то въ значительной степени сливается съ другой наукой—именно психологіей. О соціологіи постоянно говорятъ или какъ о наукѣ еще не существующей, еще только образующейся, или какъ о ненужной, такъ какъ ея мѣсто занято — одни утверждаютъ — этикой, другіе — исторіей, третьи — психологіей. Одну изъ самыхъ важныхъ, самыхъ оригинальныхъ теорій этого рода далъ Тардъ, состоявшій членомъ Международнаго Института въ Парижѣ и Парижскаго Соціологическаго Общества. Его трудно признать соціологомъ въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ для самой соціологіи онъ не отводилъ мѣста въ

своихъ сочиненіяхъ. Соціологія покрывается у него психологіей, и именно той ея частью, которая извѣстна подъ наименованіемъ психологіи коллективной, или групповой. Если вѣрить Тарду, въ дѣйствіяхъ всякаго рода коллективныхъ группъ, начиная съ кружковъ и клубовъ и кончая народными массами, неорганизованными и организованными, т.-е. отъ толпы до народа-племени, можно отмѣтить вліяніе трехъ психическихъ факторовъ: индивидуальныхъ открытій или изобрѣтеній, массоваго подражанія и иногда, на правахъ случайнаго, не необходимаго фактора, столкновенія между нѣсколькими противорѣчащими другъ другу открытіями и подражаніями (invention, imitation et opposition). Вся психическая дѣятельность коллективныхъ группъ, согласно этому мнѣнію, сводится къ индивидуальному открытію или изобрѣтенію (invention), затѣмъ къ образованію подражательнаго процесса (imitation), благодаря которому эти индивидуальныя открытія становятся достояніемъ массъ и, наконецъ, къ послѣднему и наименѣе необходимому, весьма часто совершенно отсутствующему фактору — столкновенію между открытіями (opposition), при чемъ одно открытіе беретъ верхъ надъ другими.

Иллюстраціей этой коллизіи между изобрѣтеніями можетъ служить примѣръ изъ русской жизни. Какъ извѣстно, русскій изобрѣтатель-самоучка Кулибинъ открылъ самостоятельно механизмъ часовъ, но за этимъ открытіемъ не послѣдовало потока подражанія. Почему? Потому что онъ открылъ уже открытое, потому что его изобрѣтеніе столкнулось съ уже готовымъ потокомъ подражанія.

Возьмемъ другой примѣръ тоже съ русскимъ изобрѣтателемъ, съ которымъ повторилась та же исторія, что и съ Кулибинымъ. Многимъ, конечно, извѣстно имя Яблочкова, который первый изобрѣлъ электрическое освѣщеніе (между прочимъ, его лампочками одно время освѣщалась площадь предъ Большой Оперой въ Парижѣ). Гораздо позже явился Эдиссонъ со своимъ изобрѣтеніемъ. Возникли два потока подражанія. Открытіе Яблочкова уже эксплуатировалось обществомъ, но оно оказалось менѣе удобнымъ, чѣмъ лампочки Эдиссона, и потому въ столкновеніи этихъ двухъ открытій, т.-е. въ томъ, что Тардъ называетъ „opposition“, полную побѣду одержало изобрѣтеніе Эдиссона. Потокъ подражанія, вызванный открытіемъ Яблочкова остановился. Потокъ подражанія, пошедшій отъ Эдиссона, напротивъ того, распространился и въ длину и въ ширину и вытѣснилъ окончательно своего соперника.

На основаніи этихъ примѣровъ становится яснымъ, что пони-

малъ Тардъ подъ психическимъ фактомъ потока подражанія, вызываемаго открытіями, столкновеніемъ между нѣсколькими открытіями и побѣдой одного изъ нихъ. Въ немъ Тардъ видѣлъ универсальный законъ соціологіи. Если вѣрить ему, то вся задача соціологіи сводится къ изученію взаимодѣйствія потоковъ подражанія и тѣхъ противодѣйствій, какія они встрѣчаютъ на своемъ пути.

Немудрено, что нашлись люди, которые не могли согласиться съ этой точкой зрѣнія. Эспинасъ поставилъ вопросъ въ такомъ видѣ: имѣетъ ли соціологія дѣло съ общественными реальностями или нѣтъ? Такъ какъ, очевидно, въ ея задачи входитъ объясненіе причинъ возникновенія и роста государства и всякаго рода другихъ общественныхъ союзовъ, а эти причины нельзя было пока свести къ одному психическому фактору — къ взаимодѣйствію открытія и подражанія, то ясно, что границы коллективной психологіи не совпадаютъ съ границами соціологіи, такъ какъ послѣднія несравненно шире.

Но въ отличіе отъ того, что было сказано нами объ отношеніяхъ этики къ соціологіи, которыя, по нашему мнѣнію, остаются каждая самостоятельной научной дисциплиной, коллективная психологія кажется намъ принадлежащей всецѣло къ области соціологіи. Если бы найдены были въ дѣйствительности законы, обусловливающіе собою распространеніе въ массахъ извѣстныхъ открытій и нераспространеніе другихъ, то такіе законы, разумѣется, были бы законами соціологическими. Но имѣются ли они на лицо?

Ни одинъ изъ современныхъ французскихъ соціологовъ не пользовался при жизни такою извѣстностью, какъ знаменитый авторъ „Законовъ подражанія“ (Les lois de l'imitation) и „Соціальной логики“ (Logique sociale). Еще задолго до моего переселенія во Францію—тому назадъ лѣтъ двадцать—русскіе критики моей работы „Современный обычай и древній законъ“ обратили мое вниманіе на взгляды, высказываемые Тардомъ. Эти критики утверждали—совершенно, впрочемъ, неосновательно, что Тардъ—систематическій противникъ сравнительнаго метода въ области права. Единственную причину сходства обычаевъ и учрежденій у народовъ не одинаковаго происхожденія, часто значительно обособленныхъ другъ отъ друга пространствомъ и временемъ, онъ видитъ, по ихъ словамъ, лишь въ томъ, что они подражали одному и тому же образцу. Читая труды Тарда, я съ удовольствіемъ убѣдился, что совсѣмъ не такова была мысль моего знаменитаго товарища по Международному Институту Соціологіи. Онъ и не думалъ отрицать частыхъ аналогій въ учрежденіяхъ и нравахъ разныхъ народовъ и объяснялъ

ихъ совершенно такъ же, какъ дѣлалъ это за нѣсколько столѣтій до насъ знаменитый секретарь флорентинской республики, великій Макіавелли. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Макіавелли не говорилъ, что „люди всюду и во всѣ времена — люди, что они обладаютъ одинаковыми физическими потребностями и одинаковыми духовными склонностями". Разъ признавъ это положеніе, надо думать, что люди будутъ походить другъ на друга и своимъ образомъ жизни, и своимъ поведеніемъ [1]). Тардъ въ „Законахъ подражанія" говоритъ то же, замѣчая: „эти аналогіи всего вѣроятнѣе указываютъ на основное единство человѣческой природы, на тожество органическихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ является цѣлью всякой соціальной эволюціи, на тожество чувствъ и умственнаго склада" [2]). Но въ то время, какъ авторъ „Князя" видитъ въ неизмѣнности человѣческой природы помѣху всякому иному прогрессу, кромѣ матеріальнаго, Тардъ вполнѣ признаетъ возможность улучшенія человѣческихъ отношеній. Онъ объясняетъ и характеръ этого улучшенія, говоря, что соціальная эволюція совершается благодаря постоянному взаимодѣйствію открытій и подражаній.

Развивая эту теорію со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями, Тардъ высказываетъ иногда отдѣльныя мысли и употребляетъ выраженія, которыя вызываютъ у читателя нѣкоторыя сомнѣнія. Объ этихъ-то сомнѣніяхъ я и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Тардъ, по моему мнѣнію, напрасно настаиваетъ на томъ положеніи, что религія, правительство, человѣческая рѣчь, обычаи и т. д. имѣли отправнымъ пунктомъ одну какую нибудь семью. Въ своей „Соціальной логикѣ" онъ называетъ даже эту семью провиденціальной (стр. 88—90), такъ какъ всѣ остальныя семьи, по его мнѣнію, только пошли по ея стопамъ.

Я не могу согласиться съ такимъ допущеніемъ не только потому, что сомнѣваюсь въ первобытности патріархальной семьи. Будь это даже иначе, мнѣ все-таки трудно было бы представить себѣ, какимъ образомъ религіи, языки и обычаи, какъ общіе цѣлой области, такъ и мѣстные, могли быть вызваны къ жизни подражаніемъ единому образцу. Я отлично знаю, что домашняя религія имѣлась и у римлянъ, и у грековъ, и у индусовъ, персовъ, славянъ, германцевъ; я самъ показалъ, что она существуетъ и въ наши дни у осетинъ и у многихъ другихъ народностей Кавказа. Съ другой

[1]) Il principe.

[2]) Les lois de l'imitation, p. 42.

стороны, всѣ знаютъ, что у китайцевъ сохранился культъ домашняго очага и что Маниту краснокожихъ и спеціально Могиканъ вовсе не единый духъ, правящій судьбами человѣчества, какъ это полагалъ, напр., романистъ Куперъ, но обожествленный предокъ.

Но рядомъ съ этими религіями и у тѣхъ же самыхъ народовъ, которые исповѣдывали или еще исповѣдуютъ ихъ, наблюдается существованіе и областныхъ божествъ и божествъ, болѣе или менѣе національныхъ. Я отказываюсь отъ мысли не видѣть въ религіи древнихъ персовъ ничего, кромѣ фравашей, а въ религіи древнихъ индусовъ—однихъ питрисъ. Агни, или богъ огня, и Варуна—богъ небеснаго свода, наконецъ, Ашвины—божества солнца и луны—мнѣ кажутся столь же древними. Никто не въ силахъ доказать, что Перунъ, — богъ грома у русскихъ славянъ, — былъ позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ домовой, домашній духъ, и даже чѣмъ Роженицы,—общія матери, почитаемыя нашими предками, какъ сообщаетъ авторъ „Слова нѣкоего Христолюбца“. Впрочемъ, всѣ эти вопросы о времени возникновенія того или другого вѣрованія или обычая наталкиваются на непреодолимыя трудности, благодаря позднему появленію письменныхъ памятниковъ у народовъ историческихъ. Поэтому было бы гораздо цѣлесообразнѣе, на мой взглядъ, при рѣшеніи подобныхъ проблемъ сосредоточить вниманіе на показаніяхъ современниковъ о духовномъ бытѣ такихъ отсталыхъ народовъ, какъ австралійскіе Негритосы, напримѣръ. Въ этомъ вопросѣ мы имѣемъ свидѣтелей, заслуживающихъ полнѣйшаго довѣрія, я разумѣю въ частности Спенсера и Гиллена. Оба они жили многіе мѣсяцы въ средѣ австралійцевъ и научились мѣстному или, вѣрнѣе, мѣстнымъ языкамъ и нарѣчіямъ. И вотъ что эти ученые говорятъ о коллективной психологіи аборигеновъ центральной Австраліи. У нихъ нѣтъ и помину о домашней религіи по той простой причинѣ, что не существуетъ и вполнѣ установленной семьи. Индивиды, принадлежащіе къ одному и тому же племени, распредѣляются между различными группами, которыхъ бываетъ минимумъ двѣ. Браки заключаются у туземцевъ только между членами разныхъ группъ. Всякія супружескія отношенія въ нѣдрахъ одной и той же группы запрещены. Это не мѣшаетъ различнымъ группамъ племени говорить на одномъ языкѣ, или, вѣрнѣе, нарѣчіи [1]). Группы одного и того же

[1]) Each of the various tribes speaks a distinct dialect, утверждаютъ Спенсеръ и Гиллевъ (The Native tribes of Central Australia. стр. 7).

племени чтутъ различныхъ тотемовъ [1]). Эти тотемы носятъ скорѣе топографическій, чѣмъ семейный характеръ, т.-е. пріурочены къ мѣстности, занимаемой данной группой. Каждая группа имѣетъ собственнаго вождя, извѣстнаго подъ именемъ алатунжа [2]). Онъ исполняетъ опредѣленные религіозные обряды и предсѣдательствуетъ на религіозныхъ церемоніяхъ, имѣющихъ цѣлью увеличить число растеній или животныхъ, которыя служатъ тотемами для данной группы [3]). На ряду съ этимъ мѣстнымъ, а не семейнымъ характеромъ языка, религіи и правительства, обычай тоже далеко не составляетъ особенности той или другой семьи, а распространяется на всю область, занимаемую племенемъ. Эти мѣстные обычаи къ тому же время отъ времени обогащаются удачными нововведеніями, придумываемыми тѣмъ или другимъ членомъ племени и принимаемыми на племенныхъ сходахъ, часто повторяющихся и носящихъ ритуальный характеръ [4]).

Я далекъ отъ мысли дать хотя бы слабое представленіе какъ о соціальной, такъ и о религіозной организаціи Негритосовъ, съ такою точностью и такими подробностями описанной Гилленомъ и Спенсеромъ. Но и того немногаго, что я о ней сказалъ, достаточно, чтобы установить слѣдующее положеніе: тотемы тѣсно связаны съ извѣстными опредѣленными мѣстностями, а не съ тѣми или другими семьями; мѣстный характеръ обычаевъ и нарѣчій, наконецъ, самое существованіе у туземцевъ мѣстныхъ, а не семейныхъ обрядовъ, — все это вмѣстѣ заставляетъ насъ предположить, что отправная точка человѣческой эволюціи была не та, на какую указываетъ Тардъ. Обожествленіе рѣки, пустыни, горы,—обожествленіе, къ которому сводится, напримѣръ, культъ Озириса у египтянъ, отвѣчаетъ, по моему мнѣнію, мѣстному характеру наиболѣе древнихъ культовъ. Фетиши или тотемы, связанные съ опредѣленными мѣстностями, лучше объясняютъ намъ происхожденіе областныхъ религій, чѣмъ гипотеза о примитивномъ вѣрованіи, не переходящемъ за предѣлы семейнаго очага. Поклоненіе растеніямъ и животнымъ, какъ полезнымъ, такъ и вреднымъ, имѣетъ своимъ исходнымъ моментомъ этотъ мѣстный тотемизмъ. Культъ обожествленныхъ предковъ могъ появиться только съ того момента, когда возникли различные

[1]) Тотемъ — животное или растеніе, отъ котораго извѣстное племя ведетъ свое происхожденіе и которое поэтому считается священнымъ.

[2]) Ibid., стр. 9.

[3]) Ibid., стр. 11.

[4]) Ibid., стр. 12.

семейные очаги. Эти очаги могли быть материнскими или отцовскими, т.-е. построенными на культѣ общаго отца или общей матери, прародительницы.

И не настаивая долѣе на этомъ пунктѣ, я въ правѣ утверждать, что семья, особенно единая „провиденціальная“, могла и не „быть отправнымъ пунктомъ всякой власти, всякой религіи, всякаго языка и всякаго обычая“.

Но этимъ еще не исчерпываются мои разногласія съ Тардомъ. Я не могу также признать и всѣ установляемые имъ законы подражанія.

Одинъ изъ этихъ законовъ гласитъ, что люди начинаютъ подражать не внѣшней, а внутренней сторонѣ того или другого открытія. Подобное обобщеніе чисто эмпирическаго характера, по моему мнѣнію, представляетъ одну изъ сторонъ того закона Огюста Конта, по которому накопленіе научныхъ знаній влечетъ за собой соотвѣтственное измѣненіе въ развитіи индустріи, искусствъ и политической организаціи. Но будучи эмпирическимъ обобщеніемъ, формула Тарда можетъ быть признана закономъ лишь при томъ условіи, если всѣ извѣстные намъ историческіе факты подтверждаютъ ее. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Въ Англіи, напр., Генрихъ VIII начинаетъ съ того, что устраняетъ не догматы католицизма, а его іерархическую организацію: онъ распускаетъ конгрегаціи, экспропріируетъ ихъ имущества, присваиваетъ себѣ папскую власть. Все это, по моему мнѣнію, мало согласуется съ закономъ Тарда, по которому подражаніе идетъ необходимо отъ внутренняго къ внѣшнему. То же, что съ Генрихомъ VIII, повторилось и съ Петромъ Великимъ, царемъ-реформаторомъ, который, желая сдѣлать изъ своихъ подданныхъ европейцевъ, началъ съ того, что сбрилъ имъ бороды и заставилъ ихъ женъ и дочерей танцовать на „ассамблеяхъ“. Такъ называемое подражаніе континентальными государствами англійской конституціи было тоже скорѣе подражаніемъ внѣшнимъ, формальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы система самоуправленія общества, къ чему въ концѣ-концовъ сводится представительный и парламентарный порядокъ, могла мирно уживаться съ централизаціей, бюрократіей и той государственной опекой надъ общинами, которыя до установленія третьей республики, господствовали во Франціи, напримѣръ.

Другой пунктъ, въ которомъ я не могу согласиться съ мнѣніемъ Тарда, слѣдующій. Онъ возводитъ на степень закона то наблюденіе, что всякое подражаніе сначала является въ видѣ обычая,

потомъ переходитъ въ моду и кончаетъ тѣмъ, что снова становится обычаемъ. Въ одномъ изъ своихъ критическихъ изслѣдованій, посвященномъ, если не ошибаюсь, разбору книги Гиддингса, нашъ французскій собратъ тонко отмѣтилъ тенденцію нѣкоторыхъ умовъ представлять себѣ всякую эволюцію проходящей черезъ три различныя стадіи. Какъ и Гегель—этотъ, можно сказать, классическій примѣръ ума, который чувствуетъ себя хорошо только въ границахъ тезы, антитезы и синтеза—Тардъ тоже не освободился отъ тенденціи сводить всякую эволюцію къ тремъ моментамъ. Но чтобы доказать, что обычай неизбѣжно уступаетъ мѣсто модѣ, а мода въ свою очередь переходитъ въ обычай, авторъ „Законовъ подражанія“ пускается въ историческія соображенія, которыя кажутся мнѣ сомнительными. Я совсѣмъ не понимаю причины, по которой можно указывать на распространеніе феодальной системы или на принятіе германцами римскаго права, какъ права національнаго, или на успѣхи представительнаго образа правленія, какъ на доказательства того, что всякое подражаніе неизбѣжно идетъ вначалѣ медленно, затѣмъ быстро распространяется и снова замираетъ.

Дѣло въ томъ, что я въ общемъ представляю себѣ всѣ эти явленія иначе, чѣмъ дѣлаетъ это Тардъ. Я склоненъ думать, напр., что феодализмъ или, по крайней мѣрѣ, его зачатки существовали въ Англіи до ея завоеванія Вильгельмомъ и до введенія континентальной норманской системы, и въ этомъ со мной согласились бы многіе англійскіе писатели, начиная съ Пальгрэва и кончая Стеббсомъ. Я допускаю также, что феодализація земель въ Восточной Имперіи произошла независимо отъ вліянія Западной Европы. То же самое было и въ Россіи, гдѣ помѣстья имѣли характеръ западноевропейскихъ бенефицій. Какъ и бенефиціи, они отличались вначалѣ отъ наслѣдственныхъ имѣній, вотчинъ-аллодовъ. Я старался показать, что индусскія iktaa превратились постепенно въ имперіи Великаго Могола изъ бенефицій въ лены, или наслѣдственныя помѣстья. Мнѣ случалось также слышать отъ Масперо, что феодализмъ не остался чуждъ и Египту эпохи фараоновъ.

Но всѣ эти видоизмѣненія произошли совершенно непосредственно, т.-е. помимо всякаго прямого подражанія одного народа другому. Исходнымъ ихъ пунктомъ былъ тотъ фактъ, что въ обществахъ, гдѣ обмѣнъ далеко не составляетъ общаго правила, гдѣ довольствуются потребленіемъ собственныхъ продуктовъ, всякая государственная служба можетъ быть вознаграждаема лишь уступкой

извѣстныхъ доходовъ, поступающихъ либо съ управляемыхъ вообще, либо съ однихъ воздѣлывателей почвы. Служилый человѣкъ живетъ поэтому или „кормленіемъ“, т.-е. съ доходовъ своей должности, или съ доходовъ, получаемыхъ съ данной ему во владѣніе земли. Такъ было съ англосаксонскими танами, меровингскими антрустіонами, служилыми людьми древней Московіи, индусскими талукдарами и земиндарами и т. д. Прибавьте къ этому потребность въ покровительствѣ богатыхъ и сильныхъ людей,—потребность, которая чувствовалась съ величайшею интенсивностью въ разнородномъ, раздѣленномъ на безконечное число крошечныхъ мірковъ, феодальномъ обществѣ, и вы поймете причины, заставлявшія какъ мелкихъ собственниковъ, такъ и общинниковъ, превращаться изъ людей свободныхъ, какими они были на первыхъ порахъ, въ простыхъ „держателей“ земли, пользующихся ею въ качествѣ наслѣдственныхъ арендаторовъ.

При такой точкѣ зрѣнія, на феодализмъ нельзя смотрѣть какъ на моду, быстро распространявшуюся изъ одной страны въ другую, благодаря человѣческой склонности къ подражанію. При предлагаемомъ мною толкованіи будетъ понятна и остановка, наступившая въ извѣстный моментъ въ его развитіи. Она произошла не потому, что мода смѣнилась снова обычаемъ, а потому, что мѣновое хозяйство явилось на смѣну хозяйству натуральному. Съ развитіемъ обмѣна накопленіе движимой собственности, въ частности денегъ, даетъ возможность главамъ государства вознаграждать всякую службу— какъ военную, такъ и гражданскую—не однѣми только землями и земельнымъ доходомъ. Регулярная армія и бюрократія, оплачиваемыя государствомъ въ формѣ жалованья, являются поэтому на смѣну феодальному народному ополченію, вотчинной полиціи и суду, органы которыхъ получали вознагражденіе за свою службу въ видѣ приношеній отъ тяжущихся.

Было бы слишкомъ долго доказывать, что въ распространеніи римскаго права въ эпоху возрожденія, такъ же какъ и представительнаго режима съ конца XVIII столѣтія, нужно видѣть скорѣе приспособленіе, чѣмъ подражаніе. Европа въ XVI вѣкѣ только что вступила въ тотъ періодъ своего экономическаго развитія, который извѣстенъ подъ именемъ капиталистическаго или мѣнового хозяйства. Такой порядокъ предполагаетъ свободу договоровъ, а ни одна юридическая система не отвѣчала этому требованію въ XVI в. больше, чѣмъ римское право. И потому-то Дигесты, открытые цѣлыми вѣками раньше, становятся общимъ правомъ въ Германіи съ XVI столѣтія. Но при примѣненіи этого чужеземнаго

законодательства все-таки были удержаны многія положенія мѣстнаго обычнаго права, касающіяся преимущественно земельныхъ порядковъ. Еслибы это было не такъ, новому гражданскому своду въ Германіи не пришлось бы такъ много заниматься труднымъ вопросомъ о сохраненіи остатковъ обычнаго права въ системѣ, послѣдніе корни которой восходятъ къ Юстиніану.

Что же касается такъ называемаго подражанія англійской конституціи, то, копируя ее, континентальныя государства на самомъ дѣлѣ только возвращались къ своимъ старымъ исконнымъ принципамъ—соучастію народа и его представителей въ составленіи законовъ и бюджета, хорошо извѣстнымъ съ давнихъ поръ не одной Англіи, но и Франціи, Германіи, Испаніи и Италіи. Не только въ средніе вѣка, но даже въ XVI столѣтіи мы видимъ участіе въ осуществленіи государственнаго суверенитета короля, штатовъ,—генеральныхъ и провинціальныхъ,—а также верховныхъ судовъ. Теорія Монтескьё о необходимости раздѣленія властей была не столько выраженіемъ англійской парламентской практики, сколько возвращеніемъ къ той „готической монархіи“, которая когда-то, по его мнѣнію, имѣлась у всѣхъ народовъ Западной Европы.

Изъ всѣхъ только-что сдѣланныхъ замѣчаній ясно, что больше всего мы расходимся съ Тардомъ въ одномъ пунктѣ: слѣдуетъ ли признать, что развитіе обществъ сводится къ постоянному заимствованію народами другъ у друга, или къ тому роду второстепеннаго творчества, какимъ является приспособленіе. Единственная область, гдѣ народы дѣйствительно сплошь подражаютъ другъ другу,—это область науки и техники; во всемъ остальномъ они, худо ли, хорошо ли, только приспособляютъ свои собственныя порядки и учрежденія къ новымъ требованіямъ, которыя по временамъ, если не постоянно, возникаютъ въ ихъ собственной средѣ. Они приспособляютъ ихъ, видоизмѣняя. Эти измѣненія часто вызываются иностранными образцами, но они только въ томъ случаѣ пускаютъ въ странѣ корни, когда не противорѣчатъ прямо всему тому наслѣдію прошлаго, которое слагается изъ вѣрованій, нравовъ, обычаевъ и учрежденій извѣстнаго народа. Благодаря такому противорѣчію новаго старому, законъ о единонаслѣдіи, введенный въ Россіи Петромъ Великимъ, остался мертвой буквой. По той же причинѣ не привилась и попытка Екатерины ввести въ нашихъ городахъ ремесленные цехи. Я думаю, что корни французской централизаціи и бюрократизма гнѣздятся въ той постепенной перемѣнѣ народной психологіи французовъ, начало которой было положено созданіемъ „великихъ бальяжей“ (своего

рода губернаторствъ) при Филиппѣ-Августѣ, не говоря уже о позднѣйшемъ установленіи интендантовъ при Людовикѣ XIII и Ришелье. Не то ли же самое можно сказать о той удивительной амальгамѣ бюрократическаго абсолютизма и представительнаго образа правленія, примѣръ которой даетъ государственный строй Пруссіи? Во всякомъ случаѣ трудно объяснить политическую организацію республиканской Франціи и федеральной Германской имперіи простымъ подражаніемъ англійскому образцу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, мы одинаково имѣемъ передъ собой примѣръ приспособленія, т.-е. самостоятельнаго развитія, и того второстепеннаго творчества, которое только вдохновляется иностранными образцами, часто даже не схватывая вполнѣ ихъ дѣйствительнаго характера.

Въ своемъ болѣе позднемъ трудѣ „L'opposition universelle" Тардъ самъ видитъ во всякомъ изобрѣтеніи своего рода приспособленіе: „Изобрѣтеніе, — говоритъ онъ, — это соціальное названіе приспособленія" (стр. 428).

На этотъ разъ я совершенно съ нимъ согласенъ. Безспорно, что всякое открытіе есть только видоизмѣненіе, результатъ счастливаго сочетанія въ могучемъ умѣ никогда дотолѣ не сходившихся между собою мыслей; отъ ихъ сближенія и получается новая искра истины. Но чтобы эти новыя завоеванія человѣческой мысли могли быть примѣнены къ жизни, надо, чтобы общественная среда благопріятствовала имъ или, выражаясь языкомъ Тарда, чтобы они соотвѣтствовали вѣрованіямъ и желаніямъ тѣхъ, которые ими воспользуются. Этимъ и объясняется, почему нѣкоторыя открытія цѣлыми вѣками оставались на степени простыхъ проектовъ. Машины были извѣстны и раньше второй половины XVIII вѣка; техническія изобрѣтенія, ставящія себѣ цѣлью сокращеніе человѣческаго труда въ индустріи, появлялись еще въ античномъ мірѣ и въ средніе вѣка, но экономическій строй, если не совсѣмъ чуждый обмѣну, то прибѣгавшій къ нему лишь въ исключительныхъ случаяхъ, не видѣлъ никакого преимущества въ безконечномъ увеличеніи количества продуктовъ, сбытъ которыхъ былъ или затруднителенъ или просто невозможенъ. Натуральное хозяйство, т.-е. хозяйство, которое производитъ для непосредственнаго потребленія, прекрасно уживается съ дешево стоящей, но зато и очень мало производительной работой невольниковъ и крѣпостныхъ. Оно вовсе не стремится замѣнить ее введеніемъ дорого стоящихъ машинъ. Въ этомъ и заключается коренная причина тому, что такъ называемая промышленная революція произошла только съ появленіемъ мѣно-

вого хозяйства и упроченіемъ капитализма, т.-е. въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX-го столѣтія.

Было бы ошибкой думать, что другое, не менѣе важное открытіе,—открытіе достоинства человѣческой личности и, слѣдовательно, ея свободы, несовмѣстимой съ рабствомъ и крѣпостничествомъ, восходитъ только къ XVIII вѣку или даже къ XVI—къ эпохѣ Возрожденія. Нѣкоторые греческіе софисты, какъ, напримѣръ, Алкидамъ изъ Элеи, провозгласили этотъ принципъ, по свидѣтельству Аристотеля, гораздо раньше Іисуса Христа или Эпиктета и за тысячу лѣтъ до начала освободительнаго движенія, если не единичнаго, то массоваго. Надо было, чтобы экономическое развитіе современныхъ обществъ привело къ капитализму для того, чтобы вслѣдъ за рабствомъ исчезло окончательно и крѣпостничество.

Возьмемъ другой примѣръ. Компасъ былъ, повидимому, извѣстенъ еще древнимъ китайцамъ и безъ всякаго сомнѣнія морякамъ южной Италіи, и однако же великія морскія путешествія, которыя онъ дѣлалъ возможными, стали совершаться только тогда, когда европейскіе народы почувствовали, что имъ тѣсно и начали искать для себя другихъ небесъ, другой природы, т.-е. въ эпоху мучительнаго зарожденія капитализма.

Какъ объяснить себѣ также причину, почему открытіе въ Амальфи текста Пандектовъ, восходящее къ первымъ крестовымъ походамъ, принесло свои плоды только вѣками позже, когда мѣновое хозяйство потребовало введенія юридической системы, благопріятной свободѣ договоровъ, что, какъ извѣстно, произошло лишь въ XVI столѣтіи.

Если всякое открытіе пріобрѣтаетъ соціальное значеніе только тогда, когда оно соотвѣтствуетъ вѣрованіямъ и желаніямъ тѣхъ, кто имъ пользуется, и если, съ другой стороны, всякое подражаніе предполагаетъ приспособленіе индивидуальнаго открытія къ тѣмъ же вѣрованіямъ и желаніямъ, то изъ этого слѣдуетъ, что въ основаніи всякой соціальной эволюціи мы находимъ измѣненіе коллективной психологіи. Этого достаточно, чтобы признать, что основы соціологіи не могутъ лежать внѣ психологіи. Великая заслуга Тарда въ томъ и состоитъ, что онъ, вслѣдъ за другими двумя-тремя соціологами, въ томъ числѣ Лестеромъ Уордомъ, понялъ эту истину. Мы должны отдать ему справедливость еще и въ томъ, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ нашихъ современниковъ, уяснилъ себѣ, что индивидуальная психологія не можетъ служить основой наукѣ, которая ставитъ себѣ цѣлью изученіе жизни обществъ, т.-е. кол-

лективностей. Вотъ почему Тардъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о необходимости создать совершенно новую психологію, ту, которую нѣмцы, съ Лазарусомъ и Штейнталемъ во главѣ, назвали Völkerpsychologie (психологіей народовъ). Я предпочитаю, впрочемъ, терминъ „коллективная психологія", потому что имъ можно пользоваться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ изученіи вѣрованій и желаній группъ болѣе широкихъ или болѣе узкихъ, чѣмъ нація, какъ, напримѣръ, рода, коммуны, цеха, касты, сословія, класса—съ одной стороны, цѣлой расы и даже всего союза народовъ—съ другой.

Обоимъ терминамъ Тардъ предпочитаетъ новый. „Выраженіе соціальная или коллективная психологія,—говоритъ онъ въ лекціи, прочитанной въ русской Высшей Школѣ Общественныхъ Наукъ въ Парижѣ и появившейся затѣмъ въ изданіи ея трудовъ,—кажется мнѣ неудовлетворительнымъ. Мистическіе умы готовы были бы воспользоваться имъ и прикрыть этимъ ярлыкомъ понятіе объ обществѣ, какъ о какомъ-то гигантскомъ мозгѣ, составленномъ изъ нашихъ маленькихъ мозговъ и обладающемъ особымъ соціальнымъ я..." „Мнѣ кажется поэтому, что нужно говорить не объ изученіи соціальной или коллективной психологіи, а объ изученіи науки болѣе общей и болѣе точной, которую можно бы назвать психологіей воздѣйствія одного ума на другой—интерпсихологіей. Воздѣйствіе одного ума на другой,—говоритъ Тардъ нѣсколькими страницами далѣе,—даетъ ключъ къ пониманію общественныхъ явленій. Оно ихъ объясняетъ" [1]).

Вполнѣ соглашаясь съ Тардомъ, что психическія воздѣйствія объясняютъ нерѣдко источникъ и природу общественныхъ явленій, я полагаю, что единственное средство познать вызванную такими воздѣйствіями психологію массъ—это изучить всю совокупность ихъ вѣрованій, учрежденій, нравовъ, обычаевъ и привычекъ.

Тотъ, кто стремится раскрыть намъ психологію той или другой націи, не долженъ ничѣмъ пренебрегать: ни народными сказками, ни былинами, ни пословицами, ни поговорками, ни юридическими формулами, ни законами—какъ писанными, такъ и неписанными. Такимъ образомъ folk-lore, понятый въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, призванъ оказать великую услугу наукѣ объ обществѣ и его психическихъ проявленіяхъ. Исторія занимаетъ въ этомъ отношеніи уже второстепенное мѣсто, объясняя намъ настоящее съ по-

---

[1]) См. „Русская Высшая Школа Общественныхъ Наукъ въ Парижѣ". СПБ. 1905 г., стр. 3 и 7.

мощью прошедшаго, духъ народа—наслѣдіемъ, полученнымъ имъ отъ предковъ.

Данныя, добытыя изъ этихъ двухъ источниковъ, дадутъ намъ возможность составить себѣ представленія болѣе общаго характера; а изъ синтеза этихъ представленій получится правдивая картина всей совокупности идей и чувствъ, сокрытыхъ въ народной душѣ—терминъ неопредѣленный и не совсѣмъ подходящій, но безъ котораго я не могу обойтись въ данную минуту.

Этимъ-то длиннымъ путемъ, а не прямымъ анализомъ, хотя бы и очень остроумнымъ, чувствъ и душевныхъ движеній посѣтителей того или иного салона или клуба, и будутъ положены прочныя основанія коллективной психологіи. Говоря это, я еще разъ расхожусь съ Тардомъ, который, на мой взглядъ, не даетъ себѣ достаточно яснаго отчета въ томъ, какую роль играетъ личность въ образованіи общественнаго мнѣнія. Это вліяніе, повидимому, значительно нейтрализуется при выработкѣ той массы предразсудковъ, обрядовъ, обычаевъ и т. д., изъ которыхъ слагается народный folk-lore. Поэтому-то изученіе фольклора и кажется мнѣ наиболѣе вѣрнымъ путемъ для выясненія того, что именно изъ индивидуальныхъ открытій и изобрѣтеній дѣлается общимъ достояніемъ.

Говорить ли затѣмъ объ отношеніяхъ соціологіи къ психологіи вообще? Если выдѣлить изъ послѣдней то, что отвѣчаетъ понятію коллективной психологіи, то останется еще рядъ проблеммъ, относящихся къ области психо-физики, хотя и рѣшаемыхъ иногда путемъ такъ называемаго внутренняго опыта.

Всѣ эти вопросы принадлежатъ, очевидно, къ той области, которая интересуетъ науку о жизни вообще, а не науку объ условіяхъ общественнаго существованія и развитія. Психологіи надо поэтому отвести мѣсто рядомъ съ біологіей и въ тѣсной зависимости отъ нея, но подъ условіемъ, чтобы вопросы такъ называемой коллективной психологіи включены были въ сферу соціологіи.

§ 5.

Біологія также должна, по нашему мнѣнію, уступить соціологіи одну область вопросовъ, ею затрагиваемыхъ,—область такъ называемой соціальной жизни животныхъ. Эспинасъ совершенно вѣрно указалъ на то, что вопросы, съ нею связанные, прямо входятъ въ задачи соціологіи, а Сусерландъ своимъ сочиненіемъ: „О происхожденіи нравственнаго чувства одинаково у животныхъ и у чело-

вѣка", какъ намъ кажется, представилъ весьма убѣдительный примѣръ тому, насколько обращеніе къ міру животныхъ облегчаетъ пониманіе генезиса нѣкоторыхъ раннихъ общественныхъ институтовъ, напримѣръ, преобладающей роли матери въ первобытной семьѣ, корень чего лежитъ, разумѣется, въ ея болѣе близкомъ общеніи съ подрастающимъ поколѣніемъ, одинаково—у животныхъ и дикарей. Эта близость вызываетъ зарожденіе нравственнаго чувства самопожертвованія прежде всего въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ, и только потомъ въ отношеніяхъ къ нимъ отца. Такая форма семьи напоминаетъ собою общества нѣкоторыхъ животныхъ, у которыхъ послѣ рожденія связь остается только между народившимся поколѣніемъ и матерью; что же касается до отца, то онъ покидаетъ свою сожительницу и народившееся отъ ихъ союза поколѣніе.

Можно привести рядъ народовъ, у которыхъ мужъ также уходитъ изъ семьи жены, оставляя ей ребенка, и снова начинаетъ бродить, надѣляя новымъ потомствомъ тѣ семьи, въ которыя онъ временно будетъ принятъ. Пережитокъ этихъ порядковъ сохранился у насъ въ формѣ усыновленія зятя въ крестьянскихъ семьяхъ. Эта форма брака признается большинствомъ этнографовъ за одну изъ древнѣйшихъ. Въ чистомъ видѣ мы ее находимъ на островахъ Суматрѣ, Борнео и другихъ Индійскаго архипелага—между туземными ихъ жителями.

§ 6.

Намъ предстоитъ возбудить еще рядъ вопросовъ объ отношеніи соціологіи къ этнографіи, статистикѣ, политической экономіи, государствовѣдѣнію. Всѣ эти науки, какъ конкретныя науки объ обществѣ, призваны, съ одной стороны, поставлять соціологіи матеріалъ для ея обобщеній, а съ другой—отправляться отъ установленныхъ соціологіей законовъ при раскрытіи собственныхъ.

Возьмемъ для примѣра статистику, и въ частности ту, которая занимается народонаселеніемъ (популяціонистика или демографія). Несомнѣнно, всякій соціологъ долженъ считаться и съ тѣмъ эмпирическимъ обобщеніемъ, что число женскихъ рожденій превосходитъ число мужскихъ, но что число особей, принадлежащихъ къ разнымъ поламъ, болѣе или менѣе одинаково въ зрѣломъ возрастѣ. Такія данныя необходимы ему, напр., для оцѣнки общественнаго значенія столько же единоженства, сколько поліандріи или полигаміи, т.-е. многомужества или многоженства. Не меньше

значенія имѣетъ для соціолога и то, также эмпирическое, обобщеніе, которое связано съ именемъ Мальтуса: народонаселеніе размножается быстрѣе матеріальныхъ средствъ къ жизни. Считаясь съ такимъ закономъ, соціологъ необходимо долженъ допустить наступленіе регресса для обществъ въ моментъ, когда ростъ населенія настолько превыситъ средства къ его пропитанію, что вызоветъ собою или увеличеніе смертности, или искусственное сокращеніе числа рожденій, или необходимость эмиграціи. Съ этой точки зрѣнія густота населенія Китая не послужитъ для соціолога основаніемъ къ признанію его высшей культуры сравнительно съ народами, отставшими отъ Китая въ отношеніи плотности населенія, но обогнавшими его въ отношеніи обезпеченности. Соціологу точно также придется считаться съ другимъ эмпирическимъ обобщеніемъ статистики,—тѣмъ, что рождаемость стоитъ въ прямомъ отношеніи къ смертности, т.-е. возрастаетъ вмѣстѣ съ нею. Это обстоятельство позволитъ ему понять преходящее вліяніе, вліяніе только временнаго тормоза, какое оказываютъ на ростъ отдѣльныхъ націй истребительныя войны или эпидеміи, несомнѣнно вызывающія регрессивныя явленія, но все же на болѣе или менѣе короткій срокъ. Этимъ, въ частности, можно объяснить, почему моровая язва 1348 г., задержавъ временно ростъ плотности населенія, остановила тѣ общественные процессы, которые связаны были съ этою плотностью, какъ-то: отливъ сельскаго люда въ города, замѣну барщины свободонаемнымъ трудомъ и т. д., и т. д. Но чѣмъ объяснить, что на разстояніи нѣсколькихъ поколѣній тѣ же процессы снова начали развиваться въ прежнемъ направленіи, вызывая, между прочимъ, ликвидацію средневѣковаго помѣстнаго хозяйства и связанное съ нимъ развитіе фермерства и городской обрабатывающей промышленности? Отвѣтъ на это даетъ приведенный выше законъ Мальтуса. Если мы зададимся обратнымъ вопросомъ: какое вліяніе соціологическія обобщенія могутъ имѣть для истолкованія данныхъ статистики, то намъ легко будетъ, на основаніи тѣхъ же примѣровъ, указать на необходимость — при изученіи, положимъ, процента рождаемости мальчиковъ и дѣвушекъ— считаться съ такими фактами, какъ наличность католицизма или наоборотъ протестантизма, и соотвѣтственно — существованія или несуществованія целибата и монастырей, господства въ обществѣ тенденціи къ раннимъ бракамъ или, наоборотъ, къ позднимъ, что, въ свою очередь, стоитъ въ прямой зависимости отъ того, совершился-ли переходъ отъ милитаризма къ индустріализму или нѣтъ, продолжаетъ ли общество жить въ условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства

или перешло къ хозяйству денежному и кредитному, развилась-ли въ немъ, сообразно съ этимъ, склонность къ бережливости, къ накопленію запасовъ, къ матеріальному обезпеченію потомства, доходящему въ французской буржуазіи и даже во французскомъ крестьянствѣ до желанія имѣть лишь одного, много двухъ наслѣдниковъ.

О какой бы конкретной наукѣ объ обществѣ мы ни заговорили,—будетъ-ли то сравнительное языкознаніе, или сравнительная исторія литературы, пластическихъ искусствъ и музыки,—намъ неизбѣжно предстоитъ повторить одно и тоже: объясненіе эволютивному процессу, происходящему въ области изучаемыхъ ими явленій, не можетъ быть дано безъ содѣйствія соціологіи.

А изъ всего этого необходимо слѣдуетъ тотъ выводъ, что конкретныя науки объ обществѣ, поставляя соціологіи матеріалъ для ея умозаключеній, въ то же время должны опирать свои эмпирическія обобщенія на тѣ общіе законы сосуществованія и развитія, какіе призвана установлять соціологія, какъ наука о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ. Доказательство этому мы найдемъ и въ ближайшихъ главахъ, посвященныхъ изученію тѣхъ отношеній, какія должны существовать между соціологіей, съ одной стороны, исторіей учрежденій, правомъ и политической экономіей—съ другой.

ГЛАВА II.

Соціологія и исторія права и учрежденій.

---

§ 1.

Можно сказать, что ранѣе Монтескьё никто не признавалъ возможности путемъ сопоставительнаго метода прійти къ опредѣленнымъ заключеніямъ о закономѣрности явленій, изъ которыхъ слагается развитіе политическихъ и соціальныхъ учрежденій. Огюстъ Контъ недаромъ выдѣляетъ Монтескьё изъ среды писателей XVIII вѣка и считалъ его однимъ изъ своихъ прямыхъ предшественниковъ. Онъ подчеркиваетъ, что у Монтескьё впервые встрѣчается та въ высокой степени знаменательная и чреватая послѣдствіями мысль, что *законъ — необходимое взаимоотношеніе явленій*.

„Законы, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей, и въ этомъ смыслѣ все существующее имѣетъ свои законы“—вотъ слова, которыми открывается первая глава книги „О духѣ законовъ“.

Посмотримъ, какая мысль лежитъ въ основѣ этого ученія о закономѣрности общественныхъ явленій. Чтобы установить это положеніе, Монтескьё изслѣдуетъ вопросъ о взаимоотношеніи всякаго рода физическихъ условій—почвы, климата, географическаго положенія, длины береговой линіи—и явленій общественно-политическихъ.

Мы знаемъ, что, гдѣ морская береговая линія очень велика, тамъ условія болѣе благопріятны для развитія внѣшняго обмѣна, такъ какъ море всегда было хорошимъ средствомъ сообщенія. Поэтому понятно, что торговыя отношенія развиваются въ государствѣ морскомъ скорѣе, нежели въ континентальномъ, что большая длина

береговой линіи есть благопріятное физическое условіе для развитія обмѣна. Но тамъ, гдѣ существуетъ торговля, можно предполагать обмѣнъ и въ другихъ областяхъ, напримѣръ, — культурный. При наличности развитого обмѣна намъ дѣлается понятнымъ болѣе быстрое поступательное движеніе, которое обусловливается заимствованіемъ болѣе отсталыми народностями культурныхъ завоеваній и политическихъ учрежденій у болѣе передовыхъ; мы поймемъ, почему со времени Монтескьё, когда говорятъ объ условіяхъ прогресса Греціи, принимается во вниманіе ея широко развитая береговая линія.

Если мы станемъ говорить о вліяніи климата или почвы на развитіе учрежденій, то намъ придется принять во вниманіе разслабляющее вліяніе слишкомъ жаркой температуры, благодаря чему ни одна культура не могла упрочиться на продолжительное время въ странѣ съ тропическимъ климатомъ; мы примемъ во вниманіе и воздѣйствіе чрезмѣрно суроваго климата—и все это приведетъ насъ къ заключенію, что культурное развитіе могло сдѣлаться достояніемъ народовъ, занимающихъ одну умѣренную климатическую полосу.

Со временъ Монтескьё и вплоть до Бокля поднимали и поднимаютъ вопросъ о вліяніи климата, почвы, береговой линіи на различныя стороны общественности: торговлю, промышленность, литературу, искусство и т. д. Но исторія учрежденій и исторія права не довольствуются болѣе сопоставительнымъ методомъ, при которомъ, какъ это выступаетъ въ трудѣ Монтескьё „О духѣ законовъ“, сравниваются культуры разныхъ временъ и разныхъ народовъ и не принимается въ расчетъ, что въ жизни одного и того же народа можно отмѣтить въ разное время разные порядки въ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ. Возьмемъ, какъ примѣръ, Францію. Мы знаемъ, что во Франціи въ настоящее время существуетъ демократическая республика. Однако, въ той же самой Франціи въ ея прошломъ мы находимъ неограниченную автократію, сопровождавшуюся подавленіемъ общественной самодѣятельности и отсутствіемъ самодѣятельности личной. Загляните за 300, 400, 500 лѣтъ назадъ, и вы найдете въ той же Франціи порядокъ, который никакъ не можетъ быть пріуроченъ къ понятію неограниченности власти. Нѣтъ еще, конечно, гражданскаго равенства, имѣется разслоеніе общества, такъ сказать, на горизонтальные пласты: сословія привилегированныя и непривилегированныя; первыя одни засѣдаютъ въ законосовѣщательныхъ учрежденіяхъ. Въ то время какъ простонародье является болѣе или менѣе безправнымъ, владѣтельные классы пользуются значительными преимуществами. Такъ, высшія

судебныя палаты (парламенты, счетныя палаты и т. д.) имѣютъ право судить о закономѣрности или незакономѣрности указовъ короны, о согласіи или несогласіи ихъ съ законами и, сообразно этому, принимать ихъ къ исполненію или отвергать.

Если мы удалимся еще болѣе вглубь временъ и перейдемъ къ эпохѣ возникновенія Франкскаго королевства, то мы встрѣтимъ опять-таки иные порядки. Мы натолкнемся на существованіе народнаго вѣча, въ собраніяхъ котораго принимаетъ участіе всякій свободный человѣкъ франкскаго племени. Въ этихъ же собраніяхъ, на ряду со всѣмъ народомъ, участвуетъ и монархъ, окруженный сподвижниками, членами своего комитата, или дружины.

Примѣръ Франціи даетъ намъ достаточное основаніе прійти къ тому заключенію, что у одного и того же народа могутъ быть въ разныя эпохи различные политическіе порядки. Сопоставительному методу, которымъ пользовался Монтескьё, не подъ силу разобраться въ этомъ сложномъ явленіи. Здѣсь нужно приложеніе иного метода—сравнительно-историческаго, который есть достояніе новаго времени и которому мы обязаны созданіемъ современной сравнительной исторіи не только права и учрежденій, но и миѳовъ, легендъ, сказаній и т. д.

Пользуясь этимъ методомъ и сопоставляя разные народы въ разныя эпохи ихъ жизни, мы придемъ къ тому выводу, что такіе порядки и учрежденія, которые связаны съ понятіями родового быта, племенного княжества, ограниченной сословной монархіи и т. п., не совпадая во времени, встрѣчаются у народовъ, ничего общаго между собою не имѣвшихъ и не заимствовавшихъ ихъ другъ у друга.

„Пока правовѣдѣніе не станетъ на новую почву, почву сравнительно-историческаго изученія,—говоритъ извѣстный философъ Ницше,—ему не покончить съ безплодными столкновеніями между абстрактными системами, выдаваемыми за философію права и которыя при всѣхъ своихъ различіяхъ имѣютъ между собою то общее, что отправляются отъ анализа природы человѣка нашего времени“ [1]). Трудно найти во всей современной литературѣ болѣе сжатое и потому самому болѣе сильное выраженіе тѣхъ мыслей, въ силу которыхъ многіе современные юристы не считаютъ возможной научную постановку своего предмета иначе, какъ подъ условіемъ примѣненія къ нему сравнительно-историческаго метода.

[1]) Nietzsche. Wille zur Macht.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ ЮРИД. ПРОФЕССУРЫ №

Извѣстно, какое значеніе имѣлъ для всѣхъ описательныхъ наукъ и прежде всего для біологіи методъ сравнительный. Безъ анатоміи и сравнительной физіологіи едва-ли возможно было бы самое построеніе науки о живыхъ организмахъ. Новыхъ путей въ примѣненіи того же сравнительнаго метода ищетъ для себя и психологія. Обращаясь къ наукамъ, ставящимъ себѣ задачей изученіе такихъ продуктовъ общественной жизни, какъ языкъ, религія, нравы, обычаи и учрежденія, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же сравнительнымъ методомъ, какъ съ главнѣйшимъ факторомъ ихъ поступательнаго движенія. Попытки примѣненія его къ изученію общественныхъ явленій начались прежде всего въ области филологіи. Онѣ дали блестящіе результаты съ момента построенія Боппомъ сравнительной грамматики арійскихъ языковъ. За арійцами и семиты были подвергнуты со стороны языка такому же историко-сравнительному изученію. Сравнительное языкознаніе—въ настоящее время всѣми признанная наука, и нѣтъ того филологическаго факультета, въ которомъ не существовало бы особой каѳедры, посвященной этому предмету.

Меньшимъ признаніемъ пользуется сравнительная исторія религій. Долгое время она игнорировала тотъ необходимый способъ провѣрки своихъ обобщеній, какой представляетъ знакомство съ вѣрованіями и религіозной символикой народовъ дикихъ и варварскихъ. А между тѣмъ, чтобы вызвать въ воображеніи психическій обликъ нашихъ отдаленныхъ предковъ въ моментъ созданія ими первыхъ по времени религіозныхъ системъ, необходимо, разумѣется, отправляться въ своихъ построеніяхъ не отъ общей природы человѣка, а отъ той, какая присуща ему на рубежѣ дикости и варварства Вотъ почему сравнительная исторія религій сдѣлала быстрый шагъ впередъ только съ того момента, когда сравнительное изученіе древнихъ религіозныхъ памятниковъ арійскихъ, семитическихъ и туранскихъ народовъ, было восполнено такимъ же сравнительнымъ изученіемъ вѣрованій и культа современныхъ отсталыхъ народностей. Съ пріобрѣтеніемъ съ помощью данныхъ сравнительной этнологіи эволюціонной точки зрѣнія, многія сказанія, символы и обряды, надъ происхожденіемъ которыхъ ломали себѣ головы сравнительные миѳологи и лингвисты, пришлось признать пережитками порядковъ и воззрѣній, съ большей полнотою раскрываемыхъ въ бытѣ дикарей.

Въ тѣсной связи съ религіозными вѣрованіями стоятъ и другія произведенія народной фантазіи: миѳы, легенды, сказанія, изученіе которыхъ еще осложняется благодаря рѣзко выступающей въ этой

сферѣ практикѣ заимствованій. Не даромъ они пріобрѣли наименованіе „странствующихъ“, т.-е. переходящихъ отъ одного народа къ другимъ. Долгое время лица, занимавшіяся ихъ судьбою, считали излишнимъ параллельное изученіе тѣхъ миѳовъ, легендъ и сказаній, какіе могутъ быть записаны со словъ современныхъ дикарей и варваровъ. Но въ настоящее время такъ называемый „фольклоръ“, въ который входитъ изученіе пережитковъ, уцѣлѣвшихъ отъ періода дикости и варварства у современныхъ историческихъ народностей, пролилъ уже новый и неожиданный свѣтъ на причины сходства между племенами и народами, не имѣвшими прямого воздѣйствія другъ на друга и даже принадлежащими къ разнымъ эпохамъ.

Въ народной психологіи разноплеменныхъ и разновременныхъ народностей, при одинаковомъ уровнѣ знаній и въ болѣе или менѣе сходной общественной средѣ, лежитъ объясненіе тому, что, независимо отъ расы и племени, у нихъ складываются однохарактерные или, по крайней мѣрѣ, близкіе другъ къ другу образы и соотвѣтственно этому сходныя легенды. Отсюда преобладаніе животнаго эпоса на той ступени развитія, какую мы находимъ у охотничьихъ племенъ въ эпоху допущенія человѣкомъ неограниченныхъ возможностей въ сферѣ взаимоотношеній всего живущаго. Нельзя, однако, болѣе представлять себѣ дѣло такъ, что сказки про лису и волка, разъ сложившіяся въ одной какой-либо мѣстности, затѣмъ, въ силу заимствованія, странствуютъ по всему міру. Есть основаніе думать, что въ разныхъ мѣстахъ возникали одновременно или разновременно сходныя сказанія про тѣхъ или другихъ звѣрей, физическія и психическія особенности которыхъ всюду должны были производить одинаковое впечатлѣніе.

Тѣ трудности, какія стояли на пути сравнительно-историческаго изученія религіозныхъ представленій и обрядовъ культа, а также сказокъ, легендъ, былинъ и всего, вообще, народнаго поэтическаго творчества, представились и тогда, когда предметомъ изслѣдованія сдѣлались юридическіе обычаи и учрежденія. Изслѣдователи прежде всего поражены были фактомъ заимствованія отдѣльными народами чужихъ нормъ права, чужихъ порядковъ. Иноземнымъ воздѣйствіемъ стремились они объяснить поэтому сходныя черты, какія въ разное время могли быть отмѣчены въ бытѣ разноплеменныхъ, но близкихъ другъ къ другу по времени народовъ. И дѣйствительно, нельзя отрицать того, что заимствованію пришлось въ разное время играть выдающуюся роль въ исторіи правового развитія.

Кто не слышалъ, напримѣръ, о рецепціи римскаго права германскими народностями?

Какъ извѣстно, въ XVI столѣтіи нѣмцы, не отказываясь отъ дальнѣйшаго развитія нѣкоторыхъ собственныхъ юридическихъ институтовъ въ области семейнаго и въ особенности вещнаго права, признали для себя обязательнымъ римское право, т.-е. право народа чуждаго и къ тому же сошедшаго съ исторической сцены. Это и была такъ называемая рецепція римскаго права. Фактъ кажется невѣроятнымъ: вдругъ народъ съ историческимъ прошлымъ, съ развитымъ правовымъ укладомъ, отказывается отъ собственныхъ законовъ и заимствуетъ чужеземные юридическіе порядки! Но стоитъ лишь всмотрѣться въ тѣ условія, при которыхъ произошло такое заимствованіе, и мы найдемъ, что эти условія заимствованію благопріятствовали, такъ какъ заимствуемое отвѣчало той стадіи развитія, до которой доросло германское общество. Оно стремилось порвать съ натуральнымъ самодовлѣющимъ хозяйствомъ и переходило къ мѣновому, денежному. Нѣтъ, поэтому, ничего мудренаго въ томъ, что германское право, приспособленное къ потребностямъ замкнутаго натуральнаго хозяйства, въ эпоху возникновенія мѣновыхъ хозяйственныхъ формъ оказалось въ противорѣчіи съ ними и должно было или сдѣлать громадный прыжокъ впередъ, чтобы догнать экономическій ростъ общества, или уступить мѣсто иноземному праву, отвѣчающему на новые запросы гражданственности.

Римское право — „Кодексъ Юстиніана“ — было благопріятно свободѣ торговыхъ сдѣлокъ, благопріятно такъ называемому консенсуальному договору, и это вполнѣ объясняетъ ту легкость, съ какой послѣдовала его рецепція въ Германіи.

Сказать, что то было лишь въ Германіи, было бы совершенно ошибочно.

Независимо отъ Германіи, римская юриспруденція въ толкованіи, данномъ ей юристами эпохи Возрожденія, начиная еще школой такъ называемыхъ глоссаторовъ, во многомъ измѣнила самопроизвольный ростъ народнаго права одинаково въ Италіи, Испаніи и Франціи, обнаруживая въ то же время несравненно слабѣйшее вліяніе, съ одной стороны, на англо-саксонскій міръ, а съ другой — на міръ славянскій.

Но и въ тѣхъ странахъ, гдѣ роль римскаго права была третьестепенной, ее все же нельзя игнорировать при объясненіи источника тѣхъ или другихъ нормъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что наша „Кормчая“ даетъ то же опредѣленіе

институту брака, какое мы находимъ въ Римѣ у юристовъ золотого вѣка, между прочимъ, у Ульпіана. Опредѣленіе „Кормчей“ гласитъ: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе, сбытіе всей жизни, божественныя и человѣческія правды общеніе“. Что же это, какъ не буквальный переводъ римскаго: „nuptiae sunt maris et feminae conjunctio, consortium omnis vitae, divini atque humani juris communicatio“?

И не одно римское право разлилось рѣкою по германо-романскому міру, слабо проникая, съ одной стороны, въ славянскую, съ другой, въ англо-саксонскую среду. И о нѣмецкомъ правѣ можно сказать, что оно прошло не безслѣдно для судебъ славянскихъ народностей, воздѣйствуя, преимущественно, на юридическій бытъ городского населенія.

Если мы обратимся къ нашему собственному праву, или, по крайней мѣрѣ, къ праву одной изъ крупныхъ народностей Россіи, именно, украинскаго народа, и съ этою цѣлью познакомимся со сборникомъ малороссійскихъ обычаевъ, который былъ составленъ по иниціативѣ гетмана Разумовскаго въ царствованіе Елизаветы Петровны и извѣстенъ подъ описательнымъ наименованіемъ: „Права, по которымъ судится маллороссійскій народъ“ (обнародованъ былъ впервые извѣстнымъ русскимъ юристомъ Кистяковскимъ), то найдемъ въ немъ не только воспроизведеніе юридическихъ нормъ Литовскаго Статута, но, что особенно поразительно, элементы нѣмецкаго средневѣковаго городского права, такъ называемаго Саксонскаго Зерцала. Малороссія, какъ извѣстно, нѣкогда составляла часть Польши, и, слѣдовательно, при объясненіи этого факта намъ придется перейти отъ Малороссіи къ Польшѣ. Спрашивается, какими судьбами въ польское право могли проникнуть элементы нѣмецкаго права? Отвѣтъ будетъ слѣдующій.

Польское общество почти исключительно было военнымъ и сельскохозяйственнымъ, городское же населеніе состояло по преимуществу изъ иноземцевъ, т.-е. нѣмцевъ и евреевъ, выселившихся изъ предѣловъ Священной Римской имперіи.

Какъ извѣстно, въ 1348 г. Европу посѣтила „Черная Смерть“, или моровая язва. По статистическимъ даннымъ, насколько можно говорить о нихъ въ примѣненіи къ столь отдаленной эпохѣ, „Черная Смерть“ унесла отъ трети до половины всего населенія. Болѣе чудовищнаго опустошенія не произвела ни одна война, не исключая войнъ Александра Македонскаго, Пуническихъ и Наполеона I. Глубоко невѣжественный и

фанатичный народъ, возбужденный католическимъ духовенствомъ, былъ увѣренъ, что это бѣдствіе вызвано не чѣмъ другимъ, какъ отравленіемъ ключей и источниковъ евреями. На послѣднихъ во многихъ городахъ Германіи обрушились неслыханныя гоненія, которыя и заставили ихъ переселиться въ Польшу и отчасти въ Западный край, чѣмъ и объясняется ихъ скопленіе въ этой части Россіи. Переселяясь въ чужую землю, евреи перенесли туда привычки, обычаи и юридическія представленія, которыя господствовали въ тѣхъ городахъ, изъ которыхъ они происходили, и поэтому не удивительно, если городскіе статуты Германіи и, въ частности, городовъ Магдебурга и Зеста, были положены въ основу городского быта Польши. Но эти статуты содержали въ себѣ тѣ же нормы, какія нашли себѣ выраженіе въ Саксонскомъ Зерцалѣ. Такимъ образомъ право послѣдняго вошло въ составъ польскаго и воздѣйствовало на обычаи Малороссіи, долгое время политически связанной съ Польшей.

Итакъ, въ новое время заимствованіе однимъ народомъ правовыхъ нормъ другого встрѣчается не разъ. Но то же можно сказать и о древности.

И тогда правовое развитіе даже такого исключительнаго по своему юридическому творчеству народа, какимъ были римляне, не обходилось безъ заимствованія. Новѣйшія работы нѣмецкихъ ученыхъ, одинаково знакомыхъ и съ римскимъ правомъ, и съ правомъ древняго Египта, древней Греціи и передней Азіи, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что прилагаемое преторомъ общенародное право—jus gentium,—по которому судились всѣ обыватели республики, позже имперіи, за исключеніемъ квиритовъ, или полноправныхъ гражданъ, составилось изъ ряда нормъ, заимствованныхъ у народовъ, вошедшихъ въ составъ римской державы.

Восходя еще далѣе, къ эпохѣ такъ называемаго Моисеева законодательства, приходится задаться вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ даже такія нормы, какъ правило „око за око и зубъ за зубъ“, могутъ считаться продуктомъ юридическаго творчества евреевъ. Вѣдь мы находимъ ихъ переданными приблизительно въ тѣхъ же терминахъ въ древнѣйшемъ кодексѣ вавилонянъ, въ недавно открытомъ законодательствѣ царя Хамураби, современника Авраама.

Если отъ области права вообще мы перейдемъ къ болѣе тѣсной, къ области права государственнаго, къ области политическихъ учре-

жденій, то и тутъ намъ придется отмѣтить съ древнѣйшихъ временъ воздѣйствіе однихъ народовъ на другіе. Можно даже сказать, что въ этой области процессъ заимствованія выступаетъ еще чаще, нежели въ сферѣ гражданскаго быта. Это и понятно. Чтобы одинъ народъ заимствовалъ юридическіе порядки у другого, необходимо, какъ мы видѣли, чтобы и экономическій укладъ, установившійся у народа заимствующаго, близко подходилъ къ экономическому строю народа, законы котораго дѣлаются предметомъ подражанія. Варварскій народъ, живущій въ условіяхъ натуральнаго самодовлѣющаго хозяйства и, слѣдовательно, рѣдко прибѣгающій къ обмѣнамъ, не станетъ заимствовать гражданскаго правопорядка у народа, широко развившаго денежное хозяйство. Иное дѣло политическій строй: хозяйственныя формы не являются для него рѣшающимъ моментомъ. Нерѣдко обращаются къ заимствованію чужеземной политической организаціи внѣ всякой зависимости отъ экономическаго развитія народа. Этимъ и объясняется, почему въ сферѣ политическихъ порядковъ заимствованія практиковались чаще, нежели въ области гражданскаго права.

Говорить ли о вліяніи Спарты на устройство городскихъ республикъ Пелопонеса, а Аѳинъ—на строй городовъ древней Аттики, наконецъ, обоихъ соперниковъ—на политическое устройство республикъ Великой Греціи и Малой Азіи? Фактъ этотъ слишкомъ хорошо извѣстенъ и позволяетъ намъ сосредоточить вниманіе на болѣе близкихъ къ намъ по времени воздѣйствіяхъ однихъ политическихъ порядковъ на другіе.

Въ періодъ времени, непосредственно слѣдовавшій за паденіемъ Западной Римской Имперіи, когда на ея развалинахъ возникло множество варварскихъ королевствъ съ новымъ гражданско-политическимъ устройствомъ, тотъ же факторъ заимствованія обусловилъ новыя юридическія и государственныя формы. Своеобразный строй варварскаго королевства, какъ это, между прочимъ, указалъ профессоръ Фюстель де-Куланжъ, создался, съ одной стороны, подъ вліяніемъ народныхъ обычаевъ и юридическихъ порядковъ, принесенныхъ съ собою германцами, съ другой стороны, подъ непосредственнымъ давленіемъ еще живой традиціи имперскаго административнаго и правового порядка. Такъ образовались Франкская, Вестготская и Лангобардская монархіи.

Переходя къ жизни средневѣковыхъ городскихъ республикъ, мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что подобно тому, какъ въ древности Аѳины и Спарта находили подражаніе себѣ въ окружающихъ

ихъ городахъ-республикахъ, въ средніе вѣка Венеція и Флоренція служили въ такой же степени образцами, къ учрежденіямъ которыхъ стремились приблизиться городскія республики Апеннинскаго полуострова. Но такъ какъ изъ этихъ двухъ республикъ одна республика святого Марка—Венеція—сохранила свою политическую самостоятельность до конца XVIII столѣтія, то немудрено, если впослѣдствіи ея учрежденія продолжали одни считаться заслуживающими подражанія. Они признавались таковыми и въ то время, когда флорентинскіе патріоты, современники Маккіавелли, сдѣлали попытку возродить республику во Флоренціи, и тогда, когда великій амстердамскій философъ—Спиноза, по порученію властей Голландской республики, задался составленіемъ своего „Политическаго Трактата“ (Tractatus politicus). Стоитъ только заглянуть въ тѣ республики, которыя долгое время были въ подчиненіи у Венеціи, какъ, напримѣръ, славянскій Дубровникъ, или Рагуза, чтобы найти точное воспроизведеніе въ миніатюрѣ венеціанскихъ политическихъ порядковъ и учрежденій.

Но если народоправства средней и сѣверной Италіи, отчасти также и южной Франціи и Германіи, устремляли свои взоры въ сторону Флоренціи и Венеціи, то для государствъ монархическихъ долгое время не было высшаго идеала, какъ Римская Имперія. Попытки ея возрожденія занимали въ равной мѣрѣ и нѣмецкихъ правителей изъ династіи Гогенштауфеновъ, и современника Лютера, испанскаго короля и германскаго императора Карла V.

Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ идеалу Римской Имперіи одинаково и на континентѣ Европы и въ Англіи стараются подражать всѣ монархическія правительства.

Какъ извѣстно, основной принципъ римскаго имперскаго порядка передается формулой: „quod principi placuit, legis habet vigorem“ — что нравится князю, то должно быть закономъ. Всякая попытка обратить сословный или ограниченный политическій строй въ абсолютный всегда ставила себѣ задачей осуществленіе этого римскаго начала, подобно тому, какъ всякое стремленіе къ диктатурѣ всегда прикрывалось и по настоящее время еще прикрывается тоже римскимъ принципомъ: „salus populi suprema lex—спасеніе народа высшій законъ“.

Къ этому высшему закону, который освобождаетъ отъ необходимости слѣдовать элементарной законности, обращались всѣ правители, начиная съ диктаторовъ глубокой древности и кончая португальскимъ министромъ Франко, который тѣми же соображеніями

о спасеніи отечества и народа оправдывалъ возможность отмѣны конституціи (извѣстно, впрочемъ, съ какимъ плачевнымъ результатомъ).

Но, перенося въ свою жизнь римскіе имперскіе порядки, монархіи Западной Европы тѣмъ самымъ открывали дорогу ученію римлянъ о народѣ, какъ источникѣ всякой власти. Это ученіе находилось въ глубокомъ противорѣчіи съ имперскимъ принципомъ. Въ Римѣ оно было извѣстно подъ именемъ „lex regia“, закона, можетъ быть, никогда не существовавшаго въ дѣйствительности, которымъ народъ будто бы передалъ всю полноту своей власти Августу. Отсюда возможно было дѣлать такое заключеніе, что верховная власть не можетъ принадлежать никому, кромѣ народа, и что законномѣрнымъ можетъ считаться лишь тотъ правитель, который свою власть получилъ отъ народа. И такое заключеніе дѣлалось. Такъ, уже въ XIV вѣкѣ Марсилій Падуанскій изложилъ ученіе, проводившее именно такую мысль. Съ того времени въ теченіе ряда столѣтій продолжаетъ развиваться доктрина о такъ называемомъ народномъ суверенитетѣ.

Не ранѣе эпохи начавшагося роста абсолютизма во Франціи и объединенія вошедшихъ въ нее полусамостоятельныхъ герцогствъ и графствъ, сдерживаемыхъ воедино благодаря системѣ административной и судебной централизаціи, французское королевство, вслѣдъ за испанскимъ, ранѣе объединеннымъ брачнымъ союзомъ Фердинанда съ Изабеллой, стало признаваться образцовымъ для всего континента Европы. Если католическій монахъ Кампанелла, авторъ „Солнечнаго града“, по выходѣ изъ тюремъ инквизиціи, считалъ возможнымъ обнародовать сочиненіе объ испанской монархіи, какъ образцовой, то еще ранѣе его Жанъ Боденъ въ своемъ трактатѣ „О республикѣ“ призналъ наиболѣе совершенной французскую монархію. Со времени упадка Испаніи и перехода первенствующей роли въ Европѣ къ Франціи Ришельё и Людовика XIV, монархія Бурбоновъ съ ея коллегіально устроенными министерствами, королевскимъ совѣтомъ и подчиненными ему провинціальными правителями, или интендантами, становится образцомъ и для германскихъ княжествъ, и для Швеціи, а черезъ ея посредство и для Россіи.

Въ одной только Англіи феодальная монархія съ ея сословными представительными учрежденіями продолжаетъ держаться неизмѣнно, вызывая восторженное отношеніе къ себѣ у туземныхъ писателей о политикѣ: въ XV вѣкѣ у Фортескью, канцлера королевства и автора латинскаго трактата „Похвалы англійскимъ за-

конамъ", а въ XVI — у Томаса Смита, современника Елизаветы и автора также латинскаго трактата — „Объ англійской республикѣ".

Въ XVII вѣкѣ оба политическихъ строя—абсолютной монархіи и монархіи, ограниченной сословіями, находятъ себѣ одинаково приверженцевъ и въ самой Англіи. Дважды путемъ революціи англичане обезпечиваютъ сохраненіе и дальнѣйшее развитіе своихъ исконныхъ политическихъ порядковъ, которые къ концу XVII столѣтія, со времени упраздненія феодализма и расширенія власти палатъ: народной, или палаты общинъ, и аристократической—палаты лордовъ, въ ущербъ королю, пріобрѣтаютъ вполнѣ характеръ конституціонныхъ и отчасти парламентарныхъ.

Въ серединѣ XVIII столѣтія англійскія учрежденія, какъ представляющія собою дальнѣйшее развитіе нѣкогда общихъ всему Западу началъ варварской, или „готической" монархіи, ставятся Монтескьё въ образецъ народамъ континента и прежде всего французамъ. Его проповѣдь была настолько успѣшна, что, когда во Франціи Генеральные Штаты 1789 года, превратившіеся въ Учредительное Собраніе, создали первую по времени писаную конституцію—конституцію 1791 года, въ основу новаго политическаго устройства французскаго королевства было положено подражаніе англійской представительной системѣ, но безъ примѣси парламентаризма и на почвѣ широкой демократіи. Съ 1791 г. и до нашихъ дней политическій строй Франціи скачками и съ значительными перерывами въ ходѣ развитія все болѣе и болѣе приближается къ англійской системѣ парламентаризма, не измѣняя въ то же время своимъ демократическимъ пристрастіямъ.

Еще ранѣе Франціи, въ то время только что родившаяся республика Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, при устройствѣ своихъ порядковъ, какъ въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ и во всей уніи, въ широкихъ размѣрахъ подражала учрежденіямъ Великобританіи. За Франціей и Бельгія, придерживаясь англійскаго образца, еще въ 1831 году устанавливаетъ у себя порядки сперва конституціонной, а затѣмъ парламентарной монархіи. Прочія государства континентальной Европы, отставая отъ Франціи и Бельгіи, тѣмъ не менѣе подъ ихъ вліяніемъ создаютъ у себя представительныя учрежденія. Такъ, Прусская конституція заимствуетъ многое изъ Бельгійской, а Баварская слѣдуетъ болѣе или менѣе близко образцу Французской Хартіи 1814 г. Можно сказать, что вліяніе, оказанное Англіей на политическія учрежденія Европы, Америки и

Австраліи, по своей широтѣ еще значительнѣе того, какое римское право имѣло на развитіе гражданскаго законодательства центральной и южной Европы, такъ какъ потокъ подражанія англійскимъ политическимъ порядкамъ, начавшійся съ середины XVIII ст., не остановился и по настоящій день; еще недавно онъ захватилъ собою Россію, Турцію и Персію.

Не трудно было бы доказать, что процессъ заимствованія, столь широко распространенный въ области политическихъ порядковъ и учрежденій, имѣлъ мѣсто и въ сферѣ судебнаго процесса. Такъ, напримѣръ, институтъ присяжныхъ, первоначально возникшій въ Англіи и окончательно тамъ сложившійся въ XIII столѣтіи, въ теченіе ряда вѣковъ и въ особенности начиная съ Великой Французской Революціи 1789 г., постепенно пускаетъ корни у всѣхъ народовъ культурнаго міра, заимствующихъ англійскій процессуальный порядокъ. Это относится и къ нашимъ „Судебнымъ Уставамъ“ Александра II, построеннымъ по французскимъ образцамъ, и которые черезъ ихъ посредство получили возможность включить въ число вводимыхъ ими новшествъ и англійскій судъ присяжныхъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что процессъ заимствованія права болѣе отсталыми юридически народами у болѣе развитыхъ не составляетъ особенности нашего времени. Всѣ нападки на это заимствованіе являются продуктами или неимовѣрнаго недомыслія, или явнаго невѣжества. Вѣдь всякій процессъ развитія, какъ показываетъ исторія, сводится къ двумъ первопричинамъ—изобрѣтенію и заимствованію. Во все, что мы дѣлаемъ или говоримъ, словомъ, въ наше поведеніе, мы сознательно или безсознательно вносимъ заимствованіе. Заимствованіе занимаетъ до такой степени видное мѣсто въ жизни людей, что Огюстъ Контъ не впадалъ въ преувеличеніе, говоря, что три четверти, если не четыре пятыхъ, современной цивилизаціи созданы не нами, а покойниками; наша культура—это „культура покойниковъ“, нашихъ предковъ, мысли и порядки которыхъ мы сохраняемъ по традиціи. Одинъ изъ учениковъ Огюста Конта, Пьеръ Лафитъ, пошелъ еще дальше. „Изъ насъ, рѣдко кто,—говорилъ онъ,—имѣетъ свои мысли, большинство повторяетъ чужое“.

Очевидно, отрицать заимствованіе, какъ факторъ прогресса, нѣтъ никакой возможности; и когда намъ говорятъ о томъ, что тѣ или другіе порядки не наши, что необходимо выработать самостоятельные, національные, истинно-русскіе, мы въ правѣ отвѣтить, что утверждать нѣчто подобное—значитъ итти противъ уроковъ міровой исторіи, знакомящей насъ съ *міровымъ процессомъ подражанія*.

Но слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что въ сферѣ политическихъ учрежденій, какъ и въ сферѣ права, прогрессъ человѣчества сводится къ одному только заимствованію болѣе отсталыми народами политическихъ учрежденій и права народовъ болѣе передовыхъ? Сравнивая, напримѣръ, древнѣйшій бытъ грековъ, насколько онъ выступаетъ, положимъ, въ „Иліадѣ“ Гомера, съ древнѣйшими порядками римлянъ, германцевъ, кельтовъ, славянъ и т. д., мы наталкиваемся на тотъ поразительный фактъ, что эти порядки имѣютъ между собою много общаго. Можно ли, однако, допустить, даже на минуту, чтобы, положимъ, германцы, изолированные отъ культурнаго міра древности, заимствовали свои первоначальные порядки, скажемъ, у грековъ временъ Гомера, или чтобы мы, славяне, подражали въ нашемъ древнемъ строѣ германцамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, — кельтамъ? Сказать этого нельзя, невѣроятность такого заключенія выступаетъ сама собою: невозможно говорить о заимствованіи на разстояніи тысячелѣтій.

Приходится остановиться поэтому на той мысли, что сходство въ экономическихъ условіяхъ, сходство вытекающихъ отсюда гражданскихъ отношеній, сходство въ уровнѣ знаній,—все это, вмѣстѣ взятое, обусловливаетъ причину, въ силу которой разноплеменные и разновременные народы открываютъ свое общественное развитіе съ аналогичныхъ стадій.

§ 2.

Въ ростѣ юридическихъ и политическихъ порядковъ у разныхъ народовъ можно отмѣтить не только сходство въ исходныхъ моментахъ, но и въ позднѣйшей эволюціи. На разстояніи столѣтій и тысячелѣтій отдѣленные морями, степью, болотами, лѣсами, горными возвышенностями и въ большей еще степени расовой рознью и религіозной исключительностью, народы Стараго и Новаго материка одинаково начинали и начинаютъ свое общественное существованіе съ образованія союзовъ, въ которыхъ связующимъ началомъ является кровное родство. Есть народности, которыя не доросли до родовыхъ порядковъ или завершили ими процессъ своего самостоятельнаго развитія, но нѣтъ такой, у которой дальнѣйшій ростъ учрежденій не былъ бы связанъ съ разложеніемъ и трансформаціей этихъ родовыхъ порядковъ. Отвлекаясь отъ вопроса, на чемъ былъ построенъ родъ: на началахъ ли родства по матери или по отцу,

мы можемъ сказать, что эта ранняя форма общественности не выходитъ за предѣлы болѣе или менѣе малочисленныхъ союзовъ, всѣ члены которыхъ считаются связанными между собою или единствомъ культа, предметомъ котораго можетъ быть и тотъ или другой звѣрь, избранный патрономъ, и то или другое растеніе, или обладаніемъ общимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ родоначальникомъ или родоначаль- ницей; во всякомъ случаѣ связь между членами этой группы вызывается не общностью территоріи, такъ какъ рѣчь идетъ объ охотничьихъ и кочевыхъ племенахъ.

Въ то время, какъ Огюстъ Контъ занимался чтеніемъ лекцій 20—30 слушателямъ въ зданіи, расположенномъ на rue de Tournon въ Парижѣ, и этими лекціями клалъ начало соціологіи, о родовыхъ порядкахъ и отношеніяхъ извѣстно было сравнительно мало. Правда, Нибуръ, великій историкъ Римской жизни и профессоръ Берлинскаго университета, сдѣлалъ уже попытку доказать, что и въ римскомъ быту можно въ ранніе періоды исторіи открыть родовые порядки, но сочиненія Нибура остались, повидимому, Конту неизвѣстными. Еще ранѣе Нибура іезуитъ Лафито, изучая бытъ краснокожихъ сѣверной Америки, нашелъ и у нихъ существованіе родовыхъ порядковъ, но отличныхъ отъ тѣхъ, которые можно встрѣтить въ древнѣйшемъ быту римлянъ, кельтовъ, грековъ, славянъ и германцевъ. Основою рода краснокожихъ является происхожденіе отъ общей прародительницы, и родство исчисляется въ женской, а не въ мужской линіи.

Можно пожалѣть, что Огюсту Конту осталась болѣе или менѣе непзвѣстной вся эта литература. Въ этомъ отношеніи его преемникъ Гербертъ Спенсеръ имѣетъ предъ нимъ несомнѣнное преимущество. Наиболѣе цѣнны тѣ именно отдѣлы его „Принциповъ соціологіи“, въ которыхъ онъ воспользовался этимъ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ. Восполнивъ его историческими данными и приложивъ къ нему сравнительно-историческій пріемъ изслѣдованія, онъ сумѣлъ построить исторію древней семьи, древнѣйшаго землевладѣнія и раннихъ политическихъ порядковъ, отправляясь отъ того основного положенія, что родовыя отношенія, основанный на материнствѣ родъ, должны считаться болѣе или менѣе исходнымъ моментомъ развитія.

Но если такъ, то можно съ увѣренностью сказать, что свидѣтельство нашего начальнаго лѣтописца о славянахъ: „сидяху кыждо съ родомъ своимъ“, можетъ быть въ равной мѣрѣ распространено и на народности кельтическаго и германскаго происхожденія. Чтобъ

доказать это, мы упомянемъ о Юліи Цезарѣ, у котораго есть свидѣтельство, что у галловъ существуютъ такого рода союзы, при которыхъ люди связаны родствомъ и живутъ сообща [1]), другими словами—существуютъ большія нераздѣльныя семьи, въ родѣ тѣхъ, которыя еще удержались кое-гдѣ въ нашемъ обширномъ отечествѣ и были изслѣдованы г-ми Ефименко въ ихъ интересномъ сочиненіи объ юридическомъ бытѣ нашего крестьянства, или тѣхъ „задругъ“ и „купъ“, которыя извѣстны южнымъ славянамъ и продолжаютъ держаться по настоящее время въ Сербіи и Черногоріи.

Спрашивается, какой порядокъ явился на смѣну родовому строю тамъ, гдѣ развитіе пошло дальше его?

Въ сферѣ общественныхъ отношеній родовой сепаратизмъ смѣняется клановымъ и феодальнымъ. Клановый строй—это разложившійся на іерархическіе пласты родъ-племя, фундаментъ котораго составляютъ покоренные инородцы, вошедшіе въ него на правахъ кліентовъ.

Можно сказать, что такой же широко распространенной формой общественнаго быта, какой нѣкогда былъ родовой строй, явилась впослѣдствіи феодальная система. Еще недалеко то время, когда считалось трюизмомъ утвержденіе, гласившее, что феодальный строй составлялъ принадлежность лишь германскихъ народовъ, ворвавшихся въ предѣлы Римской имперіи и положившихъ здѣсь начало самостоятельнымъ государствамъ: франкскому, англійскому и отдѣльнымъ германскимъ. Сказать въ прежнее время, что феодальная система была распространена и за предѣлами германскаго міра, значило прослыть невѣждой, профаномъ. Но въ наши дни едва ли кто позволитъ себѣ утверждать, что феодальная система есть продуктъ народнаго творчества однихъ только германцевъ.

Надо помнить, что феодальный порядокъ существенно отличается отъ клановаго только отсутствіемъ въ немъ представленія о дѣйствительномъ или мнимомъ родствѣ, связующемъ всѣхъ членовъ одного феода. Во всякомъ случаѣ феодъ не что иное, какъ трансформировавшійся родъ-кланъ. Мѣсто кровныхъ отношеній занимаютъ въ немъ договорныя. Обязательства, принимаемыя младшими по отношенію къ старшимъ, покоятся уже не на идеѣ естественнаго подчиненія патріархальной власти, а на взаимной вѣрности и добровольно принятой на себя „покорности“ по отношенію къ главѣ

---

[1]) Gentes et cognationes hominum qui una coierunt.

мѣстнаго ополченія, сливающемуся въ одномъ лицѣ съ главою помѣстья и патримоніальнаго суда.

Въ болѣе или менѣе выработанномъ видѣ мы встрѣчаемъ клановые и феодальные порядки у разноплеменныхъ народовъ земного шара, отдѣленныхъ другъ отъ друга и временемъ, и пространствомъ. Феодальные порядки въ частности далеко не составляютъ особенности германо-романскаго міра. Въ зародышномъ видѣ они извѣстны были Римской Имперіи, какъ и Имперіи Византійской—фактъ, доказываемый работами французскаго изслѣдователя Рамбо, профессора Петербургскаго университета Васильевскаго и директора русскаго Историческаго института въ Константинополѣ Успенскаго. О феодальныхъ порядкахъ можно говорить въ Англіи, какъ о слагавшихся еще до завоеванія ея норманами, слѣдовательно, какъ о чемъ-то туземномъ, а не внесенномъ извнѣ.

Новѣйшія работы нашего уже покойнаго молодого историка Павлова-Сильванскаго содѣйствуютъ упроченію того взгляда, что и въ Россіи многія стороны феодализма хорошо были извѣстны.

Еще Тишендорфъ настаивалъ на мысли о развитіи феодальныхъ отношеній на мусульманскомъ востокѣ. На сходство „икта“, которыми въ имперіи Великаго Могола вознаграждались за службу начальники мѣстныхъ отрядовъ, съ бенефиціями-феодами и съ помѣстьями указано было мною, равно какъ и на близость такъ называемой „икбалдавы“, т.-е. добровольной передачи себя свободнымъ человѣкомъ вмѣстѣ съ имуществомъ въ руки болѣе могущественнаго, къ средневѣковой комменданціи, которой въ свою очередь отвѣчаетъ наше закладничество.

Наконецъ, на отдаленномъ Востокѣ, въ Имперіи Восходящаго Солнца, мы встрѣчаемся съ тѣми же феодальными отношеніями въ періодъ, предшествующій политической централизаціи подъ властью Микадо, т.-е. въ періодъ такъ называемыхъ самураевъ. Достаточно прочесть японскія сказки, собранныя Митфордомъ, чтобы вынести впечатлѣніе объ обществѣ, построенномъ на феодальномъ началѣ. Можно было бы продолжить этотъ перечень народовъ, прошедшихъ въ своемъ историческомъ развитіи стадію феодальнаго быта, и, вслѣдъ за Масперо, говоритъ о феодальныхъ отношеніяхъ въ древнемъ Египтѣ, въ эпоху слѣдующую за царствованіемъ Рамзеса и предшествующую попыткѣ новаго объединенія, связанной съ именемъ Амазиса. Но мы далеки отъ мысли исчерпать хотя бы сколько-нибудь затрогиваемые нами вопросы. Для нашей цѣли достаточно только указать на широкое развитіе феодализма, явившагося на смѣну родовымъ порядкамъ.

Если мы всмотримся въ то, чѣмъ былъ феодализмъ, то нѣкоторыя положенія, высказанныя Огюстомъ Контомъ при изображеніи того періода, который онъ называетъ теократическимъ и милитарнымъ, станутъ намъ ясными. Указавши на то, что такой строй предшествуетъ индустріальному, Контъ затѣмъ развиваетъ ту мысль, что этотъ періодъ развитія человѣчества нужно раздѣлить на два подъ-періода—наступательнаго и оборонительнаго милитаризма. Наступательный отвѣчаетъ тому моменту, когда цѣлыя племена набрасывались на культурныя имперіи и клали на ихъ земляхъ основаніе новымъ государственнымъ организаціямъ, сохраняя въ то же время въ своемъ быту слѣды одновременно родового и военнаго строя. Отсюда—дѣленіе ихъ на сотни, отсюда—то отождествленіе сотенъ съ административными округами, которое мы встрѣчаемъ при изученіи быта германскихъ народовъ, положившихъ начало такъ называемому „Варварскому Королевству".

Въ чемъ же состоялъ переходъ отъ военно-наступательнаго къ военно-оборонительному порядку?

Когда германскія племена, ворвавшись въ предѣлы Римской Имперіи, уже осѣлись на своихъ мѣстахъ, то ихъ заботой сдѣлалась защита занятаго ими пространства отъ новыхъ нашествій, другими словами, они стали стремиться не къ новымъ завоеваніямъ, а къ охранѣ и экономической утилизаціи всего, что уже было ими присвоено. Такимъ образомъ, общественный укладъ долженъ былъ непремѣнно преслѣдовать двѣ цѣли: военно-оборонительную и хозяйственную. Отсюда—то представленіе, что государство должно быть военнымъ, а потому функціи главы военнаго отряда и администратора хозяйственнаго округа должны соединяться въ одномъ лицѣ. Благодаря этому сложились такого рода порядки, при которыхъ вообще не имѣлось представленія о людяхъ, лишенныхъ земли, точнѣе говоря, не имѣющихъ опредѣленнаго отношенія къ ней. Феодализмъ — это строй, въ которомъ всѣмъ открытъ доступъ къ землѣ. Нѣтъ владѣтельныхъ и невладѣтельныхъ семей, по крайней мѣрѣ въ средѣ свободныхъ, но все общество построено по системѣ горизонтальныхъ пластовъ, при чемъ высшій пластъ составляетъ собственникъ, которому принадлежитъ земля помѣстья, слѣдующій затѣмъ пластъ—это лица, которыя держатъ у него землю, и находятся отъ него въ зависимости столько же хозяйственной, сколько и военной, поставляя ему оруженосцевъ или просто солдатъ. Феодальные порядки рисуются намъ во образѣ пирамиды, во главѣ которой стоятъ земельные собственники—помѣщики, получившіе свои земли въ вознагражденіе за службу отъ представителя

высшей феодальной іерархіи, которымъ можетъ быть король или императоръ Священной Римской Имперіи. Сидя на своей землѣ, они утилизируютъ ее, какъ въ формѣ наслѣдственной аренды, которую принимаютъ на себя свободные люди подъ условіемъ несенія свободной службы, такъ и въ формѣ эксплуатаціи труда несвободныхъ крестьянъ, въ видѣ отправленія ими барщины и поставки всякаго рода натуральныхъ и денежныхъ рентъ.

Въ тѣхъ условіяхъ, которыми характеризуется понятіе самодовлѣющаго, или натуральнаго хозяйства, земля является главной цѣнностью, движимая собственность болѣе или менѣе неизвѣстна, а о кредитѣ имѣется самое слабое понятіе. Поэтому неудивительно, что всякаго рода услуги оплачиваются земельнымъ пожалованіемъ. Сама церковь и монастыри получаютъ земли за тѣ услуги, которыя они оказываютъ, принося молитвы за усопшихъ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ чтенію тѣхъ жалованныхъ грамотъ, которыми монастыри и храмы надѣляются землями въ силу завѣщанія или въ силу дара, то найдемъ въ нихъ нерѣдко слѣдующія выраженія: „мы дѣлаемъ это для того, чтобы всегда (предъ такимъ-то угодникомъ, или его мощами, или его изображеніемъ) горѣла зажженная свѣча (при этомъ часто опредѣляется и вѣсъ свѣчи) и для того еще, чтобы постоянно изо дня въ день, изъ года въ годъ приносимы были молитвы за тѣхъ-то и тѣхъ-то покойниковъ“.

Нужно оплатить услуги, оказанныя лицами, принимавшими участіе въ бояхъ, и отсюда возникло то, что на нашемъ старомъ административномъ языкѣ извѣстно было подъ именемъ „испомѣщенія служилыхъ людей“, благодаря чему наше дворянство оказалось главнымъ землевладѣльческимъ классомъ и пріобрѣло право, не въ примѣръ купечеству и мѣщанству, владѣть населенными землями, т.-е. землями, обработка которыхъ падала на барщинныхъ крестьянъ. Нужно вознаградить услуги оруженосцевъ, имъ тоже дается земля, но уже феодаломъ-рыцаремъ и не въ собственность, а въ наслѣдственное владѣніе на правахъ свободнаго пользованія, которое не связано съ несеніемъ барщины, а только съ платежемъ арендной цѣны и съ обязательствомъ являться по первому зову къ феодалу-собственнику, нести службу по военной охранѣ и принимать участіе въ тѣхъ походахъ, которые не выходятъ за предѣлы мѣстнаго района. Это и есть военная обязанность вассала по отношенію къ сюзерену. Нужно вознаградить крестьянъ за ихъ подневольный барщинный трудъ, и это вознагражденіе они получаютъ въ формѣ очень близкой къ той системѣ вѣчной аренды, которая продолжаетъ держаться у

насъ въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ подъ названіемъ „чинша“ и по настоящій день, и которая нѣкогда была широко распространена въ Европѣ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что за смѣной родовыхъ порядковъ феодальными *обладаніе землей и служба*, связанная съ нею, является такимъ же общественнымъ цементомъ, какимъ въ эпоху родовыхъ порядковъ было дѣйствительное или мнимое родство, дѣйствительное происхожденіе отъ общей родоначальницы или родоначальника, или только представленіе о томъ, что у данныхъ лицъ имѣется общій родоначальникъ или родоначальница.

Спрашивается теперь: пошло ли общее развитіе дальше, замѣнились ли эти сперва родовые, а затѣмъ феодальные порядки какими-нибудь иными? Да, они замѣнились порядками, въ которыхъ сословныя различія отступаютъ на задній планъ, уступаютъ мѣсто той изополитіи, или всесословности, къ которой стремилась древняя Греція въ эпоху гегемоніи Аѳинъ, которой императорскій Римъ достигъ со времени реформы Каракаллы, распространившей на всѣхъ жителей Имперіи права римскаго гражданства, и торжество которой въ новой Европѣ и въ Америкѣ совпадаетъ съ первыми биллями о правахъ и декларацiями правъ человѣка и гражданина.

Замѣна сословныхъ отношеній началомъ всесословности или бессословности, при которой возможны только классовыя различія, т.-е. такія, при которыхъ не законъ, а хозяйственный укладъ поддерживаетъ обособленность людей и не въ юридическихъ правахъ, а въ матеріальныхъ возможностяхъ, лежитъ причина неравенства между ними, такова послѣдняя извѣстная намъ стадія въ развитіи общественности.

Это тѣ самые порядки, къ которымъ мы стремимся въ настоящее время, доказывая необходимость отнять у сословныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, у дворянскихъ депутатскихъ собраній, право тѣмъ или другимъ своимъ рѣшеніемъ вліять на сокращеніе нашей гражданской правоспособности, путемъ исключенія изъ своей среды того или другого дворянина подъ предлогомъ совершенія имъ предосудительнаго поступка, лишать его такимъ образомъ возможности быть опекуномъ собственныхъ дѣтей и выступать въ роли присяжнаго повѣреннаго, такъ какъ всякое исключеніе изъ дворянскаго общества имѣетъ именно такія послѣдствія. Желаніе покончить съ такими переживаніями феодальнаго строя характеризуетъ нашу современную гражданственность, стремящуюся къ тому равенству всѣхъ предъ закономъ, которое какъ бы является завѣщаніемъ умирающей Греціи.

Мы показали, въ какомъ смыслѣ можно говорить о смѣнѣ родовыхъ порядковъ феодальными, феодальныхъ — порядками общества, построеннаго на началѣ равенства всѣхъ передъ закономъ. Теперь спрашивается — есть ли какое-нибудь опредѣленное отношеніе между этимъ переходомъ общественныхъ порядковъ и развитіемъ формъ политическаго устройства? Это тѣ вопросы, которые ставились и ставятся сейчасъ на соціологическихъ конгрессахъ и въ Международномъ Соціологическомъ Институтѣ. На одномъ изъ конгрессовъ этого института высказывалось, по поводу такого чередованія формъ политическаго устройства въ связи съ эволюціей общественныхъ порядковъ, мнѣніе отрицательное, сводившееся къ тому, что нѣтъ никакого поступательнаго движенія въ формахъ политическаго устройства, и что о прогрессѣ политическихъ формъ не можетъ быть и рѣчи. Этотъ взглядъ встрѣтилъ рядъ возраженій.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что вышеизложенная точка зрѣнія совершенно ошибочна, и думаемъ, что каждой изъ стадій, пройденныхъ человѣческимъ обществомъ, соотвѣтствуетъ и свой особый политическій строй: родовой стадіи — племенное княжество, феодальной—сословная монархія, всесословности—сперва благопріятный подъему народныхъ массъ цезаризмъ, а затѣмъ конституціонная и парламентарная монархія и республика, восполняемыя кое-гдѣ тѣми формами прямого народоправства, которыми являются референдумъ и прямой законодательный починъ, исходящій отъ избирателей.

Постараемся обосновать эту мысль.

Если мы припомнимъ то, что уже говорилось о родовомъ строѣ, при которомъ общество не выходитъ за предѣлы извѣстныхъ, не особенно численныхъ группъ, не имѣющихъ опредѣленнаго отношенія къ землѣ, такъ какъ родовой бытъ встрѣчается по преимуществу у народовъ пастушескихъ и охотничьихъ, то намъ легко будетъ представить себѣ, что такія общественныя группы не выдѣляютъ другого начальства, кромѣ руководительства старѣйшины. Всѣ остальные члены рода равны между собою. Немудрено поэтому, если всѣ они въ одинаковой мѣрѣ участвуютъ на томъ сходѣ, которымъ является вѣче, или народное собраніе.

Въ своей „Германіи“ Тацитъ даетъ намъ картину нѣмецкихъ порядковъ въ періодъ, предшествовавшій разселенію нѣмецкихъ племенъ въ провинціяхъ Римской Имперіи. Что же онъ говоритъ по вопросу о политическомъ устройствѣ германцевъ? Онъ говоритъ, что въ Германіи встрѣчаются вожди двоякаго рода: или племен-

ные вожди, или руководители военными силами—duces (герцоги), которыхъ выбираютъ за ихъ доблесть. У нѣкоторыхъ племенъ эти избираемые вожди перешли уже въ вождей наслѣдственныхъ, сдѣлались конунгами, или королями. Мы встрѣчаемъ ихъ повсюду въ эпоху разселенія германцевъ въ предѣлахъ Римской Имперіи.

Родовой строй предполагаетъ сосредоточеніе начальствованія въ рукахъ старѣйшаго представителя рода, которымъ считается не старшій сынъ, а старшій братъ. Онъ является вождемъ рода больше въ мирѣ, чѣмъ на войнѣ, такъ какъ для военнаго предводительства нерѣдко дается предпочтеніе выбираемому всѣми родами руководителю. Сперва временный, затѣмъ постоянный вождь племени, т.-е. совокупности нѣсколькихъ родовъ,—въ такой же степени первый между равными, какъ и родовой начальникъ. Отсюда то послѣдствіе, что подобно тому, какъ родовой распорядокъ поддерживается и возстановляется совокупными усиліями родового начальника и всѣхъ способныхъ по возрасту носить оружіе — „родовичей“, такъ точно племенной порядокъ предполагаетъ сотрудничество князя и вѣча, къ которому присоединяется еще совѣтъ изъ начальниковъ родовъ. Этимъ объясняется, что при переходѣ отъ родового быта къ государственному, переходѣ, вызываемомъ объединеніемъ нѣсколькихъ родовъ и племенъ вокругъ выдающейся личности [1]), политическій порядокъ представляетъ собою сочетаніе чертъ монархіи, аристократіи и демократіи. Во главѣ стоитъ князь, неизмѣнно принадлежащій къ династіи основателя государства или къ той, къ которой власть перешла по родству съ первой династіей, иногда и по народному выбору. Онъ—князь, военачальникъ, управитель и верховный судья своего народа. Послѣдній, какъ составленный изъ родовъ одного или нѣсколькихъ племенъ, выдѣляетъ изъ своей среды совѣтъ родовыхъ старѣйшинъ и племенное собраніе или вѣче, на которое въ правѣ сходиться, вмѣстѣ съ родовыми старѣйшинами, и всѣ совершеннолѣтніе члены мужескаго пола. Важнѣйшія дѣла рѣшаются княземъ вмѣстѣ съ вѣчемъ, на которомъ засѣдаютъ и родовые старѣйшины, менѣе важныя — княземъ въ сообществѣ родовыхъ старшинъ. Такіе порядки одинаково извѣстны возникающему государству краснокожихъ племенъ

[1]) Авторитетъ ея обусловливается репутаціей преимущественной храбрости, предпріимчивости, мудрости и знанія, состоящихъ то въ умѣньи распутывать сложныя судебныя препирательства, то въ знаніи магическихъ дѣйствій, заклинаній и врачеваній.

Сѣв. Америки, напр., ирокезцевъ, и стоящимъ у преддверья государственнаго союза осетинамъ и другимъ племенамъ сѣвернаго Кавказа въ моментъ ихъ присоединенія къ Россіи. Мы находимъ тотъ же строй изъ историческихъ народовъ древности и новаго времени одинаково и у грековъ эпохи Гомера, и у римлянъ въ царскій періодъ ихъ исторіи съ его зародышами сената, т.-е. совѣта стариковъ, и народными комиціями по трибамъ, т.-е. родовымъ. Онъ одинаково описанъ Тацитомъ въ его „Германіи“ и русскими лѣтописцами, изъ которыхъ проф. Сергѣевичу удалось извлечь главный матеріалъ для построенія теоріи вѣча и князя съ думою, какъ представляющихъ собою характеристику удѣльной до-московской Руси. Тѣ же элементы государственности заключаетъ въ себѣ и разлагающійся родовой порядокъ кельтовъ Шотландіи, Ирландіи и княжества Уэльскаго, которыхъ завоеваніе англичанъ застаетъ на переходной стадіи отъ родового быта къ племенному. Въ описаніи Цезаремъ жизни кельтическихъ племенъ Галліи мы встрѣчаемъ сходныя черты, не исключая временнаго и избирательнаго военачальства такъ называемаго вергобрета. Древнѣйшее государство — государство племенное. Оно требуетъ отъ гражданина чистоты крови, т.-е. устраняетъ отъ всякаго участія въ политической жизни покоренныя племена, обращая ихъ, гдѣ въ рабовъ, а гдѣ въ полусвободныхъ и современемъ крѣпкихъ къ землѣ, а гдѣ, наконецъ, и въ усыновленныхъ родами кліентовъ, только на разстояніи ряда поколѣній уравниваемыхъ съ членами господствующаго племени. Отсюда—зависимое положеніе илотовъ, метэковъ, подчиненныхъ Риму латинскихъ и италійскихъ племенъ, безправность и рабство завоеванныхъ саксами Англіи кельтовъ, образующихъ изъ себя не классъ свободныхъ крестьянъ—кёрлей, а классъ несвободныхъ воздѣлывателей—theows. Отсюда—полусвободное состояніе покоренныхъ германцами галло-иберо- и гельвето-римлянъ, попадающихъ въ составъ многочисленныхъ группъ—лидовъ, летовъ, альдіевъ и т. д. Отсюда же—невключеніе въ число участниковъ вѣча покоренныхъ кочевниковъ на протяженіи всей удѣльной Руси. Отъ первоначальнаго племенного королевства уцѣлѣли въ позднѣйшемъ строѣ греко-латинскихъ республикъ и варварскихъ монархій соучастіе народа и совѣта съ княземъ въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Въ Спартѣ рядомъ съ двумя монархами, принадлежащими одинаково къ роду Гераклидовъ, мы имѣемъ совѣтъ и все болѣе и болѣе отступающее на задній планъ народное собраніе; въ Аѳинахъ—смѣнившихъ короля архонтовъ,

въ числѣ ихъ архонта—базилевса, въ имени котораго еще живетъ память о прежнемъ монархѣ, ареопагъ, или совѣтъ старѣйшинъ родовъ, и экклезію, или народное собраніе. Въ Римѣ — тотъ же строй представленъ двумя консулами, наслѣдниками власти короля, сенатомъ и народными комиціями. Въ варварскихъ королевствахъ мы находимъ монарха съ его совѣтомъ и все болѣе и болѣе теряющее свое значеніе народное вѣче; оно совершенно исчезаетъ въ Англіи къ концу англо-саксонскаго періода, когда служилые люди смѣняютъ собою въ его составѣ членовъ простонародья, но вѣче продолжаетъ еще собираться во Франціи періодически въ эпоху военныхъ смотровъ на такъ называемыя „мартовскія“ и позднѣе „майскія поля“, служащія одинаково и для обнародованія законовъ. Еще при первыхъ Капетингахъ признается правиломъ, что законы издаются княземъ съ совѣта старшихъ (majores) и съ народнаго согласія (consensu populi). Князь, вѣче и совѣтъ — таковы порядки племенного княжества, древнѣйшей формы политическаго уклада.

Каковъ, спрашивается, былъ дальнѣйшій ходъ политическаго развитія?

Въ сферѣ общественныхъ отношеній родовой сепаратизмъ смѣняется, какъ мы видѣли выше (стр. 46), клановымъ и феодальнымъ. Феодальная система построена была на договорѣ сюзерена съ вассалами. Для контроля за сохраненіемъ сторонами ихъ взаимныхъ обязанностей и правъ, сперва въ отдѣльныхъ феодахъ, а затѣмъ и въ организованныхъ по ихъ типу феодальныхъ монархіяхъ и княжествахъ, возникли періодическія собранія, на которыя сюзереномъ призывались лично его прямые вассалы и, по началу представительства или, точнѣе, делегаціи, его вассалы второстепенные. Къ числу такихъ вассаловъ принадлежали и города. Отсюда—представительство и средняго сословія, образующаго, гдѣ отдѣльную камеру, какъ, напр., въ Испаніи, Франціи и германскихъ государствахъ, а гдѣ общую съ делегатами отъ второстепенныхъ сельскихъ вассаловъ—я разумѣю Англію. Такъ какъ крестьянство въ большинствѣ государствъ Европы въ эпоху феодализма находится въ крѣпостной зависимости, то мы рѣдко гдѣ встрѣчаемся съ особой крестьянской камерой. Такая камера существуетъ по исключенію, между прочимъ, въ Швеціи, а потому и въ бывшей ея провинціи—Финляндіи. Будучи общимъ явленіемъ, феодализмъ всюду ведетъ къ развитію сословнаго представительства: и въ Испаніи, и въ Португаліи, и въ отдѣльныхъ княжествахъ, объединеніе

которыхъ совершается современемъ подъ властью французскихъ королей, поэтому въ Лангедокѣ, Провансѣ или Нормандіи—ранѣе, чѣмъ во всей Франціи. Мы встрѣчаемъ сословное представительство и въ Англіи, и въ Скандинавскихъ государствахъ, и въ отдѣльныхъ земляхъ Германской Имперіи, относя къ нимъ и Савойское княжество съ Пьемонтомъ, и въ Нормандскихъ владѣніяхъ въ Сициліи, и въ Анжуйскихъ, а впослѣдствіи Аррагонскихъ владѣніяхъ Южной Италіи. Мы находимъ тѣ же сословные сеймы и въ Венгріи, и въ Богеміи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, наконецъ, въ Московіи, гдѣ, подъ именемъ Земскихъ Соборовъ, они возникаютъ всего позже, въ царствованіе Ивана IV Грознаго, по всей вѣроятности, не безъ вліянія того примѣра, какой представилъ собою Литовскій сеймъ при Стефанѣ Баторіи.

Борьба съ политическими притязаніями дворянства и кое-гдѣ высшаго духовенства заставляетъ правителей Европы содѣйствовать матеріальному подъему и юридической правоспособности закабаленнаго крестьянства и подчиненной земельной аристократіи буржуазіи. Сословная рознь только возрастаетъ по мѣрѣ этой поддержки. Пользуясь ею, монархія, принимая форму демократическаго цезаризма, такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“, силою кладетъ конецъ или ослабляетъ значеніе сословнаго представительства. Рѣшающимъ моментомъ въ этомъ отношеніи является созданіе самими сословными камерами постояннаго, независящаго отъ ихъ вотума налога, который идетъ на покрытіе издержекъ столь же постояннаго войска. Можно сказать, что съ момента замѣны феодальныхъ ополченій наемнымъ войскомъ начинается упадокъ сословной представительной монархіи и медленный ростъ абсолютизма. Благопріятнымъ условіемъ для него является столкновеніе сословныхъ интересовъ, нежеланіе однихъ поступиться своими привилегіями и требованіе другими равенства передъ судомъ, закономъ и налогомъ. Съ полнымъ торжествомъ всесословности, или изополитіи, создаются порядки, благопріятные возрожденію начала участія представителей уже не отъ сословій, а отъ всего народа, въ законодательствѣ и налоговомъ обложеніи. Поэтому всюду возникаетъ запросъ на оживленіе системы представительства мѣстнаго населенія въ законодательныхъ палатахъ. И если въ устройствѣ этихъ палатъ государства континентальной Европы приближаются къ англійскому образцу, то только потому, что въ Англіи уцѣлѣли, выражаясь языкомъ Монтескьё, въ полномъ видѣ черты общей нѣкогда всей Европѣ готической, т.-е. сословной представительной монархіи, не только

уцѣлѣли, но и развились, перешли вмѣстѣ съ ростомъ изополитіи, или всесословности, въ черты всенародной, представительной, или конституціонной монархіи.

Въ XVIII и началѣ XIX вѣка повторилось съ англійскими учрежденіями то же, что въ эпоху Возрожденія съ римскимъ правомъ. Германія, доросшая до момента развитія мѣнового хозяйства и нуждающаяся, поэтому, въ законодательствѣ, построенномъ на началѣ свободнаго договора, вмѣсто того, чтобы создавать собственное право, переняла римское, какъ благопріятное свободѣ сдѣлокъ. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія континентальная Европа, желая на почвѣ всесословности, возродить представительные порядки устройства законадательной власти, удовольствовалась лишь той второстепенной формой творчества, какой является приспособленіе англійскихъ, т.-е. иноземныхъ учрежденій, къ мало отвѣчающимъ имъ началамъ гражданскаго равенства и народнаго самодержавія.

И насколько движеніе въ области политическаго устройства обусловлено было параллельными измѣненіями въ общественномъ строѣ, доказательствомъ тому можетъ служить тотъ фактъ, что сама Англія, подъ вліяніемъ того же стремленія къ изополитіи, болѣе или менѣе расширила основы своей представительной системы, идя такимъ образомъ на встрѣчу континентальнымъ порядкамъ.

Итакъ, одинаково въ эволюціи общественнаго и политическаго уклада мы встрѣчаемъ, при второстепенномъ участіи заимствованія, нормальное прохожденіе разноплеменными обществами однѣхъ и тѣхъ же стадій развитія. Очевидно, что это сходство въ учрежденіяхъ обусловливается общностью вызывающихъ ихъ къ жизни причинъ, источникъ которыхъ надо искать столько же въ экономическомъ строѣ, въ организаціи производства и обмѣна, въ постепенной замѣнѣ самодовлѣющаго хозяйства хозяйствомъ мѣновымъ, сколько и въ ростѣ народной психіи по мѣрѣ накопленія знаній и перехода отъ мистическихъ представленій къ позитивному мышленію, благопріятному развитію начала самодѣятельности въ ущербъ началу авторитета и традиціи. Немудрено поэтому, если завершающимъ звеномъ въ ростѣ политическихъ учрежденій является система самоуправленія общества подъ главенствомъ наслѣдственнаго или избираемаго вождя.

Самоуправленіе общества столько же выступаетъ въ сферѣ мѣстной жизни, сельской, городской и провинціальной, сколько въ жизни всего политическаго тѣла. Парламенты, національныя собранія, сеймы

и государственныя думы, только завершаютъ собою іерархію избираемыхъ совѣтовъ, завѣдующихъ общинными и земскими нуждами.

Новый государственный строй, тѣсно связанный съ принципомъ всесословности, т.-е. равенства всѣхъ предъ закономъ, судомъ и налогомъ, стоитъ въ преемственной исторической связи и съ сословной монархіей, возникшей на почвѣ іерархическаго расчлененія общества на привилегированные и непривилегированные классы, и съ племеннымъ княжествомъ, объединяющимъ собою въ войнѣ и мирѣ болѣе или менѣе самостоятельные роды.

Такимъ образомъ, черезъ всю исторію человѣчества красной нитью проходитъ смѣна общественныхъ и политическихъ укладовъ. Государственные порядки вмѣсто того, чтобы быть предметомъ свободнаго выбора, оказываются обусловленными всѣмъ предшествующимъ ходомъ общественнаго развитія, въ свою очередь стоящаго въ тѣсной связи съ ростомъ знаній, техники и происходящими отсюда перемѣнами въ народномъ хозяйствѣ.

Стоя еще на почвѣ теократическаго мышленія, Боссюетъ рисовалъ себѣ ходъ всемірной исторіи, говоря: „Человѣкъ волнуется, а Богъ ведетъ его“. Позднѣе Боссюета Паскаль уже сравнивалъ человѣчество съ индивидомъ, живущимъ вѣчно и постоянно накопляющимъ знанія, послѣдствіемъ чего является постепенное совершенствованіе его матеріальнаго и духовнаго быта. Основатели соціологіи: Кондорсэ, Сенъ-Симонъ, Огюстъ Контъ, замѣнили эту аналогію научной демонстраціей. Они доказали, что человѣческія общества становятся сложнѣе и совершеннѣе параллельно раскрытію человѣчествомъ законовъ природы и все большему и большему подчиненію ея собственнымъ цѣлямъ, благодаря переходу отъ апріорнаго мышленія къ опыту, наблюденію и научному синтезу.

Сравнительная исторія учрежденій, отправляясь отъ основного закона соціологіи, закона прогресса, ставитъ себѣ задачей раскрыть одинаково и тѣ перемѣны въ общественномъ и политическомъ укладѣ, въ которыя вылился этотъ прогрессъ, и тѣ причины, которыми онъ обусловленъ.

Наравнѣ съ сравнительнымъ языкознаніемъ, съ сравнительной исторіей литературы, съ сравнительной исторіей пластическихъ искусствъ и музыки, сравнительной исторіей хозяйственнаго развитія и т. д., и т. д., сравнительная исторія права и учрежденій принадлежитъ къ числу тѣхъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ, которыя, взамѣнъ доставляемыхъ имъ соціологіей руководящихъ началъ, ставятъ ей необходимыя стропила для постройки той науки о

порядкѣ и прогрессѣ, которой соціологія была признана, какъ мы видѣли, еще Огюстомъ Контомъ и которой она остается и по настоящій день даже для писателей, предпочитающихъ называть ее наукой объ организаціи и эволюціи общества [1]).

Какъ конкретная наука, сравнительная исторія права только доставляетъ соціологіи матеріалъ для построенія общей теоріи прогресса. Но это не мѣшаетъ ей считать своимъ слѣдующее эмпирическое обобщеніе: въ сферѣ общественныхъ и политическихъ учрежденій прогрессъ сказывается въ двустороннемъ процессѣ—въ замѣнѣ гражданскаго неравенства равенствомъ всѣхъ передъ закономъ, судомъ, налогомъ, государственной службой и т. д., и т. д., а во-вторыхъ, въ процессѣ замѣны внѣшняго руководительства, правительственной опеки—какъ личной самодѣятельностью, такъ и самодѣятельностью общественной. Эти выводы сами по себѣ достаточно цѣнны, чтобы обусловить новой наукѣ признаніе широкихъ круговъ, равно заинтересованныхъ въ ростѣ знанія и въ тѣхъ практическихъ послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть его распространеніе въ массахъ. Идея обусловленности политическаго прогресса общественнымъ, а послѣдняго накопленіемъ знанія и практическаго опыта, или техники,—сама по себѣ идея, столько же освободительная, сколько и консервативная. Она одинаково враждебна и индивидуальнымъ попыткамъ повернуть ходъ исторіи, и квіетизму, мирящемуся съ современнымъ зломъ, какъ наслѣдіемъ прошлаго. Она равнозначуща признанію прогресса и въ формахъ правленія, и въ формахъ общественнаго уклада, но въ то же время она настаиваетъ на постепенности этого прогресса и невозможности политическихъ скачковъ.

Сравнительная исторія учрежденій должна, прежде чѣмъ доставить матеріалъ для постройки соціологіи, заимствовать у послѣдней ея руководящую мысль. Во-первыхъ, она должна усвоить основное положеніе соціологіи о внутреннемъ соотвѣтствіи всѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается общественный порядокъ того или другого народа; право, на опредѣленной стадіи его развитія, отвѣчаетъ извѣстному экономическому укладу. Не можетъ существовать, напримѣръ, у народа, не знающаго обмѣна, такого права, которое признавало бы, что простого выраженія обоюднаго желанія достаточно для заключенія договорной сдѣлки; при обмѣнѣ согласіе, устное или письменное, есть уже достаточное основаніе для возникновенія обя-

[1]) См. Ellwood, Sociology, its problems and its relations. American Journal of Sociology. Nov. 1907, page 303.

зательства. Во-вторыхъ, одна только соціологія учитъ насъ, что нѣтъ порядка безъ прогресса, и что прогрессъ слагается изъ послѣдовательной смѣны извѣстныхъ общественныхъ и политическихъ состояній въ связи съ развитіемъ знанія, съ ростомъ населенія, съ измѣненіями, происходящими въ производствѣ, обмѣнѣ и т. д. Если мы вздумаемъ искать безъ помощи соціологіи причинъ, по которымъ у разныхъ народовъ начальная стадія общественнаго развитія является одинаковой, т.-е. возникаютъ общественные союзы, основанные на дѣйствительномъ или мнимомъ родствѣ всѣхъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, то мы этихъ причинъ открыть не сумѣемъ. Фактъ самъ по себѣ останется необъясненнымъ. Мы въ состояніи будемъ сказать только: удивительная вещь, всякая общественная жизнь начинается одной и той же стадіей развитія—родомъ, матріархальнымъ или патріархальнымъ. Но почему это такъ, на это можно отвѣтить только послѣ предварительной справки съ тѣмъ выводомъ, на которомъ остановилась отвлеченная наука объ обществѣ—соціологія, указывающая, изъ какихъ стадій развитія слагается прогрессъ человѣческаго общества и что управляетъ смѣною ихъ.

Соціологія,—знакомящая насъ съ характеромъ древнѣйшаго міросозерцанія, съ древнѣйшимъ пониманіемъ отношеній людей между собою, раскрывшая, что древнѣйшей формой религіи является „анимизмъ“, и что при существованіи анимизма исчезаетъ понятіе о томъ, что со смертью прекращается связь съ отошедшими въ загробную жизнь поколѣніями,—одна позволяетъ понять, почему родовымъ отношеніямъ придается такое значеніе въ начальномъ обществѣ, почему та связь, которая въ нашемъ обществѣ создается политической властью и подданствомъ, въ древнемъ сводилась къ признанію кровнаго родства между всѣми членами, входящими въ составъ союза.

Сравнительная исторія учрежденій констатируетъ, какъ мы видѣли, тотъ фактъ, что не только родовой бытъ является общей начальной стадіей общественнаго развитія у разноплеменныхъ народовъ, но что онъ смѣняется въ извѣстномъ порядкѣ бытомъ феодальнымъ, который затѣмъ уступаетъ мѣсто быту гражданскаго равенства, или изополитіи, составляющей основу нашего общественнаго уклада. Она указываетъ также, что въ связи съ этой перемѣной общественныхъ формъ слѣдуютъ измѣненія и въ политическомъ укладѣ государствъ. Но если мы захотимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, почему происходятъ всѣ эти перемѣны, почему, напримѣръ, гражданское ра-

венство смѣняетъ собою феодальный порядокъ, то на эти вопросы мы не въ состояніи будемъ отвѣтить иначе, какъ обратившись къ той наукѣ, которая разъясняетъ условія поступательнаго развитія общества, смѣну однихъ общественно-политическихъ устоевъ другими по мѣрѣ развитія знаній, уплотненія населенія, измѣненія въ условіяхъ техники и т. д., и т. д. Этой наукой опять-таки является наука о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ.

ГЛАВА III.

Соціологія и право.

Въ германской юридической литературѣ не разъ высказываемо было за послѣднее время недовольство современной постановкой вопроса о научныхъ задачахъ правовѣдѣнія. Одни жалуются на подчиненіе исторіи догмѣ, другіе на равнодушіе, съ какимъ юристы уклоняются отъ важнѣйшей ихъ миссіи, содѣйствовать своими трудами дальнѣйшему развитію права [1]). Ближайшимъ поводомъ къ проявленію такого недовольства было изданіе въ 1888 году проекта новаго гражданскаго кодекса для Германіи съ сопровождающими его мотивами. Оно какъ нельзя лучше показало, что служебное положеніе, въ какое исторія законодательствъ попала къ догмѣ, обратившей ее въ своего рода архивный складъ для справокъ о времени происхожденія и послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ отдѣльныхъ институтовъ, принесла свои печальные плоды. Нѣмецкіе юристы утратили сознаніе той связи, въ какой право стоитъ съ ростомъ культуры и гражданственности. Идея внутренняго развитія и тѣсной зависимости, существующей въ каждый данный моментъ между правомъ и экономическимъ, общественнымъ, политическимъ и религіозно-нравственнымъ укладомъ націи, повидимому, осталась чуждой составителямъ кодекса, важнѣйшей основой котораго сдѣлались Юстиніановы Пандекты съ тѣми расширительными толкованіями и подчасъ искаженіями, какимъ они подверглись со стороны нѣмецкихъ док-

[1]) См., напр., Adolf Merkel „Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur positiven Rechtswissenschaft (Zeitschr. für Privat und öffentliches Recht. Wien. 1874 г.), въ особенности же цитируемую ниже рѣчь Антона Менгера.

матиковъ. Пренебреженіе исторіей повело къ опущенію законодателемъ всякаго рода соціальныхъ задачъ, къ отсутствію малѣйшей попытки дать юридическое выраженіе общественнымъ тенденціямъ современности. Никто живѣе Антона Менгера не передалъ той мысли, что предложенный Германіи сводъ отразилъ на себѣ всѣ недостатки современной германской юриспруденціи. „Если,—говоритъ онъ,—иные юристы ставятъ проекту упрекъ въ томъ, что онъ лишенъ соціальнаго характера, то составители его въ правѣ имъ отвѣтить: да, это недостатокъ, но общій всей нѣмецкой юриспруденціи, и не одной нѣмецкой“ [1]). Почтенный ученый почему-то не задался мыслью, въ какой мѣрѣ отмѣченная имъ черта обусловлена недостаточной исторической подготовкой современныхъ законовѣдовъ. Совершенно справедливо замѣчая, что „наука права должна преслѣдовать три цѣли—догматическую, историческую и соціальную (въ смыслѣ предложенія реформы въ дѣйствующемъ законодательствѣ съ цѣлью согласовать его съ гражданскимъ бытомъ), Менгеръ неправильно обособляетъ затѣмъ эти задачи въ отдѣльныя дисциплины: юриспруденціи догматической, исторической и законодательно-политической (legislativ-politische Jurisprudenz), тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ три не болѣе, какъ вѣтви одного цѣлаго. Вѣдь что такое догма, какъ не возможно логическая передача дѣйствующаго права, не заключающая въ себѣ самой никакого критерія его пригодности въ настоящемъ и путей дальнѣйшаго развитія; только при помощи исторіи можно отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ данное право является продуктомъ всего предшествующаго наслоенія юридическихъ нормъ и что въ немъ продолжаетъ стоять въ противорѣчіи съ намѣченными жизнью рѣшеніями, а это значитъ, что безъ исторіи нельзя указать ни органическаго характера законодательства, ни скрывающихся въ немъ несовершенствъ, источникъ которыхъ всецѣло лежитъ въ томъ, что жизнь обогнала юридическое творчество.

Непониманіе этой истины ведетъ къ тому, что многіе думаютъ найти критерій для оцѣнки дѣйствующаго законодательства въ какомъ-то метафизическомъ представленіи объ абсолютной справедливости и прирожденныхъ человѣку правахъ, слывущихъ подъ названіемъ правъ естественныхъ. Забывая историческое происхожденіе его

[1]) Рѣчь о соціальныхъ задачахъ юриспруденціи, произнесенная А. Менгеромъ, въ званіи ректора Вѣнскаго университета, 24 октября 1895 г. (русскій переводъ въ Запискахъ Харьковскаго Университета за 1896 годъ).

первообраза—римскаго jus gentium, вызваннаго необходимостью нормировать юридическія отношенія отличныхъ отъ квиритовъ, или исконныхъ уроженцевъ вѣчнаго города, чужеродцевъ-перегриновъ, постепенно вошедшихъ въ составъ римскаго подданства, нѣкоторые изъ современныхъ юристовъ не прочь оживить ученіе „о правѣ, которому сама природа обучила всѣхъ живущихъ“ (jus quod natura omnia animalia docuit). Но, если природа обучила чему всѣхъ живущихъ, то отнюдь не праву, а безправію, состоящему въ томъ, чтобы жертвовать ближнимъ въ интересахъ самосохраненія. Если борьба за существованіе въ концѣ-концовъ не воспрепятствовала, а можетъ быть даже косвенно содѣйствовала образованію права, то только благодаря тому, что инстинктъ самосохраненія подсказалъ участникамъ этой борьбы необходимость организоваться въ группы для болѣе успѣшнаго ея веденія; но всякая группа, будетъ ли ею муравейникъ, пчелиный улей, птичья стая, оленье стадо или орда кочевниковъ, съ необходимымъ подраздѣленіемъ на болѣе тѣсные союзы хотя бы временно сожительствующихъ мужчинъ и женщинъ, прежде всего является замиренной средой, изъ которой устраненъ элементъ борьбы, мѣсто ея занимаетъ солидарность, или сознаніе общности интересовъ и взаимной зависимости другъ отъ друга. На почвѣ этой солидарности человѣческихъ группъ, предшествующихъ во времени образованію государства, и возникаетъ право, еще ничѣмъ не отличающееся отъ нравственности и, подобно ей, имѣющее религіозную окраску, что при всеобщемъ господствѣ анимизма, заставляетъ смотрѣть на него, какъ на священный завѣтъ предковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тѣ или другія его нормы имѣютъ источникомъ третейское рѣшеніе, вызвавшій подражаніе приговоръ стариковъ-родственниковъ или обособившихся въ самостоятельную касту волхвовъ, кудесниковъ, будутъ ли ими сибирскіе шаманы, индусскіе брамины или кельтическіе брегоны и друиды. Все это не слѣдуетъ терять изъ виду при критикѣ тѣхъ притязаній, какія въ разное время выставляли, какъ школа естественнаго права, говорившая о прирожденномъ человѣку и неизмѣнномъ чувствѣ справедливости, такъ и историческая школа, выводившая право изъ обычая, а послѣдній непосредственно изъ народнаго юридическаго сознанія (Nationales Rechtsbewustsein). Если право зарождается вмѣстѣ съ первыми общественными союзами и отвѣчаетъ одному съ ними запросу на солидарность сперва тѣсныхъ, затѣмъ все болѣе и болѣе широкихъ группъ, то о прирожденности извѣстныхъ юридическихъ идей и представленій можно

говорить только въ томъ смыслѣ, что они унаслѣдованы отъ предковъ, а отнюдь не въ томъ, что они насаждены въ насъ природой или являются, выражаясь языкомъ Канта, категорическимъ императивомъ нашего ума. Будь они такимъ императивомъ, они не мѣнялись бы вмѣстѣ съ ростомъ человѣческой солидарности, по мѣрѣ того, какъ численно ограниченные союзы бродячихъ ордъ или замѣнившихъ ихъ современемъ родовъ и нераздѣльныхъ семей уступаютъ мѣсто федераціямъ племенъ и территорій, а послѣднія—объединеннымъ завоеваніемъ, насильственно сближеннымъ народностямъ, образующимъ одно политическое цѣлое—государство. И много позднѣе, когда подъ вліяніемъ универсалистическихъ религій и международнаго торговаго обмѣна, сфера солидарности начинаетъ обнимать собою рядъ народовъ и государствъ, мнимо-прирожденныя намъ понятія о правѣ и справедливости мѣняются такъ радикально, что взамѣнъ прежняго воззрѣнія на чужеземца, какъ на врага, противъ котораго все дозволено, постепенно развивается понятіе о поставленномъ подъ защиту собственнаго очага и потому неприкосновенномъ гостѣ, о братѣ-единовѣрцѣ, тронуть котораго не позволяетъ воля Божья и голосъ совѣсти; наконецъ, и всего позднѣе, вырабатывается въ нашемъ сознаніи, все подъ вліяніемъ той же причины—расширяющейся солидарности, отвлеченное представленіе о человѣкѣ вообще и его неотъемлемыхъ правахъ. Представленіе это большинство долгое время еще соединяетъ съ фактомъ принадлежности къ одной съ нимъ расѣ и религіи; медленно вырабатывается понятіе о всечеловѣкѣ, братѣ не по Христу и не по Магомету, а по принадлежности къ числу мыслящихъ и чувствующихъ существъ. Сознаніе родового единства, патріотизмъ, космополитизмъ—таковы послѣдовательныя стадіи въ развитіи того чувства солидарности, окончательное упроченіе котораго въ такой же мѣрѣ обусловитъ собою въ будущемъ радикальную перемѣну въ нашихъ современныхъ понятіяхъ о неотъемлемыхъ правахъ личности, въ какой самое его появленіе вызвало зарожденіе идеи права вообще. Я далеко не перечислилъ всѣхъ союзовъ, въ которыхъ послѣдовательно развивалось и зрѣло наше чувство общественной солидарности, вызывая соотвѣтственныя перемѣны въ тѣхъ юридико-нравственныхъ идеалахъ, совокупность которыхъ и образовывала въ разное время столь различное по содержанію естественное право. Мнѣ бы пришлось въ противномъ случаѣ назвать сельскую общину и муниципію, цехъ и гильдію, касты, сословія и не имѣющіе, подобно имъ, характера личной замкнутости, хотя и основанные не

на одномъ раздѣленіи труда, но также на монополіи землевладѣнія и капитала, классы собственниковъ (движимыхъ и недвижимыхъ), и пролетаріевъ, распадающихся, въ свою очередь, на различныя категоріи рабочихъ, въ томъ числѣ и представителей умственнаго труда. По мѣрѣ того, какъ исчезли всѣ эти союзы, за исключеніемъ однихъ классовъ, отходили въ область прошедшаго, становились анахронизмами и такія положенія, какъ, напримѣръ, устраненіе чужеземца отъ общенія съ членами общины или цеха, запрещеніе браковъ и вообще тѣснаго гражданскаго обмѣна между лицами разныхъ кастъ и сословій. Странно звучитъ нынѣ то положеніе, что благородный человѣкъ долженъ жить благородно, воздерживаясь отъ наживы торговлею и промыслами, а между тѣмъ не далѣе, какъ сто двадцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху редактированія знаменитыхъ наказовъ 1789 года, оно еще было отголоскомъ нѣкогда широко-распространеннаго понятія о правѣ и справедливости, такимъ же отголоскомъ или переживаніемъ, какимъ въ эпоху наступившей уже свободной конкурренціи являлось ученіе о справедливой цѣнѣ и нормируемомъ правительствомъ заработкѣ торговцевъ, промышленниковъ и рабочихъ. Всѣ эти положенія, заодно съ каноническимъ запретомъ роста, вошли въ общественное сознаніе и въ свое время могли считаться такимъ же естественнымъ правомъ, какимъ въ англійскихъ, американскихъ и французскихъ деклараціяхъ двухъ послѣднихъ столѣтій является личная свобода и неприкосновенность собственности.

Нашей точки зрѣнія отнюдь не раздѣляютъ, однако, и тѣ изъ германскихъ юристовъ, которые, какъ, напримѣръ, Адольфъ Меркель или Эрнстъ Нейкампъ, подобно намъ, не вѣрятъ въ возможность оживленія нѣкогда надѣлавшей много шуму и оставившей слѣдъ въ законодательствѣ школы естественнаго права. Мнѣ, признаюсь, непонятно, какъ можетъ „существующее въ правѣ,—согласно утвержденію Меркеля,—само по себѣ дать критерій для своей оцѣнки и образцы дальнѣйшихъ реформъ“ [1]). Я не думаю, чтобы достаточно было выдѣлить въ особую часть отвлеченныя начала дѣйствующаго права, чтобы тѣмъ самымъ указать и его пробѣлы и путь къ его

[1]) „Vielen erscheint es freilich als unbegreiflich, wie das Bestehende den Massstab für seine eigene Beurtheilung und die Musterbilder für seine Umbildung soll an die Hand geben können, und doch handelt es sich dabei um einen Vorgang zu dem sich Analogien in allen Wissensgebieten finden lassen (Merkel. Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur positiven Rechts-Wissenschaft und zum allgemeinen Theil derselben). См. Zeitschrift für Privat und öffentliches Recht der Gegenwart, 1874 г., стр. 418.

исправленію, я не думаю этого потому, что, заодно съ Іерингомъ, я полагаю, что уголъ зрѣнія, съ котораго должно быть разсматриваемо дѣйствующее право, даетъ намъ совершающееся внѣ его тѣсной области развитіе всей гражданственности. То, что этотъ глубокій мыслитель обозначаетъ довольно неопредѣленнымъ терминомъ внѣшняго, по отношенію къ праву, міра (Aussenwelt) [1]), есть все то, изъ чего, заодно съ правомъ, слагается въ каждый данный моментъ соціальный укладъ народа, его экономика и политика, религія и нравственность, наука и искусство. Всѣ эти стороны быта, опять таки заодно съ правомъ, такъ или иначе участвуютъ въ ростѣ солидарности и только взаимодѣйствіемъ ихъ другъ на друга объясняется самый этотъ ростъ. Независимо и раньше послѣдняго труда Іеринга Тардомъ намѣчены были такъ сказать психологическіе законы поступательнаго развитія обществъ, которые всѣ сводятся имъ къ открытію и подражанію [2]). Но само открытіе есть не болѣе, какъ счастливый выводъ изъ массы накопленнаго уже опыта и наблюденія, оно носитъ поэтому характеръ скорѣе приспособленія, нежели творчества. Счастливо одаренному отъ природы человѣку приходитъ, напримѣръ, на умъ рекомендовать членамъ одной съ нимъ орды или рода въ интересахъ расширенія гражданскаго оборота и установленія мирныхъ отношеній съ сосѣдями, заключать браки съ чужеродками; поданный въ томъ или другомъ мѣстѣ примѣръ экзогаміи находитъ подражателей въ близкихъ, а затѣмъ во все болѣе и болѣе дальнихъ кругахъ, такъ какъ наблюденіе постепенно убѣждаетъ въ удобствѣ новыхъ порядковъ, въ ихъ цѣлесообразности. И вотъ подъ вліяніемъ этого открытія, которое на самомъ дѣлѣ было не болѣе, какъ приспособленіемъ къ обстоятельствамъ, указывавшимъ именно на такой выходъ изъ состоянія вѣчной войны съ сосѣдями, путемъ послѣдовательныхъ подражаній слагается въ средѣ цѣлыхъ племенъ и народностей убѣжденіе, радикально противоположное тому, какое господствовало ранѣе. „Постыдно искать жену внѣ своей родни“,—гласила мораль-право эндогамическихъ обществъ. „Постыдно заключать союзы съ родственницами“,—гласитъ новое правило экзогамическихъ народностей. Личная проповѣдь и примѣръ повели въ концѣ-концовъ къ перемѣнѣ обычая, т.-е. къ реформѣ дѣйствующаго права. И сколько элементовъ гражданственности прямо

---

[1]) Entwickelungsgeschichte des römischen Rechts, стр. 36 и 37.

[2]) См. Les lois de l'imitation и Logique sociale, глава Les lois de l'invention.

или косвенно было задѣто въ этомъ и этимъ переворотомъ. Какъ говорить послѣ этого о самопроизвольномъ развитіи права или о зависимости его исключительно отъ поступательнаго хода знаній или народной экономіи.

Возьмемъ еще примѣръ. Въ какомъ-нибудь мѣстѣ подъ вліяніемъ ощутившейся недостачи въ пушномъ звѣрѣ, рыбѣ или пастбищахъ для прирученныхъ животныхъ, толпа бродячихъ охотниковъ или пастуховъ, послушная голосу выбраннаго ими и предпріимчиваго вождя, спустившись съ горъ, силою овладѣваетъ угодьями чужой орды, принуждая членовъ ея стать въ зависимыя отъ себя отношенія. Образовавшаяся такимъ образомъ государственная ячейка растетъ по мѣрѣ того, какъ наведенный завоевателемъ страхъ порождаетъ въ сосѣдяхъ желаніе предупредить враждебныя дѣйствія съ его стороны своевременнымъ подчиненіемъ, а также по причинѣ новыхъ и новыхъ насильственныхъ присоединеній, предметомъ которыхъ становятся разрозненныя и потому слабыя орды, племена и роды. Тѣ выгоды, какія гражданскому обороту обезпечиваетъ всякое расширеніе замиренной среды, вызываютъ въ предводителяхъ другихъ подобныхъ же бандъ вполнѣ понятное подражаніе, и государство возникаетъ за государствомъ, гдѣ въ силу покоренія однимъ родомъ-племенемъ другого, гдѣ благодаря добровольному союзу дотолѣ разрозненныхъ общественныхъ ячеекъ или группировкѣ самостоятельныхъ ордъ-родовъ и семей вокругъ одного общаго вождя, не всегда воина, подчасъ и пріобрѣвшаго славу въ округѣ третейскаго разбирателя частныхъ тяжбъ.

На любомъ юридическомъ институтѣ можно прослѣдить одновременную роль открытія, приспособленія и подражанія. Захватное пользованіе, выражаемое поговоркой — „владѣть всѣмъ, куда топоръ и соха ходила“, приспособляясь къ требованіямъ усилившейся густоты населенія, замѣняется мірскимъ владѣніемъ съ періодическимъ передѣломъ, всякій разъ по иниціативѣ частнаго лица или цѣлой группы лицъ. Мало-по-малу въ силу подражанія и съ тѣми видоизмѣненіями, какихъ требуютъ мѣстныя условія, развивается въ сосѣднихъ областяхъ, гдѣ (обыкновенно въ тѣсныхъ горныхъ долинахъ) дворовое и позднѣе долевое владѣніе, а гдѣ (на протяженіи обширныхъ степей) мірское пользованіе.

Въ свою очередь это послѣднее видоизмѣняется здѣсь раньше, тамъ позднѣе, выдѣляя изъ себя въ частную собственность сперва усадебную землю, а затѣмъ и различныя сельско-хозяйственныя поля и угодья, такъ что въ нераздѣльности въ концѣ-концовъ и всего

долѣе остается лишь пустошь и лѣсъ. И на этотъ разъ начало всему движенію положено было личнымъ открытіемъ или приспособленіемъ; подражаніе же сдѣлало остальное.

Приведенные примѣры, какъ мнѣ кажется, довольно наглядно показываютъ, чѣмъ обусловливается поступательный ходъ развитія положительнаго права: онъ зависитъ не отъ проникновенія его догмами метафизическаго, естественнаго,—которое, при косности, является элементомъ регресса, при подвижности же, только отражаетъ на себѣ ростъ гражданственности,—а исключительно этимъ послѣднимъ. Но знаніе этого роста даетъ намъ не одна исторія права,—даже разумѣя подъ нею ту опирающуюся на сравнительно-историческомъ изученіи теорію его эволюціи, которую обѣщаетъ дать намъ высоко превозносимая Нейкампомъ „Исторія развитія права“ (Entwickelungsgeschichte des Rechts) [1]),—а соціологія и въ частности соціальная динамика. Она одна можетъ служить критеріемъ дѣйствующаго права. Отрѣшаясь отъ временныхъ и мѣстныхъ воздѣйствій, задерживающихъ или ускоряющихъ ходъ развитія, соціальная динамика даетъ намъ только общую формулу прогресса, т.-е. раскрываетъ законы, управляющіе ростомъ человѣческой солидарности. Выводами этой абстрактной, хотя и описательной науки, должны руководствоваться тѣ конкретныя науки, которыя подъ наименованіемъ исторіи религіи, исторіи морали и права, экономической и политической исторіи, исторіи науки и искусства, раздѣлили между собою область общественныхъ явленій, изучаемыхъ въ порядкѣ ихъ историческаго преемства.

Тѣмъ самымъ указано дѣйствительное отношеніе историко-сравнительной юриспруденціи къ соціологіи; отъ послѣдней она въ правѣ ждать руководящей нити при установленіи различныхъ стадій развитія права; тщетно бы стали мы искать ея какъ въ той нравственной метафизикѣ, которая окрещена пышнымъ названіемъ естественнаго закона (loi naturelle), такъ и въ той общей теоріи права, которая ставитъ себѣ задачей философское обоснованіе дѣйствующаго законодательства. Правовѣдѣніе не способно найти этотъ критерій въ себѣ самомъ; совершенно произвольнымъ считаю я то допущеніе, что право развивается внѣ постороннихъ вліяній, такъ сказать самопроизвольно. Справедливо въ этомъ отношеніи замѣчаніе Іеринга. „Сравнительное правовѣдѣніе,—говоритъ онъ,—должно отрѣшиться

[1]) См. Einleitung in eine Entwickelungsgeschichte des Rechts.

отъ химеры самопроизвольнаго развитія-въ той же степени, въ какой уже освободились отъ него естествознаніе и медицина, ищущія нынѣ источника происходящихъ въ организмахъ измѣненій во внѣшнихъ воздѣйствіяхъ. Замѣна ученія о самопроизвольномъ развитіи теоріей посторонніхъ импульсовъ, другими словами—признаніе той связи, въ какой внутреннія явленія стоятъ съ дѣйствующими на насъ извнѣ причинами—въ этомъ и слѣдуетъ видѣть важнѣйшее пріобрѣтеніе, сдѣланное въ наше время точнымъ знаніемъ и въ частности науками естественными“ [1]). Я склоненъ поэтому поставить Іерингу въ заслугу то самое, изъ за чего попрекаетъ его новѣйшій теоретикъ задачъ и методовъ сравнительно-исторической юриспруденціи—Нейкампъ. Право не развивается самоизъ себя [2]). Какъ отраженіе степени достигнутой обществомъ солидарности, оно измѣняется вмѣстѣ съ расширеніемъ ея основъ, вызывая прежде всего въ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ неудовлетворенность существующими нормами и новые запросы, которые сила подражанія обращаетъ сперва въ требованія общественнаго мнѣнія, въ юридическое сознаніе массъ, а затѣмъ въ обычай или законъ.

Но зависи, подобно другимъ конкретнымъ общественнымъ наукамъ, напримѣръ, экономической исторіи, отъ соціологіи, историко-сравнительная юриспруденція имѣетъ самостоятельное поле для изслѣдованій,—она владѣетъ методами и пріемами, свойственными всѣмъ описательнымъ наукамъ, и въ частности, всѣмъ конкретнымъ наукамъ объ обществѣ. Соціологія даетъ историку права только знакомство съ тѣми послѣдовательными стадіями общественности, среди которыхъ слагается и совершенствуется система юридическихъ нормъ, составляющихъ предметъ его изученія. Отъ сравнительной же исторіи права надо ждать отвѣта на вопросъ, какіе правовые порядки отвѣчаютъ родовой, а какіе государственной или міровой стадіи общественности, въ какой внутренней связи стоятъ между собою отдѣльныя юридическія нормы въ каждый изъ указанныхъ періодовъ, что въ томъ или другомъ законодательствѣ можетъ считаться переживаніемъ прошлаго, а что зачаткомъ будущаго развитія, что вымираетъ и что зарождается, что поэтому должно быть устранено со временемъ, и что восполнено и усовершенствовано. Чтобы удовлетворить законной любознательности не только теоре-

[1]) Entwickelungsgeschichte des Rechts, стр. 37.

[2]) Entwickelung des Rechts durch sich selber von innen hinaus, Ibid. стр. 95.

тика, но и практика, сравнительная исторія права, разумѣется, не можетъ довольствоваться простымъ сопоставленіемъ двухъ или нѣсколькихъ юридическихъ системъ на томъ только основаніи, что эти системы являются одновременными, существуютъ бокъ-о-бокъ одна съ другою. Сравненіе только тогда будетъ плодотворнымъ, если взяты будутъ законодательства двухъ или болѣе народовъ, стадія развитія которыхъ тождественна. Можно поэтому сопоставлять родовые порядки кельтовъ, германцевъ или славянъ съ римскими и греческими, хотя по хронологіи эти народности и отстоятъ другъ отъ друга на цѣлыя столѣтія и даже тысячелѣтія; можно привлекать къ сравненію кастовое устройство Индіи, Египта и народовъ передней Азіи, общинный и цеховой строй нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и итальянцевъ, представительныя учрежденія народовъ, живущихъ феодальными монархіями, но безполезно для указанной цѣли сопоставлять Русскую Имперію съ Имперіей Карла Великаго или Священной Римской и классовыя дѣленія современныхъ народностей Европы съ средневѣковыми сословіями и религіозными кастами древности. Во всякомъ случаѣ такое сопоставленіе можетъ привесть только къ заключенію объ ихъ радикальномъ несходствѣ; оно отнюдь не позволитъ построить общую картину орудующей чиновниками неограниченной монархіи, или выяснить дѣйствительную природу современнаго государства, опирающагося на раздѣленіи труда, монополіи собственности и спеціализаціи занятій. При преслѣдуемой задачѣ цѣль научнаго сопоставленія выдѣлить общія черты явленія съ тѣмъ, чтобы установить дѣйствительную его природу. А это достижимо лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ сравниваться однородное. Слѣдуя этому правилу, мы можемъ вывести, напримѣръ, изъ сопоставленія западной сельской общины съ восточной, что мірское владѣніе и передѣлы вовсе не составляютъ неотъемлемой черты такихъ порядковъ, при которыхъ субъектомъ права собственности является не частное лицо, (феодалъ, помѣщикъ), а совокупность сожительствующихъ въ одномъ мѣстѣ семей, тогда какъ, наоборотъ, такою, напримѣръ, чертою является недопущеніе чужеродцевъ къ выгодамъ, связаннымъ съ фактомъ землевладѣнія. Точно также, сопоставляя обычное право народностей, живущихъ родовымъ строемъ,—право, которое, за отсутствіемъ сколько-нибудь совершенной письменной записи, извѣстно намъ у отдѣльныхъ племенъ только въ большой отрывочности и односторонности,—мы пріобрѣтаемъ возможность развернуть его въ общую картину и указать на внутренную связь, въ какой стоятъ между собою такіе,

напримѣръ, институты, какъ обычай родового возмездія, соприсяга родственниковъ, право родовой преэмпціи и родового выкупа.

Уже изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сходство въ учрежденіяхъ обусловливается или тѣмъ, что сравниваемые народы стоятъ на одинаковой ступени общественности, или тѣмъ, что, находясь въ близкихъ, если не тождественныхъ условіяхъ, они заимствовали другъ у друга тѣ или иныя юридическія нормы и порядки. Чтобы быть органическимъ, чтобы войти въ кровь и плоть націи, заимствованіе подобнаго рода должно быть подготовлено всѣмъ предшествующимъ ходомъ развитія. Иначе рано или поздно оно окажется мертвымъ и безпочвеннымъ, подобно майорату, временно установленному въ нашей средѣ Петромъ Великимъ.

Отъ меня далека мысль, что подобныя неорганическія заимствованія не должны интересовать историка. Они, наоборотъ, явленіе довольно частое и заслуживающее тѣмъ болѣе нашего вниманія, что въ результатѣ ихъ получалось нѣчто далеко отличное отъ того, что имѣлось въ виду при пересажденіи чужихъ институтовъ на новую родину. Кому неизвѣстно, напримѣръ, что не только американскія, но и европейскія конституціи имѣли образцомъ своимъ англійскую, а какая бездна отдѣляетъ тѣ и другія отъ ихъ прототипа.

То же можно сказать и о судѣ присяжныхъ, который изъ нормано-французскихъ повальныхъ обысковъ и церковныхъ разслѣдованій переродился въ англійское обвинительное и судебное жюри [1]) и, благодаря новому заимствованію, положилъ начало далеко не однороднымъ съ великобританскими вердиктамъ французскихъ или русскихъ присяжныхъ. Дѣло въ томъ, что и самое заимствованіе не обходится безъ того второстепеннаго творчества, которое мы называемъ приспособленіемъ, т.-е. привитіемъ чуждыхъ порядковъ ко всему общественному укладу націи, насколько онъ опредѣлился ея расовыми, почвенными и климатическими особенностями, а также всѣмъ предшествующимъ ходомъ исторіи.

На ряду съ одинаковымъ уровнемъ гражданственности, способнымъ вызвать у разныхъ народовъ на разстояніи нерѣдко нѣсколькихъ столѣтій однохарактерные юридическіе порядки, и заимствованіемъ, объясняющимъ возможность пересажденія, всего чаще въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, чуждыхъ народу нормъ и учрежденій, еще недавно причину сходства юридическаго быта разныхъ народовъ выводили изъ факта унаслѣдованія ими извѣстныхъ правовыхъ

[1]) См. Brunner. Die Entstehung der Schwurgerichte.

традицій отъ общаго даннымъ народамъ предка. Индогерманскія племена считали имъ древнихъ аріевъ, какъ вавилоняне, финикіяне и евреи—какихъ-то архаическихъ семитовъ, а западно-финскія народности не менѣе отдаленныхъ пра-финовъ. Высказанныя по отношенію къ двумъ послѣднимъ группамъ гипотезы поддерживались пока сопоставленіемъ всего нѣсколькихъ однокоренныхъ словъ въ языкахъ разныхъ по времени и родинѣ народностей одной и той же семьи; изъ такихъ сопоставленій нѣкоторые ученые, въ числѣ ихъ Алквистъ, выводили, между прочимъ, заключеніе о полу-земледѣльческомъ и исключительно сельскомъ быту первобытныхъ финскихъ племенъ, жившихъ будто бы общинами подъ начальствомъ выборныхъ старѣйшинъ и военныхъ вождей, отнюдь однако не наслѣдственныхъ правителей [1]).

Что сдѣлано Алквистомъ для финскихъ народностей, того же старались достигнуть для семитовъ труды Кремера и Гоммеля, которые не выходили, однако, изъ области спеціальнаго изслѣдованія о томъ, каковы были извѣстныя издревле этой семьѣ народовъ культурныя растенія и домашнія животныя [2]).

Но для арійскихъ народностей та же работа предпринята была по несравненно болѣе широкому маштабу Куномъ, Пикте, Максомъ Мюллеромъ и Фикомъ.

Ими воспользовался для опредѣленія древнѣйшаго соціальнаго и политическаго строя грековъ, римлянъ и германцевъ извѣстный авторъ „Сравнительной Политики“ Фриманъ, думавшій найти, между прочимъ, въ данныхъ сравнительнаго индо-германскаго словаря доказательство тому, что древнѣйшій бытъ этихъ родственныхъ племенъ построенъ былъ, по причинѣ ихъ общаго происхожденія отъ древнихъ аріевъ, на началахъ патріархальной монархіи, уравновѣшивавшей власть короля совѣтомъ старѣйшинъ и народнымъ вѣчемъ [3]).

Въ первыхъ же главахъ своего сочиненія Фриманъ старается иллюстрировать свою мысль примѣрами, другими словами—указываетъ на тѣ черты политическаго быта трехъ сравниваемыхъ имъ арійскихъ народовъ, грековъ, римлянъ и германцевъ, возникновеніе

---

[1]) См. Ahlquist. Die Culturwörter der Westfinischen Sprachen, a. 1875, стр. 254—267.

[2]) См. Шрадеръ. Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія, 1886 г., стр. 61.

[3]) Смотри Фримана. „Сравнительная Политика“ въ переводѣ Коркунова.

которыхъ должно быть приписано не дѣйствію одинаковыхъ причинъ, а факту непосредственнаго перенесенія ихъ изъ общей имъ родины. „Въ италійской, греческой и германской древности,—говоритъ онъ,—мы равно находимъ зародыши того политическаго устройства, которое является результатомъ смѣшенія, какъ монархическаго, такъ аристократическаго, такъ, наконецъ, и демократическаго принципа въ управленіи. Король, правящій народомъ не по произволу, а съ совѣта старѣйшинъ (т.-е. лицъ, превосходящихъ остальныхъ возрастомъ, происхожденіемъ, или личными заслугами), испрашивая вмѣстѣ съ тѣмъ согласія народнаго собранія, въ случаяхъ особой важности — вотъ въ чемъ состоятъ типическія особенности общаго арійцамъ съ древнѣйшихъ временъ порядка политическаго устройства“. Это положеніе Фриманъ считаетъ себя въ правѣ вывести на основаніи данныхъ сравнительнаго языкознанія; послѣднее одно въ состояніи, въ его глазахъ, дать намъ матеріалъ къ положительному рѣшенію вопроса о томъ, объясняется ли сходство явленій въ учрежденіяхъ сравниваемыхъ народовъ фактомъ перенесенія этихъ учрежденій изъ общей имъ родины, или же одною лишь одинаковостью условій, или еще фактомъ заимствованія. Если, полагаетъ онъ, въ языкахъ сравниваемыхъ народовъ термины, обозначающіе сходныя учрежденія, происходятъ отъ одного корня, то мы имѣемъ вѣрный признакъ тому, что сами эти учрежденія возникли впервые въ общей родинѣ и разнесены были впослѣдствіи въ разные концы міра народностями, постепенно отдѣлившимися отъ арійскаго ствола. То обстоятельство, что на языкѣ того или другого народа терминъ для обозначенія общаго всѣмъ имъ учрежденія по корню своему отличается отъ терминовъ для обозначенія того же учрежденія на другихъ языкахъ, еще не доказываетъ, чтобы учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, не возникло впервые въ общей родинѣ, такъ какъ утрата однокореннаго термина тѣмъ или другимъ арійскимъ языкомъ явленіе вполнѣ возможное. Возвращаясь къ приводимому имъ самимъ примѣру смѣшанной формы политическаго устройства, какъ особенности арійской расы, Фриманъ показываетъ, какъ, при обозначеніи верховнаго правителя разнокоренными терминами „рексъ“ и „кунингъ“ (rex, cuning), римляне и германцы въ то же время имѣли однокоренныя слова для выраженія самаго дѣйствія правленія, какъ то: у римлянъ—„регере“ (regere), на старо-англійскомъ—„райсъ“ (rice), на голландскомъ—„рейхъ“ (reich) и т. д. Мы не будемъ останавливаться на приведеніи другихъ однохарактерныхъ попытокъ Фримана обосновать на данныхъ сравнительной грам-

матики фактъ перенесенія отдѣльными арійскими племенами изъ общей имъ родины первыхъ зачатковъ какъ народнаго собранія, такъ и совѣта старѣйшинъ; сказаннаго уже достаточно для освѣщенія основного взгляда англійскаго историка на характеръ и пріемы сравнительнаго метода.

Переходимъ въ настоящее время къ критикѣ этого воззрѣнія.

I. Сравнительная грамматика несомнѣнно въ состояніи раскрыть предъ нами картину матеріальнаго быта арійцевъ въ эпоху ихъ совмѣстной жизни; но сдѣлать тоже въ равной мѣрѣ и по отношенію къ общественному ихъ быту — она положительно не можетъ, и вотъ по какой причинѣ. Когда въ арійскихъ языкахъ мы находимъ однокоренныя выраженія для обозначенія, положимъ, породъ домашнихъ животныхъ, то намъ не представляется труда вывести заключеніе, что прирученіе ихъ человѣкомъ имѣло мѣсто еще въ эпоху сожительства арійцевъ; того же далеко нельзя сказать о терминахъ, служащихъ для обозначенія какихъ-либо не матеріальныхъ, а нравственныхъ понятій. Изъ того обстоятельства, что regere и rîce — слова однокоренныя, еще не слѣдуетъ, чтобы конкретныя представленія, связанныя съ каждымъ изъ нихъ, были тождественны; сравнительная грамматика безсильна сказать намъ, что разумѣли подъ правленіемъ римляне, то ли же, что и германцы, или нѣтъ?— Вотъ первое возраженіе, какое мы позволяемъ себѣ сдѣлать противъ теоріи Фримана; оно далеко не главное.

II. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ исторіей народовъ, призванныхъ къ развитію государственной жизни, приходишь къ заключенію, что ни одинъ не развилъ своей гражданственности самъ по себѣ безъ этнографическаго смѣшенія съ другими, — смѣшенія, вызваннаго нашествіями и завоеваніями. Возьмемъ ли мы Индію, Персію, Грецію, Римъ, славянскія и кельтическія государства, мы одинаково принуждены будемъ сказать, что каждое изъ нихъ является дѣятельнымъ факторомъ историческаго прогресса уже послѣ того, какъ въ его средѣ произошло сліяніе разноплеменныхъ, долгое время враждебныхъ другъ другу, народностей. Кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится утверждать, что въ Индіи мы встрѣчаемъ лишь чистую арійскую кровь безъ примѣси туранской въ лицѣ народовъ дравидійскаго происхожденія? Кому не извѣстно, что историческая роль персовъ начинается съ момента сліянія ихъ съ мидянами—народомъ туранской расы? Развитіе римской гражданственности опять-таки связано съ фактомъ воздѣйствія на нее этрусковъ—народа далеко не арійской крови. Что кельты застали Европу заселенной наро-

дами туранскаго происхожденія [1]), иберами и лигурами, извѣстно каждому, кто мало-мальски знакомъ съ археологіей западной Европы; основаніе же русскаго государства одновременно славянскими и финскими племенами засвидѣтельствовано не кѣмъ инымъ, какъ самимъ Несторомъ. Если арійскіе народы выступаютъ на аренѣ исторіи не въ своей первоначальной этнографической чистотѣ, а послѣ смѣшенія съ инородными племенами, то, спрашивается, какая имѣется возможность относить тѣ или другія явленія ихъ общественной жизни исключительно на счетъ ихъ общеарійскаго происхожденія?

III. Къ этимъ двумъ возраженіямъ прибавимъ еще одно. Допуская даже, что тѣ или другія учрежденія существовали у той или другой вѣтви арійскаго племени еще въ первоначальной его родинѣ, какое, спрашивается, имѣемъ мы ручательство тому, что эти учрежденія не исчезли постепенно, не вымерли подъ вліяніемъ измѣнившейся среды. Случаи такого рода въ исторіи нерѣдки: кому не извѣстенъ классическій въ этомъ отношеніи примѣръ Рэтіи (нынѣшняго Граубюндена), этрусское населеніе которой, достигшее въ эпоху римлянъ довольно высокой ступени культуры, постепенно вытѣснено было изъ долинъ въ горы кельтскими и германскими завоевателями и развило въ нихъ, дотолѣ чуждую ему, но вполнѣ отвѣчавшую измѣнившимся физическимъ условіямъ его быта, пастушески-общинную жизнь. И не повторилось ли то же много столѣтій спустя съ Маврами, изгнанными изъ Испаніи и переселившимися въ Марокко? Въ примѣрахъ едва ли можетъ оказаться недостатокъ, но и приведенныхъ достаточно для нашей цѣли.

IV. Тогда какъ вынесеніе извѣстныхъ учрежденій изъ общей арійцамъ родины почти не можетъ быть доказано, тогда какъ невозможность утраты общаго арійскаго достоянія подъ вліяніемъ измѣнившихся условій является болѣе чѣмъ сомнительной, возникновеніе однохарактерныхъ съ арійскими учрежденій у совершенно разноплеменныхъ съ ними народностей подъ вліяніемъ прохожденія ими одинаковыхъ стадій развитія въ настоящее время стоитъ внѣ спора. Возьмемъ ли мы родовой бытъ или общинное устройство, клановыя или феодальныя формы общежитія, мы одинаково въ состояніи будемъ констатировать ихъ въ большей или меньшей степени развитія, какъ у арійскихъ народовъ, такъ и у семитовъ, туранцевъ,

[1]) Не имѣя въ виду лингвистической точности, я понимаю подъ туранскими племенами тѣ же, что и Максъ Мюллеръ, т.-е. не семитовъ и не аріевъ.

негровъ и краснокожихъ. Попытки фактическаго обоснованія этого, на первый взглядъ страннаго и потому для многихъ спорнаго, положенія сдѣланы были въ разное время этнографами, историками и юристами. Благодаря ихъ совокупнымъ трудамъ, мы располагаемъ въ настоящее время богатымъ матеріаломъ, дающимъ право утверждать, что постепенный переходъ, положимъ, родового быта въ общинный и общиннаго въ феодальный одинаково встрѣчается и въ Мексикѣ, и въ Алжирѣ, и въ имперіи Великаго Могола и въ Японіи и т. д., и т. д. Я положительно затрудняюсь указать хотя бы на одинъ институтъ, если не современнаго намъ сравнительно высоко развитого права Европы, то ея средневѣковаго быта, который въ зародышномъ состояніи или въ болѣе или менѣе уже опредѣлившемся видѣ не могъ бы быть найденъ не только у разноплеменныхъ съ арійцами народовъ древняго Востока, евреевъ въ томъ числѣ, но даже у жителей другихъ частей свѣта, Африки или Америки. То явленіе въ частности, на которое Фриманъ указываетъ съ гордостью, какъ на общее достояніе арійской семьи,—я разумѣю умѣренный образъ правленія, не исключающій участія народа и аристократіи въ дѣлахъ страны,—встрѣчается въ томъ же зародышномъ видѣ, что и у первобытныхъ арійцевъ, у любого народа, живущаго родовымъ или общиннымъ бытомъ, хотя и не имѣющаго въ то же время общаго съ арійцами происхожденія. Кому не извѣстно также, что арійское происхожденіе ни мало не помѣшало французамъ, испанцамъ, итальянцамъ и цѣлому ряду другихъ народностей совершенно утратить эту форму политическаго быта въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и приблизиться въ своемъ политическомъ устройствѣ къ образцу китайской имперіи или царству Великаго Могола.

Къ этимъ соображеніямъ, ратующимъ противъ односторонняго примѣненія только что указаннаго метода, филологи прибавляютъ въ наши дни еще болѣе рѣшительные доводы. Скудость дошедшихъ до насъ остатковъ индо-германскаго словаря, раннее обособленіе отъ первоначальнаго языка арійцевъ славяно-литовско-нѣмецкаго и позднѣйшее распаденіе одно-язычнаго народа на двѣ половины—Ирано-Индійскую и Греко-Итало-Кельтическую, заставляютъ Шлейхера [1]) критически отнестись къ выводамъ о первобытной культурѣ и правѣ, дѣлаемымъ на основаніи сравнительнаго языкознанія. Шлейхеръ придаетъ значеніе только тѣмъ словамъ, которыя встрѣчаются во всѣхъ трехъ группахъ, или по крайней мѣрѣ въ двухъ:

[1]) Die deutsche Sprache, стр. 71 и слѣд.

славяно-литово-нѣмецкой и ирано-индійской. Сходство словъ, ограничивающееся областью европейскихъ языковъ, не имѣетъ для него значенія прочной опоры для соображеній о первобытныхъ временахъ, такъ какъ онъ считаетъ возможнымъ обильное заимствованіе культурныхъ словъ однимъ народомъ у другого. Отсутствіе сходныхъ словъ въ свою очередь не даетъ права дѣлать тотъ выводъ, что передаваемыя ими понятія не были извѣстны первобытнымъ арійцамъ. Многія слова могли затеряться со временемъ, иныя—уцѣлѣть только въ одномъ какомъ-либо языкѣ и тѣмъ самымъ утратить признакъ своей первобытности.

Еще ранѣе Шлейхера, Кунъ въ журналѣ сравнительной филологіи указалъ въ 1851 г. на трудности, чтобы не сказать преграды, которыя лежатъ на пути чисто лингвистическаго разслѣдованія первобытной арійской культуры. Задача бываетъ сравнительно проста,—говоритъ онъ,—когда слово, выражающее то или другое понятіе, тождественно по корню и по суффиксу во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ, но случаи, когда можно установить такое полное сходство, крайне рѣдки, такъ какъ въ странствіяхъ по горнымъ долинамъ, пустыннымъ степямъ и плодороднымъ возвышенностямъ, а также при частыхъ сношеніяхъ съ другими, какъ болѣе варварскими, такъ и болѣе культурными націями, кругъ понятій отдѣльныхъ арійскихъ народностей, то суживался, то расширялся; одни обычаи утрачивались, другіе впервые складывались и развивались.

Ко всѣмъ этимъ элементамъ критики [1]) сравнительно лингвистическаго пріема Генъ присоединяетъ еще одинъ. Филологи не заботятся, да иногда и не въ силахъ, точно опредѣлить первоначальное значеніе, какое связывали съ этимологически родственными словами. Обыкновенно они приписывали древнимъ арійцамъ то самое пониманіе смысла отдѣльныхъ словъ, какое мы встрѣчаемъ въ памятникахъ индо-германскихъ народностей въ историческія времена. Такъ изъ того, что санскритское puri и греческое polis одинаково значитъ городъ, дѣлали выводы, что и первобытные арійцы имѣли города (тогда какъ на самомъ дѣлѣ у нихъ могли быть не болѣе, какъ городища, т.-е. временныя защиты для людей и скота). Генъ [2]) критикуетъ такой пріемъ. „Тотъ, кто соединяетъ со старыми словами новыя культурныя понятія, легко найдетъ,—замѣчаетъ онъ не безъ ироніи,—и въ первобытную эпоху всѣ черты совре-

[1]) Die Sprachvergleichung und die Urgeschichte der indogermanischen Völker, статья 1-ая.

[2]) Culturpflanzen und Haustiere, 3-ье изд., стр. 488.

менной жизни“ — упрекъ, который легко было бы обратить въ частности противъ Фримана и его теоріи уравновѣшенной монархіи у древнихъ арійцевъ. „Другое отличіе Гена отъ прежнихъ лингвистовъ-палеонтологовъ,—говоритъ Шрадеръ,—лежитъ въ томъ, что онъ придаетъ большое значеніе факту заимствованія словъ однимъ народомъ у другого. Одинаковость словъ, въ европейскихъ языкахъ, объясняемая прежде тѣмъ, что нѣкогда всѣ европейскія вѣтви арійской семьи составляли одинъ народъ, находитъ у него иное толкованіе. Она могла, думаетъ онъ, произойти и послѣ разселенія этихъ народовъ по разнымъ мѣстностямъ. У одной вѣтви тотъ или другой словесный корень, имѣвшій первоначально широкій смыслъ, пріобрѣлъ узкое и потому опредѣленное значеніе. Съ этимъ ограничительнымъ смысломъ онъ перешелъ и къ другимъ вѣтвямъ“.

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ присоединяется и новѣйшій авторитетъ въ области сравнительнаго языкознанія и начальной исторіи индо-германскихъ племенъ, Шрадеръ. И онъ указываетъ на скудость дошедшихъ до насъ остатковъ индо-германскаго словаря. „Если дѣло идетъ,—говоритъ онъ,—объ одинаковости словъ, одинаковости не для всѣхъ языковъ индо-германской семьи, а лишь для нѣкоторыхъ, у насъ нѣтъ возможности рѣшить, объясняется ли это особой родственной связью данныхъ языковъ, или и во всѣхъ другихъ арійскихъ были такія слова, затерявшіяся со временемъ. Нельзя утверждать, что тѣ или другія понятія первобытны, такъ какъ они могли впервые найти выраженіе себѣ у одного народа на разстояніи сотенъ и тысячъ лѣтъ послѣ другого. Мы не знаемъ законовъ словообразованія, дѣйствовавшихъ въ доисторическую эпоху возникновенія языковъ: поэтому часто намъ нельзя сказать, дѣйствительно ли восходитъ къ одному прототипу рядъ словъ, тождественныхъ и по корню и по суффиксу; можетъ быть совпаденіе произведено одинаковостью процессовъ развитія, происходившихъ въ каждомъ изъ названныхъ языковъ отдѣльно и независимо отъ другихъ. Не менѣе, возможно и то, что слова, сходство между которыми не идетъ далѣе одинаковости корня, произошли отъ одной первоначальной формы и уже послѣ разъединенія языковъ потеряли одинаковость суффикса. Но если сходство и таково, что мы въ правѣ предположить существованіе слова и въ пра-языкѣ, то является еще вопросъ, какое значеніе имѣло слово въ это первобытное время; но на этотъ счетъ филологія особенно часто оказывается неспособной дать удовлетворительный отвѣтъ. Наконецъ, далеко не рѣдко приходится отказаться отъ окончательнаго сужденія о томъ, на перво-

бытномъ ли родствѣ или на раннемъ заимствованіи основано этимологическое совпаденіе данныхъ словъ“ [1]).

Кто прочтетъ эту длинную выдержку, по всей вѣроятности, вынесетъ то впечатлѣніе, что сравнительно-лингвистическій пріемъ въ примѣненіи къ исторіи древнѣйшей арійской культуры, а тѣмъ болѣе древнѣйшаго права, осужденъ тѣми, спеціальная подготовка которыхъ допускала бы сознательное орудованіе этимъ методомъ.

То обстоятельство, что нарисованныя съ помощью его картины древне-арійскаго быта радикально расходятся между собою, и что на основаніи ихъ нельзя даже прійти къ окончательному заключенію по вопросу, были ли арійцы пастушескимъ или земледѣльческимъ племенемъ [2]), съ строго выработаннымъ агнатическимъ или однимъ материнскимъ родствомъ [3]), извѣстны ли были имъ зачатки государственной власти (объ уравновѣшенной монархіи въ ихъ средѣ давно перестали думать), или они жили одними племенными союзами, кажется, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что при настоящемъ, по крайней мѣрѣ, состояніи сравнительнаго языкознанія, юристъ-историкъ не въ правѣ освободить себя отъ провѣрки добытыхъ имъ результатовъ съ помощью данныхъ до-исторической археологіи, сравнительной этнографіи и этнологіи, не говоря уже о ближайшей ему области изученія древнѣйшихъ памятниковъ законодательства и судебной практики. Только при такомъ одновременномъ пользованіи всѣми имѣющимися въ распоряженіи данными, какимъ бы научнымъ пріемомъ они ни были добыты, могли писатели, какъ Игерингъ и Лейстъ, положить основы менѣе подверженной сомнѣніямъ, хотя все еще крайне гипотетической исторіи первобытной жизни аріевъ, ихъ миграціи, а также начальныхъ основъ ихъ права.

Послѣдній изъ названныхъ нами писателей открыто признаетъ невозможность опирать свои выводы исключительно на данныхъ сравнительной лингвистики. „Исторія учрежденій,—говоритъ онъ,—должна разрабатываться независимо отъ того, какія результаты добыты филологіей. Встрѣчаются учрежденія, которыя у отдѣльныхъ арійскихъ народностей носятъ разныя имена и имѣютъ равную природу, тогда какъ есть и такія, которыя носятъ одинаковыя имена, а между тѣмъ ничего не имѣютъ общаго“.—По мнѣнію

---

[1]) Шрадеръ, глава VIII, Выводы.

[2]) Первое допускаетъ Генъ и Игерингъ, второе Пикте, Максъ Мюллеръ, Бенфей и Фикъ.

[3]) Сравни, что говоритъ на этотъ счетъ Шрадеръ и Циммеръ, напр., съ тѣмъ, что утвержд. Всев. Миллеръ, Даргунъ и Сосюръ.

Лейста, историкъ-юристъ обязанъ прежде всего выдѣлить изъ массы изслѣдуемыхъ имъ учрежденій разныхъ народовъ тѣ, которыя общи всѣмъ имъ (напр., грекамъ и римлянамъ, иногда сверхъ того индусамъ и германцамъ). Если выводы сравнительной лингвистики подтвердятъ результаты его самостоятельнаго изслѣдованія, послѣдніе пріобрѣтутъ еще большую силу и значеніе; но и независимо отъ этого его гипотезы имѣютъ право на существованіе, такъ какъ выведены не апріорно, а путемъ наблюденія надъ сравниваемымъ матеріаломъ положительныхъ законодательствъ. Если послѣдній укажетъ на существованіе нормъ, общихъ всѣмъ или большинству народностей арійской семьи, т.-е. какъ восточнымъ ея вѣтвямъ, такъ и западнымъ, то мы въ правѣ будемъ считать эти нормы наслѣдіемъ общихъ предковъ (племеннымъ правомъ—Stammrecht); если же, наоборотъ, сходство ограничится членами одной изъ тѣхъ вѣтвей, на какія при разселеніи раздѣлилось арійское племя, напримѣръ, грекамъ и римлянамъ, намъ придется говорить лишь о сродномъ правѣ (Stamm-Verwandtes-recht), и не дѣлать въ то же время никакого вывода, насчетъ того, жили ли обѣ обособившіяся народности нѣкогда совмѣстно или нѣтъ [1]).

Подведемъ итоги сказанному: сходство учрежденій у двухъ или нѣсколькихъ народностей имѣетъ источникомъ всего чаще общность ихъ культурныхъ условій, прохожденіе ими одинаковыхъ стадій развитія солидарности; но оно можетъ быть и результатомъ унаслѣдованія сходныхъ учрежденій отъ общаго предка, и плодомъ прямого заимствованія. Въ обоихъ случаяхъ самый фактъ долженъ быть констатированъ путемъ не одного сравнительно-лингвистическаго пріема, указывающаго то на существованіе въ разныхъ языкахъ сходныхъ по корню и суффиксу словъ для выраженія сходныхъ понятій, то на наличность того же слова въ томъ же употребленіи у двухъ народовъ, судьбы которыхъ временно были сближены (напримѣръ, арійцевъ и семитовъ передней Азіи и Месопотаміи). Изслѣдователь долженъ итти каждый разъ самостоятельнымъ путемъ раскрытія этого сходства съ помощью сопоставленія дошедшаго до насъ культурно-юридическаго матеріала. Онъ долженъ пользоваться при этомъ въ равной мѣрѣ и данными археологіи, и выводами сравнительной этнографіи и этнологіи, и историческими свидѣтельствами памятниковъ литературы и письменности.

---

[1]) Leist. Alt-arisches jus civile, стр. 13—16.

ГЛАВА IV.

Этнографія и соціологія.

§ 1.

Отношеніе этнографіи къ соціологіи и услуги, которыхъ можетъ ожидать послѣдняя отъ этнографіи, прекрасно опредѣлилъ, на мой взглядъ, покойный Летурно въ своей книгѣ „О политической эволюціи человѣческихъ расъ“.

Въ своемъ предисловіи къ этой книгѣ онъ говоритъ: „многія расы еще и понынѣ не вступили въ историческій періодъ ихъ жизни. Онѣ представляютъ живой образчикъ доисторическаго быта, и всякая серьезная попытка построить соціологію должна начаться съ ихъ изученія. Связуя исторію съ до-исторіей, мы получаемъ цѣлостную картину человѣчества; мы присутствуемъ при самомъ возникновеніи обществъ, слѣдимъ за ними съ грубаго, животнаго ихъ періода; мы видимъ, какъ они мало-по-малу дифференцируются и совершенствуются“. Трудно сказать лучше. Я прибавлю еще, что матеріалы, доставляемые этнографіей для возстановленія первоначальныхъ фазисовъ общественности, несравненно надежнѣе тѣхъ, которые даютъ намъ изученіе легендъ или возстановленіе древнихъ вѣрованій и обычаевъ при помощи многочисленныхъ пережитковъ, завѣщанныхъ намъ прошлымъ.

Соціальная эмбріологія—такое названіе кажется мнѣ наиболѣе подходящимъ для этой части соціологіи—занимается самымъ происхожденіемъ общественной жизни. Она была намѣчена, если не создана, появившимися почти одновременно работами Бахофена „О правѣ матери“ и Макъ Леннана „О древнемъ обществѣ“ (Ancient Society). Бахофенъ занимался, главнымъ образомъ, толкованіемъ миѳовъ и ле-

гендъ; въ то же время онъ старался возстановить картину древнихъ устоевъ общества при помощи обрядовъ, символовъ и нѣкоторыхъ обычаевъ болѣе или менѣе архаическаго характера. Макъ Леннанъ, наоборотъ, ставилъ въ основаніе своихъ теорій изученіе жизни дикарей и варваровъ и сравнивалъ ее затѣмъ съ цивилизаціей легендарной Греціи. Изъ двухъ этихъ попытокъ большею ученостью, несомнѣнно, отличается работа Бахофена; но столь же несомнѣнно, что прочные результаты дала только книга Макъ Леннана: главныя его заключенія послѣ сильныхъ нападокъ могутъ считаться принятыми всѣми. Отброшена теорія Бахофена о первобытной гинекратіи, но никто больше не сомнѣвается ни въ существованіи обществъ, признающихъ одно родство по матери, а не по отцу, ни въ широкомъ распространеніи правила, запрещающаго всякія супружескія отношенія между членами одной и той же группы родственниковъ.

Кто рѣшится говорить о существованіи „женоправства“ даже въ самомъ отдаленномъ прошломъ? „Царство женщинъ“ снова стало достояніемъ сказочнаго міра, изъ котораго его напрасно вывели. Но кто въ то же время позволитъ себѣ отрицать, что многіе народы не знаютъ другой семьи помимо материнской, и что рядъ ихъ запрещаетъ супружескія узы членамъ одной и той же группы родственниковъ? Это запрещеніе Макъ Леннанъ первый назвалъ экзогаміей. Льюисъ Морганъ, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе этнографы, особенно тѣ, которые занимались изученіемъ австралійскихъ обществъ, прибавили немало и другихъ чертъ къ картинѣ первобытной семьи, нарисованной Макъ Леннаномъ. Они познакомили насъ съ существованіемъ неизвѣстной дотолѣ системы родства, по которой всѣ индивиды одного поколѣнія состоятъ по отношенію другъ къ другу братьями и сестрами, отцами и матерями. Ихъ родство — не по степенямъ, а по классамъ. Существованіе его было отмѣчено не только у краснокожихъ, но и въ Полинезіи, Меланезіи, на Австралійскомъ континентѣ и у дравидійскихъ племенъ Индіи. Недавно появившаяся работа Гиллена и Спенсера о племенахъ центральной Австраліи, трудъ Кодрингтона объ обитателяхъ Меланезіи и, наконецъ, сочиненія Ризлея и Крука о различныхъ племенахъ Индіи, вполнѣ доказали фактъ широкаго распространенія подобной системы родства. Но эта новая доктрина, на которую Морганъ смотрѣлъ какъ на вызовъ, брошенный гипотезамъ Макъ Леннана, на самомъ дѣлѣ только подтвердила главныя положенія послѣдняго: во-первыхъ, касательно счета родства по одной женской линіи, а во-вторыхъ, относительно запрещенія браковъ въ средѣ одной и той же группы

родственниковъ. Все, что было писано послѣ Макъ Леннана по этимъ двумъ впервые имъ поднятымъ вопросамъ, только подтвердило его гипотезы. Въ концѣ-концовъ надо было признать, что система родства по классамъ тѣсно связана съ экзогаміей и опирается на передачѣ потомству имени одного материнскаго рода. Такимъ образомъ Тейлоръ былъ правъ, говоря, что Макъ Леннанъ и Морганъ, считавшіе другъ друга противниками, на самомъ дѣлѣ были союзниками: они проповѣдывали одну и ту же доктрину, но исходя при этомъ изъ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія; система родства по классамъ и экзогамія — только двѣ стороны одного и того же учрежденія [1]).

Отчего зависѣла конечная неудача Бахофена и подавляющій успѣхъ Макъ Леннана? По моему мнѣнію, единственно отъ того преимущества, какое представляетъ этнографическій методъ сравнительно съ методомъ переживаній, необходимо связаннымъ съ болѣе или менѣе произвольнымъ толкованіемъ миѳовъ, легендъ, обрядовъ, символовъ и обычаевъ, потерявшихъ свой смыслъ и значеніе и являющихся въ нашей средѣ однимъ лишь остаткомъ прошлаго. Спенсеръ и Гилленъ въ выше указанномъ трудѣ какъ нельзя лучше объяснили причину, по которой такъ опасно прибѣгать къ толкованію народныхъ легендъ, когда предстоитъ выяснить смыслъ и значеніе того или другого вѣрованія или обычая. Въ большинствѣ случаевъ, говорятъ они, легенды — не что иное, какъ фантастическая интерпретація догматовъ или правилъ поведенія, пустившихъ корни въ данной средѣ. Цѣль ихъ — дать вѣроятное объясненіе тѣмъ и другимъ въ то время, когда настоящія причины, ихъ породившія, уже изгладились изъ памяти.

Что касается пережитковъ, намъ трудно было бы отнести ихъ происхожденіе къ той или другой опредѣленной эпохѣ, если бы мы не встрѣчались съ тѣми же самыми обрядами и обычаями у нѣкоторыхъ дикихъ и варварскихъ народовъ. Только при помощи этнографіи пережитки могутъ послужить намъ матеріаломъ для возстановленія прошлаго нашей расы.

Хотя этнографическій методъ несравненно болѣе надеженъ, чѣмъ тотъ, который стремится возстановить наше прошлое по его уцѣлѣвшимъ обломкамъ, но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы его одного было достаточно для раскрытія нашихъ начальныхъ

[1]) On a method of investigating the development of institutions (Journal of the Anthropological Institute, London. v. XVIII, стр. 262 и 265).

судебъ. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ право смотрѣть на то или другое племя,—какъ бы дики ни казались его вѣрованія, нравы и учрежденія,—какъ на точное воспроизведеніе того, чѣмъ были наши отдаленнѣйшіе предки?.. Въ каменномъ вѣкѣ, дальше котораго не восходятъ наши свѣдѣнія, человѣкъ, судя по матеріалу, изъ котораго онъ дѣлалъ свои орудія и который встрѣчается далеко не вездѣ, стоялъ уже на извѣстной ступени умственнаго и общественнаго развитія, не исключавшей существованія нѣкоторой торговли, какъ это недавно показалъ докторъ Капитанъ въ вступительной лекціи къ своему курсу доисторической соціологіи. Это состояніе было, слѣдовательно, далеко не первобытнымъ; оно было болѣе развитымъ, чѣмъ то, которое мы встрѣчаемъ въ наши дни у нѣкоторыхъ племенъ, живущихъ вдали отъ моря и избѣгающихъ сношеній съ чужеземцами.

Но если мы обречены на совершенное игнорированіе самаго младенчества нашей расы, у насъ есть зато полная возможность прослѣдить за тѣмъ, какъ она росла, проходя черезъ разныя стадіи развитія. Необходимо только установить, по какимъ признакамъ можно рѣшить, что то или иное состояніе общества должно быть признано самымъ отсталымъ. Этнографы слишкомъ мало останавливаются на этомъ вопросѣ. Не входя ни въ какія предварительныя разсужденія, они просто объявляютъ, что такое-то или такое-то племя дикарей всего больше приближается къ младенческому состоянію человѣчества, но примѣры, которые они при этомъ приводятъ, для насъ весьма мало убѣдительны, потому что на ряду съ чертами дѣйствительно архаическими, мы находимъ у этихъ племенъ такое умственное развитіе и такія общественныя отношенія, на которыя нельзя смотрѣть какъ на первобытныя. Такъ, напр., Ведды центральнаго Цейлона, которыхъ намъ упорно стараются представить наиболѣе отсталыми изъ дикарей, оказываются моногамистами и ведутъ родство по отцовской линіи; австралійскіе Негритосы, которыхъ считаютъ такими же первобытными дикарями, при заключеніи брачныхъ союзовъ держатся цѣлаго ряда правилъ, которыя могли сложиться только послѣ долгой эволюціи. То же самое можно сказать о жителяхъ Огненной Земли, обитателяхъ Тасманіи, о Ботокудахъ Бразиліи и многихъ другихъ племенахъ, которыя принято считать крайне отсталыми. Такъ по какимъ же признакамъ можно узнать, что тотъ или другой народъ находится еще на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества? На мой взглядъ, только по тому, насколько его общественное состояніе приближается къ быту животныхъ, особенно человѣкообразныхъ обезьянъ.

Но для этого надо было бы, чтобы у этого народа не было никакого подобія ни религіи, ни правительства. Между тѣмъ до сихъ поръ, несмотря на увѣренія нѣкоторыхъ путешественниковъ, а вслѣдъ за ними и нѣкоторыхъ этнографовъ, невозможно было открыть ни одного народа, который бы не признавалъ существованія духовъ и не исполнялъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, имѣющихъ въ его глазахъ непосредственное вліяніе на его судьбу. Тейлоръ доказалъ уже всю несостоятельность предположенія, будто у обитателей Огненной Земли нѣтъ никакихъ религіозныхъ представленій, когда на дѣлѣ они приписываютъ появленіе оспы зловредному вліянію духовъ. Не существуетъ и такого народа, который не допускалъ бы, что можно измѣнить къ своей выгодѣ естественный ходъ вещей. Такъ, на ряду съ представленіемъ, что міръ наполненъ духами, дикарь, какъ это прекрасно отмѣтилъ Фразеръ, думаетъ также, что можно дѣйствовать на разстояніи и въ желательномъ направленіи на всякаго человѣка или на всякій предметъ, если обладаешь какой-либо его частицей, и это на томъ основаніи, будто вещи, которыя когда-нибудь соприкасались между собой, продолжаютъ оказывать другъ на друга извѣстное вліяніе. При этомъ естественно возникаетъ поставленный Фразеромъ вопросъ, не предшествуютъ ли подобнаго рода представленія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ симпатической магіи, всякимъ вѣрованіямъ въ духовъ, иначе сказать— нельзя ли считать магію древнѣе религіи? Я скорѣе склоненъ думать противное, потому что у самыхъ отсталыхъ народовъ эти обрядовыя дѣйствія соединяются уже съ вѣрою въ извѣстныя существа, нѣкогда жившія человѣческою жизнью и послѣ своей смерти продолжающія заботиться о судьбѣ людей. Даже тамъ, гдѣ, какъ въ Австраліи, запрещается произносить имя умершихъ и обрядъ погребенія неизвѣстенъ, чтутъ такъ называемыхъ Мура-Мура — души усопшихъ героевъ, на которыхъ смотрятъ, какъ на основателей тотемистическихъ родовъ.

Съ другой стороны, несмотря на противоположное утвержденіе Летурно, нѣтъ такого народа, которому было бы совершенно чуждо всякое понятіе о правительствѣ. Ведда допускаютъ власть главы семьи и признаютъ за стариками право распредѣлять медъ между цѣлыми группами, не превышающими своею численностью двѣнадцати или восемнадцати человѣкъ и представляющими собой остатки когда-то существовавшихъ у нихъ родовъ [1]). То же можно сказать

[1]) Stevens: On the Veddahs. (Proceedings of the Ceylon branche of the Royal Asiatic Society, 1886, стр. CLX).

и о жителяхъ Огненной Земли и объ австралійцахъ, которые обыкновенно слушаются и почитаютъ своихъ старцевъ. По словамъ Фицрои, старикамъ принадлежитъ право дѣлить между членами племени мясо убитаго кита. Мы находимъ вождей и у Нарриньери, и у австралійскихъ Курнаи, и у африканскихъ Бушменовъ [1]). Что касается до Тасманійцевъ, то у нихъ существуетъ обычай выбирать себѣ военачальника [2]). Такимъ образомъ та первобытная анархія, которой Летурно посвятилъ цѣлую главу своей интересной книги, существовала только въ воображеніи ея автора.

Но если такъ, то мнѣ кажется совершенно безполезнымъ отыскивать расы и племена, которыя по своему общественному развитію находились бы на одинаковомъ уровнѣ съ высшими животными. А въ такомъ случаѣ архаическій характеръ того или другого вѣрованія или обычая можно установить только тогда, когда онъ встрѣчается въ видѣ пережитка у историческихъ народовъ.

Если культъ предковъ и лежащій въ его основаніи анимизмъ признаются—и вполнѣ основательно—очень древними формами религіозной мысли, то потому, что въ священныхъ книгахъ Востока, какъ и въ домашней религіи грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ, мы постоянно находимъ ихъ слѣды. Если материнская семья кажется намъ древнѣе, чѣмъ семья, основанная на признаніи отца, то потому, что она оставила многочисленные пережитки и въ патріархальныхъ обществахъ, и въ античномъ мірѣ, и въ средніе вѣка, и у арабовъ временъ Магомета, и у германцевъ современныхъ Тациту [3]). Если въ нашихъ глазахъ коллективная собственность носитъ архаическій характеръ, то потому, что мы встрѣчаемъ ее не только у дикарей и варваровъ нашихъ дней, но и въ отдаленнѣйшемъ прошломъ историческихъ народовъ—у индусовъ, славянъ, кельтовъ и германцевъ, не говоря уже объ арабахъ.

Предоставленная самой себѣ, этнографія не въ силахъ выяснить намъ различныя стадіи общественнаго развитія человѣчества, но она можетъ достигнуть этой цѣли, если будетъ руководствоваться въ своихъ изслѣдованіяхъ и провѣрять свои выводы данными археологіи, исторіи и только что народившейся науки—фолклористики,

---

[1]) См. Fison and Howit: Kamilaroi and Kurnai, а также его „Native Tribes of South Australia“ и книгу Летурно: „d'Evolution politique des races humaines“, стр. 33 и слѣд.

[2]) „Daily life of the Tasmanians“ стр. 31—33.

[3]) См. книгу Mac Lennan: „Ancient Society“ и книгу Robertson Smith: „Kinship among the early arabians“.

призванной оказать соціологіи такія же услуги, какія палеонтологія оказываетъ біологіи и особенно эмбріологіи.

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ столь же общаго характера и тоже касающимся метода этнографіи и ея отношенія къ соціологіи.

Величайшая опасность, которой подвергается всякій изслѣдователь въ обширной области сравнительной этнографіи, состоитъ въ возможности придать тому или другому факту болѣе общій характеръ, чѣмъ тотъ, какой онъ имѣетъ въ дѣйствительности. Изъ того, напримѣръ, что Ведда Цейлона и бразильскіе Ботокуды живутъ небольшими группами родичей, выводили заключеніе, что человѣчество начало свою соціальную эволюцію съ патріархальной и моногамной семьи [1]). Всякое другое сожитіе людей, кромѣ того, какое существуетъ между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, считалось неизвѣстнымъ человѣчеству на первыхъ ступеняхъ его развитія. Разсуждающіе такимъ образомъ только повторяютъ теорію, высказанную въ XVII вѣкѣ Фильмеромъ, знаменитымъ авторомъ „Патріарха“. Вѣдь онъ тоже съ особенною настойчивостью останавливался на мысли, что въ патріархальной семьѣ мы находимъ зародыши всѣхъ учрежденій, включая сюда и абсолютнаго монарха—отца своего народа.

Совершенно такъ же, и на этотъ разъ съ нѣсколько бо̀льшимъ основаніемъ, настаивали многіе этнографы не только на широкомъ распространеніи, но и на всеобщности тотемизма,—обычая, по которому болѣе или менѣе многочисленныя группы людей принимаютъ имя какого-нибудь растенія или животнаго, рѣдко когда—скалы или озера, чтутъ эти предметы, охраняютъ ихъ и часто, основываясь на своемъ близкомъ отношеніи къ нимъ, приходятъ къ заключенію, что между членами ихъ группы существуетъ тѣсное родство, запрещающее имъ вступать между собою въ брачные союзы.

Я вовсе не хочу отрицать того, что тотемизмъ былъ и до сихъ поръ остается весьма распространеннымъ въ Америкѣ, Австраліи, Полинезіи, Меланезіи, Африкѣ и даже въ Азіи (по крайней мѣрѣ у древнихъ Арабовъ и неарійскихъ народностей Индіи); но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы имѣемъ право смотрѣть на него какъ на необходимую стадію общественнаго и религіознаго развитія человѣчества. У многихъ народовъ мы не находимъ и слѣдовъ

[1]) См., что говорятъ объ этомъ братья Сарразены и вслѣдъ за ними Гроссе.

тотемизма; таковы, напримѣръ, Индусы, какъ объ этомъ напоминаетъ Викторъ Анри въ своей книгѣ „Магія въ древней Индіи“.

Къ счастію, Фразеръ, т.-е. тотъ изъ фолклористовъ и этнографовъ, который наиболѣе настаивалъ на огромномъ значеніи тотемизма, самъ первый призналъ, что онъ слишкомъ преувеличилъ его значеніе. Впрочемъ, это признаніе было до нѣкоторой степени вынуждено суровой критикой, которую встрѣтили его взгляды со стороны Тейлора [1]).

Въ предисловіи ко второму изданію своей „Золотой вѣтви“, Фразеръ признаетъ, что его „ученическая работа“, какъ онъ самъ называетъ интересныя статьи, напечатанныя имъ о тотемизмѣ въ Fortnightly Review, грѣшила стремленіемъ отнести къ тотемизму многіе факты, совершенно отъ него независимые. Въ то же время Фразеръ протестуетъ противъ тѣхъ, кто приписываетъ ему намѣреніе объяснить происхожденіе культа растеній и животныхъ существованіемъ тотемизма [2]). „Я утверждаю,—говоритъ онъ,—что никогда не допускалъ и нигдѣ не развивалъ мысли объ универсальности тотемизма, которую приписываютъ мнѣ Губеръ и Маусъ: наоборотъ, я долженъ признать, что культъ деревьевъ и растеній вовсе не тождественъ съ тотемизмомъ и не происходитъ отъ него“.

Я тѣмъ охотнѣе подчеркиваю это заявленіе, что самъ до сихъ поръ не могъ найти среди многочисленныхъ племенъ, населяющихъ необъятную Россійскую имперію, несомнѣнныхъ слѣдовъ тотемизма. То же самое можно сказать о молодомъ русскомъ этнографѣ, преждевременно унесенномъ въ могилу въ самый разгаръ его преподавательской дѣятельности и ученыхъ изысканій; я говорю о Николаѣ Харузинѣ, который былъ когда-то моимъ слушателемъ въ московскомъ университетѣ, а позднѣе выдающимся профессоромъ сравнительной этнографіи въ томъ же университетѣ.

Въ своемъ посмертномъ сочиненіи, заключающемъ резюме его курса, онъ много говоритъ о тотемизмѣ и, повидимому, приписываетъ ему важную роль въ самомъ образованіи понятія о родствѣ по женской линіи [3]). Тѣмъ не менѣе и этотъ изслѣдователь, имѣвшій возможность лучше чѣмъ кто-либо другой напасть на слѣды

---

[1]) Я говорю о его Remarks on totemism.

[2]) Frazer's Golden Bough, II ed., p. XX.

[3]) Происхожденія понятія о томъ, что родство опирается на кровныхъ узахъ,—говоритъ онъ,—надо искать въ тотемизмѣ. Оно основано на запрещеніи членамъ одного и того же тотема вступать между собой въ брачные союзы. Этногр. Петербургъ. 1903. 2-й т., стр. 709.

тотемизма при изученіи богатой русской этнографической литературы, которую онъ зналъ основательно, не могъ привести ни одного факта, позволяющаго распространить на Россію, т.-е. на шестую часть всей поверхности земли, гипотезу о повсемѣстности тотемизма. Отмѣтимъ при этомъ, что материнская семья или слѣды ея существованія въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ встрѣчаются и понынѣ у многихъ племенъ, населяющихъ европейскую и азіатскую Россію. Харузинъ указываетъ въ подтвержденіе этого на Мордву, Пермяковъ, Вотяковъ и на многія другія племена финскаго происхожденія, а также на Киргизовъ и Якутовъ. Я, съ своей стороны, замѣтилъ пережитки родства по материнской линіи у Кабардинцевъ и Ингушей Кавказа [1]).

И тѣмъ не менѣе ни у одного изъ этихъ народовъ нельзя было найти слѣдовъ тотемизма. Когда туземцу надо отмѣтить знакомъ, что тотъ или другой предметъ принадлежитъ данной семьѣ или роду, онъ не рисуетъ ни растенія, ни животнаго: онъ просто мѣтитъ эти предметы какой-нибудь геометрической фигурой — кругомъ, полукругомъ, четырехугольникомъ, треугольникомъ. Эти мѣтки извѣстны подъ названіемъ „тавра“, по крайней мѣрѣ у полуосѣдлыхъ пастушескихъ племенъ татарскаго происхожденія, живущихъ въ сѣверной части Кавказа. Я отлично знаю, что нѣкоторые этнографы, именно Гроссе, хотѣли бы видѣть въ геометрическихъ украшеніяхъ „подражаніе естественнымъ формамъ“, дѣтское воспроизведеніе деревьевъ, птицъ, змѣй, летучихъ мышей и т. д. [2]). Такимъ образомъ немудрено было бы связать эти первобытныя графическія изображенія съ тотемизмомъ. Но что касается кавказскихъ племенъ, которыя мнѣ удалось посѣтить лично, то у нихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ дѣйствительнаго значенія, какое придаютъ этимъ символамъ. Въ ихъ глазахъ, они являются только условными знаками, позволяющими отличать телку или овцу такой-то семьи или рода отъ телки или овцы другихъ семей и родовъ того же племени. Геометрическіе значки имѣютъ здѣсь то же значеніе, какое у насъ — печати, и было бы столь же странно, на мой взглядъ, видѣть въ нихъ что-либо иное, какъ искать, напримѣръ, въ лошадиномъ копытѣ какого-нибудь дворянскаго герба доказательство того, что данная семья имѣла нѣкогда своимъ тотемомъ лошадь.

---

[1]) Въ моей работѣ „Современный обычай и древній законъ“.

[2]) „Les débuts de l'Art“, стр. 87 и слѣдующія.

Я не стану больше настаивать на необходимости строить наши этнографическія заключенія на солидномъ фундаментѣ фактовъ, наблюдаемыхъ у разнообразныхъ расъ, населяющихъ земной шаръ, и остановлю вниманіе читателя на методахъ, которые были предложены для достиженія этой цѣли.

Авторъ „Первобытной культуры“, открывшій намъ впервые огромную роль тотемизма въ религіозной и общественной жизни дикихъ и варварскихъ народовъ, Эдуардъ Тейлоръ, совѣтовалъ всѣмъ, кто занимается этнографическими изслѣдованіями, держаться того же метода, который употребителенъ въ статистикѣ. По его мнѣнію, всякій разъ, какъ возникаетъ сомнѣніе насчетъ общераспространенности того или другого обычая или вѣрованія, надо спросить себя, у какого числа племенъ это вѣрованіе встрѣчается или существовало и сколькимъ народамъ оно осталось неизвѣстно. Затѣмъ надо изслѣдовать, не объясняются ли эти исключенія характеромъ тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ протекаетъ или протекала жизнь этихъ послѣднихъ народовъ. Только если этого нѣтъ на лицо, мы имѣемъ право разсматривать данный обычай или вѣрованіе, какъ нѣчто общее всѣмъ расамъ въ извѣстный фазисъ ихъ общественнаго развитія. Нельзя, повидимому, сказать ничего болѣе яснаго и убѣдительнаго, болѣе ограждающаго этнографовъ отъ тѣхъ неожиданностей, какими грозитъ имъ черезчуръ пылкій полетъ воображенія. Но, вдумавшись въ основную мысль знаменитой статьи Тейлора, начинаешь спрашивать себя, можно ли примѣнить статистику, обыкновенно оперирующую съ вполнѣ опредѣленными величинами, къ изслѣдованіямъ, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ величинами неопредѣленными. Постараюсь пояснить свою мысль. Исходя изъ того положенія, что народы подражали другъ другу во всѣ времена, мы имѣемъ право спросить себя при знакомствѣ съ тѣмъ или другимъ обычаемъ или вѣрованіемъ, перенесеннымъ изъ одной среды въ другую, идетъ ли дѣло объ одной или нѣсколькихъ величинахъ. Система періодическаго передѣла земли въ томъ видѣ, въ какомъ она установилась въ теченіе XVII вѣка въ центральныхъ губерніяхъ московскаго государства, въ концѣ-концовъ распространилась и была введена и въ Малороссіи и въ другихъ областяхъ обширной Россійской имперіи. Этотъ фактъ самъ по себѣ даетъ ли намъ однако право причислять большинство народовъ, населяющихъ Россію, къ тѣмъ, которые непосредственно ввели у себя общинное землевладѣніе, или слѣдуетъ, для точности и во избѣжаніе ошибки въ вычисленіи, говорить только объ одномъ

общинно-мірскомъ владѣніи крестьянъ Великороссіи? А между тѣмъ далеко не безразлично при передачѣ цифрами числа племенъ, которымъ извѣстенъ обычай періодическаго передѣла земли, считать большинство народностей Россіи „мірскими“ владѣльцами, или нѣтъ. Наши заключенія могутъ радикально разойтись, смотря по тому, какого способа подсчета мы будемъ держаться. То же самое можно сказать и при рѣшеніи другихъ вопросовъ столь же общаго характера.

Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о распространеніи той системы родства, которую Льюисъ Морганъ назвалъ системой родства по классамъ. Согласно этой системѣ, всѣ члены одной и той же группы распредѣляются по возрасту въ классы: отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, сыновей и дочерей. Эта система встрѣчается въ Австраліи и на островахъ Фиджи. Но такъ какъ Фиджійцы въ этомъ отношеніи только послѣдовали примѣру Австралійцевъ, то въ сущности эти два факта сводятся къ одному. Таково по крайней мѣрѣ заключеніе Файзона, который наиболѣе основательно изучилъ этотъ вопросъ.

Во время моихъ этнографическихъ изслѣдованій на Кавказѣ я не разъ останавливался передъ тѣмъ фактомъ, что въ основаніи татарскихъ и кабардинскихъ обычаевъ лежатъ осетинскія учрежденія; этотъ фактъ легко объясняется тѣмъ, что нѣкогда Осетины занимали всю страну, заселенную теперь другими народностями. Еще болѣе поразило меня то обстоятельство, что, сличивши нѣкоторыя мѣста изъ Авесты съ вѣрованіями, привычками и обычаями современныхъ Хевсуровъ и Пшавовъ, я увидѣлъ, какъ много общаго въ цѣломъ рядѣ представленій и обычаевъ у грузинскихъ горцевъ съ древними Персами (таково, напримѣръ, вѣрованіе въ очистительную силу коровьей мочи). Отсюда я заключилъ, что у Хевсуровъ и Пшавовъ и до сихъ поръ еще существуютъ пережитки вѣрованій и обычаевъ, свойственныхъ Иранцамъ и, по всей вѣроятности, предшествовавшихъ составленію книгъ Авесты и религіи Зороастра.

Къ сожалѣнію, очень часто упускаютъ изъ виду, какіе многочисленные слѣды оставили въ народныхъ суевѣріяхъ и привычкахъ древнія священныя книги и старые юридическіе своды. А этого вліянія вполнѣ достаточно, чтобы не считать за самостоятельныя открытія, сдѣланныя народами различнаго происхожденія независимо другъ отъ друга, то, что въ конечномъ счетѣ явилось послѣдствіемъ широко распространеннаго подражанія.

Какъ же производить статистическія вычисленія съ такими неопредѣленными величинами! Когда я оперирую съ числомъ рожденій или смертей, самоубійствъ, или даже затерянныхъ почтой писемъ, я имѣю дѣло съ чѣмъ-то весьма опредѣленнымъ. Ничего подобнаго нѣтъ на-лицо, когда вопросъ идетъ о томъ, чтобы установить точно число народовъ, у которыхъ родство считается по матери или по отцу. Вѣдь у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ того, что такъ называемая патріархальная семья не явилась удачнымъ нововведеніемъ въ одномъ или нѣсколькихъ центрахъ и не распространилась оттуда въ разныхъ направленіяхъ, „какъ чернильное или масляное пятно“, по образному выраженію, такъ часто встрѣчающемуся въ трудахъ Тарда.

Къ тому же, какъ рѣшить вопросъ о пріоритетѣ одного обычая передъ другимъ при помощи статистическаго метода? Если бы въ наши дни число народовъ, у которыхъ ребенокъ считается принадлежащимъ къ семьѣ или роду матери, и было весьма ничтожно, отсюда вовсе не слѣдовало бы, что признаніе родства по матери— болѣе ранняго или болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ признаніе родства по отцу. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при помощи изученія всей совокупности условій, сопровождающихъ существованіе материнскихъ семей, и сопоставленія ихъ съ условіями семейнаго быта животныхъ: вѣдь и у послѣднихъ тоже, повидимому, не существуетъ никакой другой связи, кромѣ связи матери съ ребенкомъ. Надо было бы еще спросить себя, можетъ ли мало развитой умъ дикаря представить себѣ другую связь, кромѣ матеріальной и осязательной, какой является пуповина. Надо было бы изслѣдовать также, не перешли ли жившіе нѣкогда въ патріархальномъ состояніи народы къ матріархату, или наоборотъ, не подтверждаетъ ли множество фактовъ гипотезы о болѣе позднемъ возникновеніи понятія родства по отцу въ нѣдрахъ матріархальныхъ обществъ.

Слѣдовательно, далеко не одинъ подсчетъ народовъ, у которыхъ существуетъ то и другое вѣрованіе или обычай, можетъ помочь сравнительному этнографу рѣшить интересующіе его вопросы, которые всѣ, по моему мнѣнію, сводятся къ тому, чтобы установить одно или нѣсколько строго опредѣленныхъ теченій въ развитіи обществъ.

Методъ, употребляемый въ статистикѣ, имѣетъ для этнографовъ только ту цѣну, что напоминаетъ имъ о необходимости основывать свои заключенія на возможно большемъ числѣ фактовъ и

искать объясненія встрѣчающихся уклоненій въ спеціальныхъ условіяхъ данной среды. Такъ это и понялъ Нибёръ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи о происхожденіи рабства. Онъ сумѣлъ показать на большомъ количествѣ фактовъ, что заключеніе, къ которому пришли нѣкоторые экономисты, между прочимъ Кернсъ, скорѣе путемъ дедукціи, чѣмъ индукціи, совершенно справедливо, т.-е. что рабство пускаетъ прочные корни только въ земледѣльческой средѣ. Охотничьи племена не знаютъ, что имъ дѣлать съ рабами; они не могутъ ни лишить военноплѣнныхъ оружія, безъ котораго невозможна никакая охота, ни контролировать ихъ поведеніе сколько-нибудь дѣйствительнымъ образомъ, такъ какъ промыселъ охотника требуетъ работы мелкими, разбросанными группами. Къ тому же имъ опасно увеличивать произвольно число ртовъ, какъ бы ни было велико протяженіе ихъ улововъ: малѣйшая эпизоотія, вызванная атмосферическими вліяніями, грозитъ имъ неминуемою гибелью. Нибёръ не только обосновалъ свои положенія на огромномъ числѣ примѣровъ,—онъ и объяснилъ причины, почему нѣкоторыя охотничьи племена владѣютъ невольниками, и почему число ихъ даже довольно значительно, по крайней мѣрѣ въ средѣ тѣхъ, которыя главнымъ образомъ занимаются рыбнымъ уловомъ. Это обусловливается столько же способомъ эксплуатаціи или труда рабовъ, сколько и особеннымъ характеромъ рыбной ловли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Охотники и рыболовы, сбывающіе своихъ военноплѣнныхъ въ чужія страны или включающіе ихъ въ ряды своихъ воиновъ, находятся совершенно въ другомъ положеніи по отношенію къ рабству, чѣмъ племена, удаленныя отъ моря и отъ всякихъ сношеній съ чужестранцами или слишкомъ гордыя, чтобы позволить дѣтямъ чужого племени пользоваться преимуществами военной службы, сохраняемыми для ихъ собственныхъ членовъ.

Нибёръ показалъ также, что тамъ, гдѣ рыбная ловля производится сообща и гдѣ легко сбывать ея продукты за границу, увеличеніе числа подневольныхъ работниковъ можетъ быть только выгодно. Въ такомъ положеніи находятся краснокожіе сѣверной Америки, живущіе у береговъ Тихаго океана. Они дѣйствительно владѣютъ значительнымъ числомъ рабовъ, которые помогаютъ имъ при ловлѣ рыбы.

Штейнмецъ—учитель только-что цитированнаго мною автора и самъ ученикъ Вилькена (Wilken)—можетъ быть вмѣстѣ съ Колеромъ, больше всѣхъ другихъ современныхъ этнографовъ придаетъ значеніе накопленію хорошо установленныхъ данныхъ. Чего только

не сдѣлалъ онъ, чтобы увеличить наши свѣдѣнія о существованіи материнскихъ обществъ, о тотемизмѣ и т. д., и т. д.! Не ему ли мы обязаны редакціей недавно вышедшаго интереснаго сборника, который даетъ отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ этнографическаго характера, поставленныхъ обществомъ сравнительнаго законовѣдѣнія въ Берлинѣ! Эти отвѣты, доставленные мѣстными служащими и миссіонерами, знакомятъ насъ съ различными сторонами жизни народовъ, населяющихъ еще такъ мало изслѣдованную центральную Африку, Мадагаскаръ и Меланезію. Въ лицѣ Штейнмеца мы находимъ не только неутомимаго этнографа, но и первоклассnаго психолога; его сравнительные этюды о происхожденіи кровной мести должны считаться въ числѣ главныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ генетической соціологіей за послѣднія двадцать лѣтъ. Я тѣмъ охотнѣе готовъ воздать должное Штейнмецу, что онъ оспаривалъ многіе изъ моихъ взглядовъ. Но два изъ этихъ взглядовъ особенно близки моему сердцу, и относительно ихъ я остаюсь при своемъ мнѣніи.

Штейнмецъ присоединяется къ мысли, изложенной съ большимъ обиліемъ подробностей покойнымъ Даргуномъ, выдающимся польскимъ этнографомъ. Онъ думаетъ, что частная собственность явилась раньше общиннаго землевладѣнія. Мнѣ пришлось еще недавно вторично изучать этотъ вопросъ, и послѣ новыхъ изслѣдованій я поддерживаю теорію, высказанную мною болѣе четверти вѣка назадъ. То, что принято называть первобытною собственностью, на самомъ дѣлѣ только заимка, или „purprise“ — терминъ, освященный древнимъ французскимъ правомъ; пользованіе землею доставляетъ самый фактъ поднятія нови. Что же касается до права собственности на землю, то оно оставалось общимъ или для всего племени или для его подраздѣленія, рода или клана. Эта общность права собственности проявлялась въ совмѣстной защитѣ земли отъ чужаковъ, т.-е. отъ сосѣднихъ племенъ и родовъ. Она выступала также въ признанной за всѣми членами группы, и только за ними, свободѣ охотиться, ловить рыбу, дѣлать запашки въ предѣлахъ коллективнаго владѣнія. Распахиваніе земли не регулировалось никакими правилами до тѣхъ поръ, пока населеніе не становилось болѣе густымъ и не возникала потребность обставить расчистку новыхъ земель установленными обычаемъ правилами. Еще позднѣе, и опять-таки подъ вліяніемъ возрастанія населенія, начали дѣлить землю, періодически равняя участки, или сразу обращали прежнія заимки въ собственность. Такъ возникала, и такъ возникаетъ еще и

въ настоящее время въ Сибири, мірская собственность и частное землевладѣніе. Гербертъ Спенсеръ въ своихъ „Принципахъ соціологіи“ передаетъ мой взглядъ на этотъ вопросъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ трудѣ г. Ковалевскаго по поводу швейцарскихъ альмендъ показано, какимъ образомъ общинная собственность, благодаря все болѣе и болѣе рѣдкому передѣлу участковъ и наконецъ совершенному его прекращенію, переходитъ въ собственность частную. Въ тѣхъ случаяхъ, когда никакія другія причины не способствуютъ исчезновенію общинной собственности, она вымираетъ именно этимъ путемъ“ [1]).

Мнѣ очень лестно одобреніе великаго англійскаго соціолога, но я долженъ замѣтить, что въ только что цитированныхъ мною словахъ Спенсеръ принялъ во вниманіе лишь часть моей доктрины. Впрочемъ, наши взгляды на коллективный характеръ первобытной недвижимой собственности совершенно совпадаютъ, и разногласія начинаются только съ того момента, когда я пытаюсь показать, какую роль борьба классовъ вмѣстѣ съ ростомъ населенія и все увеличивающеюся его плотностью играла въ переходѣ коллективной собственности въ частную.

Другой пунктъ, вызвавшій нападки на меня Штейнмеца, касается характера подлежащихъ первоначально наказанію преступленій. Въ „Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ“ я старался доказать, что убійство, увѣчье и воровство, совершенныя по отношенію къ чужеродцамъ, давали поводъ къ мести или платежу выкуповъ, но совершенныя въ средѣ рода, вызывали только удаленіе изъ него преступника. Я пытался выяснить, что интересы самосохраненія и желаніе обезпечить внутреній миръ мѣшали роду прибѣгать къ какимъ-либо другимъ мѣрамъ. Штейнмецъ приводитъ факты, которые противорѣчатъ, или какъ будто противорѣчатъ, моей теоріи. Существуютъ племена, у которыхъ кровная месть и система выкуповъ проникли и въ отношенія между членами одной и той же группы родичей. Я охотно признаю это; но подобныхъ фактовъ недостаточно, чтобы подорвать самое основаніе моей теоріи. Между прочимъ, я съ удовольствіемъ отмѣчаю, что въ своемъ новомъ трудѣ, посвященномъ изслѣдованію англосаксонскаго общества и другихъ современныхъ ему германскихъ обществъ, Себомъ отправляется отъ признанія того же самаго факта, изъ котораго я вывожу всю эволюцію уголовнаго права [2]). Онъ допускаетъ возможность

[1]) „Principes de Sociologie“, франц. пер., т. III, стр. 732.

[2]) См. отчетъ о Seebohm: „Tribal System in anglo-saxon law“ въ „L'Année Sociologique“. 1903.

кровной мести только въ отношеніяхъ между родами, а не между семьями одного и того же рода. Собранные Штейнмецомъ факты, конечно, вѣрны, но изъ нихъ слѣдуетъ только то, что вездѣ, гдѣ родъ вступилъ уже въ періодъ своего разложенія, тѣсная взаимная связь, существовавшая раньше между его членами и заставлявшая ихъ сплачиваться въ одно цѣлое при столкновеніи съ чужеродцами, начинаетъ слабѣть и наконецъ совсѣмъ изчезаетъ. Въ такихъ условіяхъ и кровная месть и выкупы, или „композиціи“, начинаютъ встрѣчаться и въ отношеніяхъ между семьями и отдѣльными личностями одного и того же рода, если только возникающее государство не беретъ на себя обязанности само преслѣдовать злодѣянія въ интересахъ общественнаго спокойствія.

Два только что приведенныхъ мною примѣра, къ которымъ можно бы прибавить немало другихъ, заставляютъ признать, что недостаточно привесть большое число данныхъ въ подкрѣпленіе поддерживаемой гипотезы; надо еще показать, что утверждаемое нами явленіе тѣснѣйшимъ образомъ связано со всею совокупностью условій переживаемой стадіи развитія общества.

Является, слѣдовательно, вопросъ, въ какой степени понятіе о земельной собственности или объ исключительномъ и наслѣдственномъ правѣ на землю соотвѣтствуетъ умственному состоянію дикаря, который стремится лишь удовлетворить непосредственнымъ своимъ потребностямъ, не имѣетъ никакого понятія о сбереженіи и склоненъ приписывать вещамъ, находящимся во владѣніи человѣка—его оружію, украшеніямъ, хижинѣ—мистическій характеръ.

Это представленіе породило очень распространенный среди дикарей обычай, встрѣчавшійся нѣкогда и у Индусовъ, Германцевъ и Славянъ, обычай уничтожать вмѣстѣ съ умершимъ вещи, наиболѣе ему близкія: его оружіе, украшенія, хижину,—изъ страха, какъ бы его мстительный духъ не сталъ преслѣдовать своею ненавистью человѣка, завладѣвшаго этими вещами. Обладать извѣстнымъ предметомъ, по господствовавшему у нихъ представленію, значитъ до нѣкоторой степени держать въ своихъ рукахъ часть лица, которому этотъ предметъ принадлежалъ. Вѣра въ порчу, которая не совсѣмъ исчезла еще и до сихъ поръ, очень распространена между дикарями. Они допускаютъ, что извѣстныя символическія дѣйствія и заклинанія, совершенныя надъ предметами, принадлежавшими живому или умершему, могутъ оказывать непосредственное вліяніе на его судьбу какъ въ этой, такъ и въ загробной жизни.

Вся симпатическая магія дикарей, съ которой такъ основа-

тельно знакомитъ насъ Фразеръ, исходитъ изъ этого представленія. А при такомъ умственномъ уровнѣ трудно возвыситься до понятія о наслѣдственномъ правѣ на воздѣлываемую землю. Разъ никакая реальная потребность не побуждала къ признанію исключительнаго права на нее, не могло существовать и понятія о собственности. Исключеніе составляли только предметы, тѣсно связанные съ человѣкомъ; съ ними онъ никогда не соглашался разстаться изъ опасенія, чтобы, попавъ въ чужія руки, они не оказали вреднаго вліянія на его судьбу.

Ясно также, что при племенныхъ и родовыхъ усобицахъ, свойственныхъ дикарямъ, члены одного рода болѣе всего озабочены сохраненіемъ внутренняго единенія и мира. Но какимъ образомъ можно было бы поддержать это единеніе, если бы кровная месть преслѣдовала за злодѣяніе, совершенное въ средѣ одной и той же группы родичей? Это разсужденіе само по себѣ было бы не достаточно убѣдительно, если бы въ нашу пользу не говорило еще значительное количество показаній, которыя какъ нельзя лучше устанавливаютъ тотъ фактъ, что участь, ожидающая убійцу родича, состояла въ изгнаніи его изъ того круга, къ которому онъ раньше принадлежалъ. Его принуждаютъ уйти, истребляя все, чѣмъ онъ владѣлъ, сжигая его домъ, скашивая его посѣвъ и т. д. Его караютъ также общимъ презрѣніемъ. Онъ долженъ бѣжать и устраняться отъ встрѣчи съ бывшими родичами. Но его не убиваютъ, такъ какъ насильственная смерть его тоже требовала бы отмщенія. А въ такомъ случаѣ пришлось бы проститься съ внутреннимъ миромъ и тѣсной солидарностью, которые царятъ внутри рода и даютъ ему возможность противустоять окружающимъ его со всѣхъ сторонъ врагамъ.

Какое же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать изъ всѣхъ критическихъ замѣчаній, направленныхъ мною по адресу сторонниковъ статистическаго метода въ этнографіи? Оно, на мой взглядъ, сводится къ тому, что, такъ какъ разныя стороны быта народнаго тѣсно связаны между собой, то объясненія изучаемаго явленія надо искать во всей совокупности условій народной жизни. Пусть данное явленіе повторяется очень часто; эти повторенія еще не доказываютъ его всеобщности, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока несогласные съ нимъ факты не найдутъ объясненія въ причинахъ исключительнаго характера.

Какой-нибудь обычай или обрядъ можетъ рѣдко встрѣчаться въ наши дни, но въ старину онъ могъ быть общимъ правиломъ: часто самая рѣдкость только свидѣтельствуетъ въ пользу древности.

Сопоставьте рѣдкій обычай или рѣдкое суевѣріе съ тѣми пережитками, которые мы находимъ въ религіяхъ и юридическихъ системахъ древности и среднихъ вѣковъ, и вы сумѣете уловить ихъ дѣйствительно архаическій характеръ.

Если надо искать объясненіе того или другого вѣрованія или обычая во всей совокупности условій народной жизни, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что можно обойтись безъ помощи сравнительнаго метода, ибо то, что у одного народа сохраняется только въ видѣ пережитка, т.-е. анахронизма, у другого связано со всею совокупностью условій его жизни. Такимъ образомъ легко выяснить самую причину изучаемаго нами явленія, причину, которая могла бы ускользнуть отъ вниманія изслѣдователя, разъ поле наблюденій ограничено будетъ только однимъ народомъ. Сравнительный методъ, слѣдовательно, такъ же необходимъ въ этнографіи, какъ и при изученіи языка, религіи и права.

Я сказалъ, что этнографъ долженъ обращаться ко всей совокупности условій жизни даннаго народа, какъ настоящихъ, такъ и прошедшихъ, чтобы найти объясненіе изучаемыхъ имъ явленій. Но нѣтъ ли способа изъ этихъ самыхъ условій выдѣлять такія, которыми опредѣлялись бы всѣ прочія?

Современные соціологи имѣютъ замѣтную склонность къ своего рода монизму: они стремятся свести разнообразные факторы эволюціи народовъ къ одному основному. Этотъ факторъ они видятъ то въ орографіи и гидрографіи данной страны, то въ ея географическомъ положеніи, то въ ея климатѣ, то въ расѣ или расахъ населяющихъ ее народовъ. За послѣднія же двадцать лѣтъ всѣ эти одностороннія толкованія уступили мѣсто двумъ новымъ, столь же исключительнымъ и къ тому же радикально противоположнымъ другъ другу.

Одни сводятъ поступательное движеніе обществъ къ причинамъ экономическаго порядка, къ измѣненіямъ въ способахъ производства богатствъ или ихъ обращенія, другіе—къ духовному состоянію изучаемыхъ народовъ, къ тому, что въ Германіи зовется народной, а во Франціи коллективной психологіей. Этнографы впали въ такую же крайность. Рядъ изслѣдователей, обладающихъ большою оригинальностью и основательной эрудиціей, какъ Гроссе и Гильдебрандъ, думаютъ открыть прямую зависимость между той или другой формой производства, съ одной стороны, и той или другой организаціей семьи и родственныхъ отношеній, съ другой. Утверждаютъ, напримѣръ, и на мой взглядъ совершенно ошибочно, что общественная

организація охотничьихъ или рыболовныхъ племенъ должна обязательно сводиться къ моногамной семьѣ съ отцомъ или матерью во главѣ. У пастушескихъ же народовъ, все по той же теоріи, преобладаетъ скорѣе полигамія; разбросанные на огромномъ пространствѣ, необходимомъ для пастьбы ихъ скота, они принуждены волей-неволей селиться небольшими группами. Въ этихъ группахъ наблюдается сильное преобладаніе мужчинъ и подчиненное положеніе женщины, какъ существа, за которое при бракѣ дается выкупъ. Отсюда происхожденіе родства по отцу и ограниченіе у охотниковъ и рыболововъ правъ матери и тѣхъ, кто близокъ къней по крови, въ частности—ея старшаго брата.

Съ первыми успѣхами земледѣлія произошелъ, по этой теоріи, переходъ къ материнской семьѣ, а затѣмъ послѣдовало снова возвращеніе къ патріархату, какъ только болѣе интенсивная земледѣльческая культура позволила соединиться нѣсколькимъ семьямъ на сравнительно ограниченномъ пространствѣ.

Тѣ, кто, какъ Гроссе, вполнѣ убѣждены въ совершенномъ соотвѣтствіи между формой производства и всѣми другими проявленіями общественной жизни народа, находятъ связь даже между обожаніемъ растеній и животныхъ и характеромъ жизни первобытныхъ охотниковъ и пастуховъ. Культъ предковъ начинается, по ихъ мнѣнію, только съ того момента, когда, съ переходомъ къ земледѣлію, кочевыя племена превращаются въ осѣдлыя и когда у нихъ, такимъ образомъ, является возможность поддерживать могилы родителей.

Все согласовано, или по крайней мѣрѣ кажется согласованнымъ. въ этой теоріи. Къ тому же на ея сторонѣ то преимущество, что она согласна съ ученіемъ Маркса, великаго апостола не только соціализма, но отчасти и новѣйшей соціологіи. Самые пылкіе, если не самые вдумчивые, адепты этого великаго мыслителя готовы объяснить экономическими причинами даже развитіе музыки, пластическихъ искусствъ и литературы. Нѣкоторыя сомнѣнія, высказанныя мною по этому поводу, вызвали недавно—чрезвычайно, впрочемъ, любезное—возраженіе со стороны преждевременно погибшаго австрійскаго соціолога Келлесъ-Крауса. Въ своей статьѣ, напечатанной въ „Анналахъ соціологическаго института“, Краусъ дѣлаетъ невѣроятныя усилія, чтобы связать разныя преобразованія въ музыкальномъ искусствѣ съ перемѣнами въ способахъ производства. Стремленіе, если не отрицать совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ умалить до крайности значеніе великаго психологическаго фактора изо-

брѣтенія даже въ области науки и искусства продолжаетъ господствовать и въ настоящее время, несмотря на энергичные протесты Тарда.

Съ другой стороны, совершенно забываютъ, повидимому, что самыя измѣненія въ формахъ производства являются слѣдствіемъ основной причины—поступательнаго движенія народонаселенія, его все увеличивающейся плотности, какъ это очень кстати напомнилъ Костъ. А между тѣмъ эта истина была признана еще Огюстомъ Контомъ и даже вѣками раньше его—тѣми самыми меркантилистами, которые впервые формулировали великій законъ народонаселенія и въ лицѣ Ботеро предугадали гипотезу Мальтуса.

До какой степени велико заблужденіе тѣхъ, кто намѣренно упускаетъ изъ виду тѣсное соотношеніе между экономической организаціей народа и его вѣрованіями и желаніями, можно судить по одному тому, что самая собственность отчасти возникла въ зависимости отъ этихъ вѣрованій и желаній, именно—изъ религіознаго представленія, что духъ усопшаго охотно посѣщаетъ мѣсто, гдѣ покоится его прахъ. Прибавьте къ этому стремленіе пріобрѣсти расположеніе этого духа, облегчая ему доступъ къ его бывшей обители, и вы поймете причину зарожденія того чувства, которое заставляетъ туземца Новой Зеландіи передавать своимъ ближайшимъ родственникамъ землю, гдѣ похоронены его предки. Ему мало владѣть этой землею, пока онъ ее обрабатываетъ: онъ хочетъ, чтобы она принадлежала ему и его близкимъ, чтобы она была его навсегда, оставалась въ его исключительномъ владѣніи—изъ страха, что могилы предковъ попадутъ въ противномъ случаѣ въ руки враговъ и посѣщающіе ихъ духи откажутъ ему въ поддержкѣ и покровительствѣ. Это тѣсное отношеніе между возникновеніемъ собственности и желаніемъ расположить къ себѣ предковъ заботливымъ уходомъ за ихъ могилами встрѣчается не у однихъ только дикарей и варваровъ. То же самое мы находимъ у Индусовъ,—народа, какъ и мы, арійскаго происхожденія, обладающаго общественной организаціей до такой степени дифференцированной и, слѣдовательно, развитой (вспомните только о кастахъ), что терминъ „первобытный“ никоимъ образомъ не можетъ быть къ нимъ примѣненъ. Я нашелъ въ одномъ документѣ, опубликованномъ бомбейскимъ азіатскимъ обществомъ и относящемся къ XIV—XVI вв. нашей эры, слѣдующій характерный случай. Компанія колонистовъ, пришедшихъ съ сѣвера Индіи и желавшихъ поселиться въ южной провинціи (Канканѣ), проситъ сельскую общину уступить ей участокъ лѣса. Этотъ уча-

стокъ долженъ быть достаточно великъ, чтобы доставлять дрова для сжиганія труповъ. Тутъ же будетъ покоиться прахъ умершихъ, и окружающее пространство сдѣлается нераздѣльною собственностью возникающаго селенія (по названію Муруда). За расчистку же земли вокругъ участка, избраннаго для совершенія похороннаго обряда, колонисты принимаются значительно позже, такъ какъ имъ важно прежде всего обезпечить за собой право собственности на уступленный участокъ. А это право имъ кажется упроченнымъ только тогда, когда прахъ ихъ умершихъ упокоится въ той же почвѣ [1]).

Но не однѣ только могилы или прахъ предковъ играютъ роль посредствующаго звена между отдѣльнымъ семейнымъ очагомъ или группой подобныхъ же очаговъ и тѣмъ или другимъ участкомъ. Такимъ же звеномъ могутъ служить разные предметы, тѣсно связанные съ личностью претендента на собственность. Туземецъ Новой Зеландіи, напр., объявляетъ себя собственникомъ того или другого участка только на томъ основаніи, что тамъ зарыта его пуповина.

Съ другой стороны, достаточно совершить извѣстное магическое дѣйствіе, чтобы охранить данное мѣсто отъ постороннихъ посягательствъ и сдѣлать его своею собственностью [2]). Такъ, нѣкоторыя племена южной Африки, воткнувши въ землю колъ, обвертываютъ его верхушку банановымъ листомъ. Этимъ дѣйствіемъ, сопровождаемымъ проклятіемъ тому, кто вздумаетъ не обратить на него вниманія, они устанавливаютъ связь между землей и ея владѣльцемъ. Отрицайте послѣ этого вліяніе вѣрованій на организацію производства!

Я позволю себѣ также настаивать на томъ, что фактъ, съ которымъ Гроссе и Гильдебрандъ связываютъ первоначальное измѣненіе въ организаціи семьи—я разумѣю переходъ отъ охотничьяго и рыболовнаго быта къ быту земледѣльческому и пастушескому, самъ опредѣляется причиной біо-соціальнаго порядка—увеличеніемъ населенія. Когда охотникамъ и пастухамъ становится тѣсно, они начинаютъ мало-по-малу переходить къ земледѣлію. Чѣмъ вызвано это измѣненіе? Большей густотой населенія. Всякое увеличеніе этой

---

[1]) См. мою книгу: „Общинное Землевладѣніе. Причины и ходъ ея разложенія". Москва, 1879 г., стр. 104 и 105.

[2]) Именно у Вашамбаловъ, которые живутъ на сѣверо-западѣ Занзибара. См. отчетъ нѣмецкаго миссіонера Генриха Ланга въ сборникѣ докт. Штейнмеца „Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Africa und Ozeanien". Berlin, 1903, стр. 263.

густоты находитъ свое естественное отраженіе въ соотвѣтственномъ прогрессѣ земледѣлія или скотоводства. Такъ, во избѣжаніе постоянной смѣны обрабатываемыхъ участковъ и необходимости переносить вслѣдствіе этого свои поселенія изъ одного мѣста въ другое, земледѣльцы становятся осѣдлыми. Земледѣліе и теперь еще сохраняетъ свой прежній экстенсивный характеръ, но относительно въ меньшей степени. Люди уже не переселяются больше съ мѣста на мѣсто, а вспахиваютъ и обсѣменяютъ землю, не выходя за предѣлы извѣстной области,—только сегодня здѣсь, завтра тамъ, по мѣрѣ того, какъ почва, благодаря отсутствію пара, теряетъ свою производительную силу.

Еще позднѣе и тоже подъ вліяніемъ новыхъ потребностей, вызванныхъ увеличившейся густотой населенія, начинаетъ входить въ практику сперва двухпольная, а потомъ трехпольная система и т. д. Сначала вовсе не признавали необходимости удобренія, теперь оно занимаетъ видное мѣсто. Прежде пускали паръ подъ выгонъ для скота, теперь его засѣваютъ люцерной, клеверомъ, центифоліемъ. Появляется огородная культура, химическія удобренія и т. д., и т. д. Рабочій скотъ не пускаютъ уже пастись по лѣсамъ и лугамъ,—его держатъ въ загонахъ и кормятъ овсомъ и сѣномъ. И всѣ эти измѣненія совершились не по мановенію волшебства, а явились необходимымъ слѣдствіемъ біо-соціальнаго фактора—увеличенія числа жителей и, слѣдовательно, густоты населенія.

Но все это такъ очевидно, что доказывать долго не приходится. Спросимъ лучше себя, не обусловливаетъ ли хотя бы отчасти та же самая плотность населенія измѣненій иного рода, не вызываетъ ли она, напримѣръ, привычки къ сбереженіямъ, не порождаетъ ли она косвенно и антагонизма между богатствомъ и бѣдностью? А этотъ антагонизмъ въ свою очередь ведетъ за собой антагонизмъ другого рода—антагонизмъ между правящимъ классомъ и классомъ подвластнымъ, между вождями, дворянствомъ и простымъ народомъ. Нельзя сказать, чтобы эти явленія были чисто экономическаго или, вѣрнѣе, біо-экономическаго характера. Знанія могутъ накопляться, какъ и хлѣбъ. Магъ и судья, богатые знаніемъ обрядовъ и заклинаній,—такіе же продукты этой своеобразной формы накопленія, какъ и человѣкъ богатый коровами и потому попадающій въ ряды высшаго сословія (такъ было у ирландскихъ кельтовъ). Дадимъ себѣ, съ другой стороны, отчетъ въ томъ, насколько разные факторы общественной эволюціи взаимно скрещиваются и дѣйствуютъ совмѣстно, насколько было бы ошибочно по-

этому сводить ихъ къ одному. Далеко не всегда вождемъ бываетъ самый богатый, имъ часто является и самый сильный, самый мудрый, т.-е. не только опытный, но и хитрый, или еще свѣдущій по части юридическихъ правилъ, обрядовъ и магическихъ заклинаній, способный, слѣдовательно, подчинять себѣ духовъ, заставить ихъ служить своимъ собственнымъ цѣлямъ или, по крайней мѣрѣ, обезвредить ихъ для себя и для тѣхъ, кому онъ покровительствуетъ. Вѣдь слово браминъ, или священникъ, въ первоначальномъ смыслѣ значило магъ, а Фразеръ какъ нельзя лучше доказалъ, что даже глава индусскаго государства, раджа, самою своею властью обязанъ отчасти признаваемымъ за нимъ способностямъ мага-исцѣлителя.

Тѣмъ, кто вслѣдъ за Мэномъ и д'Арбуа де Жубэнвиллемъ изучали старинные ирландскіе кодексы, извѣстно, какую роль знаніе юридическихъ сентенцій и передача ихъ отъ учителя къ ученику играли въ созданіи того класса судей, какими были Брегоны старой Ирландіи. Но многимъ, вѣроятно, неизвѣстно, что подобная же эволюція произошла не дальше, какъ въ XV и XVI вѣкахъ неподалеку отъ береговъ Каспійскаго моря, въ Дагестанѣ. Филологи и этнографы до сихъ поръ мало интересовались этою областью, хотя она представляетъ для изслѣдователя неисчерпаемыя богатства, въ виду того, что черезъ нее проходили и въ ней осѣдали колоніями десятки расъ и національностей. Найдется ли такой народъ, который за время своихъ долгихъ передвиженій изъ Азіи въ Европу не проходилъ черезъ знаменитыя Дербентскія ворота или не шелъ по болѣе просторному пути, представляемому степями, расположенными къ сѣверу отъ Каспійскаго моря и Дагестана? Въ этомъ-то краю, который прославился своимъ долгимъ сопротивленіемъ русскимъ и который мнѣ пришлось посѣтить, существуетъ маленькое княжество Кайтагъ. Владѣтель этого княжества, извѣстный подъ именемъ Уцмія, обязанъ своею властью тому, что онъ происходитъ отъ знаменитаго судьи-посредника Рустема. Всѣ потомки Рустема тщательно скрывали отъ народа знаменитый сборникъ рѣшеній своего предка. „Кто держитъ языкъ за зубами, голова того будетъ цѣла“, гласитъ народная поговорка, часто воспроизводимая въ этомъ знаменитомъ сборникѣ, переведенномъ на русскій языкъ. Поговорка эта настолько выразительна, что не требуетъ комментаріевъ. Ревниво охраняя секретъ постановленій своего предка, потомки Рустема извлекали изъ этого извѣстную выгоду для себя; ихъ посредничества не разъ искали тяжущіяся стороны. Приговоры Рустема слыли столь же мудрыми, какъ приговоры Соломона. Неудивительно, что тѣ, кото-

рые обладали этимъ сокровищемъ мудрости и правды, сдѣлались сначала наслѣдственными судьями, а потомъ и князьями Кайтага. Названіе Уцмій, которое они носятъ, значитъ судья [1]).

Итакъ, каковъ бы ни былъ характеръ учрежденія, происхожденіе котораго мы изучаемъ, идетъ ли дѣло о собственности, о кастахъ и сословіяхъ, о власти главы племени или народныхъ вождей, мы постоянно наталкиваемся то на преобладающую, то на второстепенную роль психологическаго фактора. Такимъ образомъ— будущность сравнительной этнографіи и услуги, которыхъ соціологія въ правѣ ждать отъ нея, зависятъ, на мой взглядъ, отъ того, откажется ли она или нѣтъ отъ несчастнаго стремленія сводить всѣ подлежащія ея рѣшенію задачи къ уравненію съ однимъ неизвѣстнымъ, которымъ является порядокъ производства.

Это сравненіе принадлежитъ не мнѣ, а Энгельсу, который вмѣстѣ съ Марксомъ раньше и больше другихъ настаивалъ на важности экономическаго пониманія исторіи.

Энгельсъ порицалъ въ то же время страсть къ упрощенію задачъ изслѣдователя и въ этомъ, самъ того не замѣчая, вполнѣ сходился съ основателемъ соціологіи, Контомъ, который такъ часто настаивалъ на взаимной зависимости общественныхъ явленій. Ее никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду ревнителямъ сравнительной этнографіи. Будущіе успѣхи этой научной дисциплины и услуги, которыя она сможетъ оказать соціологіи, могутъ быть куплены только этой цѣной. Они непосредственно зависятъ отъ усовершенствованія ея метода. Главная реформа, въ которой онъ нуждается, состоитъ въ томъ, чтобы оперировать впредь лишь съ фактами, прочно установленными и изучаемыми въ тѣсной связи со всѣмъ прошедшимъ и всѣмъ настоящимъ тѣхъ народовъ, у которыхъ они встрѣчаются.

Сопоставленіе этихъ фактовъ съ другими, аналогичными имъ и столь же тщательно изученными, позволитъ уловить ихъ общій характеръ. Придется затѣмъ объяснить причины, которыя мѣшаютъ этимъ фактамъ проявляться въ извѣстныхъ условіяхъ. И исключенія въ такомъ случаѣ только подтвердятъ силу общаго правила.

Надо будетъ опредѣлить также болѣе или менѣе точно эпоху, къ которой слѣдуетъ отнести происхожденіе изучаемаго явленія; этому могутъ помочь письменныя свидѣтельства и живая старина.

[1]) Подробности можно найти въ моей статьѣ, напечатанной въ лондонскомъ „Anthropological Institute“.

открываемая фольклористикой. Но то или другое явленіе будетъ дѣйствительно классифицировано во времени только въ томъ случаѣ, когда мы будемъ въ состояніи связать его съ коллективной психологіей, свойственной тому или иному періоду общественной эволюціи.

Понятыя такимъ образомъ этнографическія изслѣдованія потребуютъ нѣсколько иной научной подготовки и иныхъ умственныхъ навыковъ, чѣмъ тѣ, которыя встрѣчаются обыкновенно у занимающихся этими изслѣдованіями. Нельзя будетъ удовлетворяться впредь лишь классификаціей замѣтокъ, случайно нахватанныхъ при чтеніи. Придется постоянно слѣдить за всѣми открытіями, совершаемыми при помощи сравнительнаго метода въ исторіи религій, права, нравовъ и обычаевъ. Придется быть въ одно и то же время историкомъ, психологомъ, фольклористомъ, воспитывать свой умъ изученіемъ точныхъ наукъ и соціологіи.

Значительность этихъ требованій не можетъ дѣйствовать ободряющимъ образомъ. Многіе не справятся съ трудной задачей изслѣдователя и отвернутся отъ нея. Число этнографовъ не увеличится, а уменьшится. Но наука только выиграетъ отъ этого. Сравнительно меньшее загроможденіе ея сомнительными фактами и плохо установленными гипотезами дастъ этнографіи возможность развиваться хотя и медленно, но безостановочно. Рѣже придется снова возвращаться къ вопросамъ, которые, казалось, были уже рѣшены. Больше будетъ порядка въ изслѣдованіяхъ; новыя задачи будутъ приводиться въ связь съ тѣми, которыя уже рѣшены. Анархія, которая царитъ теперь въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ,—не больше, впрочемъ, чѣмъ и въ другихъ соціальныхъ наукахъ,—уступитъ мѣсто порядку и тѣсному соотношенію между индивидуальными усиліями отдѣльныхъ работниковъ.

§ 2.

Мы установили, чѣмъ общая соціологія отличается отъ исторіи, и почему нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто бы соціологія является совершенно ненужной, такъ какъ она покрывается исторіей. На примѣрѣ одной исторической дисциплины, исторіи права и учрежденій, мы показали то взаимодѣйствіе, которое должно существовать между отвлеченной наукой объ обществѣ и конкретной наукой, каковой является всякая историческая дисциплина, въ частности исторія права и учрежденій. Въ томъ же отношеніи къ соціологіи стоитъ, какъ мы видѣли, и обширная область этнографіи и этнологіи.

Можно сказать, что только за послѣднюю половину XIX вѣка вполнѣ оцѣнено то значеніе, которое представляетъ этнографическій матеріалъ для изученія первѣйшихъ стадій развитія общества. Уже одно то обстоятельство, что спеціалисты такъ поздно отнеслись сознательно къ пользѣ изученія этнографическихъ данныхъ и самое сознательное отношеніе къ нимъ совпало съ зарожденіемъ и ростомъ соціологіи,—причина тому, почему соціологи нерѣдко брали на себя самихъ выясненіе раннихъ стадій развитія общества на основаніи преимущественно этихъ данныхъ. Только этимъ и объясняется, почему, напримѣръ, соціологія Герберта Спенсера загромождена массой этнографическихъ подробностей, несомнѣнно, крайне любопытныхъ, но которымъ не мѣсто въ трактатѣ общей соціологіи. Тутъ, очевидно, соціологъ принялъ на себя двѣ задачи: во-первыхъ, ту, которая падаетъ на изслѣдователя учрежденій, орудующаго этнографическими и историческими матеріалами, и во-вторыхъ, ту, которую долженъ нести соціологъ въ строгомъ смыслѣ слова.

По отношенію къ этнографіи можно повторить то же, что было сказано по отношенію къ исторіи учрежденій. Она доставляетъ соціологу богатый матеріалъ для его общихъ построеній и въ частности для изслѣдованія законовъ поступательнаго движенія человѣчества. Но изъ этого не слѣдуетъ, что соціологъ долженъ выступать въ роли этнографа, этнолога и историка, изслѣдующаго самый матеріалъ, на которомъ опирается то или другое обобщеніе.

Спрашивается, какой и какого значенія матеріалъ могутъ доставлять соціологу, озабоченному прежде всего построеніемъ теоріи прогресса, этнографія и этнологія?

Можно сказать, что за послѣднія 50 — 60 лѣтъ этнографическій матеріалъ былъ привлеченъ въ такой же степени къ разрѣшенію вопроса о раннихъ стадіяхъ развитія человѣчества, какъ и матеріалъ историческій. Читая древнія миѳы, легенды и сказанія, мы съ изумленіемъ знакомимся съ такими порядками и отношеніями, которые прежде казались совершенно баснословными. Напримѣръ, при господствующемъ обычаѣ мужчинъ носить оружіе, а женщинъ сидѣть за прялками, казалось удивительнымъ, что имѣлись народы, у которыхъ обязанности военной защиты исполняемы были корпусомъ амазонокъ, а между тѣмъ о такихъ народахъ повѣствуетъ Геродотъ.

Не менѣе невѣроятными слыли и такіе порядки, при которыхъ отецъ болѣе или менѣе неизвѣстенъ, а мѣсто его заступаетъ мать, при чемъ и имя и наслѣдство переходятъ къ сыну отъ матери,

а не отъ отца. Очевидно, первое впечатлѣніе отъ такого рода сказаній, которыя можно найти у Геродота, Діодора Сицилійскаго и у цѣлаго ряда другихъ писателей, было считать ихъ баснословными, столь же баснословными, какъ свидѣтельство того же Геродота о гипербореяхъ, т.-е. жителяхъ сѣвера, которые будто бы питаются главнымъ образомъ медомъ. Между тѣмъ, очень часто у современныхъ дикарей и даже у народовъ, уже порвавшихъ съ дикостью и перешедшихъ на ступень варварства, встрѣчаются явленія совершенно однохарактерныя съ тѣми, о которыхъ упоминается въ этихъ якобы баснословныхъ разсказахъ. Сопоставленіе данныхъ лѣтописей съ тѣми наблюденіями, которыя путешественниками дѣлались надъ бытомъ современныхъ дикарей, дало возможность швейцарскому изслѣдователю Бахофену построить теорію материнскаго права, т.-е. обогатить исторію человѣчества цѣлой стадіей развитія, въ которой мать играла ту же самую роль, какая впослѣдствіи выпала на долю отца. Почти одновременно съ изслѣдованіемъ Бахофена, построеннымъ главнымъ образомъ на анализѣ миѳовъ, сказаній и легендъ, появилось, какъ мы видѣли, сочиненіе шотландскаго этнолога Макъ-Леннана подъ названіемъ „Primitive Marriage“, т.-е. „Первобытный бракъ“. Въ этомъ изслѣдованіи Макъ-Леннанъ, подобно Бахофену, также на основаніи, главнымъ образомъ, этнографическаго матеріала, утверждалъ, что имѣлся такой періодъ въ развитіи человѣчества, когда родство считалось только въ женской линіи, благодаря происхожденію отъ общей родоначальницы, и женщина занимала въ семьѣ то же положеніе, какое позже перешло къ мужчинѣ.

Изслѣдованія по даннымъ вопросамъ съ того времени, конечно, были продолжены. Оказалось, что положенія, на первыхъ порахъ считавшіяся истиной, подлежатъ значительному сомнѣнію, что есть общества еще болѣе отсталыя и представляющія еще болѣе примитивные порядки. Это такъ называемыя *тотемистическія* общества, въ которыхъ, при отсутствіи понятія кровной связи, люди объединяются въ группы поклоненіемъ одному и тому же животному или одному и тому же растенію, считающемуся *тотемомъ*. Въ этихъ обществахъ принадлежность къ культу извѣстнаго животнаго или растенія связана съ запретомъ всякаго брачнаго сожительства; они поставлены въ необходимость искать себѣ женъ на сторонѣ.

Такимъ образомъ, этнографическія изслѣдованія, если ихъ вести придерживаясь историко-сравнительнаго метода, способны обогатить наши познанія насчетъ раннихъ формъ общества. Скажутъ: „какое

значеніе имѣетъ для насъ тотъ фактъ, что въ Австраліи, во внутренней Африкѣ или у американскихъ краснокожихъ встрѣчаются тѣ или другія порядки и учрежденія, тѣ или другія вѣрованія и представленія? Развѣ это доказываетъ, что у насъ было что-либо подобное?“ На это можно отвѣтить указаніемъ на такъ называемыя „переживанія“. Ни одинъ общественный строй, равнымъ образомъ и никакіе культурные порядки не исчезаютъ сразу и вполнѣ. Въ быту тѣхъ народовъ, у которыхъ они господствовали, они оставляютъ извѣстные слѣды, которые извѣстны подъ названіемъ „переживаній“ или „пережитковъ“. Если мы обратимъ вниманіе, напримѣръ, на такой пустячный фактъ, какъ предразсудокъ, еще теперь господствующій среди простонародья, что остриженные волосы или ногти необходимо прятать въ землю, и спросимъ себя, откуда возникло такого рода дикое представленіе, то для объясненія его источника намъ придется обратиться къ практикѣ многихъ отсталыхъ народовъ, все еще держащихся того мнѣнія, будто достаточно оказать извѣстное магическое воздѣйствіе, извѣстное чародѣйство, на предметъ или часть предмета, принадлежащіе опредѣленному лицу, чтобы вызвать то или другое воздѣйствіе на самое это лицо. Поэтому остриженные ногти или волосы, считающіеся частью того, кому они принадлежали, попавши въ обладаніе его врага, могутъ сдѣлаться орудіемъ колдовства—предметомъ магическаго воздѣйствія на здоровье и благосостояніе ихъ обладателя. Сплошь и рядомъ у народовъ, въ жизни которыхъ „магическое“ играетъ еще выдающуюся роль, мы встрѣчаемъ случаи, когда смерть, болѣзни и т. п. приписываются ни болѣе ни менѣе, какъ чародѣйству, якобы совершенному надъ его ногтями, волосами или другими частями тѣла или платья, какъ неразрывно прилегающаго къ тѣлу.

Благодаря тому, что въ нашемъ быту еще до сихъ поръ въ видѣ „переживаній“ сохраняются многіе слѣды болѣе ранней культуры, изображеніе ея въ полномъ видѣ, во взаимоотношеніи тѣхъ явленій, изъ которыхъ она слагается, имѣетъ для насъ несомнѣнную цѣну. Оно обнаруживаетъ тѣ начальныя стадіи развитія, черезъ которыя прошли наши отдаленные предки, и которыя оставили тѣ или иные слѣды въ нашей собственной средѣ. Нужно полагать, что еслибы мы прибѣгли къ тому же методу при изученіи переживаній, какого держимся при изученіи исторіи учрежденій, то, по всей вѣроятности, мы бы нашли въ нашемъ недавнемъ прошломъ слѣды такого образа поведенія, объясненія котораго надо

искать въ весьма раннихъ стадіяхъ развитія. Для примѣра укажемъ хотя бы на слѣдующее.

Незадолго до своей казни Карлъ I-й Стюартъ, по словамъ очевидцевъ, выступалъ въ роли медика при врачеваніи свинки, такъ какъ считалось, что свинка есть „королевская“ болѣзнь, которую изъ всѣхъ людей можетъ врачевать лишь король возложеніемъ своихъ рукъ на болящаго. И мы имѣемъ въ дневникѣ одного современника Карла I разсказъ о томъ, какъ его сестра, страдавшая этой болѣзнью, явилась къ его величеству королю Англіи и подверглась его врачеванію. И послѣ Карла I королева Анна возлагала еще руки на болящихъ свинкой и, по свидѣтельству современниковъ, исцѣляла ихъ отъ этого недуга. Гораздо раньше этой эпохи Людовикъ IX Святой тоже возлагалъ руки на золотушныхъ и, разумѣется, тоже съ успѣхомъ освобождалъ ихъ отъ недуга.

Эти факты кажутся въ высшей степени странными. Но если обратиться къ даннымъ этнографіи, въ нихъ найдется обильный матеріалъ, указывающій на ту связь, какая существуетъ между чародѣйствомъ, шаманствомъ и возникновеніемъ племеннаго старѣйшинства. Оказывается, что основатели государствъ очень часто выходятъ изъ среды людей, которые слыли въ ближайшей и отдаленной округѣ за превоеходныхъ чародѣевъ, за обладающихъ знаніемъ заклинаній и умѣніемъ производить такія физическія дѣйствія надъ всякаго рода предметами, съ которыми связано чародѣйство. Эти волхвы и кудесники нерѣдко выдвигаютъ изъ своей среды людей, которые обнаруживаютъ такую способность гипнотизировать окружающую массу, что она добровольно принимаетъ ихъ за своихъ руководителей.

Вотъ почему вплоть до времени королевы Анны съ понятіемъ о монархѣ связывается понятіе о чудесномъ воздѣйствіи, какое онъ можетъ оказывать при посредствѣ извѣстнаго чародѣйства, съ помощью какой-то исходящей отъ него силы.

Конечно, можно бы продолжить эти параллели, и онѣ показали бы, какъ въ нашемъ умственномъ укладѣ, равно и въ нашихъ обычаяхъ, суевѣріяхъ, предразсудкахъ, сохранилось еще множество пережитковъ отдаленныхъ стадій развитія.

ГЛАВА V.

Соціологія и политическая экономія.

Мы обозрѣли послѣдовательно отношенія соціологіи къ исторіи, этнографіи и правовѣдѣнію.

Остановимся теперь на вопросѣ объ ея отношеніи къ политической экономіи и наоборотъ. Политическая экономія—та изъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ, которая всего ранѣе перешла отъ простой индукціи къ методу индуктивно-дедуктивному. Описаніе смѣнилось раскрытіемъ причинной связи явленій и установленіемъ эмпирическихъ законовъ. Можно сказать, что еще съ среднихъ вѣковъ удачныя попытки подвести нѣкоторые факты денежнаго обращенія подъ понятіе закона, т.-е. показать однообразное ихъ повтореніе въ извѣстныхъ условіяхъ, породили надежду на созданіе въ будущемъ точной науки о причинахъ, обусловливающихъ накопленіе вещественныхъ цѣнностей съ наименьшими усиліями. Въ сферѣ обмѣна еще въ эпоху господства меркантилизма намѣчено было взаимоотношеніе между ростомъ матеріальнаго благосостоянія и перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ. Возникшая на этихъ данныхъ теорія торговаго баланса, какъ и порожденный наблюденіями надъ денежнымъ обращеніемъ законъ, гласящій, что неполновѣсная монета вытѣсняетъ изъ страны болѣе полновѣсную, принадлежатъ къ числу первыхъ по времени обобщеній, сдѣланныхъ не только въ области науки о народномъ хозяйствѣ, но всѣхъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ.

Съ XVIII столѣтія, съ эпохи физіократовъ, Юма и Адама Смита, число такихъ же эмпирическихъ законовъ, объяснявшихъ

повторяемость однихъ и тѣхъ же явленій въ равныхъ условіяхъ общественной среды, пріумножилось цѣлымъ рядомъ новыхъ: закономъ о сокращеніи затратъ путемъ раздѣленія и расчлененія труда, закономъ объ обусловленности цѣнъ взаимоотношеніемъ спроса и предложенія, извѣстнымъ закономъ Рикардо о рентѣ на землю, какъ обусловленной сокращеніемъ свободныхъ къ занятію пространствъ и необходимостью перехода въ виду этого отъ обработки земель наиболѣе производительныхъ или же всего лучше расположенныхъ по отношенію къ рынку—къ землямъ менѣе плодороднымъ или болѣе отъ него отдаленнымъ и т. д., и т. д. Всѣ эти эмпирическія обобщенія лицами, ихъ впервые высказавшими или впослѣдствіи усвоившими чужую доктрину, стали разсматриваться, какъ законы причинности, совершенно независимые отъ измѣненій общественной среды. Подобно тому, какъ законы, управляющіе, положимъ, движеніемъ маятника, дѣйствуютъ равно и въ пространствѣ, насыщенномъ воздухомъ, и въ пространствѣ безвоздушномъ, такъ точно, по ученію представителей такъ называемой классической школы политической экономіи, законы ея обусловливаютъ неизмѣнное повтореніе извѣстныхъ явленій, независимо отъ того, каковъ общественный укладъ, сумма накопленныхъ знаній и техники у того или другого народа.

Ранѣе появленія всякой исторической школы, творцами соціологіи, начиная отъ Тюрго, переходя къ Кондорсе, Сенъ-Симону и оканчивая Контомъ, отмѣченъ былъ впервые тотъ фактъ, что извѣстныя явленія хозяйственной жизни возникаютъ только на опредѣленной стадіи развитія. Такъ, у Тюрго уже въ „Répartiton des richesses“ говорится о томъ, что рабство, крѣпостничество и вольнонаемный трудъ не совпадаютъ во времени, а слѣдуютъ одно за другимъ въ исторической прогрессіи. И тѣмъ же Тюрго отмѣчается фактъ сравнительно поздняго происхожденія, по мѣрѣ истощенія запаса свободныхъ къ занятію земель, фермерскаго хозяйства и самаго класса земельныхъ съемщиковъ, рента которыхъ возрастаетъ по мѣрѣ роста густоты населенія и уменьшающагося соотвѣтственно предложенія годныхъ къ эксплуатаціи частно-владѣльческихъ или казенныхъ участковъ. У Огюста Конта, какъ готовы признать это въ настоящее время и экономисты [1]), гораздо ранѣе появленія трудовъ Книса и Рошера, можно найти поэтому протестъ противъ

[1]) См., напримѣръ, Heinrich Dietzel, статья Selbst-Interesse, im Handwört. d. Staatswissenschaften, 2 изд., т. VI, стр. 692, а также Othmar Spann въ сочиненіи Wirtschaft und Gesellschaft, стр. 18.

обособленнаго изученія явленій, изъ которыхъ слагается хозяйственная дѣятельность, отъ суммы всѣхъ другихъ общественныхъ явленій. Я не имѣю данныхъ для утвержденія, что Книсъ, ранѣе Рошера явившійся основателемъ доктрины исторической школы въ области политической экономіи, читалъ Конта. Но всякому, кто, подобно мнѣ, слушалъ его лекціи въ Гейдельбергѣ или знакомился съ его сочиненіями, немудрено было вынести о немъ впечатлѣніе, какъ о человѣкѣ, хорошо знакомомъ съ методологическими пріемами позитивизма. Для этого, разумѣется, достаточно было Кнису близкаго общенія хотя бы съ „Логикой“ Милля, которая, по собственному утвержденію ея автора, въ отдѣлѣ, посвященномъ общественнымъ явленіямъ, только синтезируетъ пріемы Контовой соціологіи. Во всякомъ случаѣ, въ томъ, что Книсъ говоритъ о невозможности изучать народное хозяйство иначе, какъ въ тѣсной связи съ общественной средою, въ которой оно поставлено, съ условіями времени и мѣста, можно видѣть полное совпаденіе съ основными взглядами на тотъ же предметъ творца отвлеченной науки объ обществѣ. Вотъ что буквально говоритъ Книсъ въ сочиненіи, озаглавленномъ „Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода“ и появившемся впервые въ 1853 году: „Хозяйственныя условія и хозяйственное развитіе народа могутъ разсматриваться только, какъ часть или, точнѣе, членъ всего его жизненнаго организма. Народное хозяйство не представляетъ собою въ дѣйствительности чего-то изолированнаго, самобытнаго (verselbstständigtes); оно—экономическая сторона народной жизни“ [1]). Изъ этого общаго положенія Книсъ дѣлаетъ и тотъ выводъ, что каждый разъ, когда возникаетъ вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ тѣ или другія хозяйственныя состоянія, необходимо не терять изъ виду тѣсной ихъ зависимости отъ всей совокупности условій народной жизни (mit dem Gesammtleben des Volkes). Политическая экономія—не такая наука, въ которой можно было бы довольствоваться, какъ исходнымъ моментомъ, какой-либо несомнѣнной аксіомой. Она должна опираться на изученіи хозяйственнаго опыта всѣхъ народовъ и временъ. Такое изученіе не можетъ быть замѣнено однимъ ознакомленіемъ съ „основывающимися на самихъ себѣ абстрактными понятіями“, подъ чѣмъ Книсъ, очевидно, разумѣетъ политико-экономическія теоремы и нерѣдко въ дѣйствительности замѣняющія ихъ гипотезы. Для

[1]) См. новое изданіе 1883 г., воспроизводящее въ данномъ мѣстѣ буквально старое, стр. 141 и слѣд.

политико-экономa вопрошаніе исторіи не есть нѣчто второстепенное; нѣтъ, въ этомъ лежитъ его прямое призваніе.

Не такъ широко высказывается по вопросу о связи экономическихъ явленій съ прочими общественными и невозможности обособленнаго ихъ изученія другой родоначальникъ историческаго метода въ политической экономіи—Рошеръ, котораго „Руководство къ лекціямъ о народномъ хозяйствѣ“ вышло еще въ 1843 г., причемъ многія изъ высказанныхъ имъ мыслей воспроизведены были позднѣе въ „Основахъ политической экономіи“ (мы цитируемъ 22-е ихъ изданіе). Рошеръ, между прочимъ, говоритъ, что экономическія явленія нельзя выводить исключительно изъ эгоистической природы человѣка, что они обусловливаются также „велѣніями нашей совѣсти и говорящимъ въ насъ голосомъ Божьимъ“. Въ этомъ надо видѣть весьма несовершенную, разумѣется, критику господствовавшей въ его время классической школы, которая тогда, какъ и теперь, въ сочиненіяхъ Жанъ-Батиста Сэя или Бастіа въ такой же степени, какъ и въ сочиненіяхъ Менгера или Маршала, отправлялась отъ той мысли, что политическая экономія, прилагая къ вопросамъ накопленія богатствъ, или вещественныхъ цѣнностей, общій всѣмъ естественнымъ наукамъ законъ, по которому движеніе всегда происходитъ по линіи наименьшаго сопротивленія, можетъ сводить всю хозяйственную дѣятельность къ одному мотиву: возможно большаго пріобрѣтенія съ наименьшими затратами. Мы въ правѣ сказать, что еще Адамъ Смитъ считалъ возможнымъ при построеніи науки о народномъ хозяйствѣ отправляться отъ гипотезы однихъ эгоистическихъ мотивовъ, какъ руководящихъ хозяйственной дѣятельностью, не отрицая въ то же время въ человѣкѣ альтруистическихъ мотивовъ, или, какъ онъ выражался, заодно со всей шотландской школой моралистовъ, доброжелательнаго стремленія или стремленія къ поддержанію своей породы. Онъ даже строилъ всю науку о нравственности на дедукціяхъ, исходившихъ отъ признанія этой психической стороны человѣка. Голосъ совѣсти и Бога, очевидно, является у Рошера элементомъ, умѣряющимъ дѣйствія эгоистическаго мотива; но въ какой степени сказывается эта удержь и способна ли она парализовать проявленія инстинкта самосохраненія или подчинена этому инстинкту, объ этомъ Рошеръ не говоритъ намъ. Контъ также различаетъ во всѣхъ людскихъ дѣйствіяхъ, а поэтому и въ тѣхъ, которыя направлены на накопленіе имущества и изъ которыхъ слагается такимъ образомъ хозяйственная дѣятельность, себялюбивые и человѣколюбивые мотивы, эгоизмъ и альтруизмъ, какъ принято

употреблять эти термины въ особенности со временъ Спенсера, но онъ подчиняетъ альтруистическіе мотивы эгоистическимъ и не допускаетъ мысли о самопожертвованіи иначе, какъ для исключительныхъ личностей.

Возвращаясь къ Рошеру, мы можемъ сказать, что бо́льшую опредѣленность, чѣмъ только что приведенная фраза о голосѣ совѣсти и Бога, какъ опредѣляющемъ, на ряду съ себялюбіемъ, хозяйственную дѣятельность людей, заключаетъ въ себѣ та часть его ученія, которая говоритъ, что народная жизнь, отдѣльныя стороны которой взаимно обусловливаютъ другъ друга и не могутъ быть изучаемы изолированно, все же должна быть сведена къ трояkаго рода проявленіямъ: къ дѣятельному поведенію, къ поведенію созерцательному и къ поведенію одновременно и дѣятельному и созерцательному. Къ первому относятся явленія, обнимаемыя понятіемъ хозяйства, права и государства; ко второму—явленія, обнимаемыя наукою и искусствомъ; къ третьему — тѣ, изъ которыхъ слагается жизнь религіи и языка. Наиболѣе тѣсную связь между собою имѣютъ явленія, отвѣчающія понятію дѣятельнаго поведенія; а поэтому государство и право всего болѣе обусловливаютъ собою хозяйство и наоборотъ. Во второмъ порядкѣ слѣдуютъ явленія изъ жизни религіи и языка, менѣе, но все же вліяющія на хозяйственную дѣятельность, и наконецъ, въ третьемъ—наука и искусство [1]). Можно сказать, что со времени появленія школы экономическаго матеріализма и выхода въ свѣтъ еще I тома Маркса и даже его „Критики политической экономіи“, вся эта классификація ближе или далѣе стоящихъ отъ хозяйственной дѣятельности сферъ общественной жизни разлетѣлась, какъ прахъ; даже у такихъ писателей, которые, какъ Эспинасъ, не имѣютъ ничего общаго съ марксизмомъ и относятся къ нему отрицательно, развитію техники, стоящему, очевидно, въ непосредственной зависимости отъ развитія знаній, приписывается первенствующее вліяніе на измѣненіе хозяйственнаго строя. Трудно поэтому отстаивать въ настоящее время ту мысль, что правовые и государственные порядки стоятъ въ болѣе близкой связи съ экономическими явленіями, чѣмъ ростъ знаній и ихъ приложеніе къ измѣненію формъ производства, т.-е. техника. Но что значитъ это въ концѣ-концовъ, какъ не то, что всѣ стороны общественной жизни такъ тѣсно вяіяютъ другъ на друга, что нѣтъ возможности признавать первенство ни за одной изъ нихъ. Историче-

[1]) Grundlagen, стр. 41—42.

скіе матеріалисты поэтому повинны въ односторонности и совершенно упускаютъ изъ виду, что техника есть прикладное знаніе, что она развивается въ прямой зависимости отъ вытѣсненія религіи и магіи точной наукой, и что такимъ образомъ споръ о томъ, вліяютъ ли измѣненія въ экономикѣ на прогрессъ умственный или наоборотъ,— не болѣе, какъ споръ о словахъ.

Слѣдуетъ говорить не объ одностороннемъ вліяніи, а о взаимодѣйствіяхъ, взаимно оказываемыхъ другъ на друга всѣми явленіями, изъ которыхъ слагается общественная жизнь, и не о руководящихъ факторахъ—экономическомъ, правовомъ, государственномъ, научномъ, художественномъ и т. д., а о стоящихъ въ тѣсномъ общеніи фактахъ или явленіяхъ общежитія. На этой точкѣ зрѣнія все болѣе и болѣе становятся современные экономисты, за немногими исключеніями, въ томъ числѣ Штаммлера, все еще толкующаго о преимущественной зависимости не права отъ экономики, какъ думали, напр., Данквартъ и Лассаль съ Марксомъ, а экономики отъ права. Такъ, Шмоллеръ и Вагнеръ, въ особенности первый, рѣшительно стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что экономическій укладъ измѣнчивъ въ связи съ перемѣнами въ различнѣйшихъ сферахъ общественности. Для Шмоллера вся современная политическая экономія носитъ, какъ онъ выражается, философскій, соціологическій характеръ. Она отправляется отъ понятія природы общества и признанія общихъ причинъ, управляющихъ хозяйственной жизнью и хозяйственнымъ поведеніемъ [1]). Въ основномъ своемъ сочиненіи, характеризуя тенденцію классической школы разсматривать хозяйство народное, какъ систему независимую отъ прочихъ сферъ общественности, онъ справедливо указываетъ, что такое обособленіе болѣе возможно въ сферѣ абстракціи, нежели въ дѣйствительности. Участвующія въ хозяйствѣ лица—граждане опредѣленнаго государства, входятъ въ составъ своихъ семей и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ всѣхъ тѣхъ чувствованій и влеченій, которыя присущи ихъ времени и расѣ. Это, конечно, не исключаетъ возможности видоизмѣненія и самыхъ этихъ влеченій и всей морали въ зависимости отъ ясно опредѣлившихся экономическихъ интересовъ. Но все же вся сумма этихъ психическихъ элементовъ остается частью единаго народнаго духа, мы бы сказали, единой народной психики. Шмоллеръ кончаетъ заявленіемъ, что народное хозяйство является только частичнымъ

[1]) См. статью его „Volkswirthschaftslehre“ въ словарѣ Kohn'a 1-е изд., т. IV, стр. 531.

содержаніемъ общественной жизни. Онъ полагаетъ, что недостаточно признать исходными мотивами хозяйственной дѣятельности себялюбіе или восполнить этотъ мотивъ другимъ, передаваемымъ имъ терминомъ Gemeinsinn, т.-е. сознаніемъ принадлежности къ общему цѣлому. Описывать экономическія явленія равнозначуще, по его мнѣнію, изложенію всѣхъ мотивовъ соотвѣтствующихъ дѣйствій и получаемыхъ отъ нихъ результатовъ.

И для Вагнера сумма мотивовъ, опредѣляющихъ хозяйственную дѣятельность, не исчерпывается простымъ эгоизмомъ. Онъ различаетъ два руководящихъ или leit-мотива—эгоистическій и альтруистическій, при чемъ послѣдній распадается у него на рядъ второстепенныхъ; въ первомъ мы встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ страхомъ наказанія, и надежду на общественное признаніе, и чувство чести, и страхъ заслужить неуваженіе. Альтруистическій же мотивъ слагается, какъ онъ думаетъ, изъ стремленія къ нравственному осужденію, изъ чувства долга, изъ страха упрековъ собственной совѣсти. Очевидно, всѣ эти мотивы нельзя считать исчерпывающими. Не болѣе удачна классификація психическихъ мотивовъ общественныхъ явленій, а не однихъ только экономическихъ, на которой останавливается Шмоллеръ въ своемъ обширномъ „Учебникѣ политической экономіи“. Въ числѣ влеченій, руководящихъ людьми, живущими въ обществѣ, онъ различаетъ влеченіе къ самосохраненію и размноженію породы, къ активной дѣятельности, къ общественному признанію и соперничеству, при чемъ подъ мотивами послѣдняго характера признается влеченіе къ пріобрѣтенію, особенно сильно выступающее, когда рѣчь идетъ о хозяйственныхъ явленіяхъ. Неизбѣжный недостатокъ всѣхъ подобнаго рода перечисленій составляетъ ихъ неполнота; но масса мотивовъ, допускаемыхъ Шмоллеромъ и Вагнеромъ при объясненіи фактовъ хозяйственной жизни, сама уже говоритъ о томъ, что съ ихъ точки зрѣнія экономическія явленія не могутъ быть изучаемы изолированно, такъ какъ опредѣляются массой другихъ нехозяйственныхъ явленій и сами опредѣляютъ ихъ собою. Та спеціализація, то обособленіе отдѣльныхъ группъ явленій, какое мы встрѣчаемъ въ наукахъ о природѣ, которое дѣлаетъ возможнымъ занятіе физическими свойствами тѣлъ, обособляясь отъ ихъ химической природы, невозможна въ наукахъ общественныхъ. Правда, съ ростомъ знаній и по отношенію къ явленіямъ природы все болѣе и болѣе признается начало ихъ взаимной обусловленности, что и дѣлаетъ возможнымъ возникновеніе такихъ промежуточныхъ дисциплинъ, какъ физико-химія; но въ несравненно большей степени та же внутренняя связь

явленій различныхъ по характеру сказывается, разъ мы отъ изученія природы переходимъ къ изученію общественности. Этой большей или меньшей степенью взаимной обусловленности явленій, составляющихъ предметъ изученія отдѣльныхъ наукъ, и опредѣляется та послѣдовательность, въ которой онѣ расположены Контомъ въ его извѣстной схемѣ. Математика изучаетъ явленія, признаваемыя имъ наипростѣйшими въ виду ихъ наименьшей обусловленности отъ другихъ; явленія физическія и химическія уже зависятъ отъ явленій числа и протяженія, подлежащихъ изученію математики; явленія біологическія — сверхъ того, и отъ физическихъ и химическихъ свойствъ живыхъ организмовъ; соціологическія же обусловлены не только вліяніемъ внѣшней среды, т.-е. суммою явленій числа, протяженія, физическихъ и химическихъ свойствъ отдѣльныхъ тѣлъ, наконецъ, законовъ, управляющихъ жизнью организмовъ, но еще массою взаимоотношеній между отдѣльными проявленіями общественности, хозяйственными, правовыми, государственными, религіозными, художественными и т. д., и т. д. Въ связи со всѣмъ сказаннымъ понятно скептическое отношеніе составителя только что изложенной скалы наукъ и къ возможности примѣненія методовъ, которыми орудуютъ науки, имѣющія дѣло съ простыми, ничѣмъ постороннимъ необусловленными явленіями, каковы науки математическія, къ наукамъ сложнымъ, и прежде всего къ наукамъ общественнымъ. Отсюда рѣзкое осужденіе Контомъ попытки Кондорсэ примѣнить методъ подсчета къ явленіямъ общественнымъ, и въ томъ числѣ къ хозяйственнымъ. Понятно также, почему попытки примѣненія столько же геометрическаго, сколько алгебраическаго анализа, къ политической экономіи исходили и исходятъ только отъ тѣхъ экономистовъ, которые продолжаютъ смотрѣть на свою науку, какъ на отправляющуюся отъ гипотетическаго предположенія, что хозяйственная дѣятельность людей обусловливается однимъ мотивомъ—эгоистическимъ, и считаютъ поэтому аксіомой стремленіе людей къ пріобрѣтенію возможно большихъ выгодъ цѣною наименьшихъ пожертвованій. Вотъ почему сторонниками такого математическаго пріема являются экономисты, вполнѣ чуждающіеся взгляда, общаго исторической школѣ съ ревнителями соціологіи, взгляда на то, что хозяйственныя явленія должны быть разсматриваемы какъ историческія категоріи и изучаемы въ тѣсной связи съ массою сопутствующихъ имъ общественныхъ явленій. Ни Вальрасъ, ни Джевонсъ, ни Эджворсъ, не имѣютъ ни малѣйшаго влеченія ни къ историческому методу въ политической экономіи, ни къ соціологіи. Внося несвойственную ранѣе точность

въ конструкцію такихъ положеній, какъ законъ спроса и предложенія, законъ раздѣленія труда и т. д., они въ то же время недостаточно подчеркиваютъ то обстоятельство, что повторяемость хозяйственныхъ явленій въ направленіи, указанномъ этими законами, мыслима только при слѣдующемъ произвольномъ предположеніи. Оно гласитъ, что экономическая дѣятельность обусловливается однимъ эгоистическимъ мотивомъ, тогда какъ въ дѣйствительности на нее вліяютъ развивающіяся параллельно съ ходомъ знанія и измѣненіемъ, въ тѣсной зависимости отъ него, столько же техники, сколько и нравственно-юридическихъ понятій, вся сумма параллельныхъ экономическимъ общественныхъ явленій, и даже явленій біосоціальныхъ, къ числу которыхъ надо отнесть и возрастающую плотность населенія. Благодаря такому опрощенію пріемовъ изслѣдованія, ревнители той „экономической метафизики“, которая слыветъ подъ названіемъ классической школы политической экономіи, все равно, прибѣгаютъ ли они къ болѣе точному формулированію своихъ гипотезъ съ помощью математическаго метода или обходятся безъ такого пріема, склонны возводить на степень законовъ неизмѣнно дѣйствующихъ законы эмпирическіе, примѣнимость которыхъ ограничена условіями данной общественной среды. Возьмемъ, напримѣръ, одно изъ наиболѣе прочно установленныхъ въ политической экономіи положеній о сокращеніи суммы усилій, направленныхъ на пріобрѣтеніе цѣнностей при условіи, раздѣленія и расчлененія труда. Если бы хозяйственная дѣятельность во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ развитія общественности руководствовалась однимъ эгоистическимъ расчетомъ, то столько же раздѣленіе, сколько и расчлененіе труда существовало бы искони; но въ дѣйствительности, изученіе этнографіи и древнѣйшей исторіи хозяйства убѣждаетъ насъ въ обратномъ. Въ статьѣ, недавно посвященной вопросу развитія начала раздѣленія труда, одинъ молодой французскій соціологъ, Ране Менье, обставилъ рядомъ данныхъ ту мысль, что раздѣленіе труда на первыхъ порахъ не выходитъ за предѣлы распредѣленія функцій между полами, при чемъ охота, а позднѣе уходъ за стадами, выпадаютъ на долю мужчинъ, женщины же сосредоточиваютъ свои силы на собираніи кореньевъ и на домашнемъ хозяйствѣ, къ которому потомъ присоединяется и сельскохозяйственная дѣятельность. Съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ причинъ, связанныхъ не столько съ религіей, сколько съ магіей, возникаетъ раздѣленіе труда между отдѣльными тотемистическими группами, при чемъ каждая посвящаетъ себя той или другой дѣятельности въ тѣсномъ общеніи съ избраннымъ ею патро-

номъ—животнымъ или растеніемъ. Тотемистическія группы во многихъ мѣстахъ, и между прочимъ въ Индіи, какъ показываютъ изслѣдованія, поставленныя на очень широкую ногу въ Бенгаліи, Пенджабѣ и Сѣверо-Западныхъ провинціяхъ англійскими этнографами, и никѣмъ въ такой степени, какъ Рисле и Крукомъ, переходятъ въ касты, число которыхъ неизмѣримо больше того, о которомъ говорится въ священныхъ и правовыхъ сводахъ индусовъ, между прочимъ, въ сводѣ Ману.

Въ родовыхъ обществахъ раздѣленіе труда рѣдко когда выходитъ изъ границъ нѣсколькихъ кровныхъ группъ, обмѣнивающихся женщинами. Каждый родъ или соединеніе родовъ представляетъ собою въ нихъ самодовлѣющее хозяйство. И тотъ же самодовлѣющій характеръ сохраняетъ хозяйство и по мѣрѣ замѣны родовыхъ союзовъ сосѣдскими, будутъ ли то феоды, сельскія общины или постепенно обособившіеся отъ нихъ, установленіемъ тына или ограды, города. Только съ момента появленія въ нихъ рынковъ для сосѣдней округи и ярмарокъ, доступныхъ также пріѣзжимъ издалека, производство принимаетъ характеръ массоваго, а стремленіе получать наибольшій доходъ, при затратѣ наименьшихъ усилій, наталкиваетъ на необходимость раздѣленія занятій. Но и оно далеко не сразу пріобрѣтаетъ характеръ свободнаго выбора каждымъ своей профессіи. Отдѣльные городскіе кварталы долгое время остаются очагомъ исключительнаго производства извѣстныхъ мануфактуратовъ. Къ нему допускаются свободные работники, организованные въ цехи. Раздѣленіе труда идетъ рука объ руку съ монополіей занятій, и эта монополія съ каждымъ поколѣніемъ сказывается все съ большей и большей силой, препятствуя включенію въ цехъ не только пришлаго элемента, но и членовъ другихъ семей помимо тѣхъ, къ которымъ принадлежали прежніе мастера. Свобода промышленности, ограничиваемая и въ позднѣйшее время всякаго рода цеховыми и гильдейскими взносами, есть явленіе новѣйшее, и только при ней раздѣленіе труда и вмѣстѣ съ нимъ расчлененіе его въ предѣлахъ одного и того же производства, по соображеніямъ хозяйственнаго расчета, достигаетъ полнаго развитія.

Въ связи съ исчезновеніемъ монополій и поступательнымъ ходомъ хозяйственной дифференціаціи въ производительной дѣятельности и обмѣнѣ, и цѣны на продукты начинаютъ опредѣляться исключительно законами спроса и предложенія. Пока держится монополія и отсутствуетъ періодическій обмѣнъ, цѣна зависитъ отъ взаимоотношенія между требованіями случайнаго продавца и жела-

ніемъ покупателя обладать исключительнымъ товаромъ. Безумные доходы, получаемые отъ продажи ничтожныхъ бездѣлушекъ дикарямъ, имѣютъ своимъ источникомъ такое столкновеніе интересовъ. Въ данныхъ условіяхъ цѣна опредѣляется не массой затраченнаго на производство товара труда, а рѣдкостью предмета, въ такой же степени, какъ теперь опредѣляется цѣна брилліантовъ исключительной величины, чистоты воды или рѣдкаго отлива.

Изъ всего сказаннаго возможенъ только тотъ выводъ, что такъ называемые законы политической экономіи ограничены категоріей времени, и что для разныхъ стадій развитія ихъ сила и значеніе сказываются съ разной интенсивностью. Можно прибавить даже, что на извѣстныхъ стадіяхъ развитія и въ примѣненіи къ извѣстнымъ видамъ цѣнностей можетъ вовсе не сказываться тотъ или другой законъ, ну, скажемъ, законъ спроса и предложенія. Предположите общество, въ которомъ вовсе не имѣется индивидуальной собственности на землю, а недвижимости принадлежатъ къ вещамъ, не поступающимъ на рынокъ (extra commercium); очевидно, что для нихъ не имѣетъ значенія отношеніе спроса и предложенія на землю, а, наоборотъ, обладаніе ею обусловливается фактомъ рожденія въ извѣстной мѣстности или принадлежности къ извѣстной семьѣ. Не настаивая болѣе на этой мысли, мы въ правѣ прійти къ тому заключенію, что хозяйственныя явленія, изучаемыя политической экономіей, получаютъ надлежащее освѣщеніе только отъ соціологіи, для которой выводы политико-экономовъ являются лишь матеріаломъ, стропилами возводимаго ею зданія. Я готовъ присоединиться поэтому къ мнѣнію тѣхъ, кто, какъ соціологъ и одновременно экономистъ де-Грефъ, опредѣляютъ природу экономической науки, какъ той общественной дисциплины, которая занимается изученіемъ законовъ, управляющихъ питательными органами общественнаго организма, ихъ устройствомъ и функціонированіемъ въ разныя эпохи развитія человѣчества [1]). Это не мѣшаетъ ей составлять особую, если не науку, то научную дисциплину, для чего, какъ извѣстно, достаточно, чтобы явленія, составляющія предметъ изученія и другихъ наукъ, разсматривались только съ самостоятельной точки зрѣнія. Политическая экономія изучаетъ явленія производства, обмѣна и распредѣленія

[1]) „La sociologie économique“, стр. 27. Cette partie fondamentale et intégrante de l'ensemble de la science sociale ou sociologie qui a pour objet l'étude et la connaissance des lois abstraites de la structure et de la vie nutritive des sociétés et des conditions de réalisation historique et pratique de ces lois.

богатствъ не съ точки зрѣнія нравственности, права или политики, а съ точки зрѣнія хозяйственности, т.-е. пріобрѣтенія наибольшихъ цѣнностей съ наименьшими пожертвованіями.

Итальянскій экономистъ Пантелеони, ревнитель классической школы, говоритъ въ свою очередь слѣдующее: „экономическая наука излагаетъ законы, управляющіе богатствомъ и систематически выводимые ею изъ той гипотезы, что люди руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно желаніемъ достигнуть возможно большаго удовлетворенія своихъ потребностей съ возможно меньшимъ личнымъ пожертвованіемъ“ [1]).

Такая формула выражаетъ собою народно-хозяйственную дѣйствительность только тогда и въ той мѣрѣ, въ какой себялюбивые расчеты не сталкиваются съ религіозными, нравственными, правовыми и политическими, насколько они не противорѣчатъ общественному укладу даннаго народа данной эпохи и порождаемой имъ психологіи тотемистическихъ группъ, родовъ, кастъ, сословій и классовъ. Эта психологія включаетъ въ себѣ нерѣдко своеобразныя представленія о требованіяхъ долга и чести, рѣзко идущія въ разрѣзъ съ себялюбивыми влеченіями и потому отклоняющія хозяйственное поведеніе означенныхъ группъ отъ слѣдованія по линіи наименьшаго сопротивленія въ дѣлѣ матеріальнаго пріобрѣтенія, на которую наталкивалъ бы въ противномъ случаѣ хозяйственный расчетъ.

Соціологія, ставящая себѣ въ числѣ другихъ задачъ и изученіе массовой психологіи общественныхъ группъ въ тѣсной связи съ ихъ организаціей въ процессѣ историческаго развитія, очевидно, призвана исправить апріорные выводы и гипотезы экономики, построенной на одной дедукціи законовъ хозяйственной дѣятельности изъ людского эгоизма. Вотъ почему научной дисциплинѣ, занятой изученіемъ народнаго хозяйства, и должна принадлежать одна подчиненная роль по отношенію къ наукѣ о строѣ, функціяхъ и эволюціи начала общественности, другими словами — по отношенію къ соціологіи. Это та роль, какая подобаетъ всѣмъ вообще конкретнымъ общественнымъ наукамъ или, точнѣе, дисциплинамъ, по отношенію къ контролирующей ихъ выводы и сводящей ихъ въ систему абстрактной наукѣ человѣческаго общежитія.

---

[1]) Principi di economia pura. Флоренція, 1889 г., стр. 9.

ОТДѢЛЪ II.

Очеркъ исторіи соціологическихъ системъ.

ГЛАВА VI.

Контъ, его предшественники и послѣдователи.

---

§ 1.

Опредѣлить точно моментъ возникновенія науки, которая еще ищетъ своихъ путей и намѣсто законовъ можетъ выставить только рядъ эмпирическихъ обобщеній, дѣло, разумѣется, нелегкое. Еще греки задавались вопросомъ о томъ, не существуетъ ли извѣстнаго неизмѣннаго порядка въ чередованіи формъ правленія, указывая на преемство монархіи, или правительства одного, олигархіи, или правительства немногихъ, и охлократіи, или правительства толпы. Дѣйствительныя условія жизни городскихъ республикъ Эллады не могли не навесть на такую мысль тѣхъ изъ греческихъ писателей, которые, какъ Аристотель, уже видѣли задачу науки въ раскрытіи необходимыхъ отношеній между предметами, необходимыхъ въ силу самой природы послѣднихъ. Замѣна народоправствъ единовластіемъ, свидѣтелемъ котораго былъ уже учитель Александра Македонскаго Аристотель и еще въ большей степени жившій въ эпоху упраздненія римлянами греческой независимости Полибій и современникъ Цезаря и Помпея Цицеронъ, одинаково наводитъ всѣхъ названныхъ писателей на мысль о томъ, что чередованіемъ единовластія, владычества немногихъ и владычества толпы, не исчерпывается процессъ историческаго развитія политическихъ формъ, что множество въ отправленіи верховной власти смѣняется снова единствомъ, послѣ чего открывается новое чередованіе монархіи, ари-

стократіи и демократіи. Такимъ образомъ, допуская идею не столько развитія, сколько замѣны однихъ политическихъ порядковъ другими, древніе не могутъ считаться родоначальниками идеи поступательнаго движенія общества, хотя бы въ этой ограниченной сферѣ—измѣненія его политическаго строя. Идея прогресса не уживается съ необходимымъ возрожденіемъ уже отжившихъ порядковъ и возвращеніемъ человѣчества къ уже пройденному имъ пути.

Упадокъ наукъ и искусствъ, замѣна культурной имперіи варварскими королевствами, не способны были породить въ лицахъ, жившихъ даже на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ отъ этихъ событій, представленія о томъ, что въ исторіи человѣчества можетъ быть отмѣчено неуклонное стремленіе къ совершенствованію какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ условій быта. Немудрено поэтому, если идея прогресса отсутствуетъ у писателей не только среднихъ вѣковъ, но и эпохи Возрожденія. Ея нѣтъ ни у Маккіавели, ни у Гвичардини. Извѣстное изреченіе перваго — „необходимо мѣняться вмѣстѣ съ временемъ“ — не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы съ измѣнчивостью судебъ человѣческихъ Маккіавели связывалъ идею развитія или роста.

Эта идея зарождается поэтому впервые не въ области политической философіи, а изъ наблюденій надъ эволюціей точнаго знанія. Въ XVII столѣтіи, когда уже не могло возникать сомнѣнія въ томъ, что поступательный ходъ знанія, остановленный на время средними вѣками, не сводится къ одному возрожденію научной мысли древнихъ, но и выступаетъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ открытій и изобрѣтеній, Паскаль уже высказываетъ мысль о возможности видѣть въ преемствѣ человѣческихъ поколѣній подобіе „единаго человѣка, вѣчно живущаго и постоянно пріобрѣтающаго все новыя и новыя свѣдѣнія“; эта мысль воспринята будетъ и Кондорсе, и Сенъ-Симономъ, и Контомъ; она ляжетъ въ основу ихъ теоріи, что развитіе человѣчества стоитъ въ прямой зависимости отъ роста знанія.

Идея прогресса—только одно изъ проявленій болѣе общаго ученія о закономѣрности общественныхъ явленій,—ученія, безъ котораго немыслимо было бы возникновеніе самой науки объ обществѣ. Эта идея закономѣрности впервые возникла въ сферѣ тѣхъ конкретныхъ гуманитарныхъ наукъ, которыя всего ближе стоятъ по природѣ къ наукамъ естественнымъ, въ статистикѣ и экономикѣ. Немудрено поэтому, если выставленная еще въ XVII в. Петти и его современниками гипотеза о закономѣрности въ числѣ рожденій и смертей

произвела сильное впечатлѣніе на Эмануила Канта, а медикъ Кене, вслѣдъ за открытіемъ Гарве системы кровообращенія, счелъ возможнымъ повести рѣчь о естественныхъ законахъ, управляющихъ циркуляціей добываемыхъ, какъ онъ думалъ, однимъ сельскимъ производствомъ цѣнностей. Это ученіе физіократовъ, а за ними и Адама Смита, о естественномъ порядкѣ экономическихъ явленій, въ свою очередь вызвало увѣренность въ ихъ закономѣрномъ чередованіи и позволило Кондорсэ говорить о прогрессѣ въ экономическомъ укладѣ обществъ параллельно и въ связи съ ростомъ знанія, или успѣхами наукъ.

Обусловленность политическихъ порядковъ, а въ связи съ ними и законовъ, климатомъ, почвой, густотой населенія и связаннымъ съ нею экономическимъ ростомъ, развитіемъ промышленности и обмѣна, привлекла къ себѣ вниманіе Гиппократа и Бодэна въ древности и въ эпоху Возрожденія. Она упрочила въ умѣ Монтескьё, еще чуждомъ идеи общественнаго прогресса, увѣренность въ томъ, что между всѣми названными явленіями существуютъ постоянныя отношенія, которыя для него равнозначущи съ законами. Такимъ образомъ въ сферѣ конкретныхъ наукъ объ обществѣ, столько же въ статистикѣ, сколько въ экономикѣ, политикѣ и правовѣдѣніи, постепенно, начиная съ древности, зарождалась мысль о закономѣрности явленій и смѣнѣ однихъ другими.

Параллельно съ этимъ выяснялись и тѣ пріемы, какими можно добиться раскрытія этой закономѣрности и этой смѣны: пріемъ наблюденія и сравненія разныхъ странъ и народовъ, а равно и разныхъ эпохъ. Мы встрѣчаемъ этотъ пріемъ еще у Аристотеля, который въ основу своей „Политики“ кладетъ изученіе государственныхъ порядковъ всѣхъ греческихъ республикъ и многихъ деспотій варваровъ. Его придерживается впослѣдствіи и Полибій, для котораго не проходитъ безслѣдно политическій опытъ Греціи, Рима и Карѳагена. Тотъ же методъ оживаетъ снова въ сочиненіяхъ Макіавели, Гвичардини и Бодэна за нѣсколько столѣтій до того момента, когда въ „Духѣ законовъ“ Монтескьё не только предложитъ его, какъ лучшее средство къ опредѣленію тѣхъ отношеній, какія должны существовать между отдѣльными общественными явленіями въ силу самой ихъ природы, но и представитъ образцы болѣе или менѣе удачнаго пользованія имъ. Но методъ Монтескьё, какъ и методъ его предшественниковъ, начиная съ Аристотеля,— методъ скорѣе сопоставительный, чѣмъ сравнительно-историческій. Не имѣя еще представленія о закономѣрномъ ростѣ общества и о

преемствѣ отдѣльныхъ стадій его развитія, авторъ „Духа законовъ“ не считаетъ нужнымъ разсортировать свой матеріалъ по этимъ стадіямъ и сближать между собою только сравнимое, т.-е. явленія, входящія въ составъ одной и той же стадіи; онъ сплошь и рядомъ сопоставляетъ съ порядками „готической монархіи“, т.-е. монархіи сословной, республиканскіе порядки древняго Рима и, что важнѣе, имперію Кира и китайскаго богдыхана. Дикари Луизіаны служатъ ему такимъ же средствомъ къ иллюстраціи своей мысли, какъ и современные ему голландцы и венеціанцы. Въ „Курсѣ положительной философіи“ Контъ справедливо замѣтитъ по его адресу, что, не понимая идеи прогресса, онъ отнесъ на счетъ климата и другихъ физическихъ факторовъ не одни отклоненія отъ нормальнаго хода развитія обществъ, но самыя явленія, изъ которыхъ складывается это развитіе. Въ ту же ошибку впадетъ впослѣдствіи и Бокль и, по его примѣру, всѣ тѣ, кто въ наши дни пытается свести къ одному вліянію физическихъ факторовъ и обусловленному ими различію расъ всю эволюцію тѣхъ или другихъ народовъ.

Чтобы сдѣлаться наукой о закономѣрномъ развитіи человѣчества, соціологіи недоставало пока и того знакомства съ психо-физической природой человѣка, которая одна способна объяснить намъ и естественный импульсъ къ самоусовершенствованію, и границы этого послѣдняго.

Самонаблюденіе долгое время считалось единственнымъ средствомъ къ познанію психическихъ свойствъ человѣка, при чемъ не обращалось вниманія на невыгодныя послѣдствія, какія можетъ имѣть соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ, лицѣ наблюдателя, субъекта и объекта. Психофизики не существовало; только со времени Галля, вмѣстѣ съ неудачной попыткой локализировать способности въ отдѣльныхъ частяхъ мозга, установлена была и та правильная точка зрѣнія, что умственныя и нравственныя явленія порождаются біологическими причинами, являются послѣдствіемъ движеній въ области мозга. Такая матеріалистическая точка зрѣнія не устраняетъ необходимости слѣдить за тѣмъ воздѣйствіемъ, какое на психическія явленія имѣетъ общественная среда,—обстоятельство, благодаря которому многіе современные мыслители, въ томъ числѣ Тардъ и Де-Роберти, не прочь ставить психологію и этику въ зависимость отъ соціологіи и говорить объ изучаемыхъ ими явленіяхъ, какъ о біо-соціальныхъ. Новое направленіе, данное психологіи и этикѣ отнесеніемъ явленій духа къ области физіологіи, позволило установить въ то же время и двойственность нравственной природы чело-

вѣка, какъ существа одновременно эгоистическаго и альтруистическаго, и преобладаніе инстинкта самосохраненія надъ благожелательностью, что одно уже кладетъ непреодолимую преграду человѣческому самоусовершенствованію, а потому и поступательному ходу исторіи. Если въ структурѣ мозга можно найти объясненія нашего запроса на лучшее будущее, если въ немъ надо видѣть ближайшій источникъ прогресса, то тою же причиной, а именно преобладаніемъ чувствъ надъ разумомъ, легко объяснить и медленность самаго хода поступательнаго развитія, и невозможность того безконечнаго и безостановочнаго совершенствованія, о которомъ говорилъ Кондорсэ. Въ сочиненіяхъ Кабаниса и Спурцгейма сдѣлана была дальнѣйшая попытка положить начало той психо-физикѣ, успѣхи которой въ наше время позволяютъ высказывать надежду на ближайшее вступленіе психологіи въ число точныхъ наукъ. Но если первый ограничился одной только попыткой установить соотношеніе нравственныхъ свойствъ человѣка съ его физическими способностями [1]), то Галль и Спурцгеймъ сдѣлали попытку самой локализаціи въ мозгу отдѣльныхъ его функцій; они признали, что передній мозгъ является средоточіемъ нашей способности разумѣнія, а задній—обусловливаетъ собою наши чувственныя воспріятія.

Несмотря на быстрые успѣхи точнаго знанія и возможность включить въ него изученіе духовной природы человѣка, какъ тѣсно связанной съ его физической структурой, идея поступательнаго движенія общества встрѣчала непреодолимыя препятствія въ сознаніи, что въ сферѣ политической жизни настоящее едва ли стоитъ выше прошлаго. Развившійся съ эпохи Возрожденія вкусъ къ древности и знакомство съ ея бытовыми условіями, въ связи съ идеализаціей средневѣковой сословной монархіи, невольно вызывали въ умѣ представленіе, что окончательное торжество абсолютизма въ XVI, XVII и XVIII вв. не можетъ считаться доказательствомъ поступательнаго хода человѣчества. И въ сферѣ общественныхъ отношеній—замѣна греческой и, позднѣе, римской [2]) изополитіи феодальной іерархіей казалась не отвѣчающей идеѣ прогресса, разумѣется, подъ условіемъ совершеннаго упущенія того факта, что производительные классы общества въ древнемъ мірѣ въ главной своей массѣ состояли изъ

---

[1]) Кабанисъ—авторъ трактата „Rapport du physique et du morale de l'homme".

[2]) Я разумѣю дарованіе императоромъ Каракаллою правъ римскаго гражданства всему свободному населенію имперіи.

рабовъ и что положеніе крѣпостного человѣка, какъ связаннаго съ землею, а не съ личностью хозяина, является уже шагомъ впередъ на пути развитія гражданской свободы. Не случайнымъ совпаденіемъ надо считать поэтому тотъ фактъ, что теорія безостановочнаго усовершенствованія общества впервые высказывается не только современникомъ, но и участникомъ революціи, т-е. того переворота, которымъ былъ положенъ конецъ одновременно самодержавію и сословному неравенству; до этого времени могла идти рѣчь—самое большее—о томъ круговращательномъ движеніи, въ силу котораго человѣчество развивается, такъ сказать, спирально, возвращаясь по временамъ къ порядкамъ, если не вполнѣ тождественнымъ, то близкимъ къ пережитымъ ранѣе. Къ этому сводилась извѣстная доктрина итальянца Вико — доктрина такъ называемыхъ ricorsi; современной критикой вполнѣ установлено, что Вико не отрицалъ возможности для человѣчества медленно подвигаться впередъ, продѣлывая въ то же время тотъ круговоротъ, при которомъ на разстояніи извѣстнаго времени возрождаются явленія прошлаго, но уже съ нѣкоторыми измѣненіями, отвѣчающими представленію объ усовершенствованіи.

§ 2.

Въ числѣ ближайшихъ предшественниковъ Конта и всего послѣдующаго развитія созданной имъ науки о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ, иначе говоря—соціологіи, выдающееся мѣсто принадлежитъ Кондорсэ. Благодаря ему, мысль, выраженная еще Паскалемъ, о возможности видѣть въ преемствѣ человѣческихъ поколѣній подобіе единаго человѣка, вѣчно живущаго и постоянно пріобрѣтающаго все новыя и новыя свѣдѣнія, нашла реальное обоснованіе. Не случайностью объясняется тотъ фактъ, что до послѣдней четверти XVIII столѣтія ни одинъ историкъ и политикъ не высказался въ смыслѣ признанія имъ поступательнаго хода человѣчества. О прогрессѣ, собственно говоря, не заходитъ рѣчи ни у Аристотеля, ни у писателей среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, ни у прямыхъ предшественниковъ Кондорсэ, въ томъ числѣ итальянца Вико и автора „Духа законовъ“ Монтескьё. Политическіе писатели древняго міра не разъ останавливались на мысли о смѣнѣ формъ правленія, о замѣнѣ монархіи владычествомъ немногихъ и, наконецъ, всѣхъ. Но они не отрицали возможности зарожденія единовластія въ средѣ демократіи и въ замѣну ей и указывали на то, что

такія явленія не разъ имѣли мѣсто въ дѣйствительности. Завершившійся циклъ политическихъ трансформацій могъ быть пройденъ снова. Есть основаніе поэтому говорить объ ученіяхъ Аристотеля и Полибія въ связи съ доктриной итальянца Вико, утверждавшаго „спиральное“ развитіе человѣчества, т.-е. прохожденіе имъ на разстояніи значительныхъ промежутковъ времени тѣхъ же формъ организаціи. Но относить греческихъ философовъ-политиковъ къ числу предшественниковъ Кондорсэ и его теоріи прогресса было бы совершенно ошибочнымъ. Представленіе о томъ, что законодатель одновременно заводитъ у народа соотвѣтствующія его политическому укладу нравы и обычаи, всякое отступленіе отъ которыхъ ведетъ къ упадку учрежденій, такъ какъ нарушаетъ разъ установившееся соотвѣтствіе между различными сторонами общественной жизни, весьма опредѣленно выступаетъ и у писателей древности и у автора „Духа законовъ“. Ученіе о жизненныхъ принципахъ отдѣльныхъ формъ политическаго устройства и объ упадкѣ послѣдняго въ связи съ искаженіемъ этихъ принциповъ, на чемъ не разъ настаиваетъ Монтескьё, рисуетъ его намъ скорѣе сторонникомъ идеи регресса человѣчества, нежели поборникомъ мысли о его поступательномъ ходѣ. А знакомство съ его недавно изданными путевыми замѣтками объясняетъ намъ отчасти источникъ этого пессимизма, указывая на то, какъ вездѣ, за исключеніемъ одной только Англіи, Монтескьё находилъ подтвержденіе высказанной имъ мысли,—мысли, что народы Европы стремятся въ лоно абсолютизма столь же неудержимо, какъ рѣки стекаютъ въ море. За Кондорсэ остается поэтому честь перваго провозвѣстника идеи прогресса человѣчества въ тѣсной связи съ развитіемъ знаній. Эту мысль онъ высказываетъ въ сочиненіи, написанномъ уже послѣ произошедшаго во Франціи переворота 1789 г., въ разгаръ революціи и въ такую минуту, когда личныя преслѣдованія, угрожавшія самой его жизни, повидимому должны были бы вызвать въ немъ пессимистическое отношеніе къ будущему. Онъ настолько проникнутъ, однако, мыслью о величіи пережитыхъ имъ за послѣдніе годы событій, что считаетъ возможнымъ настаивать на безостановочности прогресса, на неуклонномъ движеніи человѣчества въ сторону истины и счастья. До послѣдняго времени полагали, что при составленіи своего „Эскиза исторической картины прогресса человѣческаго разума“ (таково буквальное названіе его сочиненія) Кондорсэ, принужденный скрываться въ окрестностяхъ Парижа отъ направленныхъ противъ него преслѣдованій, не имѣлъ подъ руками ни книгъ, ни письменныхъ замѣтокъ. Но одному изъ

новѣйшихъ его біографовъ—Cahen удалось выяснить на основаніи рукописей, уцѣлѣвшихъ въ библіотекѣ французскаго института, что задолго до момента, когда ему пришлось искать убѣжища у г-жи Вернэ, авторъ „Прогресса человѣческаго разума“ уже сталъ собирать необходимые матеріалы для своего эскиза. Въ библіотекѣ института хранятся написанныя его рукою замѣтки о философахъ древности, о различныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ разное время въ области физики, и всѣ эти мемуары по своимъ размѣрамъ не допускаютъ мысли о составленіи ихъ впервые въ недѣли вынужденнаго обстоятельствами затворничества [1]). Кондорсэ тѣмъ легче было задаться мыслью написать исторію поступательнаго развитія человѣческаго разума, что въ званіи секретаря академіи наукъ ему задолго до революціи пришлось посвятить себя между прочимъ составленію въ теченіе 17 лѣтъ, начиная съ 1773 года, ряда характеристикъ разнообразнѣйшихъ по своимъ спеціальностямъ ученыхъ Франціи и другихъ странъ, стоявшихъ въ какомъ-либо отношеніи къ французскому институту. Эти характеристики носили названіе „похвальныхъ словъ“, но по своему содержанію болѣе отвѣчали представленію о безпристрастной оцѣнкѣ трудовъ людей, стоявшихъ во главѣ научнаго движенія въ XVIII вѣкѣ. Чтобы говорить съ одинаковымъ знаніемъ дѣла не только о математикахъ и астрономахъ, но и о физикахъ, зоологахъ, ботаникахъ, экономистахъ, Кондорсэ пришлось расширить кругъ своихъ знаній, на первыхъ порахъ сосредоточивавшихся вокругъ математики, и пріобрѣсть въ полномъ смыслѣ слова энциклопедическое образованіе. Изданіе сочиненій Вольтера, близость къ Тюрго, защита въ печати его экономической политики, наконецъ, тѣсное общеніе съ д'Аламберомъ и другими участниками „Великой Энциклопедіи“, все это, вмѣстѣ взятое, должно было подготовить члена Конвента и автора одного изъ проектовъ конституціи 1793 года къ роли родоначальника теоріи прогресса. Несомнѣнно, однако, что Кондорсэ ранѣе своего поступленія подъ гостепріимный кровъ укрывшей его отъ преслѣдованій г-жи Вернэ не составилъ еще опредѣленнаго плана своего сочиненія [2]). Онъ прибылъ въ свое послѣднее жилище на улицѣ Servandoni безъ книгъ и какихъ-либо бумагъ—изъ опа-

[1]) Cahen. Condorcet et la révolution. 1904, стр. 528.

[2]) „Это выступаетъ,—говоритъ—Cahen, съ очевидностью при чтеніи замѣтокъ, послужившихъ ему матеріаломъ при написаніи его сочиненія и хранимыхъ нынѣ въ числѣ рукописей національной библіотеки въ Парижѣ“ (Nouvelles acquisitions № 4586).

сенія обратить въ противномъ случаѣ вниманіе на себя. Квартира его была опечатана и достать изъ нея что-либо было невозможно. Но друзья, какъ Саре, Марко, Пинель и Буайе, не разъ посѣтившіе его въ домѣ г-жи Вернэ, разумѣется, пользовались этимъ случаемъ, чтобы доставить ему недостающія книги. А личный его секретарь Кардо, взявшій на себя переписку части его рукописи, несомнѣнно, имѣлъ возможность сдѣлать для него и необходимыя ему выдержки изъ книгъ [1]). Кондорсэ приступилъ къ составленію своего трактата по просьбѣ жены и долженъ былъ для этого отложить на время другую уже начатую имъ работу: „Оправданіе моего поведенія въ Конвентѣ“; онъ приступилъ прежде всего къ составленію хронологической таблицы важнѣйшихъ научныхъ открытій и изобрѣтеній, а равно и политическихъ событій. Всю исторію человѣчества онъ раздѣлилъ затѣмъ на десять главныхъ эпохъ. Для каждой онъ составилъ очень отвлеченную схему вопросовъ, какіе могутъ прійти на умъ изслѣдователю, намѣревающемуся изобразить процессъ развитія за это время человѣческаго разума. Въ своей совокупности эти довольно сжатые очерки и образовали тотъ „Эскизъ“, который дошелъ до насъ въ полномъ видѣ. Но авторъ не намѣренъ былъ удовольствоваться имъ. Онъ собирался прибавить къ „Эскизу“ болѣе детальную разработку отдѣльныхъ эпохъ. Этой стороны своей задачи ему не удалось довести до конца.

Значеніе, какое Кондорсэ имѣетъ для послѣдующаго хода развитія соціологіи, въ частности соціальной динамики, своего рода философіи исторіи, особенно рѣзко выступаетъ при сопоставленіи его взглядовъ со взглядами Конта по двумъ важнѣйшимъ вопросамъ столько же всей вообще научной философіи, сколько и философіи обществовѣдѣнія. У Кондорсэ намѣчена уже та классификація наукъ въ порядкѣ умаляющейся общности явленій, ими изучаемыхъ, и возрастающей ихъ сложности, которая составляетъ быть можетъ самое прочное пріобрѣтеніе, какое философія сдѣлала съ момента выхода въ свѣтъ шеститомнаго трактата Конта. У того же Кондорсэ, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ Тюрго, складывается и представленіе о томъ, что ростъ человѣческой мысли состоялъ въ замѣнѣ научными объясненіями явленій природы такихъ, въ которыхъ выступала готовность одухотворять природу, приписывая ей тѣ же свойства, какія при-

[1]) Въ хранящейся въ библіотекѣ института рукописи „Эскиза прогресса человѣческаго разума“ легко узнать руку Кардо, переписчика части сочиненія.

надлежатъ человѣку, а затѣмъ пріискивать для ея явленій жизненный принципъ. Классификація наукъ, предлагаемая Кондорсэ, содержится въ его печатныхъ трактатахъ [1]). Ученіе же о преемствѣ антропоморфическихъ, метафизическихъ и научныхъ объясненій природы уцѣлѣло въ рукописномъ видѣ въ неизданномъ отрывкѣ, воспроизведенномъ Алангри въ его недавнемъ сочиненіи о Кондорсэ [2]). Ранѣе Сенъ-Симона и Конта Кондорсэ ясно понялъ тѣсную связь, существующую между науками. „Ни одна изъ нихъ, — говоритъ онъ,—не можетъ быть охвачена въ цѣломъ, ни въ своихъ принципахъ, ни въ деталяхъ, безъ помощи другихъ; онѣ образуютъ изъ себя цѣлую цѣпь и оказываютъ другъ другу взаимныя услуги". При составленіи своей классификаціи наукъ Кондорсэ руководствуется одновременно и историческимъ преемствомъ въ ихъ развитіи и, какъ онъ говоритъ, чисто практическими удобствами. Въ его схемѣ математика предшествуетъ астрономіи, за которой слѣдуетъ физика, химія, біологія, наконецъ, науки нравственныя и экономическія. Замѣните послѣднія терминомъ соціологія, отмѣтьте умаляющуюся общность и возрастающую сложность явленій въ только-что приведенной скалѣ, и получится знаменитая классификація Конта [3]). Что касается до мысли Кондорсэ насчетъ преемства антропоморфическихъ, метафизическихъ и научныхъ объясненій природы и ея явленій, то она несомнѣнно стоитъ въ ближайшемъ отношеніи съ тѣми мыслями, какія высказаны были Тюрго въ его извѣстномъ „Разсужденіи о всемірной исторіи" [4]). Въ этомъ разсужденіи Тюрго красной нитью проводитъ ту мысль, что прогрессъ въ области мышленія выступаетъ въ замѣнѣ богословскихъ толкованій научными; въ промежутокъ времени между обоими способами толкованія природныхъ явленій объясненіе имъ находили, говоритъ Тюрго, въ какихъ-то сущностяхъ и свойствахъ, передаваемыхъ абстрактными терминами, которые, прибавляетъ онъ, ничего не выясняли. Таковъ въ зародышѣ знаменитый законъ трехъ стадій Конта: стадіи богословской, метафизической и научной. У Кондорсэ, вмѣстѣ съ воспроизведеніемъ основной точки зрѣнія Тюрго, мы встрѣчаемъ и нѣкоторыя особенности, характерныя для человѣка, искавшаго приложить къ вопросамъ обществовѣдѣнія не только методъ точныхъ наукъ вообще, но въ частности методъ

[1]) См. полное собраніе его сочиненій, т. VI, стр. 222, т. I, стр. 439 и т. VII, стр. 428 и сл. и 467—469.

[2]) Allengry. Condorcet guide de la révolution. 1904 г., стр. 782—783.

[3]) Ср. Allengry, стр. 780—781.

[4]) См. Oeuvres, изд. Гильомена, т. II, стр. 656.

математическій. „Я полагаю,—пишетъ Кондорсэ въ отрывкѣ, впервые напечатанномъ Алангри,—что можно отмѣтить четыре эпохи въ пониманіи людьми экономіи природы. Въ первый періодъ люди приписывали все происходящее въ природѣ существамъ, надѣленнымъ способностью дѣйствовать и движимымъ тою же силой, что и они сами. Душу приписали всѣмъ важнѣйшимъ предметамъ природы и всѣмъ великимъ феноменамъ матеріи. Предположили существованіе въ нихъ идей, желаній, намѣреній. Такова космологія всѣхъ дикихъ народовъ. Люди переходятъ позднѣе къ культу самыхъ феноменовъ. Они молятъ ихъ, они стараются склонить ихъ въ свою пользу. И съ этого времени возникаетъ религія. Мы находимъ эту космологію во всей ея наготѣ у племенъ Америки. Въ сочиненіяхъ древнихъ грековъ она уже подверглась значительному искаженію... Во второй періодъ философы стали смотрѣть на природу, какъ на составленную изъ двухъ частей: изъ матеріи и жизненнаго принципа, измѣняющаго матерію. Одни полагали, что самый этотъ принципъ матеріаленъ и признавали имъ одинъ изъ четырехъ элементовъ (огонь, воздухъ, земля и вода). Другіе не прочь были считать его разумнымъ. Третьи предполагали, что онъ присущъ самой матеріи. Современемъ сдѣланъ былъ еще шагъ далѣе. Демокритъ призналъ забавнымъ объяснять все принципами, способъ дѣйствія которыхъ и самое существованіе оставались неизвѣстными. Онъ не пожелалъ видѣть въ мірѣ ничего, кромѣ матеріи, пребывающей въ состояніи покоя или наоборотъ приводимой въ движеніе. Онъ предположилъ, что въ мірѣ нѣтъ другихъ причинъ, кромѣ вѣчнаго и необходимаго движенія. Эпикурейцы извратили эту мысль Демокрита, которую Декартъ воскресилъ снова въ иной только формѣ. Пиѳагоръ остановился на болѣе счастливомъ рѣшеніи. Сдѣлавъ открытіе прраціональныхъ чиселъ, онъ пришелъ къ заключенію насчетъ существованія безконечности количественныхъ различій, связанныхъ между собою отношеніями числа. Такъ какъ природа постоянна въ своихъ феноменахъ, и эта правильность особенно поражаетъ насъ въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, то онъ вывелъ отсюда то положеніе, что ходъ ихъ опредѣляется доступнымъ вычисленіямъ закономъ. Эта мысль,—говоритъ Кондорсэ,—была такъ возвышенна и настолько опережала его время, что послѣ его смерти потеряли дѣйствительный смыслъ ея, и Пиѳагора стали выдавать за магика, допускавшаго, что все регулируется таинственными свойствами чиселъ“. На этомъ мѣстѣ обрывается долгое время остававшійся неизданнымъ отрывокъ. Онъ подтверждаетъ то, что извѣстно намъ

изъ другихъ сочиненій Кондорсэ, столько же изъ его академическихъ рѣчей, сколько и изъ „Исторической картины прогресса человѣческаго разума“. Въ томъ самомъ похвальномъ словѣ, посвященномъ памяти д'Аламбера, въ которомъ имѣется извѣстная фраза: „науки связаны между собою; въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ онѣ сближаются, онѣ оказываютъ другъ другу взаимныя услуги“, Кондорсэ настаиваетъ на возможности непосредственнаго приложенія математики къ рѣшенію задачъ обществовѣдѣнія.

Въ особомъ трактатѣ, посвященномъ обоснованію того, что онъ называетъ соціальной математикой, онъ высказывается за примѣненіе ариѳметики, геометріи, алгебраическаго анализа и теоріи вѣроятностей къ рѣшенію такихъ, напр., вопросовъ, какъ опредѣленіе причинъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ смертность, причинъ, обусловливающихъ собою вздорожаніе цѣнъ и т. д., и т. д. Контъ строго осудитъ такія попытки, настаивая на томъ, что общественныя явленія слишкомъ сложны и математическій методъ приложимъ только къ наипростѣйшимъ явленіямъ числа и измѣренія.

Если мы спросимъ себя, какое представленіе Кондорсэ связывалъ съ прогрессомъ, то мы должны будемъ дать на этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ: для Кондорсэ прогрессъ является безостановочнымъ и необходимымъ поступательнымъ ходомъ. Его нельзя задержать надолго. Тѣмъ болѣе нельзя повернуть назадъ человѣчество къ пройденнымъ уже имъ стадіямъ развитія. Можно только на время замедлить самый ходъ поступательнаго движенія общества. Послѣднее присуще всѣмъ народамъ, но въ извѣстные моменты оно съ особенною выпуклостью выступаетъ у одного изъ нихъ въ частности; это—своего рода избранный народъ, идущій во главѣ всѣхъ остальныхъ. Въ какомъ же направленіи происходитъ это поступательное движеніе? Прогрессъ, отвѣчаетъ Кондорсэ, есть неудержимая тенденція, увлекающая отдѣльныхъ лицъ и цѣлые народы въ сторону истины и счастья. Онъ полагаетъ, что нельзя предвидѣть предѣла ему. Природа, говоритъ онъ въ противность тому, что было отмѣчено еще Галлемъ и вполнѣ развито Контомъ, не поставила никакихъ границъ усовершенствованію человѣческихъ способностей; оно не ограничено ничѣмъ, кромѣ существованія той планеты, на которую бросила насъ та же природа. Законъ прогресса одинаково управляетъ, по мнѣнію Кондорсэ, животными, людьми и человѣческими обществами: золотой вѣкъ не за нами, а впереди насъ (смотри Esquisse, стр. 13 и 272).

Прогрессъ рисуется воображенію Кондорсэ подобіемъ цѣпи, нигдѣ

не прерываемой и позволяющей смотрѣть на каждый переживаемый моментъ, какъ на зависящій отъ всѣхъ предшествующихъ и какъ вліяющій на всѣ послѣдующіе. Чтобы установить эту цѣпь, необходимо, думаетъ онъ, обратиться къ историческому методу, т.-е. къ послѣдовательному наблюденію человѣческихъ обществъ въ различныя эпохи, ими пройденныя [1]). Такимъ образомъ мы познакомимся съ порядкомъ, въ какомъ происходятъ перемѣны, и съ вліяніемъ, какое каждый данный моментъ оказываетъ на слѣдующій за нимъ во времени; мы въ состояніи будемъ прослѣдить по тѣмъ измѣненіямъ, какія произошли въ человѣчествѣ въ теченіе вѣковъ, тотъ путь, по которому оно идетъ въ своемъ развитіи, преслѣдуя двѣ цѣли: истину и счастье. Наблюденія надъ прошлымъ и настоящимъ человѣкомъ вызываютъ мысль и о средствахъ, какими можно обезпечить и ускорить наступленіе новыхъ усовершенствованій, согласныхъ съ его природой. Итакъ, для Кондорсэ, какъ впослѣдствіи для Конта, является истиной извѣстное утвержденіе Лейбница — „настоящее несетъ на себѣ бремя прошлаго и чревато будущимъ“; другими словами, всѣмъ троимъ ясно, что отвѣтъ на вопросъ о томъ направленіи, въ какомъ будетъ развиваться человѣчество, способно дать лишь знаніе какъ пройденныхъ имъ стадій, такъ и переживаемой нынѣ. Но тогда какъ для Конта всѣ предсказанія будущаго на основаніи прошлаго и настоящаго должны подвергнуться еще дедуктивной провѣркѣ, отправляющейся отъ изученія психо-физической природы человѣка, Кондорсэ ни слова не говоритъ о такой провѣркѣ, а это имѣетъ послѣдствіемъ то, что для него прогрессъ не останавливается передъ созданной самой природой границей господства страстей надъ разумомъ.

Кондорсэ — современникъ Руссо и не вполнѣ избавился отъ вліянія, какое на всѣхъ „людей революціи“ имѣло ученіе „Общественнаго договора“ и „Эмиля“. Онъ такой же оптимистъ, какъ и Руссо; онъ вѣритъ въ совершенство человѣческой природы, разъ она не испорчена дурнымъ воспитаніемъ, подобно Руссо, онъ также не видитъ другого средства разгадать, каковы были начальныя стадіи въ исторіи человѣчества, какъ отправляясь отъ теоретическихъ наблюденій надъ развитіемъ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ построенію системы первобытныхъ порядковъ. Все то, что въ наши дни обнимается понятіемъ до-исторіи, или первобытной соціологіи, для

[1]) См. Discours sur l'histoire universelle. Oeuvres, изд. Гильомена, стр. 9.

него не существуетъ. Ему чужда всякая попытка возстановить древнѣйшее прошлое на основаніи его переживаній въ настоящемъ и аналогіи съ бытомъ дикарей. Онъ разсуждаетъ по этимъ вопросамъ точь-въ-точь такъ, какъ это дѣлаетъ Руссо въ своемъ трактатѣ: „О причинахъ, породившихъ неравенство между людьми“. По примѣру Паскаля, предлагавшаго разсматривать человѣчество, какъ единаго индивида, вѣчно пріобрѣтающаго новыя познанія, Кондорсэ въ своемъ историческомъ очеркѣ орудуетъ не столько методомъ сравнительно-историческимъ, сколько историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Два народа—одинъ въ древности, другой въ новое время—ставятся имъ во главѣ поступательнаго хода человѣчества: греки и французы; онъ слѣдитъ за ихъ развитіемъ и отмѣчаетъ попутно сходныя, но менѣе выпукло выступающія явленія въ жизни другихъ народовъ и странъ; такимъ образомъ онъ строитъ свои выводы на довольно ограниченномъ и одностороннемъ матеріалѣ. Одна революція, думаетъ онъ, позволила французскому народу лелѣять надежду, что онъ сыграетъ въ будущемъ ту же роль руководителя человѣчества, какая въ прошломъ выпала въ удѣлъ древнимъ грекамъ. „Природа страны и стеченіе обстоятельствъ позволяютъ надѣяться на выполненіе имъ такой славной миссіи, но не станемъ заглядывать въ то, что скрываетъ отъ насъ еще невѣрное будущее“. Эти строки, набросанныя Кондорсэ въ самый разгаръ направленныхъ на него якобинцами преслѣдованій, въ ожиданіи неминуемой казни и за нѣсколько недѣль до смерти, говорятъ о томъ настроеніи, въ какомъ написанъ былъ весь „Эскизъ“. Онѣ доказываютъ, какъ нельзя лучше, способность Кондорсэ освобождаться отъ всякихъ временныхъ и личныхъ настроеній. Все его разсужденіе проникнуто мыслью о необходимости въ „наукахъ нравственныхъ“, какъ и въ физическихъ, строить выводы на наблюденіяхъ. Эта же мысль нашла себѣ выраженіе еще ранѣе, въ 1782 году, въ рѣчи, произнесенной имъ по случаю пріема его во французскую академію. Для Кондорсэ исторія, предлагаемая какъ методъ для построенія науки о прогрессѣ человѣчества, не является однимъ перечнемъ важнѣйшихъ политическихъ событій, разсказомъ о жизни правителей, о войнахъ и союзахъ; издатель Вольтера, подобно своему другу и учителю, интересуется въ прошломъ народовъ массовыми явленіями, развитіемъ нравовъ, правовыхъ представленій, политическихъ порядковъ, научныхъ и художественныхъ теорій. И въ этомъ отношеніи Кондорсэ является прямымъ предшественникомъ Конта. Но онъ расходится съ нимъ радикально въ оцѣнкѣ прошлаго. Контъ, подобно

Гегелю, склоненъ былъ думать, что все существующее имѣло и имѣетъ достаточное основаніе, а потому разумно; Кондорсэ же, испытавшій на себѣ вліяніе революціонной доктрины, не могъ отнестись иначе, какъ отрицательно, къ отмѣненнымъ революціей средневѣковымъ порядкамъ, съ ихъ двоевластіемъ папы и императора, съ ихъ расчлененіемъ общества на сословные пласты, съ ихъ обращеніемъ массы населенія въ подневольныхъ тружениковъ, плохо вознаграждаемыхъ землею. Читая его, легко усумниться въ томъ, чтобы прогрессъ, дѣйствительно, являлся безостановочнымъ ростомъ человѣчества; онъ не оцѣниваетъ должнымъ образомъ великаго значенія христіанства въ развитіи идеи равенства людей прежде всего передъ Богомъ, а затѣмъ и передъ поставленными имъ властями, частными и публичными. Слова апостола Павла: „Нѣсть ни рабъ, ни свободь, ни мужескій полъ, ни женскій, всѣ бо едины во Христѣ Іисусѣ“, выражаютъ лишь первую половину евангельскаго завѣта, вторая же его половина — равенство гражданское — осуществлена была многія столѣтія спустя передовыми сектами протестантизма, перенесшими идею равенства во Христѣ и на земныя отношенія. Не понимаетъ Кондорсэ и всего общественнаго и экономическаго уклада среднихъ вѣковъ, въ частности ихъ феодальной системы. Онъ не видитъ того, что эта система построена на договорномъ началѣ, что она впервые замѣняетъ насиліе соглашеніемъ, обращая покоренныхъ не въ безправныхъ рабовъ, а въ совладѣльцевъ съ покорителями, обезпечивая такимъ образомъ всѣмъ классамъ общества опредѣленное отношеніе къ землѣ и возмѣщая ихъ за трудъ и службу имущественными выгодами, правомъ пользованія помѣстной землею. Для Кондорсэ, какъ и для энциклопедистовъ, средніе вѣка — эпоха варварства, насилія и суевѣрія, въ которой путеводной звѣздой является одна лишь арабская наука, продолжавшая дѣло греческой. Но если средніе вѣка заключаютъ въ себѣ только отрицательныя стороны, то не вѣрнѣе ли держаться той философіи исторіи, какую проповѣдывалъ Вико, утверждавшій необходимость попятныхъ движеній. Контъ отмѣтитъ эту отрицательную сторону въ историко-философскихъ построеніяхъ того, кто, по его словамъ, былъ для него „духовнымъ отцомъ“. Въ сочиненіяхъ де-Местра, въ его пониманіи великаго значенія папства и средневѣковой системы двоевластія свѣтскаго и духовнаго меча, онъ найдетъ руководящую нить и необходимый матеріалъ для исправленія допущенной Кондорсэ ошибки. Средніе вѣка впервые представлены будутъ имъ въ томъ свѣтѣ, какой ранѣе былъ доступенъ пониманію однихъ католиче-

скихъ писателей. Онъ покажетъ, что въ эти столѣтія поступательный ходъ человѣчества не прекратился, что въ это именно время совершилось то обособленіе свѣтской и духовной власти въ лицѣ папы и императора, какого мы не находимъ ни въ теократіяхъ древняго Востока, ни въ Аѳинахъ, ни въ Римѣ, гдѣ, какъ извѣстно, государственные сановники призываемы были къ отправленію функцій, тѣсно связанныхъ съ религіей [1]).

Но если Кондорсэ не всегда справедливъ по отношенію къ прошлому, то, съ другой стороны, его надежды на будущее носятъ въ значительной степени характеръ утопіи, такъ какъ онъ не обращаетъ вниманія на тѣ предѣлы, какіе ставитъ усовершенствованію нашей жизни ограниченность человѣческой природы; онъ допускаетъ, напримѣръ, возможность исчезновенія въ людяхъ самаго представленія о томъ, что частный интересъ расходится съ общимъ, и предсказываетъ наступленіе такихъ порядковъ, при которыхъ любовь къ ближнему будетъ столь же интенсивна, какъ къ самому себѣ. „Весьма вѣроятно, пишетъ онъ, что настанетъ время, когда страсти и личныя симпатіи не будутъ оказывать на руководящія нашею волею сужденія бо́льшаго вліянія, чѣмъ то, какое онѣ имѣютъ нынѣ на образованіе нашихъ научныхъ мнѣній. Дѣйствія, противорѣчащія чужому праву, станутъ столь же физически невозможными, какъ хладнокровно совершаемое насиліе немыслимо уже въ наше время для большинства людей; всѣ народы будутъ жить въ полномъ согласіи и война исчезнетъ изъ нравовъ. Забота о ближнихъ и любви къ человѣчеству заступятъ мѣсто религіи“.

Подобно Конту, Кондорсэ придаетъ руководящую роль въ этомъ переворотѣ успѣхамъ научнаго мышленія и дѣятельности ученыхъ. Благодаря имъ, предсказываетъ онъ, послѣдуетъ объединеніе всѣхъ наукъ и создана будетъ ихъ общая философія, философія научная въ строгомъ смыслѣ слова. Совѣтъ ученыхъ будетъ завѣдывать поступательнымъ ходомъ знанія, а такъ какъ съ нимъ тѣсно связано усовершенствованіе нравовъ и ростъ общаго счастья, то отъ нихъ же будетъ зависѣть его осуществленіе въ дѣйствительности. Кондорсэ полагаетъ въ своемъ оптимизмѣ, что не только всѣ отсталыя націи подымутся до той же ступени развитія, на какой стоятъ Франція или Соединенные Штаты Америки, но что и самъ человѣческій родъ

[1]) Стоитъ вспомнить только роль, какую аѳинское право признаетъ за архонтомъ-базилевсомъ, а римское за pontifex maximus въ дѣлахъ церковныхъ.

будетъ значительно усовершенствованъ. Это произойдетъ, во-первыхъ, благодаря научнымъ открытіямъ и примѣненіямъ техники, во-вторыхъ—въ виду успѣховъ нравственности и, наконецъ, въ-третьихъ, какъ послѣдствіе дѣйствительнаго улучшенія нашихъ умственныхъ, нравственныхъ и даже физическихъ способностей. Но это можетъ быть достигнуто только подъ условіемъ упроченія равенства народовъ и частныхъ лицъ между собою, а для этого необходимо отмѣнить, во-первыхъ, неравенство богатствъ, во-вторыхъ, неравенство, порождаемое законами наслѣдованія, въ-третьихъ, неравенство знаній, открывъ съ этою цѣлью всѣмъ равный доступъ къ образованію. Если, съ одной стороны, эти мѣры должны быть признаны практически осуществимыми и сводятся въ концѣ-концовъ къ упраздненію частной собственности и наслѣдства и къ созданію дарового и обязательнаго обученія, то, съ другой, нельзя не признать преувеличенной надежды Кондорсэ, что отъ усовершенствованія общественныхъ условій послѣдуетъ измѣненіе и самой природы человѣка.

§ 3.

Кондорсэ [1]) открывается рядъ прямыхъ предшественниковъ Конта и созданной имъ соціологіи. Вторымъ послѣ Кондорсэ въ порядкѣ историческаго преемства надо считать Сенъ-Симона. О немъ одинъ изъ недавнихъ его біографовъ, Жоржъ Дюма, выразился слѣдующимъ образомъ: „Когда читаешь все написанное Контомъ, чувствуешь на каждомъ шагу необходимость вспоминать о Сенъ-Симонѣ; въ глаза бросается тотъ фактъ, что общій планъ, безъ котораго не могло бы быть построено великое зданіе, данъ былъ Сенъ-Симономъ и что, несмотря на свои недостатки, мысль Сенъ-Симона, благодаря счастливой интуиціи, была тѣмъ ферментомъ, который вызвалъ все дальнѣйшее движеніе въ области положительной философіи и соціологіи [2]). Тотъ же писатель рѣшается утверждать, что Сенъ-Симонъ, несмотря на безпорядочность своего творчества, несмотря на то, что книги его остались незаконченными, а ученіе не получило достаточнаго развитія, все же далъ черно-

---

[1]) Смотри о Кондорсэ сочиненіе Франка Алангри, резюмированное его же авторомъ въ другомъ трактатѣ „Историческій и критическій очеркъ соціологіи по Огюсту Конту“. Парижъ, 1900 г., стр. 210, 405—422.

[2]) Смотри „Psychologie de deux Messies positivistes, Saint-Simon et Auguste Comte“, par George Dumas, Paris, 1905, стр. 9.

викъ того, что написано будетъ Контомъ. Его абрисъ подчасъ страдаетъ неопредѣленностью, спѣшно сдѣланъ, не вполнѣ очерченъ, но въ то же время носитъ на себѣ печать силы и геніальности. Безъ него Конту, думаетъ Дюма, не суждено было бы сдѣлаться основателемъ ни положительной философіи, ни религіи человѣчества.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ справедливо подобное заявленіе и что именно сдѣлано было Сенъ-Симономъ въ смыслѣ подготовленія того пути, по которому пошелъ Контъ. Но ранѣе всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что Контъ далеко не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые избѣгаютъ всякаго указанія на своихъ предшественниковъ. Онъ, наоборотъ, очень охотно признаетъ въ сочиненіяхъ мыслителей XVIII вѣка, какъ и у своихъ современниковъ, сходныя съ нимъ черты. Такъ Кондорсэ не разъ признается имъ „духовнымъ отцомъ“; о Кантѣ, по прочтеніи перевода его разсужденія „О всемірной исторіи съ точки зрѣнія человѣчества“ [1]), Контъ пишетъ своему другу д'Эйхталю въ Берлинъ 10 декабря 1824 года: „Я всегда смотрѣлъ на Канта, какъ на очень сильный умъ, какъ на метафизика, всего ближе подошедшаго къ положительной философіи; но чтеніе сдѣланнаго вами перевода не только усилило, но и точнѣе опредѣлило мое высокое представленіе о немъ. Если бы Кондорсэ знакомъ былъ съ его разсужденіемъ, чего я не думаю, то за нимъ мудрено было бы признать большую заслугу въ дѣлѣ установленія идеи прогресса, хотя его концепція проведена почти столь же рѣшительно и въ нѣкоторомъ отношеніи съ большей опредѣленностью, чѣмъ Кантомъ. Что же касается до меня самого, говоритъ Контъ, то, прочитавъ трактатъ Канта, я не признаю за собой другой заслуги, кромѣ приведенія въ систему мыслей, высказанныхъ имъ и оставшихся мнѣ неизвѣстными. Возможностью сдѣлать это я обязанъ моему научному образованію. Единственный шагъ впередъ, сдѣланный мною въ смыслѣ положительномъ, состоитъ, какъ мнѣ кажется, въ открытіи закона о прохожденіи человѣческимъ мышленіемъ трехъ стадій: теологической, метафизической и научной. Мнѣ кажется, что эта мысль могла бы сдѣлаться базисомъ для труда, выполненіе котораго рекомендовано Кантомъ. Я благословляю въ настоящую минуту мой недостатокъ эрудиціи, такъ какъ, будь я ранѣе знакомъ съ разсужденіемъ Канта, моя работа потеряла бы весьма много въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я ясно понимаю также причину, по которой первая часть моего сочиненія не должна

[1]) Сочиненіе это появилось на нѣмецкомъ языкѣ въ 1784 г.

имѣть для нѣмецкихъ философовъ, какъ вы и пишете, большого значенія“ (очевидно, потому, что для Конта она близка по замыслу къ сочиненію Канта) [1]).

И у другихъ нѣмецкихъ философовъ Контъ ищетъ сходныхъ съ нимъ взглядовъ; такъ, въ томъ же письмѣ, благодаря д'Эйхталя за присылку ему выдержекъ изъ сочиненій и лекцій Гегеля, онъ пишетъ: „Я очень радъ, что познакомился съ нимъ, и жалѣю, что ваши выдержки не длиннѣе. Гегель несравненно ниже Канта; онъ кажется мнѣ еще черезчуръ метафизичнымъ; не нравится мнѣ его „духъ“, за которымъ онъ признаетъ такую странную роль, но, подобно вамъ, я считаю его умомъ положительнымъ, если не въ конструкціи основной мысли всей его доктрины, то въ ея подробностяхъ. Мнѣ кажется, что между Гегелемъ и мною много сходнаго, но я въ то же время не допускаю пока, подобно вамъ, общности нашихъ принциповъ“ [2]).

И о самомъ Сенъ-Симонѣ Контъ выражается почти одновременно или, вѣрнѣе, за два года до этого, слѣдующимъ образомъ: „Я ученикъ его; я вполнѣ усвоилъ себѣ философскую мысль Сенъ-Симона, что переустройство современнаго общества должно породить двоякаго рода труды въ области мышленія“... Контъ разумѣетъ, съ одной стороны, построеніе общей философіи наукъ, а съ другой—то, что Сенъ-Симонъ обнималъ понятіемъ политической системы, т.-е. на самомъ дѣлѣ общественной философіи. „Давно уже,—продолжаетъ онъ,—я обдумываю въ моемъ умѣ основныя идеи Сенъ-Симона (les idées mères) и занимаюсь исключительно систематизаціей, развитіемъ и усовершенствованіемъ той части общихъ очерковъ этого философа, которая касается новаго направленія наукъ“. Сенъ-Симона Контъ называетъ основателемъ той философской школы, къ которой онъ считаетъ за честь принадлежать [3]). Въ письмахъ къ Вала, которыя имѣютъ такое значеніе для опредѣленія хода развитія философской концепціи Конта, о Сенъ-Симонѣ говорится, какъ о превосходномъ человѣкѣ, имѣющемъ несомнѣнныя заслуги.

---

[1]) Auguste Comte et la philosophie positive par E. Littré. 2-me éd. 1864 г., стр. 156; у того же Littré можно найти и переводъ въ сокращеніи трактата Канта: „Идея всемірной исторіи съ точки зрѣнія человѣчества“, стр. 54—68.

[2]) Ibid., стр. 157.

[3]) См. третью тетрадь Catéchisme des industriels, озаглавленную Plan des travaux и вышедшую въ 1822 г.

Контъ вскорѣ послѣ своего знакомства съ Сенъ-Симономъ становится его секретаремъ, сперва на жалованьи, а затѣмъ, въ виду хроническаго безденежья своего друга, и даровымъ. Контъ пишетъ, что въ шесть мѣсяцевъ, благодаря тѣсному общенію съ такимъ мыслителемъ, какъ Сенъ-Симонъ, онъ подвинулся больше, чѣмъ могъ бы сдѣлать это трехлѣтней одинокой работой; совмѣстная дѣятельность расширила его способность сужденія въ вопросахъ политическихъ, увеличила сумму его представленій о всѣхъ другихъ наукахъ, раскрыла ему въ немъ самомъ способность философскаго мышленія, которой онъ не подозрѣвалъ. „Самъ Сенъ-Симонъ и нѣкоторые другіе публицисты,—прибавляетъ онъ, — „приходятъ въ восторгъ отъ моихъ обобщеній въ сферѣ философіи и обществовѣдѣнія“.

Только послѣ двухлѣтняго сотрудничества Контъ въ письмѣ къ Вала отъ 6 сентября 1820 года пишетъ: „Я укажу тебѣ въ точности то, что изъ появившихся въ журналѣ „Организаторъ“ писемъ принадлежитъ мнѣ, а что — Сенъ-Симону“, изъ чего слѣдуетъ, что въ это еще время онъ продолжалъ не подписывать своихъ статей. Два года спустя, въ 1822 г., въ предисловіи къ написанной имъ части „Катехизиса промышленниковъ“ Контъ объявляетъ себя по прежнему ученикомъ Сенъ-Симона.

Эта близость не устраняла однако между обоими существенныхъ различій. Намекъ на нихъ можно встрѣтить въ письмѣ, съ которымъ Контъ на 19-омъ году жизни обратился къ Сенъ-Симону, ища его знакомства. Они еще нагляднѣе выступятъ впослѣдствіи и въ томъ же направленіи. Сенъ-Симонъ придаетъ бо̀льшее значеніе перемѣнамъ въ экономическихъ порядкахъ и отводитъ бо̀льшую роль промышленникамъ въ предстоящемъ обновленіи общества, чѣмъ его ученикъ. Послѣдній думаетъ, что прежде всего надо положить конецъ умственной анархіи созданіемъ научной философіи, построенной въ свою очередь на іерархіи наукъ, и что руководящая роль въ дальнѣйшемъ прогрессѣ общества должна принадлежать не кому другому, какъ ученымъ, разумѣется, не спеціалистамъ, а наоборотъ, тѣмъ, кто обладаетъ универсальнымъ знаніемъ. Позднѣе, когда Сенъ-Симонъ вдастся въ религіозность и положитъ основаніе неохристіанству, Контъ открыто разорветъ всякія сношенія съ нимъ, а затѣмъ и съ его школой, принявшей еще болѣе религіозную окраску послѣ смерти учителя и подъ руководствомъ Базара и Анфантена. До насъ дошли прямыя заявленія Конта на этотъ счетъ. Весьма большое значеніе имѣетъ въ этомъ смыслѣ его письмо къ Мишелю Шевалье. „У меня были, — пишетъ ему Контъ, — очень

тѣсныя отношенія къ Сенъ-Симону, предшествующія во времени всѣмъ тѣмъ, какія могли возникнуть между нимъ и членами вашего общества". Контъ разумѣетъ секту Сенъ-Симонистовъ, имѣвшую своимъ органомъ газету „Globe". „Мое знакомство съ Сенъ-Симономъ прекратилось,—читаемъ мы далѣе въ этомъ письмѣ,—за два года до кончины этого философа, а слѣдовательно въ такое время, когда не заходило и рѣчи о Сенъ-Симонистахъ. Я долженъ поставить вамъ на видъ, что Сенъ-Симонъ тогда еще не принялъ „богословской окраски" (couleur théologique) и что нашъ разрывъ долженъ быть приписанъ отчасти тому, что я сталъ замѣчать въ немъ религіозную тенденцію, совершенно несогласную съ моимъ философскимъ направленіемъ". Въ другомъ мѣстѣ своего письма Контъ говоритъ: „Никогда, въ теченіе всей моей литературно-научной дѣятельности, я не отступалъ передъ открытымъ признаніемъ, что религіозное мышленіе, даже доведенное до самыхъ скромныхъ размѣровъ, является главнымъ препятствіемъ къ прогрессу разума и къ усовершенствованію общественной организаціи". „Тотъ научный путь, которымъ я пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ мыслить, дѣлаемыя мною усилія къ тому, чтобы обратить общественныя доктрины въ политическія науки, радикально и абсолютно расходятся,—прибавляетъ Контъ,—со всякой религіозной или метафизической тенденціей" [1]).

Эти заявленія со стороны человѣка, который на разстояніи немногихъ лѣтъ сдѣлаетъ попытку стать основателемъ новой религіи, религіи человѣчества, и даже сдѣлается ея верховнымъ жрецомъ, какъ нельзя лучше показываютъ, что въ годы, посвященные созданію положительной философіи и построенію соціологіи, Конту еще чужда была всякая религіозность.

За нѣсколько мѣсяцевъ до разрыва онъ начинаетъ тяготиться опекою Сенъ-Симона: онъ не желаетъ быть болѣе „литературнымъ батракомъ" (manoeuvre littéraire). Сенъ-Симона онъ подозрѣваетъ въ намѣреніи отсрочить появленіе въ свѣтъ его труда изъ страха быть превзойденнымъ; но онъ еще признаетъ за нимъ ту заслугу, что онъ содѣйствовалъ выбору имъ въ своихъ трудахъ философскаго направленія, „котораго,—пишетъ онъ,—я намѣренъ держаться и впредь" [2]).

Изъ всего сказаннаго нетрудно, кажется, сдѣлать тотъ выводъ,

---

[1]) См. неизданную переписку Конта, изд. 1903 г., первая серія, стр. 65, 66 и 69. Письма отъ 5 янв. 1832 года.

[2]) См. письма къ Вала, стр. 119.

что Сенъ-Симонъ, по собственному сознанію Конта, игралъ нѣкоторую роль въ выработкѣ его доктрины. Это заявленіе находитъ себѣ рѣшительное подтвержденіе въ самомъ анализѣ тѣхъ мыслей, какія брошены были въ обращеніе творцомъ соціализма до момента знакомства его съ Контомъ и въ періодъ ихъ совмѣстной работы. Правда, не все въ этихъ мысляхъ можетъ считаться оригинальнымъ. Самъ Сенъ-Симонъ говоритъ о томъ вліяніи, какое оказала на выработку его взглядовъ одна бесѣда съ докторомъ Бюрденъ. Съ другой стороны, немудрено усмотрѣть большую близость Сенъ-Симона къ Кондорсэ—обстоятельство, которое позволитъ Конту впослѣдствіи объявлять себя прямымъ ученикомъ одного послѣдняго.

Въ 1842 г. Контъ уже будетъ обвинять Сенъ-Симона въ томъ, что тотъ хотѣлъ направить его въ сторону безплодныхъ попытокъ политической дѣятельности, тогда какъ современное состояніе общества требуетъ прежде всего теоретическихъ работъ [1]), а въ 1853 г., печатая III томъ своей „Положительной политики [2]), онъ заявитъ, что обязанъ своими мыслями не Сенъ-Симону, уличаемому имъ „въ шарлатанствѣ и жонглерствѣ", а Кондорсэ—своему „духовному отцу".

Въ чемъ же, спрашивается, сходятся взгляды Конта съ ученіемъ Сенъ-Симона, и какими, въ частности, успѣхами обязана зарождающаяся соціологія родоначальнику современнаго соціализма? Алангри и Жоржъ Дюма сдѣлали за послѣднее время попытку показать, чѣмъ Контъ обязанъ Сенъ-Симону. Ихъ выводы существенно расходятся между собою въ томъ смыслѣ, что первый признаетъ большую самостоятельность въ выработкѣ Контомъ его доктрины, а второй видитъ всецѣло источникъ ея въ мысляхъ, высказанныхъ Сенъ-Симономъ; но оба въ одинаковой степени указываютъ на связь между ученіями послѣдняго и доктриною энциклопедистовъ вообще, Тюрго и Кондорсэ—въ частности. Изъ ихъ разбора оказывается, что и законъ трехъ стадій, и классификація наукъ въ порядкѣ ихъ умаляющейся общности и возрастающей сложности, и попытка построенія науки объ обществѣ съ помощью методовъ точнаго знанія, науки, обозначаемой терминомъ соціальной физики, встрѣчается уже у Сенъ-Симона. Но изъ этихъ трехъ основныхъ взглядовъ—первый въ зародышѣ высказанъ былъ и ранѣе — Тюрго; вторымъ Сенъ-Симонъ, по собственному признанію, обязанъ разговору съ докторомъ Бюрденъ; третій можетъ быть намѣченъ,—въ самыхъ, ра-

[1]) См. предисловіе къ VI т. „Курса положительной философіи".

[2]) См. Système de politique positive, III т., préface, стр. XVII.

зумѣется, общихъ чертахъ,—еще въ произведеніяхъ школы физіократовъ, въ частности—Кене, уже говорившаго о соціальной физикѣ. Всякая наука движется путемъ постепеннаго выясненія смутно сознаваемыхъ на первыхъ порахъ истинъ и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, если въ примѣненіи къ тремъ доктринамъ, на которыхъ въ значительной степени держится контова концепція философіи наукъ и соціологіи, можно указать на цѣлую филіацію идей, восходящихъ, по меньшей мѣрѣ, ко второй половинѣ XVIII вѣка; эти идеи сошлись, какъ въ общемъ фокусѣ, въ головѣ Сенъ-Симона, безпорядочно разбросаны имъ въ его многочисленныхъ брошюрахъ и не разъ развиваемы были въ длинныхъ бесѣдахъ съ учениками, въ числѣ которыхъ былъ и молодой Контъ. Послѣдній, хотя и не сходился во всемъ со своимъ учителемъ, захваченъ былъ научной стороной его взглядовъ. Онъ готовъ былъ поэтому называть себя ученикомъ Сенъ-Симона даже тогда, когда ему приходилось искать, если не новыхъ путей къ раскрытію истины, то, по крайней мѣрѣ, новой демонстраціи для доктрины, полнаго обоснованія которой Сенъ-Симонъ не могъ дать по недостатку научной подготовки.

Укажемъ бѣгло на то, что заключаютъ въ себѣ брошюры Сенъ-Симона, написанныя до или во время его сближенія съ Контомъ, по вопросу о классификаціи наукъ и о тѣхъ трехъ стадіяхъ, какія онѣ проходятъ, какъ и все вообще человѣческое мышленіе; мы остановимся затѣмъ болѣе подробно на анализѣ соціологическихъ воззрѣній Сенъ-Симона, насколько въ нихъ можно найти зародышъ будущаго построенія Контомъ абстрактной науки объ обществѣ.

Еще въ первомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1803 году, подъ заглавіемъ „Письма жителя Женевы“, Сенъ-Симонъ ставитъ себѣ задачей создать, взамѣнъ средневѣковой духовной власти, новую и вручить ее ученымъ и художникамъ. Сенъ-Симонъ предлагаетъ, чтобы по всей Европѣ открыты были выборы и каждому поручено было указать на трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ литераторовъ, трехъ живописцевъ и трехъ музыкантовъ. Пусть такіе выборы возобновляются изъ года въ годъ. Послѣдствіемъ будетъ образованіе своего рода совѣта изъ людей геніальныхъ, пользующихся громаднымъ признаніемъ. Ихъ руководительство умами, какъ людей совершенно независимыхъ отъ всякаго свѣтскаго начальства, сдѣлаетъ возможнымъ поступательное движеніе наукъ, искусствъ и цивилизаціи. Мы находимъ здѣсь въ зародышѣ одно изъ основныхъ ученій позитивизма объ отдѣленіи

духовнаго руководительства отъ свѣтскаго, а въ томъ чередованіи наукъ отъ математики до физіологіи включительно, о которомъ упоминается по поводу выбора ученыхъ въ верховный совѣтъ,—пять первыхъ звеньевъ той цѣпи, изъ которой слагается классификація абстрактнаго знанія по Конту. „Всѣ явленія природы, извѣстныя намъ,—пишетъ Сенъ-Симонъ [1]),—могутъ быть раздѣлены на явленія астрономическія, физическія, химическія и физіологическія". Для него физіологія вообще включаетъ въ себѣ физіологію индивидуальную, какъ физическую, такъ и психическую, и физіологію общественную, или соціальную физику; въ послѣднюю входитъ изученіе поступательнаго хода человѣческаго разума и указаніе его дальнѣйшихъ путей. Такимъ образомъ еще въ 1803 году физіологія для Сенъ-Симона содержала въ себѣ элементы, изъ которыхъ Контомъ построены будутъ, съ одной стороны, наука о жизни тѣла и духа, обнимаемая общимъ понятіемъ біологіи, съ другой, наука объ обществѣ,—понятіе, для выраженія котораго Контъ придумаетъ довольно неудобный, но вошедшій уже повсюду въ употребленіе терминъ „соціологіи",—терминъ, въ составъ котораго, рядомъ съ латинскимъ, входитъ и греческое слово. Замѣчательно также то, что Сенъ-Симонъ уже останавливается на той мысли, что и въ хронологическомъ порядкѣ науки слѣдовали одна за другой въ порядкѣ возрастающей сложности. Сперва даны были научныя объясненія болѣе простымъ явленіямъ, каковы астрономическія, затѣмъ болѣе сложнымъ, какъ химическія; отдѣльныя области знанія получили однѣ ранѣе, другія позже характеръ положительныхъ наукъ (sciences positives—Сенъ-Симонъ уже употребляетъ этотъ терминъ), смотря потому, въ какомъ отношеніи они стоятъ къ человѣку, въ далекомъ или близкомъ. Сперва образуются науки, дающія объясненіе явленіямъ болѣе или менѣе отдаленнымъ отъ людей, затѣмъ—прямо ихъ касающимся. Математика и астрономія развиваются поэтому ранѣе физіологіи [2]).

Другая мысль, также близко стоящая къ самымъ основамъ положительной философіи и которую въ зародышѣ можно встрѣтить еще въ „Письмахъ жителя Женевы",—это та, что объясненіе тѣхъ или другихъ явленій: астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и физіологическихъ, становится научнымъ только съ того момента, когда перестаетъ быть гадательнымъ (conjectural), что возможно лишь при разрывѣ съ богословскими и метафизическими толкова-

[1]) См. Lettres d'un habitant de Genève, т. I, стр. 36.

[2]) Ibid., I, стр. 38—39.

ніями. „Физіологія,—пишетъ Сенъ-Симонъ, понимая подъ ней, какъ мы видѣли, и біологію съ психологіей и соціологію, — находится еще въ наши дни въ томъ же состояніи, въ какомъ была астрономія въ эпоху астрологовъ и химія—въ эпоху алхимиковъ. Необходимо, чтобы физіологи удалили изъ своей среды философовъ-моралистовъ и метафизиковъ, какъ астрономы прогнали астрологовъ, а химики—алхимиковъ“ [1]).

Всѣ эти мысли найдутъ современемъ болѣе полное выраженіе въ другихъ брошюрахъ и статьяхъ Сенъ-Симона. Такъ, въ своемъ „Организаторѣ“ (IV, 137) онъ будетъ пророчествовать обращеніе философіи, морали и права, въ положительную науку, по мѣрѣ освобожденія ихъ отъ доктринъ богословскихъ и метафизическихъ и перехода къ методу наблюденія. Въ трактатѣ, озаглавленномъ „Мемуары о наукахъ, занимающихся человѣкомъ“ (Mémoires sur les sciences de l'homme, стр. 9), Сенъ-Симонъ болѣе обстоятельно разовьетъ ту мысль, что политическая наука не болѣе, какъ общественная физіологія, и потому часть той общей физіологіи, которая является у него послѣднимъ звеномъ въ построенной имъ цѣпи наукъ. Еще позднѣе, въ отрывкахъ изъ „Соціальной физіологіи“, онъ покажетъ, что эта послѣдняя наука изучаетъ индивидовъ, какъ отдѣльные органы общественнаго тѣла. Подобно тому, какъ физіологія человѣка знакомитъ насъ съ функціями его организма, физіологія общества раскрываетъ намъ функціи послѣдняго. „Общество,— прибавляетъ Сенъ-Симонъ, — не есть простое накопленіе живыхъ существъ, дѣйствія которыхъ независимы отъ конечной цѣли (de tout but final) и не опредѣляются ни чѣмъ инымъ, какъ личной волей каждаго; оно, наоборотъ, является настоящей машиной, организованной такимъ образомъ, чтобы всѣ части ея равно содѣйствовали ходу цѣлаго; соединеніе людей воедино образуетъ самостоятельное существо, развивающееся подобно индивиду“ [2]).

Можно сказать, слѣдовательно, что и уподобленіе общества организму, а общественныхъ явленій—его функціямъ,—уподобленіе, къ которому ранѣе Спенсера и въ менѣе буквальномъ смыслѣ, чѣмъ онъ, не разъ прибѣгаетъ и Контъ, встрѣчается еще у Сенъ-Симона; это вполнѣ отвѣчаетъ и его представленію объ обществовѣдѣніи, какъ о соціальной физіологіи. Сенъ-Симонъ готовитъ

[1]) Ibid., I, стр. 39—40.

[2]) La réunion des hommes constitue un véritable être. Physiologie sociale, т. X, стр. 179.

дорогу Конту и тогда, когда говоритъ о необходимости восполнить систему точныхъ наукъ включеніемъ въ число ихъ и только что указанной новой науки. „Немыслимо,—пишетъ онъ,—дальнѣйшее противуположеніе двухъ міровъ — духовнаго и физическаго; существуетъ только одинъ міръ явленій: общественное развитіе — продолженіе животнаго развитія. Примѣняя тотъ же методъ наблюденія въ обществовѣдѣніи, какому точныя науки обязаны своимъ созданіемъ, мы необходимо придемъ къ установленію законовъ и въ ихъ средѣ". Для индивидуальной физіологіи сдѣланы были уже серьезныя попытки открыть эти законы Викъ д'Азиромъ, Кабанисомъ и Биша; для общественной—Кондорсэ. Сенъ-Симонъ, очевидно, знакомъ съ „Картиной прогресса человѣческаго разума"; но онъ желалъ бы пойти дальше ея въ томъ же направленіи, придерживаясь при этомъ того же метода наблюденія, какому слѣдуютъ и другія части физики. Когда этимъ путемъ создана будетъ положительная наука о человѣкѣ, завершится энциклопедія знанія и удовлетворены будутъ естественные запросы человѣческаго ума на единство. На смѣну религій и метафизическихъ системъ явится научная или положительная философія и обученіе будетъ заканчиваться курсомъ ея. Терминъ положительная философія встрѣчается въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона еще въ 1812 г., слѣдовательно, задолго до его знакомства съ Контомъ [1]).

Если такимъ образомъ у Сенъ-Симона мы находимъ зародышъ контовой классификаціи наукъ, то у него же можно открыть въ эмбріональномъ видѣ и въ тѣсной связи съ мыслями, ранѣе выраженными Кондорсэ, и ученіе о трехъ стадіяхъ, чрезъ которыя необходимо проходитъ человѣческое мышленіе. Самъ Сенъ-Симонъ не скрываетъ того, что его натолкнула на эти мысли еще въ 1798 г. бесѣда съ докторомъ Бюрденъ. „Всѣ науки,—сказалъ ему Бюрденъ,— вначалѣ были гадательны (conjecturales) и въ концѣ-концовъ сдѣлались положительными. Астрономія была на первыхъ порахъ астрологіей, химія — алхиміей, физіологія — долгое время достояніе шарлатанства — опирается теперь на фактахъ, хорошо наблюденныхъ и подлежащихъ контролю. Психологія начинаетъ искать базиса въ физіологіи и освобождается отъ религіозныхъ предразсудковъ, на которыхъ первоначально опиралась. Науки были сперва гипотетическими (conjecturales) потому, что мало было на-

[1]) Ср. Allengry, Essai historique et critique sur la sociologie chez Auguste Comte, стр. 443.

блюденій, что тѣ, которыя имѣлись, не были достаточно анализированы и не находили обоснованія себѣ въ продолжительномъ опытѣ. Большинство наблюденій сводилось не столько къ дѣйствительнымъ, сколько къ предполагаемымъ фактамъ (конъектурамъ); науки должны сдѣлаться положительными, такъ какъ опытъ, ежедневно пріобрѣтаемый человѣческимъ разумомъ, доставилъ ему возможность дойти до познанія новыхъ фактовъ и болѣе правильно постичь природу тѣхъ, которые были наблюдаемы ранѣе, въ тѣ времена, когда люди еще не въ состояніи были ихъ анализировать. Такъ какъ астрономія— та изъ наукъ, которая разсматриваетъ факты въ ихъ наиболѣе простыхъ отношеніяхъ, то она должна была раньше другихъ пріобрѣсть характеръ положительный; химіи предстояло послѣдовать за нею во времени и предшествовать физіологіи, такъ какъ она разсматриваетъ болѣе сложныя отношенія, чѣмъ первая наука, и менѣе разнообразныя, чѣмъ вторая. Этихъ немногихъ словъ достаточно,—прибавлялъ Бюрденъ,—чтобы показать, что то, что должно было случиться, въ дѣйствительности и имѣло мѣсто. Важно знать причину, которая вызвала предшествовавшіе намъ во времени порядки, такъ какъ тѣмъ самымъ мы пріобрѣтемъ возможность открыть то, что послѣдуетъ въ будущемъ... Философія станетъ положительной наукой; она сдѣлается ею тогда, когда физіологія во всемъ своемъ объемѣ будетъ построена на фактахъ, подлежащихъ наблюденію. Не существуетъ явленія, которое бы не могло быть включено въ физику простыхъ тѣлъ или тѣлъ организованныхъ; эта же послѣдняя и есть физіологія“ [1]). Въ этихъ мысляхъ, высказанныхъ Бюрденомъ еще въ 1798 г., можно найти откликъ того, что всего ранѣе развито было Тюрго въ его „Исторіи прогресса человѣческаго разума“. Литтре первый указалъ на то, что для Тюрго религіозное мышленіе уже смѣняется, сперва метафизическимъ, а затѣмъ научнымъ. И дѣйствительно, немудрено найти въ словахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ, достаточное обоснованіе той мысли, которая и доселѣ является наименѣе спорнымъ закономъ соціологіи, — мысли о томъ, что умственное развитіе, и только умственное, управляется чередованіемъ откровенныхъ, конъектуральныхъ и основанныхъ на наблюденіи толкованій. „Прежде чѣмъ познать связь, существующую между физическими явленіями, естественно было предположить, — пишетъ Тюрго, — что они производятся разумными существами, невидимыми и подобными намъ;

[1]) См. мемуары Сенъ-Симона „Sur les sciences de l'homme“, стр. 21—24.

на кого другого могли бы они походить? Все, что совершалось безъ прямого участія людей, относимо было насчетъ божества. Страхъ или ожиданіе выгодъ побудили къ отправленію культа въ его честь; культъ же этотъ построенъ былъ по образцу тѣхъ почестей, какія отдаваемы были людямъ сильнымъ... Когда философы признали абсурдными всѣ эти сказки, не пріобрѣтши въ то же время правильныхъ знаній насчетъ природы и естественной исторіи, они вздумали объяснять причину явленій такими отвлеченными понятіями, какъ сущность или свойство. Понятія эти не заключали въ себѣ ничего реальнаго, но сущности признавали за своего рода живыя существа, за новыя божества, смѣнившія прежнія. Число свойствъ постепенно было размножено, такъ какъ пожелали дать объясненіе каждому явленію. Только много времени спустя и благодаря наблюденію надъ механическимъ воздѣйствіемъ, какое одни тѣла оказываютъ на другія, стало возможнымъ установить гипотезы иного порядка, которыя развиты были затѣмъ математически (т.-е. дедуктивно) и подверглись экспериментальной провѣркѣ“ [1]). Сопоставленіе двухъ только что приведенныхъ отрывковъ: одного, передающаго мысли Бюрдена, другого — взятаго изъ сочиненія Тюрго, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что законъ трехъ стадій, въ построеніи котораго нѣкоторое участіе, какъ мы сейчасъ укажемъ, принялъ и Сенъ-Симонъ, восходитъ еще къ XVIII столѣтію. Что же новаго прибавилъ Сенъ-Симонъ ранѣе Конта къ только что изложеннымъ мыслямъ? Въ общемъ немного, а именно указаніе на то, что до Сократа продолжался періодъ господства теократическаго мышленія, что̀ по существу невѣрно, такъ какъ уже у „греческихъ мудрецовъ“ мы находимъ замѣну божественнаго источника явленій дѣйствіемъ отдѣльныхъ элементовъ природы: воды, огня и т. д. Къ тому же надо прибавить, что употребляемая Сенъ-Симономъ терминологія для обозначенія различныхъ стадій въ развитіи человѣческаго разума нѣсколько отлична отъ той, какую мы встрѣтимъ у Конта; она менѣе опредѣленно передаетъ мысль, общую ему съ философами конца XVIII вѣка. Сенъ-Симонъ различаетъ періодъ гадательный (conjectural), наполовину гадательный, наполовину положительный и, наконецъ, позитивный, указывая тѣмъ, что еще въ эпоху господства метафизики часть явленій получала научное объясненіе. Вслѣдъ за Кондорсэ, Сенъ-Симонъ пытается дать очеркъ поступательнаго хода исторіи. Онъ показываетъ,

[1]) „Histoire du progrès de l'esprit humain“, p. 294.

какимъ образомъ человѣкъ, мало чѣмъ превосходящій высшія породы животныхъ своей физической организаціей, постепенно пріобрѣтаетъ то существенное отличіе отъ нихъ, какимъ надо считать языкъ. Его появленіе свидѣтельствуетъ о возникновеніи въ умѣ человѣка общихъ понятій, въ частности — понятія причины и слѣдствія, а также способности передавать эти понятія различными знаками. Съ этого момента и открывается религіозный или, какъ говоритъ Сенъ-Симонъ, гадательный періодъ въ исторіи мышленія. Первой формой религіи надо считать по Сенъ-Симону идолопоклонство (idolâtrie), которое у Конта замѣнено будетъ понятіемъ фетишизма, т.-е. одухотворенія предметовъ видимой природы, признанія общей съ человѣкомъ жизни и только большей мощи столько же за растеніями и животными, сколько за горами, рѣками и т. д. Сенъ-Симонъ опредѣляетъ природу этого періода въ развитіи вѣрованій, говоря, что человѣкъ приписываетъ въ это время видимыя причины всѣмъ явленіямъ и поклоняется имъ. Вторую ступень представляетъ переходъ отъ допущенія безконечнаго множества видимыхъ причинъ къ признанію небольшого числа невидимыхъ духовныхъ. Къ этому и сводится сущность многобожія, или политеизма. Наконецъ, третью ступень въ развитіи религіознаго мышленія составляетъ сведеніе всѣхъ причинъ къ одной невидимой и живой. Этотъ періодъ Сенъ-Симонъ называетъ деизмомъ; въ построеніи же Конта мѣсто деизма займетъ монотеизмъ, или единобожіе. Такимъ образомъ и у Сенъ-Симона, какъ впослѣдствіи у Конта, теологическій періодъ распадается на три подраздѣленія. За нимъ въ порядкѣ историческаго преемства слѣдуетъ метафизическій, по классификаціи Сенъ-Симона—наполовину гадательный, наполовину положительный. Отъ одной высшей причины, представляемой во образѣ живого существа (Бога), человѣкъ возвышается до признанія, что извѣстныя явленія, но далеко не всѣ, управляются законами. Въ такомъ пониманіи метафизическаго періода Сенъ-Симономъ нельзя не отмѣтить существеннаго отличія отъ точки зрѣнія Конта. Для него этотъ періодъ наполовину богословскій, для Конта—теократическія объясненія смѣняются указаніемъ на какія-то неподлежащія дальнѣйшему анализу силы и сущности, возводимыя на степень первопричинъ. Отмѣтимъ то совпаденіе въ точкѣ зрѣнія обоихъ писателей, что и тотъ и другой признаютъ за метафизикой значеніе разлагающаго элемента по отношенію къ теократическимъ системамъ. Въ этомъ лежитъ заслуга, оказанная ею положительному знанію, которое не могло бы раз-

виться безъ такого натиска на богословіе. Въ этомъ промежуточномъ, метафизическомъ періодѣ Сенъ-Симонъ, подобно Конту и ранѣе его, признаетъ выдающееся значеніе за юристами, вліяніе которыхъ сказывается въ переходѣ отъ непроизводительныхъ войнъ къ производительному миру. Такимъ образомъ Сенъ-Симонъ уже связываетъ съ развитіемъ метафизическаго мышленія упадокъ первоначальной воинственности и переходъ къ индустріализму. То же сдѣлаетъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и Контъ. Французская революція является по Сенъ-Симону послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи событій, которая ведетъ отъ милитаризма къ индустріализму. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться первой ступенью въ развитіи третьяго, или положительнаго періода въ исторіи человѣчества, она сохранила связь съ метафизикой; она не сумѣла перенесть изъ рукъ духовенства въ руки ученыхъ власть духовную, а изъ рукъ дворянства и военныхъ — въ руки средняго сословія власть свѣтскую; ей помѣшало сдѣлать это преобладаніе, какое удержали при ней метафизики и юристы. Сенъ-Симонъ въ своей „Индустріальной системѣ“, появившейся въ эпоху его сотрудничества съ Контомъ, проводитъ по отношенію къ юристамъ ту самую точку зрѣнія, съ какой мы встрѣтимся и въ „Курсѣ положительной философіи“. Онъ старается показать анти-индустріальный характеръ ихъ доктрины, развившейся на изученіи римскаго права и законодательныхъ памятниковъ Франціи стараго порядка. Немудрено поэтому, если взгляды юристовъ не отвѣчаютъ потребностямъ современныхъ обществъ; по необходимости привязанные къ прошлому, они въ то же время проникнуты духомъ критики и разрушенія, что̀ не мѣшаетъ имъ выдавать себя за строителей. Въ дѣйствительности они способны только дѣлать пристройки къ старому зданію, а не организовать общество на индустріальномъ фундаментѣ. Они довольствуются однимъ установленіемъ преградъ для защиты управляемыхъ противъ управителей, толкуютъ о возможно лучшемъ образѣ правленія, изъясняя этотъ вопросъ въ духѣ юриспруденціи и метафизики. „Вѣдь теорія правъ человѣка, лежащая въ основѣ всѣхъ ихъ трудовъ въ области политики, не болѣе, какъ приложеніе высшей метафизики къ высшей юриспруденціи“. Сенъ-Симонъ упрекаетъ юристовъ въ томъ, что они не поняли второстепеннаго значенія этого предмета, который имѣетъ гораздо меньшую важность, чѣмъ административная и индустріальная организація общества. Во всемъ этомъ, какъ мы увидимъ, Сенъ-Симонъ является прямымъ предшественникомъ Конта. Но гдѣ онъ расходится съ нимъ, это въ пониманіи высшихъ задачъ поло-

жительнаго періода въ исторіи мышленія, который, по его мнѣнію, долженъ свестись къ монизму, т.-е. объясненію всѣхъ явленій однимъ закономъ—закономъ притяженія [1]). Литтре показалъ всю недостаточность научной подготовки Сенъ-Симона и всю метафизичность нѣкоторыхъ изъ его основныхъ доктринъ. „Сенъ-Симонъ придерживался,—пишетъ онъ,—несчастной мысли, что законъ тяготѣнія можетъ служить основаніемъ для концепціи міра, для объясненія явленій физическихъ и химическихъ столько же, сколько біологическихъ и соціальныхъ“ [2]). Онъ отказался отъ такой мысли только послѣ сближенія съ Контомъ, который такимъ образомъ оказалъ существенное вліяніе на исправленіе нѣкоторыхъ его важнѣйшихъ точекъ зрѣнія. Но если въ пониманіи задачъ научнаго періода мышленія Контъ расходится съ Сенъ-Симономъ, то въ сужденіи о періодахъ теократическомъ и метафизическомъ онъ часто воспроизводитъ его основную схему, наполняя каждый разъ установленныя имъ рамки богатымъ содержаніемъ, плодомъ собственныхъ чтеній, болѣе непосредственнаго знакомства съ исторіей наукъ и развитіемъ общества.

§ 4.

Познакомившись такимъ образомъ въ общихъ чертахъ съ длиннымъ рядомъ прямыхъ предшественниковъ Конта, мы въ состояніи перейти въ настоящее время къ изученію его соціологической схемы въ процессѣ ея постепеннаго сложенія. О Контѣ можно сказать, что его послѣдующіе труды и въ частности „Курсъ положительной философіи“, на которомъ опирается его слава, были не болѣе, какъ выполненіемъ задачъ, возникшихъ въ ранней молодости въ его умѣ и отчасти нашедшихъ отвѣтъ себѣ въ статьяхъ, написанныхъ имъ въ то время, когда онъ работалъ въ тѣсномъ общеніи съ Сенъ-Симономъ [3]) и встрѣчался съ выдающимися его учениками, между прочимъ, съ извѣстнымъ историкомъ Огюстеномъ Тьерри.

Такъ, законъ трехъ стадій уже формулированъ Контомъ въ сочиненіи, появившемся въ 1822 г. и озаглавленномъ „Планъ научныхъ работъ, необходимыхъ для переустройства общества“. „Въ

[1]) См. Алангри, стр. 453—459.

[2]) См. Auguste Comte et la philosophie positive, стр. 75.

[3]) Самъ Контъ любилъ примѣнять къ себѣ слѣдующій афоризмъ: „Что составляетъ выдающееся существованіе, какъ не осуществленіе въ зрѣломъ возрастѣ мысли, задуманной въ юности“.

силу самой природы нашего разума, — пишетъ Контъ, — любая вѣтвь нашихъ познаній необходимо проходитъ въ своемъ развитіи три различныхъ періода: періодъ теологическій, или періодъ фикціи, періодъ метафизическій, или періодъ абстракціи, и періодъ научный, или періодъ положительный". Ту же мысль онъ положилъ въ основу всего своего „Курса положительной философіи", пріурочивая къ смѣнѣ періодовъ развитія наукъ, или абстрактнаго мышленія, соотвѣтственныя перемѣны въ экономическомъ, общественномъ и политическомъ укладѣ и даже въ эстетическихъ запросахъ человѣчества.

Новѣйшіе историки его соціологической схемы подробно остановились на изученіи поступательнаго хода его мысли въ этомъ отношеніи. Никто не сдѣлалъ этого полнѣе Алангри. Изъ его очерка видно, что занятіе политической экономіей, послѣ выхода изъ политехникума, впервые привлекло мысль Конта къ рѣшенію задачъ обществовѣдѣнія. Нельзя не отмѣтить того любопытнаго факта, что однохарактерныя занятія дали то же направленіе и мысли Спенсера, воспитанной первоначально, какъ и контова, на изученіи математики (въ частности механики).

Контъ знакомъ съ Адамомъ Смитомъ, съ физіократами, съ Жанъ-Батистомъ-Сэемъ. Онъ отнесется впослѣдствіи съ большою строгостью къ ихъ попыткѣ изолировать экономическія явленія отъ прочихъ общественныхъ и разсматривать проблематическія послѣдствія, какія вызываетъ господство въ человѣкѣ эгоистическихъ запросовъ, безъ всякаго отношенія къ тому, въ какой степени послѣдніе умѣряются альтруизмомъ. Но, критикуя экономистовъ, онъ въ то же время постоянно будетъ имѣть въ виду выдающееся значеніе, оказанное на развитіе человѣческихъ обществъ экономическими причинами. Ни въ одной части его „Курса" не выступаетъ такъ выпукло вліяніе этого фактора, какъ при изученіи причинъ и хода упадка феодальнаго общества, построеннаго на началахъ милитаризма и уступающаго мѣсто постепенно зарождающемуся индустріальному строю. Значительная часть V тома „Курса положительной философіи" посвящена изображенію отдѣльныхъ стадій этого развитія, которое, несомнѣнно, осталось бы непонятнымъ для Конта безъ серьезнаго знакомства по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми изъ экономистовъ-классиковъ. Что мысль о раскрытіи законовъ, управляющихъ жизнью общественнаго организма и его поступательнымъ ходомъ, зародилась одинаково у Конта и Спенсера подъ вліяніемъ непосредственнаго занятія политической экономіей, въ этомъ нѣтъ

ничего удивительнаго, такъ какъ изъ всѣхъ конкретныхъ дисциплинъ, посвящающихъ себя изслѣдованію такъ неудачно названныхъ „нравственныхъ и политическихъ наукъ“, одна экономика можетъ указать пока если не на законы, то на эмпирическія обобщенія въ родѣ тѣхъ, какими являются законъ раздѣленія труда или законъ спроса и предложенія. Первый, какъ показалъ еще Контъ, не болѣе, какъ частичное примѣненіе физическаго закона сбереженія энергіи, сбереженія, достигаемаго на этотъ разъ распредѣленіемъ общественныхъ функцій между различными органами; второй же можетъ быть сведенъ къ болѣе общему, механическому по своей природѣ, а именно закону направленія движенія въ сторону наименьшаго сопротивленія. Занимаясь экономикой, Контъ пишетъ Сенъ-Симону: „единственной разумной политикой можетъ быть та, которая опирается на политическую экономію. Послѣдняя еще не можетъ считаться наукой; ей недостаетъ для этого твердаго базиса. Она владѣетъ, правда, значительнымъ числомъ положительныхъ истинъ, но эти истины пока не болѣе, какъ результатъ отрывочныхъ наблюденій, способныхъ войти въ составъ скорѣе сборника, нежели системы. Дать политической экономіи болѣе научный и общій базисъ—лучшее, что можетъ быть сдѣлано для прогресса науки. Эта цѣль только кажется достигнутой предлагаемымъ нами основнымъ положеніемъ, что общество должно быть построено такимъ образомъ, чтобы обезпечить возможно большую успѣшность производству. Всѣ накопленныя истины въ области политической экономіи, какъ мнѣ кажется, могутъ быть приведены въ соотвѣтствіе съ этой прекрасной мыслью, благодаря чему открывается возможность найти настоящую почву для этой науки, строя ее на наблюденіяхъ надъ хозяйственными явленіями“ [1]).

Мы не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ въ эпоху сотрудничества съ Сенъ-Симономъ Контъ постепенно устанавливаетъ и ту классификацію наукъ, какую мы находимъ впослѣдствіи въ „Курсѣ положительной философіи“, и ту общую схему въ развитіи обществъ, которая ляжетъ въ основу его соціальной динамики. Достаточно сказать, что въ „Планѣ научныхъ работъ, необходимыхъ для переустройства общества“, уже установлены верховые столбы его общей схемы раздѣленія прошлой жизни человѣчества на нѣсколько эпохъ, располагаемыхъ въ порядкѣ умаляющейся роли фантазіи

[1]) Это письмо приведено въ сочиненіи Робинэ „Notices sur l'oeuvre et sur la vie d'Auguste Comte“, Paris, 1864.

и возрастающей роли науки; каждая изъ этихъ эпохъ содержитъ въ себѣ нѣсколько періодовъ, чередующихся въ томъ же направленіи. Такъ, теократическій періодъ распадается на періодъ фетишизма, или признанія жизни за различнѣйшими предметами внѣшней природы и ихъ обоготворенія, политеизма, или сведенія первопричинъ всего сущаго къ извѣстной суммѣ невидимыхъ существъ, обоготворяемыхъ и вступающихъ другъ съ другомъ въ іерархическія отношенія; наконецъ монотеизма, или единобожія, при которомъ всѣ первопричины сводятся къ одной, признаваемой жизненной силой и обоготворяемой. Понятно, что чѣмъ меньше число первопричинъ, вѣра въ которыя обязательна, тѣмъ большій просторъ открывается человѣческому мышленію для обнаруженія тѣхъ отношеній, въ какихъ стоятъ между собою отдѣльныя явленія міра и духа.

Немудрено поэтому, если ростъ положительнаго знанія идетъ у Конта рука объ руку съ переходомъ отъ фетишизма къ много-и единобожію, и если Контъ считаетъ возможнымъ отмѣтить два параллельныхъ теченія: разложеніе теократическаго міросозерцанія и постепенное образованіе научнаго, Леви Брюль въ своемъ недавнемъ очеркѣ „Философіи Огюста Конта“ справедливо замѣчаетъ, что Контъ понимаетъ метафизику далеко не въ обычномъ смыслѣ, т.-е. не въ смыслѣ науки, ставящей себѣ задачей изученіе сущностей предметовъ, науки, стремящейся отвѣтить на вопросъ о первыхъ принципахъ. Онъ разумѣетъ подъ нею особый методъ объясненія явленій, методъ широкихъ гипотезъ: такъ, допущеніе эѳира, какъ первопричины явленій физическихъ, въ частности явленій оптики и электричества, принятіе въ физіологіи гипотезы витализма, а въ психологіи—представленія о существованіи души, какъ отличной отъ тѣла [1]).

Метафизическое объясненіе явленій такимъ образомъ одной природы съ теологическимъ. Вся разница сводится къ замѣнѣ Божественнаго начала первопричиной, не носящей въ себѣ характера сверхчувственнаго, но столь же мало подлежащей опредѣленію опытомъ и наблюденіемъ. Въ метафизическій періодъ открывается еще большій просторъ для опредѣленія той связи между явленіями, къ обнаруженію которой сводится въ глазахъ Конта и, гораздо ранѣе его, въ глазахъ Монтескьё, дѣйствительная задача науки. Немудрено поэтому, если ростъ знаній идетъ возрастающей прогрессіей въ те-

[1]) „La Philosophie d'Auguste Comte“ par Levy Brühl, стр. 42.

ченіе всего метафизическаго періода, отвоевывая у гипотетическихъ толкованій природы вещей и отношеній все бо̀льшую и бо̀льшую площадь. Къ ней принадлежатъ прежде всего явленія наиболѣе общаго характера и всего далѣе стоящія отъ человѣка, его духовной и общественной жизни. Таковы явленія, изучаемыя математикой и астрономіей. Вотъ почему имъ обѣ основы были положены еще въ эпоху теократическаго мышленія, и самыя эти науки болѣе или менѣе сложились въ періодъ матафизическій. Болѣе поздняго происхожденія—научныя объясненія той внутренней трансформаціи, какую необходимо предполагаетъ всякій химическій процессъ. Этимъ надо объяснить сравнительно недавнее появленіе химіи на мѣсто алхиміи. Еще позже біологія, необходимо предполагающая болѣе раннее развитіе химіи, вступаетъ въ число положительныхъ наукъ, и въ ней наименѣе выработанной вѣтвью остается та, которая призвана объяснить связь психическихъ явленій съ структурой нашего мозга и всей нервной системы.

Въ наше время положительному знанію недостаетъ еще одной науки, которая, въ отличіе отъ біологіи, или науки о жизни, обозначается Контомъ сперва терминомъ соціальной физики, а затѣмъ соціологіи. Это наука объ обществѣ и его ростѣ. До момента ея установленія не можетъ быть рѣчи объ окончательной замѣнѣ періода спеціализаціи періодомъ универсальнаго знанія. Контъ допускаетъ поэтому два подраздѣленія положительной стадіи въ развитіи общества—періодъ спеціализаціи и періодъ универсализма; изъ нихъ послѣдній, въ его глазахъ, только начинается. Въ 1820 г., когда Контъ приступаетъ къ обнародованію этихъ мыслей въ серіи статей, напечатанныхъ въ издаваемомъ Сенъ-Симономъ сборникѣ „Организаторъ“, законъ трехъ стадій уже прилагается имъ къ толкованію не одного процесса умственнаго развитія человѣчества, но и смѣны въ общественной жизни народовъ двухъ противоположныхъ теченій: милитаризма и индустріализма, т.-е. тѣхъ самыхъ, на которыя указывалъ Сенъ-Симонъ, настаивая на постепенномъ вытѣсненіи перваго послѣднимъ. Контъ пойдетъ гораздо дальше этого въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ и сдѣлаетъ попытку связать съ неизбѣжной потерей почвы теократическими и метафизическими толкованіями и замѣной ихъ научными, трансформацію не только экономическаго и политическаго уклада, но и эстетическихъ вкусовъ и представленій. Чтобы иллюстрировать сказанное примѣромъ, я остановлюсь на развитіи имъ, положимъ, мысли о той связи, въ какой въ древнѣйшій періодъ религіознаго мышленія,

періодъ фетишизма, вѣрованія стоятъ съ экономикой, политикой и эстетикой. Контъ указываетъ, что фетишизмъ въ меньшей степени, чѣмъ политеизмъ, допускаетъ организацію жреческаго класса. Всѣ божества этого періода носятъ характеръ индивидуальный, и каждому божеству отводится мѣстопребываніе въ особомъ предметѣ, чего нѣтъ при политеизмѣ. Фетишизмъ поэтому поддерживаетъ первобытную разрозненность людей и заключаетъ въ себѣ меньшее число благопріятныхъ условій къ ихъ объединенію подъ общимъ руководительствомъ, подъ общей властью, духовной или свѣтской. Правда, нѣкоторые фетиши пріурочены къ отдѣльнымъ племенамъ и націямъ, но большинство — семейнаго и индивидуальнаго характера, а это обстоятельство мало содѣйствуетъ возникновенію общности идей и представленій. Такъ какъ фетишизмъ не заключаетъ въ себѣ условій благопріятныхъ образованію жреческаго сословія или касты, то тѣмъ самымъ онъ долженъ считаться препятствіемъ къ появленію группы людей, посвящающихъ себя спекулятивному мышленію. Соотвѣтственно культъ играетъ въ фетишизмѣ бо̀льшую роль, нежели вѣрованіе. Культъ носитъ еще домашній характеръ, отправляется отцомъ семейства, помимо чьего-либо вмѣшательства со стороны.

Однако и въ эпоху фетишизма уже зарождаются элементы будущаго жреческаго класса въ лицѣ всякихъ гадальщиковъ, кудесниковъ, фокусниковъ. Но для этого необходимо, чтобы фетишизмъ уже принялъ характеръ поклоненія созвѣздіямъ — достигъ высшей формы своего развитія, съ которой начинается переходъ его къ политеизму.

Небесныя свѣтила носятъ тотъ универсальный характеръ, который дѣлаетъ возможнымъ обращеніе ихъ въ общихъ фетишей цѣлыхъ племенъ и народовъ. Меньшая ихъ доступность вызвала необходимость созданія особыхъ посредниковъ между ними и людьми, которыми и являются жрецы. Контъ указываетъ связь фетишизма съ зарожденіемъ искусства, говоря, что философія, оживотворявшая всю природу, должна была содѣйствовать развитію фантазіи. Ограничившись этимъ общимъ замѣчаніемъ, онъ переходитъ затѣмъ къ развитію той мысли, что періоду фетишизма человѣчество обязано и зарожденіемъ хозяйственной дѣятельности. Ближайшимъ шагомъ къ ней было установленіе порождаемаго фетишизмомъ тѣснаго общенія людей съ животными, открытіе способа добывать огонь, позволившее сохраненіе пищи, и утилизація механическихъ силъ природы. Къ періоду фетишизма Контъ относитъ и изобрѣтеніе денегъ, сдѣлавшее возможнымъ развитіе обмѣна или торговли. Истреби-

тельный характеръ, какой носитъ въ это время охота, доставляющая главныя средства къ пропитанію, съ одной стороны, объясняетъ намъ причину исчезновенія цѣлыхъ породъ животныхъ, особенно крупныхъ, а съ другой — тотъ импульсъ къ соединенію, который вызывается необходимостью борьбы съ дикими звѣрями и содѣйствуетъ первоначальному образованію племенъ. Развитію производительной дѣятельности въ эпоху фетишизма должно было способствовать не мало преувеличенное представленіе человѣка о своихъ силахъ въ виду самаго незнакомства его съ неизмѣнными законами природы. Обыкновенно признаютъ, что періоду фетишизма неизвѣстно существованіе собственности, но Контъ указываетъ на обычай „табу“, т.-е. наложенія запретовъ на извѣстные предметы по религіознымъ мотивамъ, какъ на одно изъ средствъ установленія индивидуальной апропріаціи, и объясняетъ этимъ возникновеніе права собственности на одежду. Онъ развиваетъ далѣе тотъ взглядъ, что въ общей концепціи фетишизма не было ничего, препятствовавшаго зарожденію земледѣлія, которое, въ свою очередь, принесло съ собою первыя ограниченія милитаризма и содѣйствовало замѣнѣ бродячаго состоянія первыхъ людей осѣдлымъ.

Въ противность тѣмъ, кто, какъ Кондорсэ, указывалъ на возросшую густоту населенія, какъ на причину перехода къ земледѣлію, Контъ пытается обосновать тотъ взглядъ, что человѣчество предпочло бы обратиться къ насильственнымъ средствамъ, напримѣръ, къ дѣтоубійству, съ цѣлью уменьшенія числа жителей, чѣмъ отказаться отъ преимуществъ номаднаго состоянія, если бы въ самомъ обоготвореніи имъ земли, какъ фетиша, и предметовъ постояннаго обихода не заключалось условій, благопріятныхъ развитію привязанности къ родной почвѣ. Въ тѣхъ же религіозныхъ представленіяхъ фетишизма Контъ видитъ и причину перехода отъ первоначальнаго истребленія животныхъ къ ихъ сохраненію и тѣсному общенію съ ними, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не приносили вреда человѣку, что можно сказать о всѣхъ животныхъ, способныхъ къ доместикаціи.

Этотъ фактъ въ свою очередь долженъ былъ отразиться на смягченіи нравовъ, встрѣчающемъ долгое время препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что человѣкъ принадлежитъ къ числу плотоядныхъ животныхъ. Съ развитіемъ земледѣлія и осѣдлости охота становится спеціальнымъ занятіемъ только извѣстнаго числа лицъ, въ которыхъ не исчезло еще то кровожадное чувство, которое на первыхъ

порахъ было свойственно всѣмъ людямъ, живущимъ въ состояніи фетишизма [1]).

Вышесказанное иллюстрируетъ методъ Конта, указывая на преимущественное значеніе, придаваемое имъ при толкованіи генезиса общественныхъ явленій фактамъ психическимъ, въ частности, умственной дѣятельности. Ея развитіе вліяетъ смягчающимъ образомъ на нравы и создаетъ новыя потребности; такъ скотоводство и земледѣліе вызываются не ростомъ населенія, не истребленіемъ звѣрей въ охотничьихъ районахъ, а порождаемой фетишизмомъ связью людей съ животнымъ и растительнымъ царствомъ, что̀ и сказывается въ замѣнѣ прежняго истребленія доместикаціей, предполагающей постоянную заботливость о вскармливаньи и размноженіи тѣхъ, кого человѣкъ прежде изводилъ, а это въ свою очередь отражается и на измѣненіи прежняго характера дикаря, на подавленіи въ немъ кровожадныхъ инстинктовъ. Одухотвореніе всего сущаго, въ томъ числѣ предметовъ, съ которыми человѣкъ входитъ въ постоянное общеніе, порождаетъ ту привязанность къ родной почвѣ, которою будто вызывается и желаніе найти въ ея обработкѣ средство не разлучаться съ нею никогда, избрать ее мѣстожительствомъ, что̀, по Конту, и вызываетъ переходъ къ осѣдлости. Въ томъ же умственномъ складѣ ищетъ онъ объясненія и факту зарожденія эстетическихъ потребностей. Одухотворяя всѣ предметы, фетишизмъ тѣмъ самымъ открываетъ широкій полетъ фантазіи, что въ свою очередь вызываетъ первоначальное сложеніе сказокъ и былинъ съ зооморфическимъ характеромъ, т.-е. въ которыхъ звѣри являются героями, возникновеніе первыхъ зародышей живописи въ пещерныхъ изображеніяхъ тѣхъ или другихъ животныхъ и, прибавимъ отъ себя, тѣхъ подражательныхъ и ритмическихъ движеній, въ которыхъ можно видѣть первые проблески хореографическаго искусства, наконецъ, тѣхъ ритмическихъ заклинаній, съ которыми связано мистическое представленіе о возможности воздѣйствовать на размноженіе извѣстныхъ животныхъ и въ которыхъ, какъ показалъ недавно Комбарье, всего вѣроятнѣе искать зародышъ музыкальнаго искусства.

Уже изъ одной необходимости восполнять выводы Конта новѣйшими обобщеніями фольклористовъ, сравнительныхъ миѳологовъ

---

[1]) См. въ „Курсѣ положительной философіи“, т. V, гл. VII и передачу ея содержанія Риголажемъ въ томъ конспектѣ сочиненія Конта, какой онъ далъ въ своихъ двухъ томахъ; изъ нихъ послѣдній посвященъ передачѣ соціологіи, стр. 137—156.

и писателей по древнѣйшей исторіи культуры, можно сдѣлать двоякаго рода заключеніе: во-первыхъ, то, что его пониманіе древнѣйшаго періода религіозной мысли въ значительной степени является неполнымъ и, во-вторыхъ, что тѣмъ не менѣе высказанные имъ тезисы можно поддерживать новыми фактами и построенными на нихъ обобщеніями. Идея фетишизма, какъ древнѣйшаго религіознаго состоянія людей, принадлежитъ не Конту и не его прямымъ предшественникамъ, а де-Броссу. Она передаетъ только отчасти ту сумму религіозныхъ представленій, которыми орудовалъ человѣкъ на низшихъ ступеняхъ общественности; культъ предковъ, новидимому, не принимается въ расчетъ Контомъ; его универсальность установлена, однако, работою Тейлора, показавшаго, что въ сновидѣніяхъ и въ самомъ фактѣ отбрасыванія тѣломъ человѣка тѣни надо видѣть источникъ зарожденія того представленія о раздвоенности человѣческой природы и о возможности обособленія двухъ ея половинъ: физической и духовной, на которомъ опирается вѣра въ загробную жизнь и культъ предковъ. И этотъ послѣдній, подобно фетишизму, держится на началѣ одухотворенія всего видимаго и невидимаго, почему для обоихъ вѣрованій Тейлоромъ предложено болѣе родовое понятіе анимизма. Каковы были древнѣйшія формы его, еще остается открытымъ вопросомъ, какъ открытымъ надо считать и вопросъ о первоначальномъ его источникѣ, которымъ Лэнгъ, напримѣръ, не прочь считать явленія, довольно близко отвѣчающія нашимъ понятіямъ о гипнозѣ и экстатическомъ состояніи. Въ какомъ порядкѣ чередовались тѣ или другія формы анимизма, также остается предметомъ гаданія. Весьма правдоподобными кажутся предположенія Маннгарта, а за нимъ Фрэзера, что человѣкъ обратился къ культу растеній, въ частности, лѣсовъ и деревьевъ, и культу дикихъ звѣрей ранѣе, чѣмъ къ культу предметовъ, связанныхъ съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, и что такимъ образомъ матеріальныя условія его быта повліяли и на эволюцію его вѣрованій.

Весьма вѣроятно также, что культъ предковъ развился сравнительно позже, съ момента перехода къ осѣдлости, что въ немъ мужскіе родственники только постепенно вытѣснили женскихъ, такъ называемыхъ „роженицъ“ нашихъ древнихъ литературныхъ памятниковъ, что на этотъ разъ сказалось вліяніе не матеріальныхъ условій, а общественнаго уклада на измѣненіе религіозныхъ воззрѣній. Современные изслѣдователи все болѣе и болѣе выдвигаютъ ту роль, какую въ исторіи начальныхъ вѣрованій пришлось сыграть такъ называемому „тотемизму“, тѣсно связанному съ культомъ пред-

метовъ видимой природы, и образованію первыхъ болѣе или менѣе обширныхъ людскихъ сообществъ, изъ которыхъ современемъ развились материнскіе, а затѣмъ отеческіе роды. Тотемизмъ — терминъ, заимствованный у краснокожихъ — передаетъ собою ихъ представленіе о происхожденіи той или другой человѣческой группы отъ того или другого растенія или животнаго, доставлявшаго имъ на первыхъ порахъ важнѣйшія средства пропитанія, но затѣмъ сдѣлавшагося въ интересахъ его дальнѣйшаго сохраненія запретнымъ для нихъ. Изъ этого правила допускается, впрочемъ, исключеніе для извѣстныхъ дней въ году, когда въ матеріальномъ общеніи съ тотемомъ, въ его воспріятіи въ формѣ пищи, дикари считаютъ возможнымъ возобновлять свою связь съ почитаемымъ ими животнымъ или растительнымъ патрономъ. Такъ какъ съ принадлежностью къ одному и тому же тотему связано представленіе о родствѣ и брачные запреты, то немудрено понять то значеніе, какое тотемизмъ могъ оказать и на реформу соціальнаго строя. Нѣкоторые новѣйшіе миѳологи связываютъ съ нимъ самый фактъ доместикаціи животныхъ и искусственнаго размноженія полезныхъ растеній, являющагося въ свою очередь источникомъ земледѣлія. Заботливое отношеніе къ увеличенію числа особей того растительнаго или животнаго вида, съ которымъ связано понятіе о тотемѣ, необходимо вызываетъ мысль о его сохраненіи и разведеніи, а въ этой мысли уже скрывается зародышъ скотоводства и сельско-хозяйственной культуры.

Говоря обо всѣхъ этихъ недавнихъ и все еще гипотетическихъ теоріяхъ, я не прочь лишній разъ подчеркнуть осторожность Конта, выдержанность его основной точки зрѣнія; такъ, напримѣръ, настаивая на взаимодѣйствіи такихъ причинъ, какъ ростъ идей и плотность населенія, онъ все же даетъ первенствующее значеніе первому. Писатели XVIII вѣка, какъ озабоченные прежде всего торжествомъ освободительнаго движенія, не прочь были все сводить къ политикѣ, какъ къ первопричинѣ. Такъ Монтескьё утверждалъ, что производительность почвы зависитъ не столько отъ ея плодородія, сколько отъ свободы воздѣлывателей. Писатели второй половины XIX столѣтія, будучи захвачены соціальнымъ движеніемъ, также односторонне сводятъ нерѣдко всѣ общественные факторы къ одному экономическому. Концепція Конта несравненно шире. Онъ слѣдитъ постоянно за взаимодѣйствіемъ умственнаго развитія съ экономическимъ, общественнымъ, политическимъ и эстетическимъ, признавая въ то же время, что ближайшій импульсъ къ трансформаціи обществъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ даетъ накопленіе опыта и наблюденій,

т.-е. въ концѣ-концовъ знаній. Если тотемизму дѣйствительно суждено было сыграть ту выдающуюся роль въ развитіи раннихъ формъ общественности, о которой говорятъ современные миѳологи и фольклористы, то она представится намъ вполнѣ отвѣчающей основной точкѣ зрѣнія Конта на воздѣйствіе теоретической мысли на житейскую практику и общественную структуру.

Соглашаясь съ этимъ руководящимъ положеніемъ Конта, мы въ то же время не можемъ не отмѣтить недостаточности того матеріала, на которомъ онъ строитъ свои обобщенія. Ему, повидимому, осталось неизвѣстнымъ сочиненіе Лафито „О нравахъ американскихъ дикарей“, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ отмѣтилъ бы фактъ существованія, рядомъ съ патріархальными обществами, и матріархальныхъ.

Эта неполнота фактическаго матеріала, положеннаго Контомъ въ основу его обобщеній, невыгодно выступаетъ и при характеристикѣ имъ дальнѣйшихъ періодовъ въ развитіи человѣчества. Можно сказать, что эпоха политеизма характеризуется Контомъ почти исключительно чертами египетской, въ особенности же, греческой и римской культуры. Объясняется это, разумѣется, весьма несовершенной еще постановкой въ его время исторіи Передней Азіи; о разборѣ клинообразныхъ надписей тогда не было и помина. Тогда ничего не знали еще о томъ, какъ на почвѣ туранской культуры Аккадійцевъ насаждена была семитическая древняго Вавилона и Ассиріи, воздѣйствіе которыхъ не только на евреевъ, но и на египтянъ и персовъ въ настоящее время стоитъ внѣ спора. Открытія надписей, сдѣланныя обоими Шампольонами въ области средняго и нижняго теченія Нила и начатый ими разборъ іероглифовъ, внезапно обогатили наши свѣдѣнія о странѣ фараоновъ и вызвали вполнѣ понятную попытку представить ее колыбелью всей культуры, не исключая и греческой. Предпринятая Кольбрукомъ анкета по древне-индусской гражданственности мало обратила на себя вниманіе творца соціологіи; его представленіе о кастахъ болѣе отвѣчаетъ тому, какое можно составить себѣ на основаніи близкаго знакомства скорѣе съ египетскимъ строемъ, нежели съ индусскимъ; въ послѣднемъ вліяніе расовыхъ различій сказывается съ большей силой и устраняетъ возможность пріуроченія кастъ къ одному раздѣленію труда.

Преимущественное значеніе, какое Контъ придаетъ фактамъ изъ греческой и римской жизни для иллюстраціи всего поступательнаго хода человѣчества, объясняется представленіемъ, общимъ ему съ Кондорсэ, о томъ, что въ каждую эпоху тотъ или другой народъ не-

сетъ впереди всѣхъ знамя культуры, опережая другихъ и служа имъ предметомъ подражанія. Такимъ народомъ въ древности для Конта были греки, и такими въ новое время онъ считаетъ народы латинской расы, въ особенности, французовъ. Такое упрощеніе задачи не позволяетъ намъ говорить объ употребленіи Контомъ въ строгомъ смыслѣ слова сравнительно-историческаго метода, при которомъ отдѣльные народы призываются своими сходными чертами доставлять матеріалъ къ выясненію существенныхъ особенностей каждой стадіи развитія общества. Методъ Конта—главнымъ образомъ методъ историческій; онъ слѣдитъ за эволюціей народовъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи, и только изрѣдка останавливается на тѣхъ, которые представляются ему отсталыми, и то лишь для того, чтобы констатировать самый фактъ ихъ отсталости. Въ новой исторіи его интересуютъ поэтому только народы запада Европы, міръ западный, какъ онъ его называетъ,—обстоятельство, благодаря которому и предпринятый имъ журналъ носитъ названіе „Западнаго Обозрѣнія“—„Revue Occidentale“.

§ 5.

На выполненіи Контомъ различныхъ сторонъ поставленной имъ задачи одинаково сказалась и его спеціальная подготовка въ области точныхъ наукъ, и вліяніе сравнительно недавней еще реформы, внесенной въ естествознаніе Биша, впервые заговорившаго о біологіи, или наукѣ о жизни, и зародышное еще состояніе той исторіи поступательнаго хода человѣчества, общіе контуры которой однако были уже начертаны Кондорсэ. Изъ всѣхъ сторонъ, принимаемыхъ Контомъ въ расчетъ при изученіи прогресса обществъ, всего обстоятельнѣе представленъ въ „Курсѣ положительной философіи“ поступательный ростъ абстрактныхъ наукъ: математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и тѣхъ зачатковъ обществовѣдѣнія, какіе можно отмѣтить еще у Аристотеля, Гоббса, Монтескьё, Кондорсэ и Жозефа де-Местра. При этомъ Конту удается провести въ деталяхъ, общее ему съ Тюрго, Бюрденомъ и Сенъ-Симономъ, положеніе, что науки, имѣющія дѣло съ явленіями наиболѣе общаго характера и всего дальше стоящими отъ человѣка, формируются и развиваются всего ранѣе и что ростъ положительнаго знанія становится тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сложнѣе изучаемыя явленія и чѣмъ ближе стоятъ они къ человѣку. Другими словами, классификація наукъ, предложенная Контомъ въ начальныхъ гла-

вахъ его „Курса“, находитъ себѣ историческое оправданіе въ его соціологіи.

Политическая исторія въ томъ пониманіи ея общаго хода, какое даетъ намъ Контъ, отражаетъ на себѣ вліяніе тѣхъ новыхъ задачъ, какія поставила себѣ исторіографія со временъ Юма въ Англіи, Нибура въ Германіи и той зарождающейся школы великихъ французскихъ исторіографовъ первой половины XIX столѣтія, въ числѣ которыхъ едва ли не наиболѣе выдающимся былъ такой же, какъ Контъ, ученикъ Сенъ-Симона—Огюстенъ Тьерри, авторъ „Исторіи средняго сословія во Франціи“. Указанное мною направленіе уже отодвинуло на задній планъ исторію династій, войнъ и международныхъ договоровъ; оно сосредоточило свое вниманіе на внутреннихъ трансформаціяхъ обществъ, на ростѣ ихъ національнаго и политическаго уклада. Это—та сторона, которая всего болѣе интересуетъ и Конта; онъ слѣдитъ за тѣмъ, въ какой мѣрѣ проводится отдѣльными народами древности и новаго міра сліяніе или наоборотъ обособленіе обѣихъ властей—свѣтской и духовной. Въ этомъ вопросѣ рѣшающее вліяніе оказываетъ на него де-Местръ своей книгой „о Папѣ“. Ему Контъ обязанъ одной изъ основныхъ сторонъ своего столько же историческаго міросозерцанія, сколько и политическаго *credo*,—признаніемъ двоевластія и независимости свѣтскаго и духовнаго начала необходимымъ условіемъ прочнаго политическаго уклада, одинаково благопріятнымъ порядку и свободѣ, сохраненію добытыхъ уже благъ культуры и ея дальнѣйшему развитію. Этотъ идеалъ достигнутъ былъ въ средніе вѣка, въ періодъ монотеизма, послѣдній изъ тѣхъ, на которые распадается эпоха господства теологическаго міросозерцанія. Папство стояло въ это время на высотѣ современнаго ему теократическаго мышленія и воплощало въ себѣ духовное руководительство христіанскимъ обществомъ, тогда какъ свѣтская власть сосредоточивалось въ рукахъ императора и подчиненныхъ ему въ іерархическомъ порядкѣ королей, герцоговъ, князей и другихъ второстепенныхъ главъ феодальной системы. Жозефомъ де-Местромъ вполнѣ оцѣнено міровое значеніе, какое въ созданіи политическаго уклада не той или другой націи или расы, но всего передового человѣчества, имѣло духовное господство папы надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ и его независимость отъ свѣтскихъ владыкъ. Контъ настолько проникся уваженіемъ къ извѣстному трактату де-Местра „о Папѣ“, что въ его перепискѣ не разъ заходитъ рѣчь о томъ, какъ, при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ современныхъ ему воззрѣній, онъ охотно выбиралъ критеріемъ отно-

шеніе ихъ авторовъ къ политической схемѣ де-Местра. О Контѣ не разъ было высказываемо то мнѣніе, что созданная имъ въ старости религія человѣчества, съ ея обнимающей весь западный міръ церковной организаціей и даже съ зародышами культа, есть не болѣе, какъ лишенный догматовъ католицизмъ. Такое заявленіе справедливо только въ томъ смыслѣ, что и въ періодъ господства научной философіи Контъ не представляетъ себѣ возможности прочнаго политическаго порядка безъ того, чтобы руководительство не было раздѣлено между свѣтской и духовной властью. Послѣдняя должна давать такое же направленіе умамъ и сердцамъ людей, какое ихъ поступкамъ даетъ свѣтское правительство. Руководительство духовное ввѣряется не спеціалистамъ въ наукѣ, а людямъ, стоящимъ на высотѣ научнаго пониманія, людямъ, способнымъ обнять цѣпь тѣхъ законовъ, къ которымъ сводится вся сумма положительнаго знанія, способнымъ въ то же время преслѣдовать осуществленіе нравственныхъ идеаловъ, возникшихъ на почвѣ этого знанія и отвѣчающихъ задачамъ порядка и поступательнаго хода обществъ. Во главѣ всѣхъ этихъ лицъ стоитъ одинъ человѣкъ, воплощающій въ себѣ всю сумму этихъ научныхъ и нравственныхъ запросовъ и соотвѣтствующихъ имъ рѣшеній, изъ которыхъ и слагается позитивная доктрина. Это мѣсто Контъ сохранялъ за собою, какъ вѣками ранѣе авторъ „Солнечнаго града“ Кампанелла въ своихъ рукахъ думалъ сосредоточить все духовное управленіе, если не міромъ, то создаваемой имъ республикой въ Абруццахъ. Можно не соглашаться съ необходимостью такого свѣтскаго папства и въ то же время признавать правильность исходной мысли, на которой оно построено.

Мысль эта сводится къ тому, что научное знаніе въ своемъ поступательномъ ходѣ слѣдуетъ извѣстному порядку. Новыя открытія и изобрѣтенія примыкаютъ къ прежнимъ и обусловливаются ими. Выражаясь словами Тарда, слѣдуетъ сказать, что для каждаго изъ нихъ необходима встрѣча въ умѣ, способномъ къ обобщеніямъ, двухъ или нѣсколькихъ уже установленныхъ истинъ, а если такъ, то можно судить, какая потеря времени происходитъ оттого, что каждый ученый спеціалистъ ищетъ самъ своей дороги и, не познакомившись съ тѣми выводами, на которыхъ остановился ростъ смежныхъ съ его спеціальностью наукъ, пускается въ тѣ или другія изслѣдованія, подсказываемыя ему его фантазіей.

Послѣдствіемъ такого порядка является то, что̀ Контъ разумѣлъ подъ названіемъ „умственной анархіи“; чтобы положить ко-

нецъ ей, онъ желалъ бы общаго руководительства во имя той научной фисософіи, которой онъ выступилъ послѣднимъ по времени и наиболѣе полнымъ систематизаторомъ. Но анархія, овладѣвшая умами, сказывается въ области не однѣхъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ; она выступаетъ еще съ большей силой въ неорганизованномъ до Конта обществовѣдѣніи. Здѣсь несдерживаемый полетъ индивидуальной фантазіи грозитъ не одной теоретической ошибкой, но и общественными бѣдствіями, временной пріостановкой поступательнаго движенія.

Такой исходъ неизбѣженъ въ томъ случаѣ, когда индивидуальная доктрина, построенная на недостаточныхъ наблюденіяхъ и страдающая отсутствіемъ дедуктивной провѣрки, отправляющейся отъ анализа человѣческой природы, тѣми или другими своими сторонами настолько овладѣваетъ массами, что становится для нихъ знаменемъ борьбы. Въ виду возможности ежечаснаго наступленія такой опасности, руководительство въ области обществовѣдѣнія казалось Конту еще болѣе существеннымъ, чѣмъ въ сферѣ наукъ, занимающихся изученіемъ природы и жизни. Прошло три четверти столѣтія съ того времени, когда впервые высказаны были эти мысли, и онѣ доселѣ не потеряли своего значенія. Каждый изъ насъ на собственномъ опытѣ могъ убѣдиться въ томъ, какъ часто несовершенны и безплодны научныя изслѣдованія, предпринимаемыя вразсыпную. Успѣхъ всѣхъ тѣхъ работъ, которыя производятся во всякаго рода профессорскихъ семинаріяхъ, лабораторіяхъ, клиникахъ и т. д., несомнѣнно зависитъ главнымъ образомъ отъ общаго руководительства ими со стороны человѣка съ болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, обусловленнымъ въ свою очередь энциклопедизмомъ его знаній. Эти свойства не позволяютъ ему ставить своимъ ученикамъ задачи, которыя въ данный моментъ являются еще неразрѣшимыми, а только тѣ, которыя поставлены на очередь всѣмъ предшествующимъ ходомъ наукъ. Новыя рѣшенія цѣпляются за старыя, раскрывая дальнѣйшіе законы природы и общественности, законы, необходимо вытекающіе изъ суммы ранѣе установленныхъ. Кому неизвѣстно, что разъ сдѣланное открытіе въ той или другой области знанія привлекаетъ къ ней рядъ работниковъ, очевидно руководствующихся той мыслью, что въ тѣсной связи съ недавно найденымъ закономъ должны стоять многія, еще невыясненныя истины. Какъ устроить то руководительство, о которомъ мечталъ Контъ,—это другой вопросъ. Жизнь указываетъ на рѣшеніе, нѣсколько отличное отъ предложеннаго имъ, выдвигая роль

ученыхъ обществъ и академій, а рядомъ съ ними журналовъ и газетъ, въ созданіи научныхъ теченій и такъ называемаго общественнаго мнѣнія; несомнѣннымъ остается только одно, что такое руководительство умами представляетъ своего рода власть, и что эта власть отлична отъ той, какую принимаетъ на себя правительство. Тѣ или другіе вопросы текущей политики рѣшаются въ однѣхъ странахъ компромиссомъ интересовъ, въ другихъ—волею начальства, но и тамъ, и здѣсь, ихъ нельзя признать выраженіемъ истины, а только средствомъ, придуманнымъ для того, чтобы удовлетворить запросу возможно бо́льшаго числа жителей, ихъ чувствамъ и желаніямъ. Самыя же эти чувства и желанія воспитываются подъ вліяніемъ той проповѣди научныхъ истинъ и ихъ практическихъ приложеній, которая выпадаетъ въ удѣлъ духовному руководительству людей. Въ обособленіи свѣтской и духовной власти, какъ необходимомъ условіи поступательнаго хода обществъ, лежитъ такимъ образомъ глубокая истина; она можетъ быть доказываема и a contrario ссылкой на тѣ порядки, какіе существуютъ всюду, гдѣ мы встрѣчаемся съ цезаризмомъ въ церкви, или съ теократіей. Стоитъ вспомнить судьбу Галилея, принужденнаго отречься въ интересахъ самосохраненія отъ открытаго имъ закона вращенія земли вокругъ солнца, и то систематическое преслѣдованіе демократическихъ доктринъ въ области церковнаго и политическаго устройства, которое составляетъ печальную сторону возникшаго вмѣстѣ съ абсолютизмомъ Тюдоровъ англиканства. Но нужно ли настаивать долго на этой мысли намъ, русскимъ, испытавшимъ на себѣ самихъ всѣ невыгодныя послѣдствія сліянія въ однѣхъ рукахъ церковнаго и свѣтскаго руководительства?

При построеніи соціологіи Контъ только намѣчаетъ то направленіе, въ какомъ должно совершиться въ его глазахъ дальнѣйшее развитіе политической власти. Оно сказывается прежде всего въ уже упомянутомъ обособленіи духовнаго и свѣтскаго правительства, въ организаціи перваго по образцу, близкому къ средневѣковой церкви, а второго—по типу республиканской диктатуры. Контъ—противникъ конституціонной монархіи, которая кажется ему поворотомъ къ прошлому. „Монархіи,—говоритъ онъ,—настоящей у насъ, французовъ, не было со временъ революціи. Англійскій образецъ, которому слѣдовала въ большей или меньшей степени въ его время вся Европа, ненавистенъ ему, какъ попытка привлечь къ власти два отживающихъ элемента—монархію и феодальную аристократію, т.-е. дворянство. Онъ настолько является послѣдователемъ Сенъ-Симона, что не считаетъ возможнымъ ввѣрить интересы народа въ

другія руки, помимо народнаго же избранника-диктатора, но онъ въ то же время слишкомъ склоненъ видѣть въ политикѣ примѣненіе законовъ соціологіи, чтобы признать за большинствомъ самой даже народной камеры въ мірѣ право установлять нормы, регулирующія общественный и политическій строй государства.

Очень многое для характеристики политическаго идеала Конта даетъ, на ряду съ его позднѣйшими трудами, и частная переписка съ нѣкоторыми послѣдователями доктрины позитивизма. Насколько позволяетъ это общая задача настоящаго очерка, я постараюсь использовать эту переписку съ цѣлью точнѣе опредѣлить то примѣненіе, какое Контъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ своей доктрины къ рѣшенію современныхъ ему вопросовъ политики. Передъ нами лежатъ письма Конта къ разнымъ лицамъ, болѣе или менѣе готовымъ признать его духовное руководительство. 22 ноября 1849 года онъ пишетъ депутату Віельяру: „Мы—два старыхъ республиканца, одинаково чуждые личному честолюбію и озабоченные тѣмъ, чтобы направить революцію къ тому возрожденію общества, которое является единственно желательнымъ для нея исходомъ. Вы не менѣе меня понимаете, какое значеніе имѣетъ серьезное воспитаніе народнаго разсудка; оно одно можетъ предохранить массы отъ фокусниковъ и утопистовъ. Въ январѣ 1831 г. вы присутствовали при открытіи мною свободнаго курса научной философіи. Вы знаете, что еще тогда я приглашалъ руководящіе классы общества воспользоваться тѣмъ временнымъ перерывомъ, какой послѣ революціи 30 августа обнаружился въ быстромъ чередованіи пароксизмовъ революціонной горячки. Я говорилъ имъ, что, поощряя здравое воспитаніе пролетаріевъ и содѣйствуя распространенію духа положительной философіи въ сферѣ политики, они могутъ умѣрить и сократить продолжительность этихъ пароксизмовъ. Если бы моими совѣтами пренебрегли въ меньшей степени, современное положеніе не было бы столь труднымъ. Въ настоящую минуту мы находимся въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ 31 году, но положеніе значительно серьезнѣе. Благодаря безповоротному упроченію республики, народъ нашъ получилъ легальное признаніе принципа, къ которому въ то время онъ только стремился. Этотъ принципъ заставляетъ служить всѣ общественныя силы общей пользѣ и прежде всего пользѣ массы пролетаріевъ. Современное противорѣчіе между этимъ нравственнымъ началомъ и политическимъ поведеніемъ не можетъ быть продолжительнымъ. Въ противномъ случаѣ установленный принципъ

уступилъ бы мѣсто попятному движенію въ пользу монархіи, что мнѣ кажется практически неосуществимымъ и неспособнымъ повести за собою другихъ послѣдствій, кромѣ новыхъ и еще болѣе сильныхъ замѣшательствъ. Необходимо поэтому вывести ближайшимъ образомъ всѣ послѣдствія изъ разъ установленнаго начала, сдѣлать это по крайней мѣрѣ настолько, насколько дозволяетъ нынѣшняя умственная и нравственная анархія. Вы не можете отрицать, что современные республиканскіе порядки обнаруживаютъ сильную тенденцію къ соціальной революціи. Она можетъ протечь бурно или спокойно, въ зависимости отъ того, какимъ образомъ будетъ подготовлена и направлена. Всякій истинно государственный человѣкъ, руководимый здравой исторической теоріей,—теоріей, указывающей ему, въ какомъ порядкѣ должны чередоваться событія, необходимо станетъ стремиться къ тому, чтобы умѣрить по возможности предстоящее столкновеніе, а для этого ему надо препятствовать успѣху разрушительныхъ утопій и опровергнуть ихъ. Съ этой точки зрѣнія я громко выставляю требованіе не только терпимости, но и должнаго уваженія, а также полезнаго поощренія моему философскому жречеству, польза котораго уже доказана опытомъ,—жречеству, которое я одинъ могу нести. Посвящая себя трудной задачѣ поддержанія матеріальнаго порядка, свѣтская власть поставлена въ необходимость оставлять безъ вниманія умственную и нравственную неурядицу, противъ которой она безсильна, тѣмъ болѣе, что многіе основные принципы, лежащіе въ основѣ этой неурядицы, возведены на степень революціонныхъ догматовъ и, какъ таковые, открыто признаются правительствами. Въ этомъ фальшивомъ положеніи власть должна бы радоваться тому, что испытанный философъ готовъ открыто сдѣлать попытку дисциплинировать наиболѣе мятежные умы и сердца, не дѣлая имъ никакой анархической уступки. Вамъ извѣстно, что таковъ былъ всегда смыслъ и таковы результаты моихъ продолжительныхъ усилій. Представители оффиціальной науки не могутъ напасть на революціонное теченіе, не обнаруживъ своего собственнаго безсилія, такъ какъ они готовы остановить его съ помощью тѣхъ богословскихъ принциповъ, упадокъ которыхъ и сдѣлался первоисточникомъ современнаго кризиса. Наоборотъ, позитивизмъ обращается только къ умамъ, совершенно освободившимся отъ всякой вѣры въ сверхчувственное, къ умамъ, эмансипація которыхъ вызываетъ представленіе объ ихъ неспособности подчиняться какой бы то ни было дисциплинѣ. Этимъ-то умамъ „соціологическая“ религія, т.-е. религія человѣ-

чества, одна способна доставить здравыя общественныя представленія о порядкѣ, собственности и семьѣ, дать имъ по всѣмъ этимъ вопросамъ болѣе прочныя рѣшенія, чѣмъ тѣ, какія установлены были откровенными религіями. Противъ знамени уравнителей, или нивелляторовъ, мы одни въ состояніи выставить знамя строителей. Ни одинъ изъ мнимыхъ консерваторовъ не можетъ логически и съ успѣхомъ опровергнуть разрушительныхъ утопій, не прибѣгая къ содѣйствію матеріальной репрессіи, которая можетъ только усилить нравственное разстройство [1]).

Еще ранѣе, 18 декабря 1848 г., Контъ пишетъ г. де-Тулузъ, судьѣ въ Либурнѣ: „Я убѣжденъ, что позитивизмъ не замедлитъ быть призванъ на помощь порядку, какъ единственная доктрина, способная выдержать грозный натискъ всемірной анархіи, которая все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать въ нашей средѣ“ [2]).

Въ другомъ письмѣ къ тому же Тулузу отъ 31 марта 1849 г. Контъ болѣе опредѣленно излагаетъ основныя положенія своей политической доктрины. „Правительственная дѣятельность,—говоритъ онъ,—слагается изъ двухъ комбинированныхъ усилій: одно толкаетъ впередъ, другое задерживаетъ. Буржуазія, думающая управлять, въ дѣйствительности только задерживаетъ; толкаетъ впередъ и руководитъ движеніемъ, хотя безпорядочно, одинъ народъ; когда онъ дѣйствительно чего-нибудь хочетъ, ему уступаютъ охотно, разъ онъ берется обезпечить порядокъ. Мы не получимъ настоящаго правительства до тѣхъ поръ, пока этотъ натискъ народа не станетъ явленіемъ преобладающимъ и систематичнымъ. До тѣхъ поръ мы принуждены будемъ довольствоваться безплодною и некрасивою борьбою партій. Монархія какъ неограниченная, такъ и конституціонная, навсегда погибли. Послѣдняя — этотъ иноземный придатокъ къ нашимъ старымъ порядкамъ, послѣ трехъ неудачныхъ опытовъ, можетъ считаться навсегда осужденной. Это не значитъ, однако, чтобы центральная власть не могла быть монократической и пожизненной. Такую форму ея я считаю возможной подъ условіемъ, чтобы она придерживалась дѣйствительно народнаго направленія и чтобы духъ ея былъ прогрессивенъ. Всякое же реакціонное единовластіе немыслимо и способно только вызвать страшные безпорядки, оправдывая всякія анархическія движенія. Вмѣсто того, чтобы уди-

[1]) См. „Correspondance inédite d'Auguste Comte“, III-me série, 1904, page 171 et suiv.

[2]) Ibid., p. 62.

вляться торжеству республики въ прошломъ году, мы должны были бы съ исторической точки зрѣнія недоумѣвать, какъ она не установилась раньше. Вѣдь она была въ сферѣ возможностей еще въ 1830 г., какъ я имѣлъ случай говорить объ этомъ въ то время; но тогда она была подавлена вожаками буржуазіи въ виду тѣхъ анархическихъ опасеній, какія вызывали въ обществѣ ея сторонники". Прежде народъ, по словамъ Конта, только помогалъ буржуазіи въ ниспроверженіи издавна установившейся власти; теперь, и особенно съ іюльскихъ дней, онъ весьма опредѣленно обнаруживаетъ рѣшимость взять на себя руководительство творческой, положительной стороной революціи и продолжить ее въ собственныхъ интересахъ. Буржуазіи предстоитъ дать свою санкцію такой политикѣ, разъ она въ состояніи будетъ примирить порядокъ съ прогрессомъ; вѣдь всѣ предположенныя буржуазіей рѣшенія окончательно признаны несостоятельными. Контъ считаетъ анахронизмомъ возстановленіе Имперіи и думаетъ о созданіи въ ближайшемъ будущемъ республиканской диктатуры въ формѣ тріумвирата [1]). Позднѣе, 17 сентября 1849 г., отвѣчая на письмо Тулуза, онъ не скрываетъ того, что обѣ революціи, 30 и 48 г., „не отвѣчавшія,—пишетъ онъ,—его запросамъ, ни умственнымъ, ни сердечнымъ, нашли въ немъ, старомъ республиканцѣ, готовность только признать ихъ, а не содѣйствовать прямо ихъ успѣху; но приближается, — говоритъ онъ,—новая революція, которая приметъ положительный характеръ и позволитъ установить окончательный порядокъ устройства человѣчества. Коммунизмъ, — утверждаетъ онъ, продолжая развивать ту же мысль, — подавленъ въ центрѣ западнаго міра; его лучшіе представители перебрались въ Америку и тамъ кристаллизировались (намекъ на Кабэ съ его „Икаріей"); но повидимому незамѣтное воздѣйствіе, произведенное коммунизмомъ на старинную республиканскую доктрину, обратило ее въ соціализмъ, который у пролетаріевъ, его истинныхъ представителей, является положительной интерпретаціей республиканскаго принципа, — принципа, требующаго, чтобы наши силы шли на служеніе человѣчеству. Для этого теченія, доселѣ не получившаго настоящаго направленія и потому разрушительнаго, необходима опредѣленная доктрина; при этомъ условіи оно возродитъ все человѣчество; но такой именно доктриной и является позитивизмъ. Онъ въ настоящее время можетъ быть названъ систематизированнымъ соціализмомъ. Еслибъ не эмпиризмъ и себялюбіе пра-

[1]) Ibid., p. 73 et suiv.

вящихъ классовъ, предстоящая революція во Франціи могла бы покрайней мѣрѣ быть мирной; но при ихъ наличности дѣло не обойдется безъ новыхъ и тяжкихъ потрясеній“ [1]). Контъ все яснѣе и яснѣе сознаетъ бездну, отдѣляющую его пониманіе задачъ будущей революціи отъ того, какому слѣдуютъ крайнія партіи, эти, какъ онъ говоритъ, презрѣнные анархисты (misérables anarchistes). Подъ именемъ „красныхъ“ они являются важнѣйшимъ препятствіемъ къ поступательному ходу Запада, и одни даютъ нѣкоторое оправданіе ретроградамъ [2]).

Въ „Курсѣ положительной политики“, прочитанномъ Контомъ въ теченіе зимы 1850 — 51 гг., особое мѣсто отведено развитію той мысли, что порядокъ останется реакціоннымъ, пока прогрессъ не порветъ съ анархіей. „Аудиторія, — пишетъ Контъ, — проникласъ убѣжденіемъ, что не настанетъ прочнаго порядка, пока его созданіе не будетъ поручено позитивистамъ, которые одни рѣшаются высказываться открыто противъ анархическихъ догматовъ во имя самой революціи“. „Я, — пишетъ Контъ, — охарактеризовалъ народное самодержавіе словами „возстаніе живыхъ противъ мертвыхъ“, равенство признано мною безнравственной ложью, а всеобщее голосованіе — общественной болѣзнью. Всѣ эти слова встрѣчены были дружными аплодисментами 200 или 300 революціонеровъ, которые ни отъ кого бы не потерпѣли подобныхъ выраженій, кромѣ меня. Десять лѣтъ я предсказываю, что позитивизмъ будетъ призванъ къ защитѣ порядка, и мое пророчество начинаетъ сбываться“ [3]). Какъ рисуетъ себѣ Контъ условія, при которыхъ революціонная диктатура могла бы послужить къ упроченію порядка, видно изъ его письма къ Тулузу отъ 9 августа 1851 г.

Въ длинномъ рядѣ неудачныхъ попытокъ упрочить революціонное правительство онъ находитъ только одну, отвѣчающую его идеалу. Это — революціонное правительство Конвента, созданное Дантономъ; оно выродилось благодаря Робеспьеру, пожелавшему вернуть человѣчество къ культу верховнаго существа. „Еще въ 1830 г., — говоритъ Контъ, — я заявлялъ, что порядокъ не будетъ установленъ прочно во Франціи, пока правительство не перейдетъ въ руки пролетаріевъ“ [4]).

---

[1]) Ibid., pp. 83—85.
[2]) Письмо отъ 22 апрѣля 1851-го г., стр. 100.
[3]) Ibid., стр. 101, письмо отъ 22 апр. 1851 г.
[4]) Ibid., стр. 107—108.

Подъ анархическими теоріями, съ которыми Контъ считаетъ необходимымъ сразиться, онъ разумѣетъ прежде всего прудоновскій индивидуализмъ, какъ это ясно слѣдуетъ изъ одного мѣста его письма къ Тулузу отъ 26 августа 1852 г.: „Человѣчество,—пишетъ онъ,—это всемірная родина, призванная объединить по крайней мѣрѣ въ будущемъ всѣхъ обитателей планеты. Это — совокупность всѣхъ способныхъ къ ассимиляціи, всѣхъ какъ живущихъ поколѣній, такъ и сошедшихъ со сцены, такъ, наконецъ, и грядущихъ; къ нему не принадлежатъ развѣ Нероны, Робеспьеры и Бонапарты,—однимъ словомъ, всѣ тѣ, кто нарушаетъ своими дѣйствіями человѣческую гармонію; индивидъ самъ по себѣ не существуетъ, представляя только абстракцію, правда, необходимую. Если бы вы имѣли случай заняться размышленіями біологическаго характера, вамъ немудрено было бы убѣдиться, что то же имѣетъ мѣсто во всемъ животномъ царствѣ, особенно же на высшихъ его ступеняхъ, гдѣ біологическую единицу составляетъ порода, а не индивидъ; послѣдній же только часть, реально неразлучная съ породой и непонятная безъ нея. Да и среди людей существованіе семьи, какъ соціальной ячейки, свидѣтельствуетъ о томъ же. Во всѣхъ аристократическимъ родахъ, въ которыхъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, удержалось почитаніе предковъ, всякій привыкаетъ сердцемъ и умомъ относиться къ домашней средѣ въ ея прошломъ и будущемъ, какъ къ единицѣ, очевидно лишенной всякой искусственности. Человѣчество является такой всемірной семьею; оно стало бы ею, если бы люди были въ достаточной степени братьями, но этого нѣтъ еще въ дѣйствительности; вотъ почему отечество пока наполняетъ собой тотъ громадный интервалъ, который иначе остался бы незанятымъ между этими двумя крайними группами къ немалому ущербу для нашего сердца и ума. Основу современной анархіи составляетъ отрицаніе этихъ соціальныхъ круговъ, какъ реальныхъ организмовъ. Ни у кого этотъ индивидуализмъ не выступаетъ съ большей силой, чѣмъ у Прудона, „котораго и надо считать воплощеніемъ современной анархіи“ [1]).

Въ „Субъективномъ катехизисѣ“ Контъ, прилагая свою доктрину къ оцѣнкѣ современныхъ ему событій и направляя ее какъ противъ парламентскаго строя,—какъ не только антифранцузскаго, но и антиевропейскаго,—такъ и противъ всякихъ попытокъ возстановленія имперіи въ лицѣ Бонапарта (или будущаго императора

[1]) Ibid., письмо отъ 26 авг. 1852 г., стр. 115.

Наполеона III), желалъ бы видѣть снова республиканскую диктатуру въ рукахъ такого республиканца, какъ Кавеньякъ. При ней избирательная камера не имѣла бы даже законодательныхъ функцій, а одно лишь право вотированія бюджета. „Вѣдь это единственная служба, которая дѣйствительно подобаетъ ей въ *нашей республикѣ*“,—восклицаетъ онъ [1]). Можно судить, насколько установленіе второй имперіи съ ея явно ретроградным направленіемъ обмануло ожиданія Конта. Для него это — непоправимая ошибка, такъ какъ имперія стремится приблизиться къ монархіи, сдѣлавшейся символомъ попятнаго движенія. „За послѣднія шестьдесятъ лѣтъ,—говоритъ Контъ,—мы въ дѣйствительности всегда были республикой, какое бы имя ни носилъ правитель и какія бы оффиціальныя галлюцинаціи его имя ни вызывало. Сдѣлавъ опытъ республиканской диктатуры, Наполеонъ III не долженъ былъ повернуть въ сторону монархіи“. Для его императорской власти Контъ не знаетъ другого имени, какъ „мамамушизмъ“; слово это заимствовано имъ изъ извѣстной комедіи Мольера. Онъ объясняетъ себѣ, однако, успѣхъ новаго, какъ онъ выражается—18 Брюмера, т.-е. декабрьскаго переворота, тѣмъ страхомъ, какой напустили красные, убѣдивъ всѣхъ своимъ поведеніемъ, что республика, обезпечивая прогрессъ, колеблетъ порядокъ. Только тогда, когда у пролетаріевъ явится опредѣленная и отвѣчающая требованіямъ порядка программа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и люди, способные достойнымъ образомъ взять на себя руководительство ими,—только тогда можно будетъ думать о дѣйствительномъ упроченіи республики во Франціи. Пока же это не воспослѣдуетъ, Контъ считаетъ преждевременными всякія попытки создать ее за предѣлами Франціи, между прочимъ въ Италіи; всякое несвоевременное ея провозглашеніе было бы рутиннымъ и дѣтскимъ подражаніемъ, способнымъ только воспрепятствовать возрожденію европейскаго Запада [2]).

Увѣренность въ томъ, что, вопреки упроченію имперіи, торжество руководимой позитивистами органической революціи не за горами, заставляетъ Конта въ обращеніи къ другому изъ своихъ корреспондентовъ, де-Лину, банкиру въ Эпернэ, писать въ 1853 году, что раньше конца этого года онъ предвидитъ новый насильственный кризисъ, который перенесетъ диктатуру въ руки Кавеньяка и позволитъ позитивистамъ принять руководительство республикой. „Крас-

[1]) Ibid., стр. 119.

[2]) См. письмо къ Benedetto Profumo отъ 8 авг. 1851 г.

ные,—пишетъ онъ по этому случаю,—та изъ современныхъ партій, которая всего болѣе заслуживаетъ презрѣнія и ненависти; они ничего не выиграютъ отъ этого новаго кризиса, а, наоборотъ, будутъ имъ дискредитированы, благодаря дурному употребленію, какое они сдѣлаютъ изъ дарованной имъ амнистіи; спустя нѣсколько мѣсяцевъ новый диктаторъ отошлетъ этихъ неизлѣчимо больныхъ въ Лондонъ и Брюссель, и тогда-то для позитивизма явится возможность дать генеральное сраженіе коммунизму. Ему нечего опасаться представителей его доктринъ въ городахъ, такъ какъ лучшіе изъ коммунистовъ (Контъ имѣетъ въ виду Барбеса) не прочь подчиниться вліянію позитивизма. Болѣе опасны коммунисты сельскіе, которые не думаютъ ни о чемъ иномъ, какъ о все новыхъ и новыхъ передѣлахъ, тогда какъ рабочіе, наоборотъ, видятъ необходимость концентраціи капитала. Сельскіе коммунисты несомнѣнно подпадутъ подъ руководительство худшихъ изъ всѣхъ интеллигентовъ—сельскихъ учителей, болѣе враждебныхъ позитивизму, чѣмъ приходскіе священники. Но противодѣйствіе селъ только доставитъ позитивизму новую возможность подчеркнуть свою роль защитника порядка, семьи и собственности, которыхъ никто, кромѣ его, не въ состояніи охранить отъ тѣхъ разрушительныхъ софизмовъ, противъ которыхъ безсильна сама католическая проповѣдь“ [1]). Еще позднѣе, когда, повидимому, не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что имперія пуститъ корни во Франціи, Контъ продолжаетъ высказывать увѣренность въ наступающемъ торжествѣ позитивной политики. „Мы скоро будемъ,—пишетъ онъ,—единственными истинными республиканцами, готовыми ниспровергнуть, не противорѣча нашимъ принципамъ, то позорное исчадіе народнаго верховенства, какимъ является Имперія“ [2]).

Но по мѣрѣ того, какъ осуществленіе его надеждъ все болѣе и болѣе отодвигалось въ отдаленное будущее, Контъ пристращался къ полемикѣ съ партіями, враждебными сохраненію общественнаго порядка. Отсюда несомнѣнный консерватизмъ, какой стала пріобрѣтать его доктрина, отсюда частые его призывы ко всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, принявшіе въ 1855 г. форму особаго воззванія къ нимъ [3]), отсюда же посылка имъ его „Положительной политики“ тому,

[1]) „Correspondance inédite d'Auguste Comte“, première série, pp. 241—243.

[2]) Ibid., pp. 246—247.

[3]) См. „Appel aux conservateurs par le fondateur du Positivisme“. Paris, août, 1855.

кого онъ считалъ главою охраняющей порядокъ свѣтской власти, императору Николаю I. Изъ переписки Конта слѣдуетъ, что онъ ждалъ и не дождался его отвѣта. Надо сказать однако, что съ этимъ послѣднимъ актомъ въ біографіи Конта совпадаетъ и посылка имъ письма Барбесу — одному изъ главъ французскаго коммунизма, готовому, какъ казалось автору „Положительной философіи", принять основные догматы его доктрины. Контъ такимъ образомъ продолжалъ служить попрежнему своей излюбленной мысли примиренія порядка съ прогрессомъ, проповѣдуя консерваторамъ необходимость стать во главѣ поступательнаго хода общества, а революціонерамъ — порвать съ одностороннимъ преслѣдованіемъ задачъ разрушенія всего существующаго строя и приступить къ положительной работѣ въ духѣ позитивизма. Мы воздержимся отъ дальнѣйшей характеристики политическихъ взглядовъ Конта въ послѣдній періодъ его жизни. Намъ необходимо было только указать на ту тенденцію, въ какой продолжала развиваться его мысль, чтобы для читателя стало ясно, къ какимъ послѣдствіямъ должно было повести на практикѣ то ученіе о примиреніи порядка съ прогрессомъ, отъ котораго Контъ отправляется въ своемъ „Курсѣ положительной философіи" при опредѣленіи самой природы явленій, подлежащихъ изученію соціологіи.

Критикуя въ 40-ой лекціи своего „Курса" метафизическія ученія въ области политики и считая ихъ систематическимъ препятствіемъ ко всякой дѣйствительной реорганизаціи общества [1]), Контъ останавливается, между прочимъ, на разборѣ основныхъ положеній той доктрины, которая со временъ Руссо пользуется почти безграничнымъ признаніемъ,—доктрины народнаго самодержавія. Это ученіе, какъ я старался показать въ другомъ мѣстѣ, еще задолго до революціи было приведено въ искусственное соотношеніе съ ученіемъ о естественныхъ, т.-е. прирожденныхъ, правахъ человѣка на свободу самоопредѣленія—ученіе, источникъ котораго можно возвесть къ англійскимъ уравнителямъ XVII в., и которое нашло въ философіи Локка своего представителя задолго до появленія „Декларацiи правъ человѣка и гражданина". Контъ старается провести тотъ взглядъ, что общественный порядокъ немыслимъ въ томъ случаѣ, если каждому будетъ предоставлено право возбуждать ежедневно вопросъ о самыхъ основахъ общежитія, и что поэтому безграничная терпимость, или, иначе, безграничная свобода совѣсти, недопустима. Такое положеніе

[1]) Philosophie positive, v. IV, p. 53.

стоитъ въ прямой связи съ той мыслью, на которой построено все зданіе соціологіи, какъ науки о законахъ, управляющихъ общежитіемъ. Если такіе законы существуютъ, то по отношенію къ нимъ такъ же мало мыслима свобода выбора, какъ и по отношенію къ законамъ физики, химіи или біологіи. Контъ поэтому относится сочувственно къ тому принципу католической церкви, который гласитъ: въ существенныхъ вопросахъ — единство взглядовъ, въ несущественныхъ и спорныхъ — свобода [1]). Другой политическій догматъ, подвергаемый имъ сомнѣнію, это вѣра въ прирожденное равенство людей. Контъ доказываетъ, что люди въ правѣ только требовать равнаго уваженія къ ихъ человѣческому достоинству, но что равенства физическихъ и психическихъ свойствъ не существуетъ въ дѣйствительности. Нельзя поэтому признать за всѣми людьми равныхъ правъ, за исключеніемъ одного — свободнаго развитія личной дѣятельности, но подъ чужимъ руководительствомъ. Общественный прогрессъ вмѣсто того, чтобы приближать насъ къ химерическому равенству, только развиваетъ тѣ основныя различія [2]), какія представляютъ наши умственныя и нравственныя способности.

Отрицанію Контъ подвергаетъ и догматъ народнаго суверенитета, который для него является послѣдствіемъ перенесенія принципа свободы совѣсти изъ сферы интеллектуальной въ сферу политическую. Какъ критерій несостоятельности стараго порядка, опирающагося на признаніи божескаго источника власти, ученіе о народномъ суверенитетѣ, несомнѣнно, оказало существенную услугу. Содѣйствуя паденію стараго порядка, оно въ то же время сдѣлало возможными рядъ политическихъ опытовъ, которые въ противномъ случаѣ были бы немыслимы. Но никакой прочный общественный порядокъ не можетъ установиться при допущеніи, что народная воля всегда права, тогда какъ существуютъ въ дѣйствительности незыблемые законы общественности.

Не допускаетъ Контъ и ученія о естественномъ состояніи, не только какъ о предшествующемъ во времени государственному, но и какъ о такомъ, которое должно считаться заключающимъ въ себѣ нормальныя условія всякаго общественнаго порядка; въ противность Руссо онъ думаетъ, что поворотъ къ естественному состоянію былъ бы равносиленъ попятному движенію, и вѣрно указываетъ самый источникъ ученія о первоначальномъ счастьи людей въ естественномъ состояніи въ богословскомъ ученіи о раѣ и первородномъ грѣхѣ.

---

[1]) In necessariis — unitas, in dubiis — libertas.

[2]) Cours de philosophie positive, v. IV, pp. 55—64.

И естественная религія не находитъ защиты въ глазахъ Конта, хотя бы уже потому, что кладетъ въ основу общественнаго порядка богословскій принципъ. Такимъ образомъ Контъ постепенно приходитъ къ тому общему выводу, что революціонная доктрина не отвѣчаетъ научному пониманію природы человѣка и общества и враждебна соглашенію порядка съ прогрессомъ. Послѣдствіемъ ея торжества было бы продолженіе той умственной анархіи, отъ которой страдаетъ современное человѣчество [1]).

Мы не будемъ долѣе настаивать на политическихъ воззрѣніяхъ Конта и на критикѣ имъ господствовавшей въ его время революціонной доктрины. Сказаннаго на этотъ счетъ вполнѣ достаточно для нашей цѣли. Оно позволяетъ читателю понять причину, по которой, при изображеніи будущаго человѣчества, Контъ рисуетъ себѣ порядки, рѣзко отличные отъ тѣхъ, при которыхъ народы болѣе или менѣе свободны отъ всякаго руководительства и роль государства сведена къ одному обезпеченію безопасности и правосудія, а церковь является добровольнымъ и легко расторгаемымъ союзомъ послѣдователей того или другого вѣроисповѣданія. Наоборотъ, Контъ желаетъ усиленія правительственной власти, одинаково духовной и свѣтской, какъ той, которая даетъ направленіе научному мышленію и заботится о согласіи частнаго поведенія съ требованіями общественнаго благополучія, къ чему въ концѣ-концовъ и сводится положительная нравственность, такъ и той, которая завѣдуетъ матеріальными интересами общества. Воздерживаясь еще отъ тѣхъ построеній, къ какимъ онъ обратится въ своемъ трактатѣ „О позитивной политикѣ“, довольствуясь поэтому указаніемъ одного лишь общаго направленія, въ какомъ должна будетъ происходить ближайшая эволюція человѣчества, Контъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своего „Курса положительной философіи“ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свою общую точку зрѣнія: „Ходъ событій за послѣдніе полвѣка показываетъ, что требованія порядка и свободы не могутъ найти осуществленія себѣ иначе, какъ подъ условіемъ истиннаго переустройства общества, а между тѣмъ общій ходъ политики попрежнему сбивается то въ сторону революціи, то въ сторону реакціи. Съ одной стороны, не представляютъ себѣ порядка иначе, какъ по старому правительственному шаблону, а съ другой—анархическая тенденція довольствуется чисто отрицательною стороною прогресса; факты же убѣждаютъ въ безсиліи обѣихъ тенденцій. Свѣтская диктатура стараго порядка,

[1]) Ibid., до стр. 116.

пришедшая въ упадокъ благодаря разложенію центральной власти, признаетъ себя неспособной руководить переустройствомъ духовнаго правительства и довольствуется однимъ охраненіемъ матеріальнаго порядка; что же касается до руководительства умственнаго и нравственнаго, то оно ввѣрено враждующимъ между собою философскимъ системамъ. Новыя общественныя силы, развиваясь разрозненно другъ отъ друга, указываютъ на необходимость общей координаціи. Положеніе промышленности дѣлаетъ со дня на день болѣе желательнымъ установленіе гармоніи интересовъ между предпринимателями и рабочими, а между тѣмъ свободная конкуренція оказалась безсильной обезпечить подобную гармонію". Такъ передаетъ послѣдователь Конта—Риголажъ—то, что въ „Курсѣ положительной философіи", въ частности въ лекціи 57-ой, текстъ которой восходитъ къ 1842 году, Контъ счелъ нужнымъ сказать объ общемъ направленіи, какое приметъ въ ближайшемъ будущемъ реорганизація правительственной власти. Въ „Положительной политикѣ" и особенно во второй ея части тѣ же вопросы подвергнуты будутъ Контомъ новому разсмотрѣнію. Опека надъ умами и надъ частными хотѣніями, которая уже наглядно сказывается въ „Курсѣ положительной философіи", на этотъ разъ выступитъ еще болѣе рѣзко и рѣшительно. Въ „Курсѣ положительной философіи" Контъ говорилъ только о томъ, что предстоитъ создать двѣ власти: духовную и свѣтскую, дабы снова подчинить политику нравственности. Духовная власть должна принадлежать философамъ-соціологамъ, а свѣтская—тѣмъ, кто руководитъ промышленностью; первые призваны давать совѣты, освѣщать, регулировать, классифицировать, судить; вторые должны заботиться о матеріальныхъ интересахъ общества и осуществляютъ власть политическую въ тѣсномъ смыслѣ слова; имъ должна принадлежать иниціатива и начальствованіе. Въ „Положительной политикѣ" Контъ идетъ несравненно далѣе: философы-соціологи становятся у него священниками новаго культа; они наблюдаютъ за частнымъ поведеніемъ людей, устанавливаютъ контроль за чтеніями и даже за проводимыми въ разговорахъ мыслями; что касается до свѣтской власти, то во главѣ ея Контъ ставитъ предпринимателей; они сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ богатство, они—современные патриціи. Но „Положительная политика", руководствуясь законами соціологіи, смотритъ на богатство, не какъ на личное достояніе, а какъ на достояніе общественное столько же въ его источникѣ, сколько и по назначенію. Вѣдь капиталъ—результатъ коллективныхъ усилій какъ живущихъ, такъ и умершихъ; соотвѣтственно этому и обла-

даніе имъ, т.-е. собственность, является общественной функціей; изъ этого слѣдуетъ, что собственникъ не можетъ присвоивать себѣ абсолютнаго права на вещи: онъ не болѣе, какъ приставленный къ ихъ управленію агентъ,—агентъ, уполномоченный всѣмъ человѣчествомъ завѣдывать частью общаго достоянія. Его обязанность—дать этой части назначеніе, наиболѣе выгодное длявсѣхъ; но это обстоятельство не лишаетъ его права завѣщать имущество, назначать себѣ наслѣдника по усмотрѣнію, беря его какъ изъ собственной семьи, такъ и внѣ ея. Выборъ начальствующихъ не можетъ быть предоставленъ подчиненнымъ. Изъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ свѣтской организаціи,—изъ земледѣльцевъ, рабочихъ, торговцевъ, промышленниковъ, банкировъ — послѣдніе преимущественно предъ всѣми прочими призываются къ отправленію свѣтской власти. Что касается до рабочихъ, то и они призваны смотрѣть впредь на себя, какъ на несущихъ общественную функцію и получающихъ въ формѣ заработной платы вознагражденіе за свои усилія. Человѣчество въ схемѣ Конта должно распасться на рядъ мелкихъ государствъ, не превышающихъ своими размѣрами Швейцаріи или Бельгіи. Одна только мужская половина его работаетъ внѣ домашняго очага; что же касается до женщинъ, то онѣ призваны посвящать себя всецѣло семейнымъ заботамъ.

Политическая организація, предлагаемая Контомъ, призываетъ каждаго къ исполненію роли, полезной для всего общества. Девизомъ всѣхъ должна быть „жизнь для другихъ“. Свою схему наилучшаго устройства человѣчества Контъ называетъ соціократіей [1]).

Въ перепискѣ Конта болѣе выпукло выступаетъ его точка зрѣнія на нормальныя условія труда. Въ виду этого я считаю нужнымъ сдѣлать изъ нея нѣсколько выдержекъ. Отвѣчая на запросы лицъ, примкнувшихъ къ церкви позитивистовъ, Контъ не разъ высказываетъ ту точку зрѣнія, что рабочіе не должны стремиться перейти въ ряды предпринимателей; имъ необходимо имѣть въ виду, что они сами отправляютъ полезную общественную функцію. Въ перепискѣ съ Пьеромъ Лафитомъ, профессоромъ математики и впослѣдствіи прямымъ продолжателемъ его доктрины,—перепискѣ, которая открывается 49-мъ годомъ и заканчивается 57-мъ, Контъ прямо говоритъ: „Надо весьма настаивать на томъ, чтобы пролетаріи со-

[1]) См. передачу основныхъ положеній Контовой политики у Alengry, Essai historique et critique sur la sociologie chez Auguste Comte, стр. 296—299.

знательно стремились остаться таковыми; но имъ долженъ быть обезпеченъ извѣстный достатокъ; за ними надо признать право собственности на жилище и домашнюю утварь, безъ чего невозможенъ переходъ ихъ отъ бродячаго состоянія къ состоянію прочной осѣдлости (очевидно, при фабрикѣ или заводѣ). Въ настоящее время такое матеріальное обезпеченіе имѣютъ только сельскіе труженики; но къ нему въ правѣ стремиться и городскіе; ихъ желаніе можетъ найти удовлетвореніе при дробленіи городской собственности. Какъ съ матеріальной, такъ и съ нравственной точки зрѣнія, одинаково важно, чтобы рабочіе могли имѣть постоянное жилище, а не зависѣли отъ каприза домовладѣльцевъ! Въ наше же время наиболѣе почтенная и наиболѣе многочисленная часть городского населенія живетъ точно въ лагеряхъ; достаточно уговора между домовладѣльцами, чтобы, не нарушая даже закона, поставить ее въ необходимость покинуть свое мѣстопребываніе“ [1]).

Контъ раздѣляетъ далѣе ту точку зрѣнія, что убытки, происходящіе отъ всякой остановки въ производствѣ, должны падать не на рабочихъ, а на предпринимателей. Съ этою цѣлью онъ различаетъ въ заработной платѣ двѣ части: одна служитъ къ обезпеченію самаго существованія трудящагося, другая является вознагражденіемъ за осуществленную имъ работу; первую слѣдуетъ платить и въ случаѣ пріостановки занятій, разъ она не воспослѣдовала по винѣ самого рабочаго, а также и въ случаѣ его болѣзни; обязательство продолжается до истеченія срока его договора съ хозяиномъ [2]).

Такимъ образомъ Контъ, можно сказать, сторонникъ того же принципа, на которомъ построено обязательное страхованіе рабочихъ насчетъ предпринимателей. Онъ высказывается также въ пользу болѣе поздняго, чѣмъ нынѣ, вступленія рабочихъ въ бракъ, что позволило бы имъ накопить необходимый достатокъ для устройства будущихъ семей. „Жрецы религіи человѣчества, — пишетъ онъ, — не согласятся заключать браковъ между людьми, не достигшими 28-лѣтняго возраста. При такомъ условіи рабочій будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ производительнаго труда для пріобрѣтенія не только необходимой технической сноровки, но и усадьбы съ утварью“ [3]). „Самый размѣръ вознагражденія, получаемаго имъ, долженъ быть таковъ, чтобы обезпечить

---

[1]) Т. II „Переписки“, стр. 31—40.
[2]) Ibid., стр. 44.
[3]) Ibid., стр. 46.

существованіе не ему одному, но и его семьѣ“ [1]). Контъ возлагаетъ надежду на то, что духовное и свѣтское начальство своими совѣтами и назиданіями сумѣетъ воздержать рабочаго отъ всякой попытки выйти изъ своего состоянія и сдѣлаться въ свою очередь предпринимателемъ, жертвуя для этого возможностью основать собственный очагъ, откладывая на неопредѣленное время моментъ заключенія брака. Для Конта главное—обезпечить рабочему счастье семейной жизни, а это возможно только подъ двумя условіями: во-первыхъ, уже указаннаго нами пріобрѣтенія имъ постояннаго жилища, а во-вторыхъ, при освобожденіи его жены и дѣтей отъ необходимости зарабатывать пропитаніе трудомъ на фабрикахъ и заводахъ. Можно сказать, что въ системѣ Конта уже лежитъ корень того законодательства о защитѣ женскаго и дѣтскаго труда, развитіе котораго совпадаетъ со второй половиной протекшаго столѣтія. Обезпечивъ такимъ образомъ труженику домашнее довольство, Контъ разсчитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать и подъему половой нравственности, подвергающейся столькимъ опасностямъ, пока на фабрикахъ и заводахъ будутъ работать молодыя дѣвушки и женщины. Въ письмѣ къ одному сельскому хозяину въ департаментѣ Алье, Адери, сдѣлавшемуся членомъ общества позитивистовъ, Контъ указываетъ на то, что однимъ изъ способовъ разрѣшенія такъ называемаго нынѣ соціальнаго вопроса является подъемъ нравственности въ средѣ какъ пролетаріевъ, такъ и предпринимателей. „Необходимо,—говоритъ онъ,—облагородить трудъ и морализировать богатство. До тѣхъ поръ, пока пролетаріи будутъ стремиться къ праздности и наслажденіямъ, какія обезпечиваетъ богатство и въ которыхъ они справедливо обвиняютъ предпринимателей, не можетъ быть и рѣчи объ устраненіи всякаго дальнѣйшаго конфликта труда съ капиталомъ. Точно также невозможно соглашеніе между обоими, пока предприниматели не будутъ считать себя призванными къ пользованію богатствомъ въ интересахъ всего общества и не станутъ смотрѣть на себя, какъ на исполнителей общественной функціи“ [2]). Возвращеніе женщины въ семью настолько входитъ въ общій планъ той реформы общественныхъ отношеній, о которой мечтаетъ Контъ, что ею въ значительной степени объясняется и отрицательное отношеніе его къ эмансипаціонному движенію, къ тому уравненію обоихъ половъ, къ которому одновременно стремился

[1]) Ibid., стр. 50.

[2]) Письмо отъ 9 мая 1851 г. къ Адери, т. II, стр. 205—206.

Джонъ Стюартъ Милль, т.-е. тотъ изъ англійскихъ мыслителей, который отнесся къ позитивизму съ наибольшимъ сочувствіемъ и въ своей „Логикѣ" представилъ систему его методологическихъ пріемовъ въ области общественныхъ наукъ. Въ перепискѣ Конта съ Миллемъ, впервые отпечатанной въ полномъ объемѣ Леви Брюлемъ, т.-е. вмѣстѣ съ отвѣтами Милля, весьма опредѣленно высказаны тѣ мотивы, по которымъ Контъ отказывалъ женщинамъ въ одинаковой съ мужчинами роли въ общественной жизни. Они лежатъ не въ одномъ лишь фактѣ меньшаго объема головного мозга женщинъ, но прежде всего въ нежеланіи вводить ихъ въ ту борьбу интересовъ, къ которой сводится система экономической и общественной конкуренціи. Я не имѣю основанія останавливаться подробно на этой сторонѣ воззрѣній Конта, какъ не стоящей въ ближайшемъ отношеніи къ преслѣдуемой мною задачѣ—дать исторію возникновенія соціологіи, но мнѣ необходимо было указать на нее мелькомъ въ виду ея тѣсной связи съ самой постановкой вопроса о средствахъ, какими Контъ считалъ возможнымъ достигнуть общественной реформы и возстановить гармонію между трудомъ и капиталомъ, между бѣдными и богатыми.

На основаніи всего сказаннаго, мнѣ кажется, возможно заключить, что въ пониманіи условій политическаго и тѣсно связаннаго съ нимъ соціальнаго развитія человѣчества Контъ стоялъ на высотѣ современнаго ему историческаго знанія и руководствовался политическимъ опытомъ своего времени. Въ его письмахъ, какъ и въ сочиненіяхъ, отводится не мало мѣста истолкованію, какъ дѣйствительнаго характера французской революціи, такъ и дальнѣйшаго ея хода въ первой половинѣ XIX столѣтія,—хода, который онъ считаетъ незавершеннымъ и который, въ его глазахъ, необходимо долженъ привесть къ торжеству позитивизма. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ его писемъ къ Папо, члену общества позитивистовъ. Въ виду декабрьскаго переворота, поведшаго къ провозглашенію имперіи, этой непростительной въ его глазахъ ошибки, Контъ признаетъ нужнымъ напомнить, что законы, управляющіе поступательнымъ ходомъ человѣчества, не подлежатъ отмѣнѣ благодаря капризамъ судьбы [1]).

Онъ вѣритъ поэтому, что то республиканское движеніе, начало которому было положено 10-го августа 1792 г., необходимо будетъ продолжено и приведетъ въ ближайшемъ будущемъ къ упро-

[1]) См. письмо отъ 25 января 1852 г., I т. корреспонд., стр. 151.

ченію величайшаго изъ завоеваній революціи — республики. „Я предвижу, — пишетъ онъ въ письмѣ къ Де-Лину, — что ранѣе конца 1853 г. настанетъ новый и послѣдній насильственный кризисъ, который отниметъ власть у Наполеона и передастъ республиканскую диктатуру Кавеньяку. Произойдетъ это послѣ столкновенія между республиканской частью войска и имперіалистической, при чемъ на сторону первой станетъ парижскій пролетаріатъ". Контъ надѣется, что Франція обойдется безъ промежуточной стадіи парламентаризма и прямо перейдетъ къ республиканской диктатурѣ. При этомъ онъ не скрываетъ своей готовности и въ настоящее время ограничить функцію избираемой палаты однимъ составленіемъ бюджета. Такое предложеніе сдѣлано было имъ еще въ 1847 г., и онъ жалѣетъ о томъ, что имперія не нанесла рѣшительнаго удара порядкамъ конституціонной монархіи, отнявши у палаты законодательныя функціи. Республиканская диктатура можетъ держаться подъ однимъ условіемъ — признанія ею свободы; непониманіе этой истины и есть причина неустойчивости Наполеоновскаго правительства, которое выродилось въ какую-то театральную полувосточную монархію, для которой Контъ, какъ я уже сказалъ, употребляетъ терминъ, заимствованный имъ изъ комедіи Мольера, „мамамушизмъ" [1]). Разсматривая тѣ условія, при которыхъ позитивизмъ можетъ взять на себя руководительство послѣдней стадіей революціоннаго періода, Контъ говоритъ о необходимости положить въ основу общественнаго устройства одну свободу и братство. Онъ отвергаетъ такимъ образомъ третье требованіе республиканской формулы: равенство. Онъ отказывается въ то же время отъ парламентскихъ порядковъ въ пользу республиканской диктатуры [2]). Въ своемъ „Курсѣ" Контъ подробно останавливается на оцѣнкѣ французской революціи и того дальнѣйшаго хода развитія западнаго общества, который, такъ сказать, намѣченъ ею. Для него значеніе революціи сводится къ разрыву съ религіознымъ міросозерцаніемъ и милитаризмомъ и къ обезпеченію конечнаго торжества науки и промышленности. Революція подготовлена была вѣками и должна быть разсматриваема, какъ явленіе, общее всей бѣлой расѣ. Контъ указываетъ, какъ на предшественниковъ революціи въ области мысли, на всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ паденію католицизма и феодальной монархіи, будутъ ли то философы Сорбонны, проте-

[1]) Ibid., стр. 247.
[2]) Ibid., стр. 251.

станты, юристы или члены судебныхъ парламентовъ во Франціи. Онъ подчеркиваетъ параллельный ходъ развитія науки и промышленности, который представляетъ такимъ образомъ органическую сторону процесса, приводящаго западныя общества къ революціи. При этомъ онъ развиваетъ тотъ взглядъ, что революція не закончена, такъ какъ переходъ власти въ руки ученыхъ и промышленниковъ еще не совершился. Для этого необходимо, чтобы духовная власть не была поглощаема свѣтской, чтобы вызванные революціей тексты органическихъ законовъ, или конституціи, заняты были устройствомъ не одного свѣтскаго правительства; необходимо также, чтобы разлагающія начала революціонныхъ доктринъ смѣнились созидательными, чтобы догматъ неограниченной свободы не препятствовалъ установленію прочной и всѣми раздѣляемой общественной и политической доктрины, а равенство и народное самодержавіе не служили препятствіемъ естественной іерархіи классовъ—добровольному подчиненію пролетаріевъ руководительству лицъ зажиточныхъ и прежде всего банкировъ [1]).

§ 6.

Довольствуясь сказаннымъ для характеристики взглядовъ Конта на ходъ политическаго развитія человѣчества, отмѣтимъ фактъ менѣе полнаго пониманія имъ его экономической эволюціи. Ближайшая причина тому лежитъ, разумѣется, не въ чемъ иномъ, какъ въ недостаточной разработкѣ хозяйственной исторіи въ первой четверти XIX столѣтія, когда Контъ впервые приступилъ къ накопленію тѣхъ конкретныхъ данныхъ, на которыхъ опираются его историческія обобщенія. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ „Торговли древнихъ и новыхъ народовъ“ Герена, которая ему была извѣстна, какъ изданная первоначально на французскомъ языкѣ, я затрудняюсь указать на какой-либо трактатъ его времени, который способенъ былъ бы измѣнить пониманіе имъ римскихъ и средневѣковыхъ порядковъ хозяйственной дѣятельности, въ частности, сельской, за исключеніемъ развѣ того монументальнаго вступленія, какое Гераръ написалъ къ впервые обнародованному имъ тексту древнѣйшихъ

[1]) См. т. V. „Курса положительной философіи“, стр. 394—622, и т. VI, стр. 276.

хозяйственныхъ записей, производимыхъ монастырями [1]). Контъ, несомнѣнно, не былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ, и это упущеніе, невыгодно отразившееся на пониманіи имъ источника и природы помѣстнаго хозяйства, справедливо отмѣчено было ближайшимъ послѣдователемъ Конта—Пьеромъ Лафитомъ [2]). Изо всей богатой литературы по экономическому росту Европы, въ первой четверти протекшаго столѣтія появилась во Франціи одна лишь образцовая „Исторія средняго сословія“ Огюстена Тьерри, которую Контъ использовалъ вполнѣ. Труды Георга Маурера,—проложившаго путь къ новѣйшему пониманію судебъ сельской общины, помѣстья, города,—вышли на нѣмецкомъ языкѣ, къ тому же не ранѣе середины столѣтія и не могли, слѣдовательно, быть приняты въ расчетъ Контомъ. Поэтому можно только удивляться, какъ при слабой сравнительно начитанности въ экономической исторіи, объясняемой тѣмъ, что послѣдняя только что зарождалась, Контъ сумѣлъ вѣрно опредѣлить и характеръ средневѣкового хозяйства, и то вліяніе, какое крестовые походы и проложенные ими пути на Востокъ оказали на развитіе міровой торговли и соотвѣтственно на довольно быструю замѣну первоначальнаго самодовлѣющаго натуральнаго хозяйства мѣновымъ. Контъ даетъ себѣ вѣрный отчетъ и о характерѣ помѣстнаго хозяйства, преслѣдовавшаго однѣ цѣли непосредственнаго потребленія, и о построенной на немъ феодальной системѣ, при которой всѣ классы общества стояли въ опредѣленномъ отношеніи къ землѣ,—отношеніи, опредѣляемомъ путемъ договора сюзерена съ вассалами и вассаловъ съ подвассалами, не исключая и крѣпостныхъ крестьянъ, являвшихся такимъ образомъ не безземельными батраками и пролетаріями, какими сдѣлалъ ихъ послѣдующій ходъ развитія экономическихъ отношеній, а совладѣльцами съ помѣщиками. Отъ вниманія Конта не ускользаетъ и тотъ фактъ, что основанная на совладѣніи землею всѣхъ классовъ общества и на постоянномъ обмѣнѣ услугъ, съ одной стороны—военнаго покровительства и защиты, съ другой—службы, столько же сельской, сколько и военной, феодальная система какъ нельзя лучше отвѣчала нуждамъ впервые прочно осѣвшихся германскихъ племенъ. Съ ея установленіемъ они замѣнили свое прежнее военно-наступательное

[1]) Я разумѣю „Prolegomènes au polyptique de l'abbé Irminon“ par Guérard.

[2]) Въ лекціи, прочитанной имъ въ моемъ присутствіи въ Collège des sciences sociales въ Парижѣ.

состояніе военно-оборонительнымъ и разбились съ этой цѣлью на множество осѣвшихся лагерей, которымъ въ концепціи Конта отвѣчаютъ феоды, или лены. Феодальная система съ ея экономическимъ фундаментомъ, т.-е. договорнымъ отношеніемъ къ землѣ и службѣ, и политической надстройкой—іерархіей подчиненныхъ императору и папѣ правителей, является для Конта промежуточной стадіей между двумя типами общества—военнымъ и промышленнымъ. Къ эпохѣ „милитаризма“ онъ относитъ всю древность, т.-е. весь періодъ господства фетишизма и политеизма. Начало же индустріализма совпадаетъ въ историко-философской схемѣ Конта съ переходомъ отъ монотеизма къ революціонной метафизикѣ. Въ этомъ періодѣ экономическій факторъ—ростъ обмѣна, промышленности, и связанные съ нимъ упадокъ феодализма и зарожденіе свободныхъ городскихъ общинъ,—пріобрѣтаютъ въ изложеніи Конта такое рѣшающее вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ развитія государства и церкви, что, по справедливому замѣчанію Лоріа, съ XIII вѣка хозяйственный факторъ выдвигается имъ впередъ, какъ тотъ, который, заодно съ общимъ ходомъ положительнаго знанія и въ тѣсной связи съ нимъ, подготовилъ наступленіе позитивизма. Этотъ послѣдній равнозначителенъ торжеству научнаго міросозерцанія и индустріализма. Онъ ждетъ отъ французской революціи своего окончательнаго признанія; но для этого нужно, чтобы конечнымъ звеномъ ея была передача верховнаго руководительства человѣчествомъ, съ одной стороны—духовной власти энциклопедистовъ-философовъ, а съ другой — свѣтской,— главамъ промышленно-торговыхъ и кредитныхъ предпріятій.

Наименѣе удачную сторону всей историко-философской схемы Конта составляетъ его попытка показать въ каждую изъ трехъ главныхъ эпохъ, пройденныхъ человѣчествомъ, и въ любое изъ ихъ подраздѣленій, тѣсное соотношеніе между умственнымъ кругозоромъ и экономическо-политическимъ строемъ, съ одной стороны, и уровнемъ эстетическаго развитія—съ другой. Самъ Контъ имѣлъ, несомнѣнно, большое пристрастіе къ двумъ искусствамъ—къ поэзіи и музыкѣ. Его любимымъ отдохновеніемъ было чтеніе великихъ стихотворцевъ древности и нѣкоторыхъ итальянскихъ поэтовъ среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, въ частности Данте. Въ его перепискѣ съ однимъ итальянскимъ послѣдователемъ положительной философіи, Бенедетто Профумо, не разъ заходитъ рѣчь объ этомъ пристрастіи и о томъ наслажденіи, какое онъ выносилъ изъ частаго общенія съ мыслью поэтовъ эпохи католическаго расцвѣта. „Итальянецъ,—пишетъ онъ,—вѣроятно, не нуждается въ томъ,

чтобы ему совѣтовали обратить вниманіе и на его эстетическое развитіе; поэтическая сторона позитивизма не могла не поразить васъ, конечно, наравнѣ съ высокимъ значеніемъ, какое онъ признаетъ за изящными искусствами“ [1]). Но, любя поэтовъ и итальянскую музыку, посѣщая съ этой цѣлью итальянскую оперу, насколько это позволяло ему время и скромныя средства, оцѣнивая по достоинству не только прелесть гармоніи въ произведеніяхъ греческаго зодчества и скульптуры, но и величавый полетъ фантазіи, какой представляетъ собою готическій храмъ и столь проникнутая религіознымъ настроеніемъ живопись ранняго Возрожденія съ его Фра-Анжелико и творцами древнѣйшей Фламандской школы, Контъ въ то же время не имѣлъ достаточной начитанности въ исторіи изящныхъ искусствъ. Послѣдняя къ тому же далеко не отличалась тѣмъ богатствомъ матеріала и тѣмъ рѣзкимъ обособленіемъ отдѣльныхъ періодовъ развитія, какое мы можемъ констатировать въ наши дни. Весьма несовершенны поэтому разсужденія Конта о связи начальныхъ вѣрованій съ искусствомъ, такъ какъ имъ не принята въ расчетъ роль магіи въ зарожденіи музыки, живописи, хореографическаго искусства и даже скульптуры. Вѣдь дикарь, грубо изображающій на внутреннихъ стѣнахъ пещеры оленя или медвѣдя, думаетъ, что тѣмъ самымъ онъ содѣйствуетъ пріумноженію звѣря, служащаго ему тотемомъ. Онъ руководствуется тѣмъ же представленіемъ о физическомъ сродствѣ почитаемаго имъ животнаго съ самимъ собою, когда въ танцахъ пытается уподобиться его тѣлодвиженіямъ, а въ формѣ ритмическихъ заклинаній—найти средство расположить его въ свою пользу. Новѣйшія работы о первобытной культурѣ объясняютъ такими именно соображеніями зарожденіе танцевъ, живописи, музыки и лирики у дикарей, а потому, по всей вѣроятности, и у первыхъ обитателей пещеръ и свайныхъ построекъ. Я не буду слѣдить за развитіемъ Контомъ его основного положенія о связи эстетическаго развитія съ умственнымъ и политическимъ, хотя болѣе подробный анализъ его мыслей способенъ былъ бы показать и вѣрность его основного положенія, въ чемъ убѣдила насъ позднѣйшая литература по исторіи зарожденія искусствъ, и удачное выполненіе имъ нѣкоторыхъ частей своей общей схемы. Отмѣчу мимоходомъ, какъ правильно Контъ оцѣниваетъ вліяніе, оказанное греческимъ политеизмомъ на широкій полетъ фантазіи поэтовъ и художниковъ эпохи, слѣ-

---

[1]) Т. III „Переписки“, изд. 1904, стр. 202, письмо отъ 7 марта 1851 г.

довавшей за Троянской войной и завершившейся соперничествомъ изъ-за господства надъ Пелопоннесомъ, когда начало сказываться уже разъѣдающее вліяніе критической мысли и соотвѣтственно стало исчезать то искреннее и наивное отношеніе къ религіознымъ миѳамъ, какое выступаетъ столько же въ Гомеровой „Иліадѣ“, сколько въ стихотвореніяхъ Гезіода и произведеніяхъ первыхъ греческихъ трагиковъ. Каждому читателю бросится также въ глаза удачное выполненіе Контомъ задачи сближенія готическаго искусства съ христіанской мистикой и объясненіе имъ наступившаго одновременно съ христіанствомъ застоя въ ваяніи препятствіями, какія изученіе анатоміи встрѣчало въ церковномъ запретѣ всякихъ экспериментовъ надъ человѣческимъ трупомъ.

Мы прослѣдили, насколько это было возможно при общности преслѣдуемой нами цѣли, за самымъ способомъ выполненія Контомъ его основной задачи,—опредѣленія постепеннаго роста человѣческаго общежитія. Можно сказать, что Контъ выполнилъ намѣченную Паскалемъ проблему и отнесся къ человѣчеству, какъ къ индивиду, вѣчно пріумножающему свои знанія и соотвѣтственно совершенствующемуся. Успѣшное доведеніе до конца такого широкаго плана было возможно только для человѣка, стоявшаго на уровнѣ современнаго ему знанія и обладавшаго рѣдкой способностью къ обобщеніямъ; но и этихъ качествъ не хватило бы Конту, если бы онъ добровольно не сузилъ своей схемы. Онъ изучаетъ поэтому въ своемъ „Курсѣ“ лишь ходъ развитія абстрактнаго знанія, въ связи съ которымъ совершается и поступательное движеніе конкретныхъ наукъ. По той же причинѣ онъ слѣдитъ за метаморфозами въ области хозяйственнаго, общественнаго и политическаго уклада только у тѣхъ народовъ, которые въ разныя эпохи представляли собою верхи человѣчества. Такими народностями въ его глазахъ, какъ раньше для Сенъ-Симона, являются въ древнемъ мірѣ египтяне, греки и римляне, а въ новомъ—народы латинской расы; германскій міръ занимаетъ лишь малое мѣсто въ его очеркѣ, а славянскій совершенно отсутствуетъ въ немъ наравнѣ съ народами Туранской культуры. Конту, конечно, трудно было бы осилить и сведенную къ такимъ рамкамъ задачу, если бы онъ опять-таки добровольно не отвлекся отъ видоизмѣняющаго вліянія, какое климатъ, почва, географическое положеніе, длина береговой линіи, распредѣленіе горъ и рѣкъ и вообще физическіе факторы оказываютъ на ускореніе или замедленіе хода развитія. Нельзя не признать его заслугой вѣрное пониманіе того, что въ климатѣ, почвѣ и т. д. мы имѣемъ не первопричину, какъ думалъ, вслѣдъ

за Монтескьё, Бокль, а только ускоряющій или замедляющій факторъ развитія. Въ отличіе отъ тѣхъ, кто, подобно Гобино, Тэну, а въ новѣйшее время Гумпловичу, считаютъ расу—этотъ сложный продуктъ взаимодѣйствія физическихъ и историческихъ причинъ—всеопредѣляющимъ факторомъ быстраго или медленнаго роста тѣхъ или другихъ націй, Контъ показываетъ, что ближайшимъ виновникомъ того или другого является то накопленіе положительныхъ знаній, то временная задержка въ этомъ накопленіи. Трезвенность его точки зрѣнія, мнѣ кажется, особенно оттѣняется неуспѣхомъ тѣхъ односторонніхъ объясненій, какія въ новѣйшее время представлены были, какъ я показалъ въ моей монографіи „О современныхъ соціологахъ“, людьми, сводившими весь поступательный ходъ человѣчества къ одностороннимъ вліяніямъ климата, расы, увеличивающейся густоты населенія, перемѣны въ техникѣ производства и т. д., и т. д. Въ противность современному стремленію къ монизму, Контъ останавливается на мысли о взаимодѣйствіи психическихъ, экономическихъ, политическихъ и эстетическихъ факторовъ, или, точнѣе, самое понятіе фактора отсутствуетъ въ его толкованіи исторіи и замѣняется рядомъ воздѣйствующихъ другъ на друга или противодѣйствующихъ одно другому явленій.

§ 7.

Конта многіе продолжаютъ называть философомъ исторіи болѣе, чѣмъ соціологомъ,—такъ, напримѣръ, Бартъ, а въ новѣйшее время Алангри,—но только потому, что вслѣдъ за Кондорсе и Сенъ-Симономъ и ранѣе Спенсера онъ заинтересовался въ своей соціологіи попреимуществу эволюціей общества, обнимаемой имъ понятіемъ соціальной динамики,—терминъ, заимствованный, какъ показываетъ и самое названіе, изъ науки, посвященной изученію міра неорганическаго. Ошибочно было бы переводить его словами: физіологія общества, которой противополагалась бы соціальная статика, какъ его анатомія. Еще недавно Лестеромъ Уордомъ справедливо было указано на одномъ изъ конгрессовъ Международнаго института соціологіи, что слова статика и динамика вѣрнѣе передаютъ мысль объ изученіи общества, первое — въ его структурѣ и функціонированіи, второе — въ его поступательномъ ходѣ, чѣмъ слова: общественная анатомія и физіологія, предполагающія: первое — изученія одного остова, а второе—жизненнаго функціонированія организма. Оче-

видно, что въ любую эпоху своего поступательнаго хода общество можетъ быть изучаемо какъ съ динамической, такъ и со статической точки зрѣнія, что эпоха теологическая съ ея послѣдовательными періодами имѣетъ свою общественную статистику въ такой же степени, какъ и эпоха метафизическая, или позитивная. Контъ посвящаетъ поэтому въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ мало мѣста тому отдѣлу соціологіи, который носитъ у него названіе статики, очевидно потому, что при изученіи различныхъ стадій развитія человѣчества онъ имѣетъ возможность разсмотрѣть каждую съ той же статической точки зрѣнія. Можно критиковать выборъ имъ терминовъ для обозначенія какъ всей науки объ обществѣ, такъ и отдѣльныхъ ея частей; можно предпочесть имъ такія слова, какъ обществовѣдѣніе, изученіе общества въ его строеніи и функціяхъ, съ одной стороны, и изученіе его въ поступательномъ ходѣ, но, не говоря уже о меньшей конкретности перваго слова и объ описательномъ характерѣ двухъ послѣднихъ наименованій, нельзя не сказать, что названіе, заимствованное Контомъ изъ науки о явленіяхъ неорганическихъ, въ частности, изъ физики, весьма выпукло выражаетъ тѣ два понятія покоя и движенія, какія и различаютъ собою обѣ части его соціологіи.

Еще два слова о методѣ Конта, прежде чѣмъ закончить этотъ, по необходимости затянувшійся очеркъ не столько исторіи, сколько зарожденія соціологіи. Методъ Конта обстоятельно описанъ Миллемъ въ его „Логикѣ“. Самъ авторъ ея сознается, что, когда отъ наукъ математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ, онъ переходитъ къ обществовѣдѣнію, въ основу при изученіи ихъ методологіи онъ кладетъ единственную въ его время цѣльную попытку освѣтить судьбы общества не только въ его структурѣ и функціяхъ, но и въ его развитіи, какая сдѣлана была Контомъ. Въ самыхъ общихъ чертахъ методъ послѣдняго можетъ быть переданъ эпитетомъ индуктивно-дедуктивнаго; это значитъ, что тѣ эмпирическія обобщенія, на которыя наводитъ Конта изученіе общества въ покоѣ и движеніи, онъ провѣряетъ дедукціей, отправляющейся отъ данныхъ о физической и психической природѣ человѣка и, въ частности, отъ такихъ представленій, какъ ограниченность его мускульной энергіи, продолжительное преобладаніе въ немъ чувствъ надъ разумомъ и двойственность его психической природы при несомнѣнномъ перевѣсѣ эгоизма надъ альтруизмомъ. Говоря о томъ методѣ, какому Контъ слѣдуетъ въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“, и противополагая его новому пріему,

избранному имъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, сторонникъ научной философіи и противникъ религіи человѣчества, Литтре, справедливо отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія характерныя черты. „Необходимо,— пишетъ онъ,—чтобы человѣческое поведеніе, поведеніе столько же индивида, сколько и общества, отвѣчало реальнымъ условіямъ міра и человѣческаго существованія; отличать возможное отъ невозможнаго есть драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ свойствъ, какія могутъ быть пріобрѣтены нами. Оно одно позволяетъ не терять безплодно нашихъ силъ и содѣйствовать усовершенствованію нашей природы“ [1]). Но все это—понятія, какія мы пріобрѣтаемъ при провѣркѣ историческихъ индукцій· выводами физіологіи и психологіи. Заслуга Конта и состоитъ въ томъ, что онъ не остановился, подобно Кондорсэ, на мысли о безостановочномъ развитіи человѣчества и открылъ предѣлы для него въ самой природѣ человѣка. Можно сказать, употребляя терминъ, пущенный въ ходъ Ницше, что въ глазахъ Конта, какъ бы ни совершенствовалось общество и индивидъ въ немъ, это явленіе все же не поведетъ къ созданію того сверхъчеловѣка, той новой породы живыхъ существъ, которой несвойственны были бы наши страсти и ихъ господство надъ разумомъ и для которыхъ, слѣдовательно, можно было бы придумать совершенно иныя условія существованія, новую мораль и новое право. Особенность метода, какому Контъ слѣдуетъ въ „Курсѣ положительной философіи“ и который можетъ быть названъ объективнымъ, выступаетъ изъ бѣглаго знакомства съ тѣмъ, какого онъ придерживается въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ: „Позитивная политика“. Мы видѣли, что задача Конта при созданіи соціологіи лежала въ распространеніи на область общественныхъ явленій тѣхъ самыхъ пріемовъ индукціи и наблюденія, какимъ слѣдуютъ науки, занимающіяся какъ неорганической, такъ и органической природой. Этой находкѣ Контъ придаетъ больше значенія, чѣмъ собственной попыткѣ примѣнить указанные пріемы къ обществовѣдѣнію. „Критикуя меня, — говоритъ онъ, — надо отличать мою основную мысль о необходимости прилагать научный анализъ къ общественнымъ явленіямъ отъ самаго способа выполненія мною этой задачи. Какъ бы несовершенно она ни была исполнена, это ничего не говоритъ противъ самого метода. Во всѣхъ наукахъ, въ частности

[1]) Littré, стр. 250.

въ обществовѣдѣніи, методъ еще важнѣе конструкціи“ [1]). Въ „Положительной политикѣ“ Контъ отступаетъ отъ метода точныхъ наукъ и даетъ перевѣсъ дедукціи; рекомендуемый имъ субъективный методъ отказывается отъ той задачи, какая преслѣдовалась Контомъ въ его важнѣйшемъ трактатѣ,—задачи раскрыть цѣпь причинъ и слѣдствій; отнынѣ онъ признаетъ ее тщетной [2]). Другими словами Контъ даетъ съ этого времени рѣшительный перевѣсъ дедукціи. А между тѣмъ, какъ справедливо замѣчено Литтре, самъ онъ въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“ установилъ, что чѣмъ наука сложнѣе, тѣмъ ограниченнѣе возможность пользованія ею дедукціей. Дедукція всесильна въ математикѣ и, со временъ Ньютона, въ небесной механикѣ; она находитъ меньшее примѣненіе въ физикѣ, еще меньшее въ химіи и біологіи и имѣетъ минимальное значеніе въ соціологіи. Дедукція мыслима только какъ средство для провѣрки индукціи, а безъ нея она становится тѣмъ субъективнымъ методомъ, свойственнымъ всякимъ богословскимъ и метафизическимъ концепціямъ, съ которыми Контъ преломляетъ оружіе въ своемъ „Курсѣ положительной философіи“. Вотъ почему субъективный методъ, которому Контъ слѣдуетъ въ своей „Положительной политикѣ“, осуждается его же собственнымъ пониманіемъ условій научнаго мышленія въ области наиболѣе сложной изъ всѣхъ наукъ—соціологіи [3]).

Различные пріемы, какіе предполагаетъ примѣненіе научнаго метода къ общественнымъ явленіемъ и къ которымъ обращается Контъ, представлены въ весьма сжатомъ видѣ въ новѣйшей книгѣ Леви Брюля о его философіи. За невозможностью обратиться „къ чисто дедуктивному методу, какимъ орудуютъ математики“, говоритъ Леви Брюль, соціологія пускаетъ въ ходъ тѣ пріемы, какихъ придерживаются науки о неорганической и органической природѣ. Первымъ изъ нихъ надо считать наблюденіе. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что общественные феномены легко могутъ быть

[1]) „Курсъ положительной философіи“, т. IV, стр. 176—177. „Politique positive“, v. I, p. 455.

[2]) „Il suffit,—пишетъ онъ,—que la méthode subjective renonçant à la vaine recherche des causes, tente directement comme la méthode objective vers la seule découverte des lois, afin d'améliorer notre condition et notre nature.

[3]) См. Литтре, стр. 527—537. Въ послѣднее время Леви Брюль сдѣлалъ попытку защитить Конта и его субъективный методъ отъ упрековъ, направленныхъ противъ него Литтре, но я не считаю убѣдительными его доводы.

наблюдаемы, во-первыхъ, потому, что они многочисленны, и, во-вторыхъ, потому, что участникомъ въ нихъ является самъ наблюдатель. Но эти два обстоятельства дѣлаютъ особенно неудобнымъ пользованіе этими методами. Хорошо наблюдать можно только, стоя внѣ области наблюдаемаго [1]). Необходимо было бы поэтому, чтобы факты соціологическіе представились нашему наблюденію, какъ явленія объективнаго характера, и независимыя отъ различныхъ состояній нашей индивидуальной психики. Но этого можно достигнуть только подъ условіемъ, чтобы умъ наблюдающаго уже создалъ себѣ извѣстную концепцію о томъ, что̀ именно онъ желаетъ видѣть; безъ такой предварительной схемы или теоріи наблюдатель не можетъ знать, на что онъ долженъ обратить вниманіе при изученіи представшаго предъ его глазами факта. Такая схема пріобрѣтается изученіемъ въ связи съ наблюдаемымъ цѣлой цѣпи предшествующихъ ему явленій. Въ этомъ обстоятельствѣ и лежитъ чрезвычайная трудность соціологіи. Ни одно общественное явленіе не можетъ имѣть научнаго значенія безъ сближенія его съ другими; только подъ этимъ условіемъ человѣкъ, хорошо подготовленный къ производству обобщеній всѣмъ ходомъ своего научнаго воспитанія, можетъ опредѣлить природу происходящихъ на его глазахъ общественныхъ феноменовъ и привесть ихъ въ соотвѣтствіе съ основными и высшими истинами обществовѣдѣнія. Ни о какомъ опытѣ въ соціологіи не можетъ быть и рѣчи [2]). Не то, чтобы мы не способны были вліять на общественные феномены; наоборотъ, они всего болѣе допускаютъ видоизмѣненія, но дѣло въ томъ, что всякая научная экспериментація предполагаетъ сопоставленіе двухъ случаевъ, отличныхъ между собою только въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ отношеніи. А между тѣмъ среди тѣхъ явленій, какія подлежатъ изученію соціологіи, мы не можемъ отмѣтить двухъ вполнѣ подобныхъ другъ другу случаевъ. Въ виду этого соціологія поставлена въ необходимость отказаться отъ прямой экспериментаціи и удовольствоваться косвенной. Возможность къ ней открывается патологическими явленіями, какія въ обществахъ вызываются кратковременными или длящимися причинами. Такими патологическими состояніями Контъ, въ частности, считаетъ революціи, которыя онъ приравниваетъ къ болѣзнямъ. Если согласиться съ Брусе, что болѣзни вызываются тѣми же законами, какіе опредѣляютъ собою здоровое состояніе

[1]) См. „Курсъ положительной философіи“, т. IV, стр. 337.

[2]) „Курсъ положительной философіи“, т. IV, стр. 342—344.

организма, и примѣнить это обобщеніе къ фактамъ соціальнымъ, то можно будетъ, думаетъ Контъ, сказать, что въ такихъ патологическихъ явленіяхъ, какъ революціи, намъ открывается возможность опыта.

Одинъ изъ послѣдователей Конта, нашъ соотечественникъ Лилієнфельдъ, пошелъ очень далеко этой опасной дорогой и призналъ патологическими явленіями все то, что въ жизни современныхъ обществъ вызывало его отрицательное отношеніе.

Сравнительный методъ, столь полезный біологамъ, оказываетъ, по мнѣнію Конта, большія услуги и въ области соціологіи. Онъ сближаетъ различныя состоянія человѣческаго общежитія, одновременно встрѣчающіяся на разныхъ частяхъ земной поверхности и у различныхъ народовъ независимо отъ всякаго заимствованія ихъ другъ у друга. Не мало народностей, которыя еще не достигли тѣхъ высшихъ ступеней, на которыхъ стоятъ передовыя націи. Это обстоятельство позволяетъ намъ одновременно наблюдать цѣлый рядъ послѣдовательныхъ стадій развитія человѣчества, начиная съ той, на которой стоятъ жители Огненной Земли, и оканчивая наиболѣе цивилизованными народами. Намъ не трудно также отмѣтить рядъ общественныхъ состояній уже повторявшихся въ исторіи, и не выходя изъ границъ одной и той же націи. Вѣдь общественныя условія отдѣльныхъ классовъ необыкновенно разнятся другъ отъ друга, такъ какъ эти классы могутъ стоять на различныхъ ступеняхъ развитія. „Одинъ Парижъ,—говоритъ Контъ,—заключаетъ въ своей средѣ образцы почти всѣхъ стадій общественнаго роста, предшествующихъ положительной, особенно, если имѣть въ виду сторону его интеллектуальнаго развитія“ [1]).

Сравнительнымъ методомъ можно пользоваться, какъ въ соціальной статикѣ, такъ и въ соціальной динамикѣ, при чемъ въ первой возможно сопоставленіе общественной жизни людей и животныхъ,—методъ, которымъ въ широкой степени орудуетъ Эспинасъ, и который нашелъ талантливаго представителя въ средѣ русскихъ біологовъ въ лицѣ Вагнера. Но и сравнительный методъ въ соціологіи играетъ у Конта лишь второстепенную роль; первенствующее же мѣсто принадлежитъ методу историческому, который слѣдитъ за постояннымъ наслоеніемъ общежительныхъ формъ по мѣрѣ роста знаній и научнаго мышленія и ведетъ, по мнѣнію Конта, къ установленію того закона трехъ стадій, который одинъ дѣлаетъ воз-

[1]) См. „Курсъ положит. фил.“, т. IV, стр. 354 и слѣд.

можнымъ, по его мнѣнію, изслѣдованіе общественныхъ явленій столько же съ статической, сколько съ динамической точки зрѣнія [1]).

§ 8.

Историку контовой школы соціологіи слѣдовало бы посвятить насъ во всѣ подробности того прискорбнаго психическаго переворота, вызваннаго интимной драмой, благодаря которому въ дальнѣйшіе труды Конта вкрался столь чуждый ему на первыхъ порахъ элементъ мистицизма, сказавшійся главнымъ образомъ въ попыткѣ построить новую религію человѣчества. Если въ своей „Положительной политикѣ“ Контъ отчасти восполнилъ такъ слабо развитый имъ въ „Курсѣ положительной философіи“ отдѣлъ соціальной статики, то онъ въ то же время несомнѣнно первый занесъ руку на построенное имъ зданіе, вводя въ соціологію совершенно чуждый ему на первыхъ порахъ и по моему непримиримый съ требованіями положительной науки субъективный методъ.

На новѣйшія попытки Леви Брюля или Алангри представить цѣльную картину всей контовой философіи въ ея историческомъ развитіи я далеко не могу смотрѣть, какъ на окончательныя. Но русскій читатель найдетъ въ нихъ, какъ и въ короткомъ критическомъ опытѣ Е. В. Де-Роберти „Auguste Compte et H. Spenser“, не только обильный матеріалъ, но и оригинальныя точки зрѣнія, позволяющія понять причину, по которой въ средѣ самихъ позитивистовъ сказывается, правда у меньшинства, желаніе освободиться отъ тѣхъ шоръ, въ которыхъ они ходили довольно стройно въ теченіе перваго пятидесятилѣтія, слѣдовавшаго за выходомъ „Курса положительной философіи“. Одинъ изъ упомянутыхъ мною писателей Е. В. Де-Роберти, ближайшій сотрудникъ Литтрэ и Вырубова, печатавшій въ ихъ „Позитивномъ Обозрѣніи“ свою работу о соціологіи, повидимому, совершенно отдѣлился за послѣднее время отъ позитивистовъ. Онъ счелъ нужнымъ заявить о причинахъ, заставившихъ его порвать съ ними, во вступительной главѣ къ одному изъ своихъ философскихъ сочиненій, и его послѣдователи уже говорятъ о немъ, какъ о родоначальникѣ новаго направленія, окрещеннаго ими гиперпозитивизмомъ. Очевидно, что никакая попытка подвести къ одному знаменателю работу контовой школы въ дѣлѣ построенія соціологіи не будетъ полной, разъ на ряду съ родоначальникомъ науки не будетъ изучена критическая

[1]) Ср. Леви Брюль, 2-е изд. 1905 г., стр. 275 по 286.

и построительная дѣятельность его учениковъ и послѣдователей. Въ ряду ихъ прежде всего стоитъ Литтрэ съ его капитальнымъ трудомъ объ „Огюстѣ Контѣ и положительной философіи“, а также со статьями, собранными затѣмъ въ одинъ томъ подъ общимъ заглавіемъ „Отрывки по положительной философіи и современной соціологіи“. Хотя Гр. Н. Вырубовъ, соредакторъ Литтрэ по изданію обзора положительной философіи, и посвятилъ только меньшую часть своего времени, поглощеннаго занятіями по физикѣ, химіи и минералогіи, работамъ соціологическаго характера, но въ числѣ мемуаровъ, отпечатанныхъ имъ въ упомянутомъ журналѣ, встрѣчается первая по времени попытка показать, что, если не законъ трехъ стадій, то, по крайней мѣрѣ, дѣленіе первой теологической эпохи на три послѣдовательныхъ періода: фетишизма, политеизма и монотеизма, не отвѣчаетъ историческому опыту народовъ крайняго востока, въ частности китайцевъ, у которыхъ агностицизмъ въ формѣ буддизма явился сразу на смѣну теологической системы Лаотзы и раздѣляетъ владычество надъ умами съ своего рода нравственной метафизикой Конфуція. Тому же Вырубову не разъ приходилось высказывать мысль о роли, какую раса играетъ въ видоизмѣненіи хода религіознаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ общественнаго развитія. Вліяніе расы на отклоненія въ ходѣ поступательнаго развитія отдѣльныхъ націй признаетъ цѣлый рядъ выдающихся писателей болѣе или менѣе близкихъ по взглядамъ къ основнымъ положеніямъ контовой философіи наукъ. Это можно сказать въ одинаковой степени и о Ренанѣ, и о Тэнѣ, и даже о Боклѣ— историкѣ англійской цивилизаціи, не разъ орудующемъ мыслями Конта. Бокль къ вліянію расы присоединяетъ еще вліяніе почвы и климата, оживляя и обновляя такимъ образомъ до нѣкоторой степени ученія, высказанныя на этотъ счетъ въ 18 вѣкѣ Монтескьё, а въ отдаленной древности еще Гиппократомъ. Въ прямой филіаціи съ Боклемъ, въ свою очередь стоящимъ, какъ мы сказали, въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Контомъ, находится рядъ писателей, преимущественно географовъ и этнографовъ, такъ или иначе затрогивающихъ соціологическія задачи. Къ числу ихъ надо отнести и нашего соотечественника Льва Мечникова съ его извѣстной книгой „La civilisation et les fleuves historiques“ и итальянскаго писателя Матеуци, сочиненіе котораго вышло и на французскомъ языкѣ въ Брюсселѣ не далѣе, какъ въ 1900 году. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: „Les facteurs de l'évolution des peuples, ou l'influence du milieu physique et tellurique et de l'hérédité des caractères acquis dans l'évolution et la dissolution des peuples“.

Всеопредѣляющее вліяніе расы признаютъ также изъ австрійскихъ соціологовъ Гумпловичъ, а изъ французскихъ графъ Гобино и его школа, находящая представителей и во Франціи (Лапужъ), и въ Германіи (Аммонъ).

Эту школу интересуетъ въ частности при опредѣленіи понятія расы не столько цвѣтъ кожи, сколько строеніе черепа, долихоцефализмъ или брахицефализмъ. Первый для нихъ признакъ принадлежности къ арійцамъ. Этотъ типъ черепа удержался по ихъ мнѣнію въ особенности въ англо-саксонской аристократіи и опредѣляетъ ея первенствующую роль въ исторіи культуры. Брахицефализмъ распространенъ у славянъ и съ нимъ яко бы связана ихъ неспособность къ почину и самодѣятельности.

Съ основами контовой соціологіи постоянно знакомятъ своихъ адептовъ члены общества позитивистовъ, собирающіеся въ Rue Monsieur le Prince въ Парижѣ, въ старинной квартирѣ Конта. Стоявшему во главѣ ихъ Пьеру Лафиту принадлежитъ сочиненіе о „Главнѣйшихъ типахъ человѣчества“. Въ немъ сторонники Карлейля и его культа героевъ, до Георга Брандеса включительно, найдутъ весьма богатый матерьялъ для подкрѣпленія и развитія излюбленной ими темы — темы толпы, увлекаемой героемъ, дѣйствительнымъ факторомъ прогресса. Учениками Лафита надо считать и англійскихъ позитивистовъ, сходившихся одно время еженедѣльно въ Чапель Стритъ въ Лондонѣ подъ руководствомъ доктора Конгрива. Въ серединѣ 80-хъ годовъ они раскололись на двѣ группы. Гаррисонъ, Бислэ, докторъ Бриджесъ, авторъ извѣстнаго сочиненія о Роджерѣ Бэконѣ, Коттеръ Моррисонъ, авторъ книги „О культѣ человѣка“, отдѣлились отъ Конгрива, для котораго самъ Лафитъ былъ недостаточно ортодоксаленъ, и образовали самостоятельную конгрегацію, которая стала собираться еженедѣльно въ такъ называемомъ Ньютонъ-Голль, т.-е. залѣ, посвященномъ памяти Ньютона.

Какъ ни значительна роль той горсти людей, какую представляютъ англійскіе позитивисты въ сферѣ публицистики, исторической и юридической литературы [1]), но по соціологіи въ строгомъ

[1]) Бислэ—авторъ ряда работъ по римской исторіи, между прочимъ, цѣлой книги о заговорѣ Катилины; имъ же написана популярная монографія объ Англіи въ царствованіе Елизаветы и сочиненіе о Дантонѣ, въ которомъ позитивисты, начиная съ Огюста Конта, видятъ воплощеніе французской революціи и выдающійся типъ человѣчества. Бриджесу мы обязаны новымъ и полнымъ изданіемъ трудовъ Роджера Бэкона, монаха 13-го вѣка, съ котораго можно вести исторію возрожденія точныхъ наукъ

смыслѣ слова ими не написано ни одного сколько-нибудь выдающагося сочиненія. Очевидно и на нихъ гибельно отразилось вліяніе пріобрѣтенной долгой практикой привычки jurare in verba magistri. Полетъ ихъ научной фантазіи, этого источника всякаго творчества въ области и положительнаго знанія, необходимо задержанъ; у нихъ нѣтъ простора для построительнаго мышленія. Дѣлясь со мною впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ знакомства съ современными европейскими соціологами, американскій философъ Лестеръ Уордъ справедливо указывалъ на поразившую его косность англійскихъ позитивистовъ. Я боюсь, что это замѣчаніе придется распространить и на французскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на возможность университетскаго преподаванія, открывшуюся для главы ихъ Пьера Лафита, благодаря поддержкѣ, оказанной ему Ренаномъ, какъ директоромъ Collège de France, редакторы „Revue

---

на Западѣ въ значительной степени подъ вліяніемъ арабской философіи. Коттеру Моррисону принадлежитъ образцовая въ своемъ родѣ монографія о Бернардѣ Клервосскомъ, обновителѣ западнаго монашества. Она какъ нельзя лучше показываетъ ту точку зрѣнія, съ какой послѣдователи Конта смотрятъ на славное прошлое католицизма и въ частности на соціальную роль средневѣковыхъ монастырей,—этихъ піонеровъ умственнаго, нравственнаго, художественнаго и экономическаго обновленія человѣчества, едва пережившаго эпоху нашествій и хроническихъ междоусобій. Наконецъ, Гаррисонъ не только содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ перваго труда Мэна „Древнее право“, изданнаго на основаніи его записокъ, не только сдѣлалъ возможнымъ своими лекціями по международному праву и исторіи въ школѣ адвокатовъ въ Линкольнсиннѣ правильную постановку преподаванія въ сферѣ общественныхъ наукъ, но рядомъ съ журнальной работой, заслужившей ему имя одного изъ первыхъ эссеистовъ Англіи, онъ сумѣлъ найти время и для изданія блестящей монографіи о Кромвелѣ, также однимъ изъ признаваемыхъ позитивистами великихъ типовъ человѣчества. Къ числу позитивистовъ, хотя болѣе слѣдовавшихъ школѣ Литтрэ, нежели Лафита, надо причислить и Джона Морлэ, который прежде чѣмъ сдѣлаться вліятельнымъ членомъ въ кабинетѣ Гладстона, а затѣмъ однимъ изъ лидеровъ либеральной партіи, пріобрѣлъ извѣстность своими монографіями о Вольтерѣ, Руссо, Беркѣ, а также рядомъ статей объ ирландскомъ вопросѣ. Позитивистомъ надо считать и Джорджа Льюиса, автора не только „Исторіи философіи“, книги, которая вмѣстѣ съ „Прошлымъ философіи“ Е. В. Де-Роберти представляетъ систематическое выраженіе той точки зрѣнія, съ какой философія наукъ смотритъ на своихъ предшественницъ, но и болѣе обширный трактатъ, озаглавленный „Проблемы жизни и духа“, заключающій въ себѣ попытку расширить въ противность Конту область познаваемаго и выдѣлить изъ сферы метафизики задачи, такъ или иначе рѣшаемыя нынѣ научными гипотезами, что не исключаетъ возможности ихъ позднѣйшаго подведенія подъ законы (эта область извѣстна ему подъ именемъ метамиріи).

Occidentale", этого оффиціальнаго органа позитивистовъ, и ихъ единомышленники и сотрудники, считая въ томъ числѣ и доктора Робинэ и недавно умершаго директора Коллегіи общественныхъ наукъ, доктора Делбэ, ограничились пока только популяризаціей взглядовъ Конта, а также отстаиваніемъ ихъ отъ нападокъ Герберта Спенсера и другихъ ревнителей органической теоріи общества. Справедливость заставляетъ сказать, однако, что благодаря соединеннымъ усиліямъ неортодоксальныхъ и ортодоксальныхъ послѣдователей Конта, благодаря параллельной дѣятельности Литтрэ и Лафита съ ихъ многочисленными учениками, основныя положенія контовой соціологіи проникли теперь въ широкіе круги французскаго общества, а также и далеко за его предѣлы. До появленія трудовъ Алангри и Леви Брюля не имѣлось, тѣмъ не менѣе, ни одного сочиненія, которое бы систематически проводило ученіе Конта въ этой области, и еще не имѣется такихъ ни въ Германіи, ни въ Австріи, ни въ Испаніи. Въ Германіи ихъ нѣтъ потому, что большинство ея изслѣдователей въ области общественныхъ наукъ или не порвали связи съ гегелевой философіей, какъ, напримѣръ, Лоренцъ Штейнъ, Марксъ и Энгельсъ, или вернулись къ критицизму Канта, какъ Рудольфъ Штаммлеръ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Экономія и право въ ихъ взаимномъ отношеніи и съ точки зрѣнія историческаго матеріализма". Нѣкоторые нѣмецкіе писатели, отправляясь отъ изученія политической экономіи и ея прикладныхъ частей, постепенно построили отрѣшившуюся отъ всякой связи съ исторіей умственнаго развитія и художественнаго творчества науку объ обществѣ. Они то понимаютъ ее въ томъ же смыслѣ, что и органическая школа соціологіи, напримѣръ Шеффлэ съ своимъ „Строеніе и жизнь соціальнаго тѣла", то отождествляютъ ее съ политикой, какъ наукой, и культуръ-исторіей,—такъ Рошэръ, Гельвальдъ и Липпертъ, то, наконецъ, придумываютъ для нея названіе „народной психологіи", какъ Лацзарусъ и Штейнталь. Этому послѣднему названію посчастливилось.

Народная психологія, нерѣдко смѣшиваемая съ соціологіей, находитъ послѣдователей и ревнителей въ Италіи, въ средѣ криминалистовъ и психологовъ, вышедшихъ изъ школы Ломброзо, таковы Ферри, Сигелэ и за послѣднее время Росси. Во Франціи мѣсто народной психологіи занимаетъ психологія коллективная; лучшимъ выразителемъ этого направленія является здѣсь Тардъ. Что касается Испаніи, то въ ней незначительное число соціологовъ съ Аскаратомъ и Позада во главѣ отражаютъ на себѣ одновременно вліяніе

и контовой и спенсеровой соціологіи. Но въ Италіи и Россіи контова соціологія нашла прямыхъ послѣдователей и отчасти критиковъ въ Астураро, авторѣ сочиненія, озаглавленнаго: „Соціологія, ея методы и открытія“, и въ Стронинѣ, написавшемъ обширное сочиненіе, озаглавленное „Исторія общественности“ (С.-Петербургъ, 85 г.). Критику контовой системы воообще и его соціологіи въ частности представилъ въ Россіи вышедшій изъ гегелевой школы Б. Н. Чичеринъ. Вслѣдъ за нѣмцами онъ продолжаетъ разсматривать основные вопросы обществовѣдѣнія подъ тѣмъ самымъ заглавіемъ „Политики“, подъ какимъ подымалъ и рѣшалъ ихъ еще Аристотель. Та же тенденція замѣтна и въ Италіи, гдѣ выдающіеся публицисты и философы, какъ, напримѣръ, Моска, разбираютъ вопросы соціальной статики въ сочиненіяхъ о политикѣ, предоставляя въ то же время философіи исторіи заботу о построеніи общей теоріи прогресса.

Представленный здѣсь обзоръ далеко не исчерпываетъ собою многоообразныхъ проявленій вліянія Конта на современныхъ соціологовъ. Едва ли кто изъ нихъ не принимаетъ въ расчетъ, и въ своихъ утвержденіяхъ и въ своихъ отрицаніяхъ, послѣднихъ трехъ томовъ „Положительной Философіи“ и предложеннаго ею закона трехъ стадій. Обозрѣвая современныя соціологическія школы, не разъ приходится указывать на то, что поднимаемые нынѣ вопросы и предлагаемыя нынѣ рѣшенія въ зародышѣ или уже въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ могутъ быть найдены еще у Конта.

Если одни оттѣняютъ, напримѣръ, вліяніе, какое на ростъ общества имѣлъ поступательный ходъ численности населенія и его густота (такъ, напримѣръ, Костъ), а другіе переносятъ центръ тяжести при объясненіи структуры обществъ на фактъ присутствія или отсутствія въ нихъ раздѣленія труда (такъ, напримѣръ, Дюркгеймъ), то по сдѣланной справкѣ, оказывается, что значеніе обоихъ фактовъ уже отмѣчено было родоначальникомъ соціологіи. Нельзя также сказать, чтобы психологическая школа была впервые создана Тардомъ. Авторъ „Законовъ подражанія“ первый готовъ признать, что психологическія объясненія не были чужды и Конту, начавшему, какъ извѣстно, свой разборъ современнаго общественнаго уклада съ изученія взаимоотношенія между эгоизмомъ и альтруизмомъ въ психической природѣ человѣка и ставившемъ во главѣ прогресса умственное развитіе народовъ. На занятіе обществовѣдѣніемъ Тардъ, впрочемъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, направленъ былъ чтеніемъ сочиненій Курно, во многомъ сходившагося съ Контомъ.

И въ нашей литературѣ вліяніе Конта сказалось въ томъ скептицизмѣ, съ какимъ встрѣчено было и ученіе объ органической теоріи государства, и ученіе о борьбѣ за существованіе, какъ продолжающейся безъ всякаго существеннаго измѣненія и въ отношеніяхъ классовъ и націй. Имена Лаврова, Михайловскаго и Карѣева неразрывно связаны съ этой полемикой. Ученіе объ общественной солидарности, развивающейся концентрическими кругами и постепенно охватывающей все большія и большія сферы общественности, также находитъ свой отправный пунктъ въ соціологіи Конта, видѣвшей прогрессъ человѣчества, между прочимъ, въ замѣнѣ военно-наступательной политики сперва военно-оборонительной, а затѣмъ индустріальной. Это положеніе—обще Конту съ Сенъ-Симономъ и если Спенсеръ снова оживляетъ его въ своемъ ученіи о смѣнѣ военнаго строя общества строемъ промышленнымъ, то въ этомъ надо видѣть только одно изъ многочисленныхъ доказательствъ испытаннаго имъ воздѣйствія контовыхъ идей.

Я въ правѣ былъ бы также указать на то, что воззрѣніе на общество, какъ на организмъ, развиваемое, какъ извѣстно, Спенсеромъ, а за нимъ Шеффлэ, Лиліенфельдомъ, Вормсомъ, Изулэ, Новиковымъ и отчасти де Грефомъ, уже встрѣчается въ зародышѣ у Конта, который обращается къ этому уподобленію, сознавая въ то же время, что аналогія не есть тавтологія, и потому воздерживаясь отъ того пріуроченія отдѣльныхъ учрежденій и общественныхъ функцій къ различнымъ частямъ человѣческаго тѣла, которое такъ много содѣйствовало искаженію вѣрной въ сущности мысли, вѣрной настолько, насколько ею отрицается чисто механическое, т.-е. искусственное сближеніе различныхъ элементовъ общественности.

ГЛАВА VII.

Соціологія Герберта Спенсера.

---

§ 1.

Говоря о Спенсерѣ и его послѣдователяхъ, я коснулся тѣмъ самымъ въ предшествующей главѣ второй эпохи въ исторіи развитія соціологіи. Она заслуживаетъ такого же внимательнаго изученія, какъ и та, центральной фигурой которой является Контъ. Совершенно независимо отъ крайностей органическаго ученія объ обществѣ, отъ которыхъ Спенсеръ, повидимому, готовъ былъ отказаться въ послѣднее время своей жизни; независимо также отъ практическихъ выводовъ, какіе онъ самъ дѣлаетъ изъ своей системы и которые клонятся къ признанію не только прочности существующаго общественнаго уклада, но и дальнѣйшаго развитія его въ сторону индивидуализма и государственнаго невмѣшательства, наконецъ, вопреки даже явному противорѣчію такихъ выводовъ съ прежними его взглядами, высказанными въ короткомъ, но цѣнномъ трактатѣ „Соціальная статика“, мы все же должны признать въ Спенсерѣ мыслителя, давшаго во второй половинѣ XIX-го вѣка наиболѣе прочную и разностороннюю постановку основнымъ вопросамъ отвлеченной науки объ обществѣ. Имъ ранѣе другихъ привлечены къ построенію соціологіи основные выводы археологіи, антропологіи и этнологіи; имъ впервые указано то значеніе, какое одинаково для исторіи человѣческаго прогресса и для оцѣнки современной общественной структуры имѣетъ преемственное развитіе формъ семьи, собственности, юридическихъ сдѣлокъ, такъ называемаго имъ „церемоніальнаго правительства“, наконецъ, тѣхъ зародышныхъ формъ государственной жизни,

какія народы дикіе и варварскіе имѣютъ въ ордѣ, родѣ, племени. Въ послѣдней части своей соціологіи, уже отразившей на себѣ вліяніе возраста и упадка силъ, Спенсеръ старается включить въ сферу сравнительнаго индуктивно-дедуктивнаго изслѣдованія и обширную область экономической жизни, при чемъ, къ сожалѣнію, оказывается, что сдѣланный имъ запасъ фактовъ восходитъ къ эпохѣ предшествующей первымъ сколько-нибудь систематическимъ попыткамъ освѣтить исторію хозяйственнаго развитія отдѣльныхъ странъ и народовъ.

Изъ взглядовъ, высказанныхъ Спенсеромъ по вопросамъ обществовѣдѣнія, наибольшей извѣстностью пользуется его органическая теорія государства. Спенсера превозносятъ или, наоборотъ, порицаютъ, смотря по тому, готовы ли принять, или отвергнуть эту гипотезу. Но органическая теорія государства создана вовсе не Спенсеромъ; мало этого, соціальная доктрина его не вытекаетъ необходимо изъ признанія за государствомъ органической природы.

Едва ли нужно напомнить, что первый зародышъ ученія, согласно которому различные соціальные классы и соотвѣтствующія имъ учрежденія признаются частями одного органическаго цѣлаго, восходитъ къ Платону. Много вѣковъ спустя, Плутархъ въ своихъ „Moralia“ проводитъ ту же точку зрѣнія. „Moralia“ Плутарха были очень распространены въ византійскомъ и средневѣковомъ обществахъ. Они сохранили отъ забвенія платоново ученіе объ органической природѣ государства даже въ эпоху, когда мысли величайшаго изъ философовъ Греціи извѣстны были міру лишь въ отрывочномъ видѣ и доходили до него окольными путями. Въ XII вѣкѣ Іоаннъ Салисберійскій, слѣдуя Платону, снова выставилъ положеніе о государствѣ-организмѣ. Прежде появленія „Богословской Энциклопедіи“ („Summa theologiae“) Ѳомы Аквината, „Polycraticus“ Іоанна Салисберійскаго резюмировалъ, такъ сказать, все соціальное и политическое знаніе среднихъ вѣковъ. Къ этой книгѣ постоянно обращались за справками и ее не разъ рабски списывали. Благодаря ей, органическая теорія государства перешла въ сочиненія первыхъ представителей схоластической философіи, особенно въ „Specula“ Винцента изъ Бовэ. Одинъ существенный отдѣлъ этихъ „Specula“, доселѣ не изданный, хранится среди рукописей одного колледжа въ Оксфордѣ. Въ этомъ то фрагментѣ мнѣ и удалось открыть воспроизведеніе доктринъ Платона и Плутарха о государствѣ-организмѣ.

Эта теорія, связываемая обыкновенно съ именемъ Гоббса, была извѣстна, такимъ образомъ, за много вѣковъ до него. Гоббсъ су-

мѣлъ придать ей, однако, нѣкоторую оригинальность и въ высшей степени блестящую форму въ своемъ „Левіаѳанѣ“. Ученіе Герберта Спенсера есть лишь новое выраженіе той же доктрины, насчитывающей, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ существованія.

Даже среди современныхъ соціологовъ эта доктрина не составляетъ исключительнаго достоянія великаго англійскаго мыслителя. Шэффле, Лиліенфельдъ, Рене Вормсъ, выставили ее за свой счетъ и впали въ немало преувеличеній при ея развитіи. Въ своихъ поискахъ за аналогіями между государствомъ и живымъ организмомъ, они дошли до отождествленія биржи съ человѣческимъ сердцемъ. Они готовы были говорить о соціальной патологіи по поводу соціализма и анархизма и т. д., и т. д. Мы напрасно стали бы искать такихъ же преувеличеній у Спенсера. Кромѣ того, авторъ „Основъ соціологіи“ представляетъ себѣ соціальныя явленія скорѣе съ характеромъ суперорганическимъ, чѣмъ органическимъ. Не онъ ли, въ первой же главѣ своихъ „Основъ“, говоритъ, что намѣренъ приступить теперь къ рѣшенію вопросовъ, относящихся къ области суперорганической эволюціи; въ предыдущихъ же трудахъ ему приходилось имѣть дѣло съ эволюціей чисто-органической (стр. 5). Форма эволюціи, которую я называю суперорганической,—продолжаетъ Спенсеръ, должна была вырасти незамѣтно изъ органической. Мы можемъ свободно подвести подъ это понятіе тѣ акты и явленія, которыя предполагаютъ координированныя дѣйствія многихъ индивидовъ и порождаютъ такія сложныя и обширныя послѣдствія, что ихъ легко отличить отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ. Еще въ 1850 г. Спенсеръ писалъ въ своихъ знаменитыхъ „Основныхъ принципахъ“ (§ III), что процессы, вызываемые дѣйствіемъ живыхъ аггрегатовъ или организмовъ, образуютъ особый родъ явленій, которыя могутъ быть названы суперорганическими; ихъ можно встрѣтить даже среди низшихъ существъ. Эспинасъ взялся доказать правильность этого положенія въ своей книгѣ объ „Обществахъ животныхъ“,—книгѣ, которая справедливо получила весьма громкую извѣстность. „Если суперорганическая жизнь появляется уже въ союзахъ животныхъ, продолжаетъ Спенсеръ, то она особенно характерна для человѣчества. Отношенія людей между собою принадлежатъ къ типу явленій суперорганическихъ по преимуществу. Спенсеръ возвращается къ той же мысли и въ „Основахъ соціологіи“. „Мнѣ казалось необходимымъ,—пишетъ онъ,—обратить вниманіе на то, что надъ органической эволюціей постоянно возникаетъ новый и высшій типъ эво-

люціи, которую я бы назвалъ охотно суперорганической". Она представляетъ нѣсколько типовъ. Каждый опредѣляется особенностями того животнаго царства, у котораго мы его наблюдаемъ. Спенсеръ начинаетъ свой обзоръ съ насѣкомыхъ и заканчиваетъ его изученіемъ явленій, свойственныхъ людямъ.

Такимъ образомъ, основные взгляды Спенсера нѣсколько отличны отъ тѣхъ, какіе ему приписываютъ. Съ другой стороны, одинъ тотъ фактъ, что ученые, какъ Шэффле, выводили изъ того же положенія о государствѣ-организмѣ совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ Спенсеръ,—не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что органическая теорія государства не стоитъ въ тѣсной связи съ его соціальной доктриной.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ крайне важенъ для вѣрнаго пониманія мыслей англійскаго философа. Авторъ „Строя и жизни общественнаго тѣла", нѣмецкій экономистъ и соціологъ Шэффле, былъ въ такой же степени, какъ и Спенсеръ, защитникомъ органической теоріи государства, но, въ противоположность ему, онъ старался доказать, что такая теорія необходимо ведетъ къ соціализаціи производства, къ той самой соціализаціи, ярымъ противникомъ которой Спенсеръ оставался всю свою жизнь.

Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствительный источникъ соціальной доктрины Спенсера надо искать въ чемъ иномъ, а не въ органической теоріи государства.

§ 2.

Когда для XIX столѣтія настанетъ пора окончательной оцѣнки всего сдѣланнаго имъ для исторіи прогресса, однимъ изъ духовныхъ его вождей признанъ будетъ, наравнѣ съ Сенъ-Симономъ и Огюстомъ Контомъ, и Гербертъ Спенсеръ.

Подобно Конту, онъ вышелъ изъ рядовъ буржуазіи, испыталъ на себѣ весьма рано воспитательное вліяніе радикальныхъ теченій, совпавшихъ съ эпохою февральской революціи и ея отраженіемъ въ англійской средѣ. Спенсеръ былъ сыномъ веслеянскаго педагога, поселившагося въ Дарби и поручившаго его воспитаніе своему двоюродному брату, приходскому священнику въ Гинтонѣ. Получивши у него математическое образованіе, Спенсеръ посвятилъ себя на первыхъ порахъ дѣятельности гражданскаго инженера. Весьма рано онъ захваченъ былъ движеніемъ въ пользу демократическихъ ре-

формъ столько же въ области экономики, сколько и политики. Въ 1842 году, въ газетѣ „Nonconformist“ (т.-е. „раскольникъ“) онъ напечаталъ письма о дѣйствительныхъ задачахъ государства и указалъ въ нихъ на избытокъ законодательнаго вмѣшательства, какъ на почти никѣмъ незамѣченную первопричину существующихъ нестроеній.

Восемь лѣтъ спустя появляется первая его книга подъ названіемъ „Соціальная статика“. Названіе вызвало у современниковъ опасеніе, не соціалистъ ли ея авторъ. Одинъ изъ тогдашнихъ органовъ періодической печати, газета „Leader“, поспѣшила разувѣрить читателей, говоря, что авторъ расходится съ Прудономъ и коммунистами, которыхъ, какъ думали ошибочно, онъ намѣренъ поддержать [1]). На самомъ дѣлѣ сочиненіе Спенсера проводило тѣ самые взгляды на невмѣшательство государства въ неподобающую ему сферу, которыми авторъ озабоченъ былъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности и которые нашли затѣмъ полное развитіе въ его извѣстномъ памфлетѣ „Личность противъ государства“.

Нашъ авторъ пришелъ къ своему пониманію благодаря расширенію основъ доктрины, появившейся въ Англіи еще въ серединѣ XVII столѣтія,—доктрины естественнаго права. Спенсеръ старался связать ее съ великимъ закономъ эволюціи, открытымъ имъ еще до Дарвина.

Эволюція, согласно Герберту Спенсеру, происходитъ двумя различными и взаимно восполняющими другъ друга порядками: путемъ дифференціаціи функцій и имъ соотвѣтствующихъ органовъ и путемъ интеграціи. Въ приложеніи къ будущему государства, законъ эволюціи требуетъ постепеннаго ограниченія его аттрибутовъ въ интересахъ индивидовъ и свободныхъ ассоціацій. Но въ то же время государство должно сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, необходимую для защиты правъ личности.

Мнѣ кажется, было бы весьма умѣстно задаться вопросомъ, находитъ ли эта доктрина подтвержденіе въ дѣйствительной исторіи государства, или, можетъ быть, государство развивалось въ направленіи совершенно обратномъ тому, какое приписываетъ ему Спенсеръ. Не вѣрнѣе ли передаютъ смыслъ его эволюціи тѣ, кто говоритъ о прогрессивномъ расширеніи функцій государства? Но если такъ, то что позволяетъ намъ утверждать, что это расширеніе никогда не перейдетъ той или иной напередъ установленной

[1]) D. Duncan, стр. 58.

границы, что единственной задачей государства будущаго надо считать обезпеченіе каждому невозбраннаго пользованія его свободой?

Чтобы вкратцѣ указать на главныя возраженія, которыя можно выставить противъ исторической концепціи Спенсера, я позволю себѣ напомнить, что государство даже не всегда исполняло ту роль полицейскаго комиссара, заботящагося о сохраненіи общественнаго порядка, къ которой англійскій философъ хотѣлъ бы свести всю его дѣятельность. Въ эпоху, когда преслѣдованіе преступника было дѣломъ частнымъ, и родственники сами должны были мстить за жертву, государство вмѣшивалось лишь косвеннымъ образомъ во внутреннія ссоры между семьями и родами. Еще въ правленіе Ины убійство короля вело за собою въ Англіи лишь частное преслѣдованіе убійцы. Прошли столѣтія, прежде чѣмъ изъ понятія мира короля и Церкви выросло понятіе мира всего королевства, земскаго мира.

Съ другой стороны, государство уже съ давнихъ поръ вмѣшивалось въ область экономической жизни. Такъ было во времена классической древности и позднѣе, въ средніе вѣка. Нужно ли мнѣ напоминать длинный рядъ законовъ, начиная съ закона вавилонскаго царя Гамураби, современника Авраама, которые пытались съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ установить цѣны товаровъ и размѣръ заработной платы? Въ моей „Исторіи экономическаго роста Европы“ я подробно остановился на анализѣ рабочаго законодательства среднихъ вѣковъ,—въ особенности того, которое было вызвано къ жизни экономическими послѣдствіями такъ называемой „Черной Смерти“ (1348 г.). Всѣ европейскія правительства, подъ давленіемъ господствующихъ классовъ, старались въ это время помѣшать росту заработной платы, который явился естественнымъ результатомъ уменьшенія числа жителей, а слѣдовательно, и трудящихся. То же самое явленіе, только въ еще большемъ размѣрѣ, имѣло мѣсто въ правленіе Діоклетіана. Знаменитый Моммзенъ опубликовалъ и выяснилъ значеніе его закона о maximum. Аналогичные этому законы мы встрѣчаемъ какъ при Карлѣ Великомъ и первыхъ германскихъ императорахъ, такъ и во времена Елизаветы Англійской, такъ, наконецъ, и въ эпоху французскаго Конвента 1793 года.

Въ общемъ, съ момента реформаціи государство призвано было исполнять по отношенію къ бѣднымъ и обездоленнымъ тѣ же обязанности, какія въ средніе вѣка лежали на Церкви; немедленно вслѣдъ затѣмъ ставится на очередь, въ законодательномъ порядкѣ, вопросъ о правѣ на трудъ. Въ Англіи законъ при-

казываетъ приходамъ содержать живущихъ на ихъ земляхъ нищихъ, доставлять имъ работу на домъ или устраивать для нихъ особаго рода національныя мастерскія, извѣстныя подъ именемъ „домовъ для бѣдныхъ“. Вводится новый мѣстный налогъ для покрытія издержекъ на учрежденіе и содержаніе этихъ домовъ. Драконовскія мѣры, введенныя Генрихомъ VIII и направленныя противъ бродягъ и праздношатающихся, дополняются цѣлымъ рядомъ законовъ и указовъ, предписывающихъ приходскимъ властямъ заботиться о матеріальныхъ нуждахъ безработныхъ.

Изучая это законодательство, Монтескьё еще до Тюрго пришелъ къ признанію права на трудъ. Въ „тетрадяхъ жалобъ“, или наказахъ избирателямъ отъ 1789 г., не разъ указывается на необходимость доставлять всѣмъ гражданамъ возможность найти заработокъ. Знаменитыя національныя мастерскія, учрежденіе которыхъ въ 1848 г., быть можетъ, не вполнѣ основательно приписываютъ Луи Блану, были лишь частичнымъ и недостаточнымъ осуществленіемъ тѣхъ самыхъ требованій, которыя вытекаютъ изъ признанія права на трудъ.

Не продолжая далѣе этого бѣглаго перечня фактовъ, краснорѣчиво говорящихъ о прогрессивномъ сосредоточеніи въ рукахъ правительства самыхъ разнообразныхъ функцій, мы вынуждены сказать, что эволюція государственной власти, какъ она намъ рисуется, совершенно не соотвѣтствуетъ построеніямъ Спенсера.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать то заключеніе, что на его соціальную и политическую философію нельзя смотрѣть, какъ на необходимый выводъ изъ органической теоріи государства. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что, строя свою доктрину, Спенсеръ почти не руководствовался тѣми представленіями, которыя сложились въ его умѣ по отношенію къ эволюціи государства. Но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же искать источника его ученія, каковы его исходные моменты и къ какой школѣ слѣдуетъ причислить Спенсера-политика. Въ одномъ изъ произведеній своей юности, „Соціальной статикѣ“, онъ излагаетъ свою соціальную и политическую программу, до малѣйшихъ подробностей напоминающую радикальныя доктрины, которыя были въ ходу въ Англіи въ серединѣ XVII в., въ ту эпоху, когда англійскіе уравнители, такъ называемые левеллеры, съ Джономъ Лилльборномъ во главѣ, провозглашали себя защитниками прирожденной свободы англійскаго гражданина (freeborn englishman). Эта доктрина, которая только отчасти была воспринята Джономъ Локкомъ, не признавала за государствомъ

никакихъ другихъ функцій, кромѣ обязанности обезпечить каждому гражданину возможность пользоваться свободой, въ одинаковой степени необходимой всѣмъ людямъ. Каждый гражданинъ можетъ требовать, чтобы его судили сограждане, его пэры, т.-е. свободно избранные присяжные; онъ долженъ быть надѣленъ правомъ обжаловать въ судахъ случаи произвольнаго ареста; законодательствомъ должны быть признаны свобода совѣсти, право платить налоги лишь въ случаѣ предварительнаго согласія на нихъ народныхъ представителей, свобода слова и печати, свобода сходокъ. Все, что столѣтіе спустя философы и законовѣды вздумаютъ обнять неопредѣленнымъ терминомъ „естественное право“, по существу своему вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя левеллеры ставили власти, ссылаясь на прирожденныя права англійскаго гражданина.

Обѣщанія, данныя Іоанномъ Безземельнымъ своимъ подданнымъ въ Великой Хартіи 1215 года, должны были въ глазахъ левеллеровъ найти давно ожидаемое осуществленіе изъ рукъ республиканскаго правительства, основаннаго пресвитеріанами и индепендентами кромвелевой арміи. Недавно въ Англіи былъ опубликованъ рядъ любопытныхъ документовъ, бросающихъ живой свѣтъ на взгляды, распространенные среди офицеровъ и солдатъ, стоявшихъ подъ знаменами будущаго Лорда-Протектора. Между членами Военныхъ Совѣтовъ арміи, думавшими, что они призваны указать королю и парламенту правильный путь къ рѣшенію всѣхъ поставленныхъ временемъ вопросовъ, происходили не разъ въ высшей степени интересные дебаты о зарожденіи, характерѣ и границахъ верховной власти. Двѣ теоріи раздѣляли въ это время владычество надъ умами. Республиканскіе порядки, сложившіеся вслѣдъ за распущеніемъ Долгаго Парламента, носятъ на себѣ печать ожесточенной борьбы, которую вели между собою приверженцы этихъ двухъ противоположныхъ теорій.

Одна изъ нихъ опиралась на тѣ же принципы, которые и ранѣе руководили политической жизнью Англіи; она только истолковывала ихъ въ духѣ демократіи и республики. Государство должно было, согласно этой теоріи, оставаться столь же всемогущимъ, какъ и во времена Генриха VIII и Елизаветы. Кромвель и его духовный руководитель Айертонъ признавали за гражданами лишь тѣ права, которыя они называли „существенными“, т.-е., прежде всего, свободу совѣсти. Что же касается до другихъ проявленій индивидуальной свободы, то всѣ они имѣютъ, по ихъ мнѣнію, только второстепенное значеніе и не должны выходить за предѣлы, ко-

торые найдетъ нужнымъ поставить имъ глава исполнительной власти и Парламентъ, составленный отнынѣ всего на всего изъ одной палаты, избираемой всеобщимъ голосованіемъ.

Эта точка зрѣнія, которой придерживались главные начальники, далеко не раздѣлялась большинствомъ офицеровъ. Проникнутые идеями Джона Лилльборна, они высказывались въ пользу установленія такого государства, которое относилось бы съ уваженіемъ къ индивидуальной свободѣ гражданъ и ставило бы своей задачей заботиться о возможно полномъ проведеніи ея въ жизнь. Борьба этихъ двухъ доктринъ кончилась побѣдою той, которая отстаивала всемогущество правительства. Свое завершеніе она нашла въ произведеніи, которое совершенно несправедливо признаютъ программой монархической партіи; я говорю объ обширномъ трактатѣ по публичному праву, извѣстномъ подъ именемъ Левіаѳана. Одно то, что Кромвель разрѣшилъ автору этого произведенія, Томасу Гоббсу, поселиться въ Англіи, несмотря на то, что онъ еще недавно находился въ близкихъ сношеніяхъ съ претендентомъ на англійскій престолъ, Карломъ Стюартомъ, должно было бы вызвать сомнѣніе въ тѣхъ, кто продолжаетъ видѣть въ Гоббсѣ, прежде всего, горячаго защитника королевскаго абсолютизма. На самомъ дѣлѣ авторъ Левіаѳана требуетъ всемогущества для государства, независимо отъ формы его правленія.

Государство, согласно Гоббсу, является продуктомъ сознательной дѣятельности множества людей, испытавшихъ на себѣ опасности и невыгоды естественнаго состоянія. Послѣднее рисуется его воображенію, какъ постоянное столкновеніе страстей и интересовъ, какъ „борьба всѣхъ противъ всѣхъ“. Стремясь къ установленію мира, люди соглашаются уступить избранной ими власти всѣ свои права, безъ исключенія; они готовы признавать отнынѣ только тѣ формы свободы и тѣ порядки собственности, которые будутъ установлены этою властью, исповѣдывать ту религію и руководствоваться тою моралью, которыя власти государства признаютъ наиболѣе желательными. Только цѣной такихъ пожертвованій можетъ быть обезпеченъ, по мнѣнію Гоббса, внутренній миръ. Несмотря на оригинальность, которую имѣетъ на первый взглядъ эта доктрина, она является, въ концѣ концовъ, лишь крайнимъ выраженіемъ того самаго принципа, котораго англичане придерживались уже въ теченіе вѣковъ, и который едва ли можетъ быть выраженъ лучше, чѣмъ извѣстной сентенціей судьи Кока: „Парламентъ все можетъ; онъ не въ состояніи только изъ мужчины сдѣлать женщину, а изъ женщины мужчину“. Этимъ

елизаветинскій судья хотѣлъ сказать, что для могущества парламента нѣтъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются законами природы. Во Франціи выразителемъ этой теоріи явился Жанъ Жакъ Руссо; онъ истолковалъ ее въ пользу демократической власти, власти всего народа, который своими рѣшеніями облекаетъ въ форму закона „общую волю всѣхъ гражданъ“. Суверенитетъ народа есть лишь новый видъ всемогущества государства.

Гербертъ Спенсеръ съ самаго начала объявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ этой доктрины. Отрицая всемогущество государства, онъ принялъ подъ свою защиту прирожденныя права человѣка. Они нашли незадолго передъ тѣмъ безжалостнаго отрицателя въ лицѣ Бентама.

Противъ этого знаменитаго врага „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“, полагавшаго, что въ ней нашли выраженiе себѣ одни принципы анархiи, и выступилъ съ глубокой и систематической критикой нашъ философъ. Стоитъ прочесть первыя страницы его „Соцiальной статики“, написанной нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ февральской революцiи и, изучить, какъ она этого заслуживаетъ, послѣднюю часть его позднѣйшаго сочиненiя „Основанiя ученiя о нравственности“, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ тѣсно связаны между собою отдѣльныя положенiя его доктрины и какъ вѣренъ остался онъ всю свою жизнь принципамъ, разъ признаннымъ имъ правильными.

Ученiе Спенсера цѣликомъ вытекаетъ изъ одной общей посылки, именно той, что „счастье зависитъ отъ наиболѣе полнаго пользованiя нашими способностями“. Но такое пользованiе можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если каждому будетъ предоставлена самая широкая свобода. Ей могутъ быть поставлены лишь тѣ границы, которыя вытекаютъ изъ признанiя равной свободы другихъ, т.-е. всѣхъ гражданъ или, вѣрнѣе, всѣхъ людей. Спенсеръ не ограничиваетъ дѣйствiе своего принципа предѣлами государства; свобода эмиграцiи и свобода торговли должны быть, по его мнѣнiю, равно гарантированы отъ всякаго вмѣшательства со стороны власти, а это одно ужъ служитъ доказательствомъ интернацiонализма англiйскаго соцiолога. Таковъ онъ былъ въ началѣ своей писательской дѣятельности и такимъ онъ остался до смерти. Достаточно вспомнить его отношенiе къ англобурской войнѣ, его нападенiя на имперiалистическiя тенденцiи, на возрожденiе англiйскаго протекцiонизма и англiйской исключительности.

Признавъ вмѣстѣ съ „левеллерами“ или уравнителями XVII ст.

принципъ равной для всѣхъ свободы, Спенсеръ послѣдовательно выводитъ изъ него слѣдующія послѣдствія: государство должно заботиться о томъ, чтобы граждане могли безпрепятственно пользоваться личной автономіей. Когда государство расширяетъ свою власть, беря на себя выполненіе и другихъ функцій, помимо охраны свободы, то послѣдствіемъ этого можетъ быть помѣха ея развитію. Всякой функціи долженъ соотвѣтствовать органъ; функція защиты индивидуальной свободы принадлежитъ по праву государству; этой одной функціи для него совершенно достаточно. Кто хочетъ заставить государство исполнять еще какую-нибудь другую роль, напр., заботиться о доставленіи возможно бо́льшаго счастія возможно бо́льшему числу людей, тотъ, если вѣрить Спенсеру, не понимаетъ закона эволюціи, такъ какъ этотъ законъ состоитъ въ прогрессивной дифференціаціи функцій и соотвѣтствующихъ имъ органовъ.

Еще въ первомъ своемъ соціологическомъ трактатѣ, въ „Соціальной статикѣ“, написанной въ 1849 – 50 г., Спенсеръ заявляетъ, что между высшими и низшими животными замѣчается различіе въ числѣ органовъ, исполняющихъ отдѣльныя жизненныя функціи. Тотъ же фактъ встрѣчается и въ человѣческихъ обществахъ въ зависимости отъ степени ихъ развитія. Взявъ его за критерій, мы можемъ расположить всѣ виды человѣческихъ сообществъ въ извѣстномъ порядкѣ возрастающей дифференціаціи. Законъ ея постепеннаго роста управляетъ, по мнѣнію Спенсера, всѣмъ поступательнымъ ходомъ общественной жизни; онъ проявляется какъ въ экономической сферѣ въ формѣ раздѣленія труда, такъ и въ сферѣ развитія языка и учрежденій. Въ новомъ изданіи того же сочиненія, вышедшемъ въ 1902 г., мы встрѣчаемъ примѣчаніе, гласящее, что еще въ 1849-мъ году Спенсеръ придерживался тѣхъ же мыслей насчетъ природы эволюціи, или прогресса, что и полъ-вѣка спустя, когда заканчивался имъ его обширный трактатъ „Основанія соціологіи“ [1]).

Всякое расширеніе функцій государства, противорѣчащее закону прогресса, требующему возрастающей дифференціаціи, является, поэтому, въ глазахъ Спенсера попятнымъ движеніемъ. Оно заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ посягательство на индивидуальную свободу. Спенсеръ пытается доказать это, прибѣгая къ формѣ діалога между частнымъ лицомъ и государствомъ.

— Къ чему вы призваны, какъ руководители общества?—спрашиваетъ гражданинъ, обращаясь къ правителямъ. — Развѣ не къ

[1]) См. „Social Statics“, изд. 1902 г., стр. 120.

тому, чтобы защищать интересы всѣхъ, кто ввѣрилъ вамъ власть; развѣ вы не должны заботиться прежде всего о томъ, чтобы каждый пользовался необходимой для развитія его способностей и возможно широкой свободой, подъ условіемъ, однако, чтобы она не нарушала равной свободы другихъ людей?

— Совершенно вѣрно, — слѣдуетъ отвѣтъ. — Такова ближайшая наша обязанность. При передачѣ намъ власти было рѣшено, что мы не будемъ стѣснять ничьей свободы, разъ этого не требуетъ обезпеченіе равной свободы всѣхъ.

— Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ,—возражаетъ собесѣдникъ,— вы требуете отъ меня денегъ на покрытіе нуждъ, не имѣющихъ ничего общаго съ защитой моей свободы? Зачѣмъ вы лишаете меня того, что необходимо мнѣ самому, отъ чего зависитъ полное развитіе моей личности? Заставляя меня давать вамъ часть моего имущества, вы лишаете меня возможности найти наилучшее употребленіе для моихъ способностей, или, что, въ концѣ-концовъ, одно и то же, вы ограничиваете мою свободу. Грабя меня, вы, вмѣсто того, чтобы оказывать кому либо услугу, приносите мнѣ только вредъ. Тѣмъ самымъ вы уклоняетесь отъ исполненія вашихъ прямыхъ обязанностей и перестаете служить той функціи, для которой вы были созданы [1]).

Гербертъ Спенсеръ ничего не прибавилъ новаго къ своей доктринѣ о нормальномъ отношеніи государства къ индивиду въ извѣстномъ разсужденіи: „Личность противъ государства“. Это не помѣшало его брошюрѣ вызвать своимъ появленіемъ цѣлую бурю негодованія. Спенсера стали считать,—по-моему, совершенно неосновательно,—за противника демократическихъ требованій, тогда какъ онъ боролся только противъ преобладающей тенденціи расширять произвольно область правительственнаго вмѣшательства. Онъ оспаривалъ пользу его, исходя изъ того же начала борьбы классовъ, которое служитъ основою и для марксистскаго соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Соціальной статикѣ“ можно найти слѣдующее характерное мѣсто: „Разъ мы согласимся съ тѣмъ, что люди по своей природѣ эгоистичны, какъ можемъ мы думать, что тѣ, которымъ ввѣрена власть, не будутъ пользоваться ею, какъ имъ покажется наиболѣе выгоднымъ. Легко убѣдиться, что такъ всегда и было, притомъ въ любой періодъ исторіи. Во времена господства монархіи единственной цѣлью, которую ставило себѣ правительство, было обезпеченіе своихъ собственныхъ интересовъ. Оно стремилось расширить свою власть, кон-

[1]) Ibid., стр. 121.

фисковывало имущество подданныхъ, продавало право отправленія правосудія тому, кто соглашался произвести наибольшій платежъ, и чеканило фальшивую монету. Его жадность доходила до того, что оно не брезгало извлекать доходъ даже съ профессіи проституткъ". Гербертъ Спенсеръ пытается доказать, что классовые интересы одинаково преслѣдовались какъ въ эпоху феодальныхъ порядковъ, предшествовавшихъ во времени неограниченной монархіи, такъ и съ момента господства парламентской аристократіи, являющейся непосредственнымъ преемникомъ королевскаго абсолютизма. Можно было бы подумать, что читаешь горячій памфлетъ, вылившійся изъ-подъ пера какого-нибудь чартиста и который охотно былъ бы включенъ въ библіотеку, созданную для пропаганды доктринъ Карла Маркса. Въ дѣйствительности Спенсеръ весьма далекъ отъ того, чтобы требовать отмѣны существующаго строя или отрицать вмѣстѣ съ анархистами необходимость самаго существованія государства. Онъ хочетъ только того, чтобы государственной власти были поставлены извѣстныя границы, которыя бы дали ей возможность исполнять исключительно ту функцію, ради которой она создана; онъ стремится къ тому, чтобы правительство видѣло свою единственную задачу въ защитѣ правъ личности.

Спенсера часто обвиняли въ анархическихъ тенденціяхъ. На самомъ же дѣлѣ, хотя онъ и не отрицалъ никогда, что употребленіе силы со стороны государства есть зло, тѣмъ не менѣе весьма часто и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ ему приходилось высказываться въ пользу активнаго сопротивленія, въ интересахъ защиты правъ личности, порядка и общественнаго спокойствія.

Не разъ изъ его устъ слышались рѣчи, радикально расходящіяся съ проповѣдью Толстого. „Нужно признать, что несопротивленіе злу есть абсолютное зло,—читаемъ мы въ его „Соціальной статикѣ".—Мы не можемъ отказываться отъ того, что должно быть нашимъ; мы не можемъ пренебрегать тѣми правами, которыя принадлежатъ намъ съ самаго рожденія. Если мы обязаны уважать чужіе интересы, то какъ можемъ мы относиться безразлично къ признанію или непризнанію своихъ собственныхъ? Неужели то, что священно въ личности другого человѣка, теряетъ характеръ святости, какъ только страдающимъ субъектомъ являемся мы сами? У насъ, несомнѣнно, имѣется тенденція выражать нашу свободу во внѣшнихъ поступкахъ; она и вызываетъ въ насъ рѣшимость признавать за другими людьми равное съ нами право самоопредѣленія. Но развѣ не стоитъ внѣ спора, что мы начинаемъ уважать свободу ближнихъ только тогда, когда мы научились служить активной защитѣ своихъ

собственныхъ правъ! Мы не можемъ оставаться пассивными, когда на насъ нападаютъ; въ борьбѣ за свои права мы научаемся исполнять нашъ долгъ“ (стр. 117).

Но, требуя признанія за личностью права активнаго сопротивленія, Спенсеръ считаетъ, что и государство должно пользоваться своею силою, въ случаѣ, если дѣло идетъ о защитѣ свободы его гражданъ. Правда, англійскій философъ вовсе не хочетъ того, чтобы демократическое правительство прибѣгало къ принужденію такъ же часто, какъ военныя монархіи. Онъ не разъ повторяетъ, что народною формою правленія называется та, которая требуетъ отъ гражданъ наименьшихъ жертвъ и оставляетъ имъ возможно широкую свободу дѣйствія. „Поэтому, говоря о демократической формѣ правленія, мы и употребляемъ,—пишетъ онъ,—такіе термины, какъ свободныя учрежденія, самоуправленіе, гражданская свобода и т. п. Но подобно тому, какъ способность управлять самимъ собой зависитъ отъ степени развитія въ личности нравственнаго чувства, такъ точно интенсивности этого чувства должна соотвѣтствовать та степень свободы, которая признается за индивидомъ учрежденіями и законами. Истинно-демократическое правленіе можетъ оказаться жизнеспособнымъ лишь въ томъ случаѣ, если нравственное чувство не только проявляетъ себя весьма активно, но еще достаточно распространено въ массѣ населенія“.

Разсуждая такимъ образомъ, Спенсеръ высказываетъ, между прочимъ, одну мысль, которая могла бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, разъ мы ее изолируемъ отъ того контекста, въ которомъ она стоитъ. „Поступками людей, — говоритъ онъ, — должна управлять внутренняя или внѣшняя сила. Когда всѣ люди въ своемъ поведеніи подчиняются вліянію внутренней силы, т.-е. своему нравственному чувству, то правительство становится излишнимъ. Напротивъ, если нравственное чувство недостаточно интенсивно, то немыслимо обойтись безъ дополнительнаго руководительства силы, привходящей извнѣ“. Если передать эти мысли разговорнымъ языкомъ, надо будетъ сказать: только то общество можетъ обойтись безъ всякаго правительства, членами котораго являются личности, стоящія на высшей ступени развитія нравственнаго чувства, т.-е. существа, придерживающіяся въ своемъ отношеніи къ другимъ людямъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые они желали бы видѣть примѣненными къ себѣ. Но такъ какъ такое общество встрѣтить трудно, то изъ этого слѣдуетъ, что правительство необходимо должно продолжать свое существованіе. Такимъ обра-

зомъ, мы видимъ, что въ глазахъ Спенсера правительство приноситъ извѣстную пользу; но оно можетъ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ, если расширитъ свои правомочія и возьметъ на себя задачи, которыя лучше могли бы быть выполнены другимъ общественнымъ органомъ.

То же нерасположеніе къ „полновластію“ государства препятствовало сочувственному отношенію Спенсера къ соціализму. Тотъ соціализмъ, съ которымъ онъ боролся, былъ дѣйствительно „государственнымъ“ (я разумѣю соціализмъ Луи Блана); Спенсеръ видѣлъ въ немъ прежде всего ученіе, по которому государство призвано регулировать производство. Желая доказать неосновательность такого требованія, Спенсеръ приводитъ въ своемъ сочиненіи рядъ хорошо извѣстныхъ историческихъ фактовъ, показывающихъ, что всякій разъ, когда правительство принимало на себя выполненіе подобной задачи, оно пользовалось своей силой въ интересахъ господствующихъ классовъ, выразителемъ которыхъ оно и было на дѣлѣ.

„До какихъ предѣловъ хотите вы расширить власть правительства?—спрашиваетъ Спенсеръ.—Долженъ ли я признать за государствомъ право регулировать промышленность, какъ это было нѣкогда во Франціи стараго порядка, когда ремесленниковъ и фабрикантовъ выставляли къ позорному столбу за дурно сдѣланную работу, за неправильности, допущенныя ими при изготовленіи тканей? Нужно ли возвращаться къ тѣмъ временамъ, когда желающій трудиться не былъ свободенъ въ выборѣ мѣстожительства, когда онъ былъ принужденъ заниматься своимъ ремесломъ лишь въ теченіе нѣкоторой части года или принимать заказы только отъ опредѣленной группы кліентовъ? Или, можетъ быть, желательно вернуться къ тѣмъ порядкамъ, которые не позволяли въ Германіи сапожнику заняться своимъ ремесломъ прежде, чѣмъ изготовленная имъ на образчикъ работа не получитъ благопріятной оцѣнки со стороны избранныхъ цехомъ старшинъ? Нужно ли, чтобы человѣкъ, попрежнему, не смѣлъ мѣнять рода занятій или селиться въ томъ или другомъ городѣ по выбору, не получивъ на то спеціальнаго разрѣшенія?“ Спенсеръ обозрѣваетъ различные законы, изданные противъ роскоши, а также рядъ предписаній, имѣвшихъ своей задачей установить цѣны на товары и размѣръ заработной платы; онъ показываетъ безсиліе первыхъ и вредъ, причиненный послѣдними трудящемуся люду, въ виду того, что они сознательно стремились къ одной цѣли: помѣшать производителямъ и рабочимъ извлекать выгоду отъ увеличенія спроса на трудъ и его продукты. Изъ всего этого онъ дѣлаетъ то общее заключеніе, что единственной задачей,

которую постоянно ставило себѣ государство, было защищать интересы господствующихъ классовъ.

Спенсеръ и впослѣдствіи не разъ возвращался къ развитію тѣхъ же мыслей: такъ, напримѣръ, въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ „Грядущее рабство“. Въ этой брошюрѣ говорится о законодательствѣ Эдуарда III, направленномъ къ задержанію роста заработной платы; Спенсеръ старается доказать съ помощью его, что правительство всегда регулируетъ производство такимъ образомъ, чтобы собственники и предприниматели могли получать наибольшую выгоду. Но если онъ и не признаетъ вмѣшательства государства въ область экономической жизни, если онъ доводитъ свою непримиримость въ этомъ вопросѣ до отрицанія пользы, какую можетъ доставить регулированіе закономъ самой продолжительности рабочаго дня, если онъ не хочетъ признать за правительствомъ обязанности заботиться о доставленіи работы нуждающимся, то изъ всего этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не признавалъ справедливости требованій рабочихъ, чтобы онъ стремился скрыть дѣйствительные размѣры той эксплуатаціи, какой трудящійся людъ подвергается со стороны землевладѣльцевъ, еще въ большей степени, какъ онъ думаетъ, чѣмъ со стороны фабрикантовъ. Спенсеръ хочетъ только одного, чтобы своимъ матеріальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ рабочіе обязаны были не вмѣшательству государства, а ими же самими устроеннымъ союзамъ; чтобы улучшеніе ихъ быта имѣло источникомъ не правительственную опеку, а самодѣятельность и свободу.

Опытъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ только отчасти оправдалъ его ожиданія. Рабочіе синдикаты, правда, въ сильной степени содѣйствовали улучшенію какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго уровня народныхъ массъ въ Англіи. Но въ томъ же направленіи дѣйствовало и вмѣшательство государства въ экономическую жизнь страны. Оно принимало въ разныхъ странахъ разную форму: то издавались законы съ цѣлью регулированія труда на фабрикахъ, то вводилось страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, наиболѣе совершенный образецъ чего представляетъ Германія. Можно было бы задаться вопросомъ, въ какой степени личная и коллективная инціатива, усилія рабочихъ синдикатовъ и нѣкоторыхъ филантроповъ, горячо проповѣдывавшихъ введеніе системы мелкаго дешеваго кредита и народныхъ банковъ, земледѣльческихъ синдикатовъ, кооперацій и т. д., въ состояніи была бы содѣйствовать поднятію уровня рабочихъ классовъ, если бы ей не суждено было встрѣтить поддержки со стороны правительства. Но я вполнѣ понимаю скепти-

ческое отношеніе Спенсера къ правительственному вмѣшательству въ серединѣ прошлаго столѣтія, послѣ неудачи чартистскаго движенія и крушенія республики во Франціи; вѣдь Англія далеко не была въ то время государствомъ, основаннымъ на демократическихъ принципахъ, а возрожденіе французскаго цезаризма не пророчило быстраго торжества той „уравненной свободы“, которую Спенсеръ призывалъ всѣми силами своего духа.

Политическимъ идеаломъ Спенсера, какъ и всей радикальной партіи Англіи въ серединѣ XIX ст., была широкая демократія. Спенсеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые громко требовали если не признанія за женщинами голоса на выборахъ, то, по крайней мѣрѣ, равноправія ихъ съ мужчинами передъ гражданскимъ закономъ. Еще въ 1850 г. онъ резюмировалъ слѣдующимъ образомъ тѣ доводы, какіе могутъ быть представлены въ пользу этой мысли: „Кто ссылается на преимущество способностей, какими мужчины отличаются по отношенію къ женщинамъ, и строитъ на немъ свои возраженія противъ уравненія ихъ въ правахъ, того легко опровергнуть слѣдующимъ соображеніемъ: разъ вы желаете, чтобы права соотвѣтствовали способностямъ обоихъ половъ, вамъ необходимо примѣнить тотъ же принципъ и къ рѣшенію вопроса о томъ, какія права должны быть признаны за каждымъ индивидомъ сильнаго пола. Но чѣмъ вы станете руководствоваться при производствѣ такой оцѣнки? Общественнымъ мнѣніемъ? Но оно разнорѣчиво, да и ничто не доказываетъ его правильности. Съ другой стороны, несомнѣнно, что есть женщины болѣе интеллигентныя, чѣмъ средній уровень мужчинъ; чтобы оставаться послѣдовательнымъ, нужно было бы признать за ними права болѣе широкія. Впрочемъ, само основное положеніе не выдерживаетъ критики. Разъ мы допустимъ, что свобода необходима для полнаго развитія нашихъ способностей, мы послѣдовательно должны признать и слѣдующее: отличаясь меньшими дарованіями, чѣмъ мужчины, женщины еще болѣе ихъ нуждаются въ свободѣ“...

Не слѣдуетъ забывать, что эти мысли были высказаны Спенсеромъ за много лѣтъ до Джона Стюарта Милля, притомъ въ то самое время, когда главою французскаго позитивизма провозглашалось совершенно противоположное начало. Всѣ только-что приведенныя мысли въ настоящее время сдѣлались ходячими; но было ли такъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда во всей Европѣ, вслѣдъ за подавленіемъ революціи 48 года, все рѣзче и рѣзче стала обрисовываться реакціонная политика кабинетовъ, запуганныхъ возста-

ніемъ и подъемомъ національностей? Еслибы англійское государство во вторую половину XIX столѣтія осталось тѣмъ же феодально-аристократическимъ, какимъ мы застаемъ его въ эпоху чартистскаго движенія, его соціальное законодательство едва ли отразило бы на себѣ вліяніе иныхъ принциповъ, кромѣ тѣхъ, которые въ концѣ XVIII ст. повели къ „огораживанію открытыхъ полей и упраздненію общинныхъ пользованій", что, въ свою очередь, отняло у крестьянъ ихъ исконныя права на пастбища и пустоши. Спенсеръ не разъ вспоминаетъ объ этомъ хищническомъ законодательствѣ; по его мнѣнію, оно прекрасно показываетъ, какъ на дѣлѣ государство понимаетъ свою задачу о „доставленіи наивозможнаго блага наибольшему числу людей". Народное представительство только тогда оказалось въ состояніи даровать народу соціальное законодательство, отвѣчающее справедливости и интересамъ массъ, когда три слѣдовавшія другъ за другомъ избирательныя реформы совершенно упразднили аристократическій характеръ англійскаго парламентаризма, когда Верхняя Палата потеряла всякое вліяніе на выборъ депутатовъ въ Нижнюю, и ея роль въ общемъ направленіи внутренней политики была значительно ограничена. Ничто не предвѣщало такого исхода почти наканунѣ Крымской войны, когда англійскій шовинизмъ, встревоженный возстаніями въ Индіи и Ирландіи, позволялъ опасаться новаго подъема духа завоеванія и угнетенія.

Въ виду всего сказаннаго, не правы тѣ, кто нападаетъ на Спенсера за то, что въ 1850 году онъ съ сомнѣніемъ относился къ поддержкѣ, какую правительство способно оказать справедливымъ требованіямъ народныхъ массъ. Въ это время было умѣстно напомнить о принципѣ самопомощи, о необходимости самопроизвольной защиты разъ пріобрѣтенныхъ вольностей.

Но вѣдь Спенсеръ продолжалъ обнаруживать то же недовѣріе къ правительству и въ болѣе близкое къ намъ время, когда жизнь, повидимому, перестала оправдывать его опасенія? Съ этимъ нельзя не согласиться. „Грядущее рабство", которому Спенсеръ посвятилъ въ 1860-мъ году свою знаменитую монографію,—не что иное, какъ тотъ порядокъ „правительственной опеки", которымъ грозитъ намъ, по его мнѣнію, постоянно растущее всемогущество и вмѣшательство государства. Спенсеръ окончательно установилъ свою соціальную доктрину въ знаменитыхъ „Принципахъ этики", особенно во второй ихъ части, носящей названіе „Справедливость" и вышедшей въ 1890 г.

Изучая это сочиненіе, которое, по своему содержанію, отвѣчаетъ

понятію общаго трактата по публичному праву, мы встрѣчаемся съ тѣми же взглядами, какіе высказаны были Спенсеромъ сорокъ лѣтъ назадъ въ уже анализированномъ нами произведеніи его молодости. Дѣйствительно, мы снова имѣемъ передъ собою систематическую защиту основныхъ положеній англійскаго радикализма, стройное развитіе доктрины, кладущей въ основу всего общественнаго и государственнаго уклада начала свободы и равенства. Зародышъ этого ученія, какъ я сказалъ раньше, нужно искать у англійскихъ нивеллляторовъ XVII столѣтія, у „левеллеровъ“. На новое сочиненіе Спенсера можно смотрѣть поэтому, какъ на лучшій, наиболѣе полный и послѣдовательный комментарій къ тѣмъ „Деклараціямъ правъ человѣка и гражданина“, которыя всѣ находятъ свой прообразъ въ Манифестахъ, такъ называемыхъ „Народныхъ Соглашеніяхъ“, пущенныхъ въ свѣтъ тѣми же „уравнителями“. Какъ и прежде, Спенсеръ думаетъ, что свобода необходима для полнаго развитія нашихъ способностей, что она должна быть одинаковою для всѣхъ, безъ различія пола, что она не терпитъ иныхъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, какихъ требуетъ защита такой же свободы всѣхъ гражданъ государства. Единственной задачей послѣдняго должна быть забота о сохраненіи равновѣсія между запросами всѣхъ и каждаго на свободу самоопредѣленія, почему мы и можемъ смотрѣть на государство, какъ на органъ справедливости; основной принципъ ея требуетъ, чтобы каждый человѣкъ былъ воленъ дѣлать все, что захочетъ, пока его дѣйствія не нарушаютъ равной свободы другихъ людей (стр. 46). Государство становится органомъ справедливости только подъ условіемъ порвать съ своимъ прошлымъ, отказаться отъ традиціи милитаризма и сдѣлаться индустріальнымъ. Отнынѣ оно обязывается прибѣгать къ оружію только въ крайнемъ случаѣ, только для отраженія нападеній и защиты собственной независимости (стр. 43).

Изъ всего этого можно заключить, что Спенсеръ ничуть не измѣнилъ своей основной точкѣ зрѣнія; онъ только развиваетъ ее болѣе полно и систематично, чѣмъ прежде. Ему удается также связать свою доктрину съ великимъ закономъ эволюціи, котораго онъ былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ.

Въ какой, спрашивается, мѣрѣ можно смотрѣть на теорію англійскаго радикализма въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена Спенсеромъ, какъ на необходимый выводъ изъ великаго закона эволюціи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ „Справедливости“ исходитъ отъ извѣстнаго біологическаго закона, установленнаго

Ламаркомъ и Дарвиномъ. Этотъ законъ гласитъ, что виды, наиболѣе приспособленные къ окружающей ихъ средѣ, всего легче могутъ уцѣлѣть. Спенсеръ дѣлаетъ изъ этого закона слѣдующее примѣненіе къ человѣческимъ обществамъ: обезпечивая каждому свободу, необходимую для возможно полнаго его развитія, мы тѣмъ самымъ содѣйствуемъ сохраненію наиболѣе жизнеспособныхъ особей человѣческаго рода. Наоборотъ, если государство, расширяя свои функціи, берется обезпечить счастье возможно большему числу гражданъ, и съ этою цѣлью принуждаетъ жизнеспособныхъ нести въ формѣ налога дополнительныя издержки на пользу нежизнеспособныхъ, т.-е. тѣхъ, кого лѣность и пороки повергли въ нищету, оно тѣмъ самымъ мѣшаетъ закону эволюціи оказывать свое благотворное вліяніе.

Критика этой доктрины не представила бы трудностей. Ее дѣлали не разъ, упуская, однако, изъ виду, что пониманіе Спенсеромъ „необходимыхъ вольностей“, обезпеченіе которыхъ принадлежитъ государству, гораздо шире того, какое мы находимъ въ любой Декларації Правъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что всѣ граждане могутъ предъявлять одинаковыя притязанія не только на свѣтъ, воздухъ, проточныя воды, но и на пространство, т.-е на землю. Исходя изъ такой точки зрѣнія, Спенсеръ отрицаетъ знаменитую теорію Локка, полагавшаго, что земельная собственность порождается трудомъ. Въ немногихъ словахъ его возраженія сводятся къ слѣдующему: земля принадлежала, — говоритъ онъ, — сперва сообща всѣмъ членамъ одного и того же племени; отдѣльное лицо могло лишь временно пользоваться частью ея, которую обрабатывало; само это пользованіе обусловливалось молчаливымъ согласіемъ остальныхъ членовъ племени. Спенсеръ прекрасно понимаетъ также характеръ совладѣнія, какой носила земельная собственность во времена феодализма. Сеньеръ считался только собственникомъ земли, пользовался же ею тотъ, кто ее обрабатывалъ. Согласно Спенсеру, современное государство является наслѣдникомъ племени и феодальнаго сеньера. Оно имѣетъ, поэтому, верховное право на всѣ земли страны; отдѣльныя личности могутъ только пользоваться этими землями. Изъ этого положенія вытекаетъ право государства національнизировать недвижимыя имущества. Но такъ какъ цѣнность земель увеличилась, благодаря приложенію труда къ ихъ обработкѣ теперешними собственниками или ихъ предками, на государствѣ лежитъ обязанность выкупить эти земли, — собственники имѣютъ одно право — требовать за нихъ вознагражденія.

Такимъ образомъ Спенсеръ идетъ значительно далѣе тѣхъ англійскихъ либераловъ XVII ст., которые, отстаивая естественныя права человѣка, съ одинаковымъ уваженіемъ относились какъ къ свободѣ, такъ и къ собственности.

Авторъ „Справедливости“ опередилъ въ своей схемѣ всѣ билли о правахъ. Одинъ страхъ передъ формулой: „каждому согласно его потребностямъ“ продолжаетъ отличать его отъ крайнихъ партій. Напротивъ, довольно близкое выраженіе его взглядамъ даетъ правило: „каждому—полный продуктъ его труда“,—правило, пущенное въ ходъ Антономъ Менгеромъ и которое по существу совпадаетъ съ принципомъ Прудона: „каждому согласно его труду“. Если Спенсеръ оспариваетъ положеніе, выставляемое коммунистами, то лишь потому, что принятіе его кажется ему равносильнымъ признанію, что государство должно покровительствовать нежизнеспособнымъ во вредъ жизнеспособнымъ. Съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что та форма, которую принимаетъ у Спенсера „право каждаго на свою личность и члены“, не встрѣтило бы сочувствія ни Бастіа, ни другихъ представителей школы „laissez faire“. Вѣдь Спенсеръ объявляетъ себя въ пользу признанія за рабочимъ права преслѣдовать хозяина въ судебномъ порядкѣ, если онъ небрежно относится къ своимъ обязанностямъ и не принимаетъ мѣръ къ устраненію на фабрикѣ или заводѣ всего, что могло бы принести ущербъ для здоровья рабочихъ, будетъ ли то несовершенство машинъ, отсутствіе необходимыхъ предосторожностей, или рискъ, связанный съ выполненіемъ заказанной хозяиномъ работы.

Многимъ покажется, что англійскій философъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи защитить личность отъ всего, что такъ или иначе можетъ быть разсматриваемо, какъ покушеніе на ея честь. Вѣдь онъ требуетъ изданія закона, который позволилъ бы преслѣдовать, какъ за преступленіе, за всякій поцѣлуй, на который не послѣдовало согласія получающаго его (стр. 69).

При отстаиваніи „необходимыхъ вольностей“ Спенсеръ не считаетъ возможнымъ поставить въ одинъ рядъ права публичныя и права политическія. Политическія права, дающія возможность всѣмъ, кто пользуется ими, принимать участіе въ правленіи въ качествѣ избирателя или избираемаго, являются на его взглядъ лишь средствомъ къ обезпеченію правъ публичныхъ, т.-е. свободы въ ея различныхъ проявленіяхъ. Полное развитіе способностей каждаго не

предполагаетъ необходимо, по мнѣнію Спенсера, участія всѣхъ гражданъ въ управленіи государствомъ. При рѣшеніи вопроса, кому должны принадлежать политическія права, необходимо руководствоваться инымъ принципомъ: нужно имѣть въ виду тѣсное соотношеніе, которое должно существовать между преимуществами, признаваемыми закономъ за тѣмъ или инымъ гражданиномъ, и его обязанностями по отношенію къ государству. Тотъ, кто не въ состояніи исполнять всѣхъ обязанностей гражданина, особенно же обязанности защищать страну отъ враговъ, тотъ не можетъ претендовать на признаніе за собой всей полноты политическихъ правъ. Разсуждая такимъ образомъ, Спенсеръ уклоняется до нѣкоторой степени отъ взглядовъ, высказанныхъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ относительно полной эмансипаціи женщины.

Изъ различія, установленнаго имъ между публичными и политическими правами, дѣлается затѣмъ выводъ, неблагопріятный признанію всеобщаго права голосованія не только женщинъ, но и мужчинъ. Само по себѣ право голоса, по мнѣнію Спенсера, вовсе не необходимо для того, чтобы обезпечить личности возможность широкаго развитія всѣхъ ея способностей. Оно служитъ въ ея рукахъ лишь орудіемъ, позволяющимъ ей бороться съ нарушеніемъ ея свободы правительствомъ. Сравнивая политическую организацію различныхъ націй въ различные періоды ихъ исторіи, продолжаетъ развивать свою мысль Спенсеръ, можно вынести впечатлѣніе, что тѣ, въ чьихъ рукахъ находится власть, будетъ ли то единичное лицо или извѣстное меньшинство, пользуются ею по большей части въ собственныхъ интересахъ и во вредъ большинству населенія. Болѣе широкое распредѣленіе политической власти, повидимому, должно уменьшить число этихъ злоупотребленій. Будь это такъ, этого одного было бы достаточно, чтобы признать народную форму правленія обладающей крупными преимуществами передъ всякой другой. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Сколько странъ, въ которыхъ политическія права принадлежатъ всѣмъ гражданамъ, и гдѣ, тѣмъ не менѣе, нѣтъ и слѣда общественной свободы. Чтобы доказать свою мысль, Спенсеръ указываетъ въ видѣ примѣра на республиканскую Францію, въ которой бюрократическій деспотизмъ свирѣпствуетъ не менѣе, чѣмъ во Франціи временъ Имперіи. По его мнѣнію, къ свободѣ гражданъ относятся во Франціи съ такимъ неуваженіемъ, что приходится терять всякое довѣріе къ республиканской формѣ правленія. Спенсеръ утверждаетъ, что подобные же факты наблюдаются и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ

всеобщее голосованіе вовсе не мѣшаетъ доступнымъ подкупу муниципалитетамъ требовать съ жителей громадныхъ мѣстныхъ налоговъ, которые ни мало не оправдываются достигаемыми при ихъ помощи выгодами.

Указавъ на всѣ эти факты, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что расширеніе права голосованія, недавно воспослѣдовавшее во многихъ государствахъ, ничуть не содѣйствовало защитѣ правъ человѣка; напротивъ того, оно привело къ болѣе частому нарушенію этихъ правъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться рѣдкими, правительственные приказы, предписывающіе гражданамъ то или иное поведеніе, все учащаются; правительство рѣшается облагать подданныхъ такими крупными налогами, какихъ никогда не бывало раньше. Такимъ образомъ, политическія права не только могутъ не содѣйствовать торжеству общественной свободы, но часто являются средствомъ къ увеличенію правительственной тираніи.

Имѣемъ ли мы, однако, основаніе утверждать, вмѣстѣ съ Спенсеромъ, что существуетъ тѣсная связь между расширеніемъ права голосованія и повышеніемъ тѣхъ требованій, какія правительство предъявляетъ къ индивиду? Поступать такимъ образомъ—значило бы терять изъ виду уроки исторіи: она ставитъ внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что во времена монархическаго и аристократическаго режима налоговая система приносила въ жертву интересы низшихъ классовъ населенія; съ развитіемъ же демократіи на всѣхъ гражданъ въ равной степени была возложена обязанность нести подати. Сравните, съ другой стороны, порядки, господствовавшіе при системѣ lettres de cachet съ тѣми, при которыхъ каждый гражданинъ имѣетъ право преслѣдовать передъ судомъ всякаго превысившаго свою власть чиновника, и вы придете къ заключенію, совершенно обратному съ тѣмъ, какое дѣлаетъ Спенсеръ. Покровительственная система появилась въ Соединенныхъ Штатахъ Америки гораздо раньше введенія въ нихъ всеобщаго голосованія. Примѣры самосуда или „Линча“ можно встрѣтить въ ней издавна. Итакъ, факты вовсе не доказываютъ того тѣснаго соотношенія, какое Спенсеръ находитъ между расширеніемъ права голосованія и уменьшеніемъ общественной свободы.

Болѣе внимательнаго отношенія заслуживаютъ взгляды автора „Справедливости“ на опасность, которой грозитъ расширеніе права голосованія на женщинъ. Спенсеръ принадлежитъ къ тѣмъ, кто думаетъ, что легкая возбуждаемость женщины, съ одной стороны, ея уваженіе къ силѣ и успѣху, съ другой, равно какъ и нѣкоторыя

другія черты ея психики, пріобрѣтенныя благодаря тому, что единственнымъ открытымъ для нея поприщемъ была семейная жизнь, могутъ имѣть то послѣдствіе, что при выступленіи ея на арену общественной дѣятельности политическая жизнь приметъ болѣе тревожный характеръ. Онъ боится, что женщина внесетъ нетерпимость въ обсужденіе текущихъ вопросовъ и нарушитъ связь и преемство политическихъ мѣропріятій. Весьма вѣроятно также, что ея участіе въ дѣлахъ страны поведетъ къ усиленію той тенденціи, которая желаетъ, чтобы государство играло роль Провидѣнія. Съ другой стороны, женщина можетъ сдѣлаться опорою для всякаго рода консервативныхъ стремленій, особенно въ вопросахъ религіозныхъ. Не допуская женщинъ къ избирательнымъ урнамъ, Спенсеръ, тѣмъ не менѣе, вовсе не желаетъ того, чтобы ихъ роль ограничивалась исключительно семейной средою, какъ этого требовалъ, напримѣръ, Огюстъ Контъ. Онъ также далеко не согласенъ съ тѣмъ, что Контъ говоритъ о низкомъ уровнѣ умственныхъ способностей женщинъ, благодаря чему онѣ будто бы всегда находятся подъ вліяніемъ мужчинъ. Спенсеръ имѣетъ въ виду отмѣтить только нѣкоторыя черты женскаго характера, образовавшіяся, какъ онъ самъ признаетъ, подъ вліяніемъ той роли, какую женщина была призвана играть доселѣ въ общественной жизни. Не выходя почти никогда изъ сферы семейныхъ заботъ, женскій умъ пріобрѣлъ, въ концѣ-концовъ, извѣстный складъ, который мѣшаетъ женщинѣ въ настоящее время исполнять свои гражданскія обязанности такъ же хорошо, какъ мужчина. На все, что Спенсеръ говоритъ по такъ называемому женскому вопросу, можно было бы возразить слѣдующее. Отправляясь отъ той научной истины, что функція сама создаетъ органъ, какъ не признать, что нравственный характеръ женщины и складъ ея ума совершенно измѣнятся, разъ она будетъ пользоваться правомъ голоса и непосредственно принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ? Нѣтъ основанія сомнѣваться, что женщина пріобрѣтетъ такимъ образомъ недостающую ей теперь способность руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ общими интересами, безъ чего, само собой разумѣется, немыслимо никакое разумное законодательство. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что Спенсеръ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда говоритъ о склонности женщинъ одновременно къ соціальнымъ новшествамъ и къ консерватизму. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта послѣдняя черта ихъ характера не будетъ служить постояннымъ препятствіемъ для безграничнаго расширенія системы правительственнаго вмѣшательства,

котораго такъ боится авторъ „Справедливости“? Если женщина стремится къ сохраненію существующаго, особенно въ сферѣ семьи и церкви, то совершенно непонятнымъ представляется намъ опасеніе, что ея политическая дѣятельность будетъ направлена въ пользу расширенія власти и подчиненія государству семьи и церкви.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы, отправляясь отъ первой книги Спенсера и заглядывая впередъ, постарались опредѣлить дѣйствительный характеръ его общественно-политической доктрины. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго „Соціальной статикой“, эта доктрина долгое время оцѣнивалась невѣрно. Причина отчасти лежитъ въ томъ, что въ первомъ трактатѣ Спенсера имѣется мѣсто, не воспроизведенное впослѣдствіи въ трактатѣ о Справедливости и позволившее Генри Джорджу и Энрико Ферри считать Спенсера сторонникомъ: первому—принципа націонализаціи земли, второму — обобществленія всѣхъ орудій производства. Смыслъ его, какъ мы видѣли, тотъ, что землею владѣли на первыхъ порахъ цѣлые роды. Позднѣе феодальный сеньеръ получилъ на нее одинъ голый титулъ собственности, пользовался же ею тотъ, кто ее обрабатывалъ. Къ современному государству перешли права рода и феодала. Оно является наслѣдникомъ одинаково и того и другого. А отсюда вытекаетъ право государства вернуть себѣ недвижимыя имущества... Но—спѣшитъ прибавить Спенсеръ—цѣнность земель возросла, благодаря приложенію труда къ ихъ обработкѣ какъ теперешними собственниками, такъ и ихъ предками. За этотъ трудъ собственники имѣютъ право требовать вознагражденія. Спенсеръ не ограничивается признаніемъ, что земля можетъ сдѣлаться предметомъ совмѣстнаго обладанія. „Всѣ вещи, способныя подвергнуться частной аппропріаціи,—пишетъ онъ,—имѣютъ источникомъ землю. Индивидуальное право на нихъ должно, поэтому, быть ограничено тѣми же условіями, что и право земельнаго владѣнія. Трудъ—единственное средство пріобрѣтенія, но трудъ возможенъ только подъ условіемъ принятія пищи; всякая же пища обязана своимъ происхожденіемъ землѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что съ нравственной точки зрѣнія такъ же трудно оправдать право частной собственности на любой матеріальный предметъ, какъ и на землю“ [1]).

Кто прочтетъ только что приведенное разсужденіе, тому не

[1]) Приведенные отрывки не встрѣчаются болѣе въ томъ изданіи „Соціальной статики“, которое сдѣлано было Спенсеромъ въ 1892-мъ году.

покажется страннымъ, что Джорджъ при посѣщеніи Спенсеромъ Америки искалъ встрѣчи съ нимъ и былъ крайне разочарованъ тѣмъ, что̀ ему пришлось услышать изъ устъ автора „Соціальной статики“ [1]). Энрико Ферри въ свою очередь не побоялся украсить именемъ Спенсера длинный перечень соціальныхъ новаторовъ — заявленіе, вызвавшее протестъ англійскаго философа.

Ранѣе Джорджа и Ферри Карлъ Марксъ также испыталъ нѣкоторое разочарованіе. Когда вышелъ „Капиталъ“ во французскомъ переводѣ, одинъ экземпляръ его посланъ былъ авторомъ Спенсеру. Долгое время не приходило отвѣта. Тогда какъ Дарвинъ счелъ нужнымъ отблагодарить приславшаго въ хорошо извѣстномъ письмѣ, Спенсеръ хранилъ упорное молчаніе. Наконецъ, черезъ посредство профессора Бислэ и Фредерика Гаррисона наведена была справка о томъ, дошла ли книга по назначенію. Спенсеръ отдѣлался устнымъ заявленіемъ, что не имѣетъ времени на чтеніе чужихъ книгъ, особенно тѣхъ, которыя написаны на иностранномъ языкѣ.

§ 3.

Мы познакомились пока только съ одной изъ сторонъ соціологической доктрины Герберта Спенсера, съ его пониманіемъ условій общественной гармоніи или того, что̀ Контомъ обнималось понятіемъ порядка. Но наиболѣе оригинальную черту его доктрины составляетъ, разумѣется, такъ же мало теорія невмѣшательства государства въ экономическую, нравственную и идейную жизнь общества, какъ и сопоставленіе послѣдняго съ организмомъ. Она лежитъ всецѣло въ идеѣ эволюціи общества, какъ слагающейся изъ двухсторонняго процесса дифференціи и интеграціи. На эту мысль Спенсеръ наведенъ былъ изученіемъ всей суммы положительныхъ знаній, начиная отъ тѣхъ, которыя имѣются относительно неорганической природы, переходя къ тѣмъ, какими мы обладаемъ по отношенію къ растительному и животному царству, и оканчивая тѣми, которыя бросаютъ свѣтъ на содержаніе нашей психической жизни и нашего общественно-политическаго уклада.

Не ранѣе 1848 г. открылась для Спенсера возможность посвя-

[1]) Спенсеръ встрѣтился съ Генри Джорджемъ въ 1882 г. въ домѣ г-жи Женъ, нынѣ леди Сенъ-Гэлье.

тить себя накопленію этихъ знаній. Личныя условія его жизни долгое время складывались неблагопріятно. Отъ литературной работы приходилось возвращаться къ занятію инженернымъ дѣломъ. Были минуты, когда Спенсеръ мечталъ о карьерѣ учителя и даже объ эмиграціи въ Новую Зеландію. Только въ 1848 г. ему удалось устроиться въ качествѣ помощника издателя газеты „Экономистъ“. Спенсеръ пользуется досугомъ для ознакомленія одинаково съ точными науками, психологіей, экономикой и этикой. Добавочнымъ средствомъ къ жизни служатъ ему печатаемыя по временамъ статьи научно-философскаго содержанія. Однѣ изъ нихъ собираются затѣмъ въ цѣлый томъ подъ заглавіемъ „Первые принципы“, другія появляются отдѣльными этюдами въ журналахъ, начиная съ 1852 по 1860 г. Въ нихъ можно найти уже зародышъ многихъ мыслей, развитыхъ впослѣдствіи въ „Принципахъ соціологіи“. Идея всемірной эволюціи проводится еще въ статьѣ, озаглавленной „Гипотеза развитія“, помѣщенной 20 марта 1852 г. въ журналѣ „Leader“, издаваемомъ Джорджемъ Льюисомъ. Въ этой статьѣ Спенсеръ ставитъ вопросъ о томъ, могъ ли десятокъ милліоновъ различныхъ видовъ живыхъ существъ появиться на землѣ благодаря созданію каждаго изъ нихъ въ отдѣльности или путемъ развитія однихъ изъ другихъ. Отвѣчая на эту задачу, онъ говоритъ: „Мы можемъ доказать, что несомнѣнныя измѣненія въ организмахъ происходили и происходятъ и по настоящій день, что поставленное въ условія, отличныя отъ прежнихъ, животное или растеніе немедленно претерпѣваетъ извѣстныя измѣненія, приспособляющія его къ новой обстановкѣ. Эти измѣненія удерживаются послѣдующими поколѣніями. На примѣрѣ разводимыхъ растеній, доместицированныхъ животныхъ и отдѣльныхъ человѣческихъ расъ, можно убѣдиться, что такія измѣненія на самомъ дѣлѣ имѣли мѣсто“.

Такимъ образомъ, ранѣе Дарвина и подъ вѣроятнымъ вліяніемъ Ламарка [1]), Спенсеръ уже высказываетъ теорію міровой эволюціи. Въ примѣчаніи, сдѣланномъ имъ въ новомъ изданіи своихъ „Опытовъ“ въ 1901 г., къ статьѣ „Прогрессъ, его законъ и причина“, Спен-

[1]) Во второмъ томѣ „Автобіографіи“ Спенсеръ пишетъ: „Доктрина, утверждающая, что все въ мірѣ объяснимо закономъ причинности, находитъ себѣ необходимое дополненіе въ ученіи, что вселенная и всѣ предметы въ ней достигли современныхъ своихъ формъ послѣ прохожденія преемственнаго ряда физически-необходимыхъ состояній... Впервые у меня стали складываться опредѣленныя убѣжденія на этотъ счетъ благодаря чтенію „Принциповъ геологіи“ Лайэля. Мнѣ было тогда двадцать лѣтъ. Аргументы, при-

серъ настаиваетъ на томъ, что при изложеніи міровой эволюціи онъ, въ отличіе отъ Дарвина, книга котораго появилась лишь въ 1859—60 г.г., объяснилъ процессъ этой эволюціи исключительно одной причиной—измѣненіемъ условій, а не половымъ подборомъ, т.-е. сохраненіемъ и развитіемъ наиболѣе жизнеспособныхъ особей. Въ названной статьѣ, появившейся впервые опять-таки ранѣе книги Дарвина, Спенсеръ останавливается на развитіи той мысли, что міровой процессъ эволюціи, совпадающей въ его глазахъ съ понятіемъ прогресса, состоитъ въ переходѣ отъ однообразія къ многообразію, отъ гомогеннаго къ гетерогенному. Онъ пытается обосновать этотъ взглядъ, объясняя появленіе космическихъ тѣлъ, въ томъ числѣ солнца и планетъ, изъ первоначальной туманности (nebular system) подъ вліяніемъ дѣйствія закона притяженія. Ему же приписываетъ онъ происхожденіе геологическаго строенія земли. Переходя затѣмъ къ сферѣ живыхъ существъ, Спенсеръ показываетъ развитіе организмовъ изъ однообразной массы, соотвѣтствующей современному понятію протоплазмы. Къ человѣческимъ сообществамъ онъ прилагаетъ ту же точку зрѣнія, указывая, что у первобытныхъ племенъ нѣтъ другихъ отличій, кромѣ тѣхъ, какія обусловливаются поломъ и возрастомъ, нѣтъ поэтому раздѣленія труда; само руководительство и начальствованіе смѣняются въ дѣятельности одного и того же лица отправленіемъ другихъ профессій, необходимыхъ для обезпеченія жизни. На исторіи искусствъ, которыя для Спенсера слагаются въ двѣ группы: архитектуру, живопись и ваяніе, съ одной стороны, поэзію, музыку и хореографію, съ другой, — онъ также старается показать, что процессъ перехода отъ однообразія къ разнообразію—есть законъ эволюціи или прогресса. Съ тою же цѣлью онъ останавливается и на исторіи языка, настаивая на той мысли, что на первыхъ ступеняхъ общественности рѣчь сводится къ употребленію существительныхъ и глаголовъ, а всѣ другія части ея привходятъ только современемъ.

Спенсеръ проводитъ ту же идею перехода отъ однообразія къ разнообразію и при изученіи роста учрежденій, указывая на смѣшеніе на первыхъ порахъ свѣтскаго и духовнаго правительства въ лицѣ царей какъ древняго Востока—Египта, Ассиріи и Вавилона, такъ и греческихъ базилевсовъ. Наконецъ, въ сферѣ экономической тотъ же

веденные Лайэлемъ противъ Ламарка, склонили меня къ частичному принятію взглядовъ послѣдняго (стр. 6—7).

процессъ дифференціаціи выступаетъ, по его мнѣнію, въ раздѣленіи труда, въ развѣтвленіи одного и того же производства и въ топографическомъ распредѣленіи его сообразно большей приспособленности той или другой мѣстности къ данному виду работы.

Въ статьѣ „О соціальномъ организмѣ", напечатанной въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи" за 1860 г., Спенсеръ впервые отмѣчаетъ четыре существенныя черты сходства между обществомъ и организмомъ: во-первыхъ, увеличеніе обоихъ въ массѣ по мѣрѣ ихъ роста; во-вторыхъ и третьихъ—постепенный переходъ отъ простоты структуры къ большей или меньшей сложности ея и отъ большей или меньшей независимости частей къ ихъ взаимному подчиненію и зависимости; наконецъ, въ 4-хъ—общества, подобно индивидуальнымъ организмамъ и даже въ большей степени, чѣмъ послѣдніе, сохраняютъ—говоритъ онъ—свою жизненность, несмотря на потерю и смерть отдѣльныхъ частей (напр., потерю листьевъ, вѣтвей и т. д.). Спенсеръ отмѣчаетъ и четыре существенныхъ отличія общества отъ организма: во-первыхъ, общества не имѣютъ специфическихъ внѣшнихъ формъ (которыя даются имъ только извнѣ); во-вторыхъ, они состоятъ изъ частей, не связанныхъ между собою непрерывной цѣпью, разсѣянныхъ на пространствѣ, чего нельзя сказать о живомъ организмѣ,—Спенсеръ старается показать, что связующую цѣпь между живыми организмами составляютъ формы растительной и животной жизни, необходимыя для ихъ пропитанія; въ третьихъ — отличіе сказывается также въ свободной подвижности общественныхъ ячеекъ, какими являются люди, и отсутствіи ея въ частяхъ живого организма. Авторъ настаиваетъ на томъ, что эта подвижность общественныхъ ячеекъ (людей)—относительная, такъ какъ отправленіе профессіи прикрѣпляетъ къ извѣстной мѣстности. Наконецъ, четвертой особенностью надо считать, по Спенсеру, то, что въ обществѣ сознаніе принадлежитъ составнымъ его частямъ, независимо отъ цѣлаго, тогда какъ такого сознанія въ отдѣльныхъ частяхъ живого организма не имѣется.

Сопоставляя по преимуществу низшіе организмы растительнаго и животнаго царства съ низшими формами общественности, Спенсеръ находитъ сходство въ безразличіи состава тѣхъ и другихъ. Такъ у протозоа и протофита, низшихъ формъ животнаго и растительнаго міра, почти отсутствуетъ всякая структура или является только въ зародышномъ видѣ. То же можно, думаетъ Спенсеръ, сказать о бушменахъ, у которыхъ мы встрѣчаемъ ту форму обще-

ственной организаціи, какую представляютъ собою двѣ-три бродячія семьи, связанныя между собою одними временными союзами,—семьи, не знающія другого раздѣленія труда, кромѣ того, какое существуетъ между полами, и иной взаимной помощи помимо той, какая наступаетъ въ случаяхъ нападенія на нихъ со стороны. Отъ низшихъ породъ растительнаго и животнаго царства Спенсеръ переходитъ къ тѣмъ, у которыхъ размноженіе происходитъ путемъ раздваиванія, т.-е. у которыхъ въ двухъ мѣстахъ студенистой массы обнаруживается нѣкоторое накопленіе матеріи, послѣ чего вся масса дѣлится пополамъ. Такимъ же образомъ въ его глазахъ первобытныя племена выдѣляютъ изъ себя группу эмигрантовъ, кладущихъ основаніе новому общественному союзу. Въ ростѣ раздѣленія труда и связаннаго съ нимъ обособленія общественныхъ функцій сказывается въ такой же степени, по Спенсеру, развитіе общественной структуры, какъ въ появленіи въ студенистой массѣ особыхъ органовъ для питанія и удаленія переработанныхъ остатковъ пищи, нервныхъ узловъ и кровеносныхъ сосудовъ. Послѣдніе сопоставляются съ путями сообщенія, до которыхъ имѣлись только временные проходы и прогоны, сравниваемые Спенсеромъ съ тѣми теченіями пищевыхъ продуктовъ (fluids), которые замѣчаются въ тѣлѣ животныхъ, не имѣющихъ опредѣленныхъ органовъ кровообращенія. Развитіе нервной системы въ организмахъ противополагается далѣе у Спенсера росту правительственной власти въ обществѣ. Такимъ образомъ еще въ 1860 г. намѣчаются имъ въ общихъ чертахъ тѣ самыя точки зрѣнія, съ какихъ онъ будетъ разсматривать общество въ своемъ „Трактатѣ объ изученіи соціологіи“, а затѣмъ и въ „Принципахъ“ послѣдней.

Въ приложеніи къ вышедшей въ 1908 году „Жизни Спенсера“ впервые отпечатана, не включенная въ его автобіографію и составленная значительно позднѣе послѣдней, статья о филіаціи его идей [1]). Въ ней Спенсеръ возводитъ къ отдѣльнымъ главамъ своей „Соціальной статики“, т.-е. къ сочиненію, написанному еще въ 1850 году, первоначальное развитіе какъ идеи міровой эволюціи, такъ и идеи общественнаго организма. Послѣдняя мысль,—полагаетъ онъ,—зародилась въ немъ подъ вліяніемъ книги Райнера: „О животномъ царствѣ“, въ которой указывалось, какъ гомогенность, т.-е. единообразіе частей, характеризуетъ собою низшіе организмы, а гетерогенность—высшіе. Теорія Шеллинга о жизни, какъ

[1]) Она написана была въ февралѣ 1899 года.

о тенденціи къ индивидуализаціи,—теорія, воспринятая въ Англіи Кольриджемъ,—также навела Спенсера на мысль, что прогрессъ сводится къ процессу замѣны однороднаго разнороднымъ. Своему сближенію съ Льюисомъ, послѣдовавшему одновременно, Спенсеръ приписываетъ не малое вліяніе на дальнѣйшую выработку своихъ идей. Льюисъ былъ послѣдователемъ философіи Конта и написалъ въ своемъ журналѣ „Leader“ („Руководитель“) нѣсколько статей о положительной философіи. По настоянію писательницы Джорджъ Элліотъ и съ ея помощью Спенсеръ въ 1852 году приступилъ къ чтенію, какъ онъ выражается, вступительной части къ „Курсу положительной философіи“. Это чтеніе,—говоритъ онъ,—имѣло для него два послѣдствія: онъ усумнился въ возможности принять контовъ законъ трехъ стадій развитія человѣчества и отвергъ контову классификацію наукъ. Когда въ 1854 году вышелъ сокращенный переводъ Конта г-жи Мартино (такъ въ цитируемой статьѣ названъ двухтомный трактатъ, долгое время служившій въ Англіи руководствомъ къ ознакомленію съ „Положительной философіей“), Спенсеръ задался-было мыслью дать критическое изложеніе всей системы французскаго мыслителя. Но, по собственному признанію, онъ не въ состояніи былъ сосредоточиться на чтеніи книги, рѣзко расходившейся съ его личными воззрѣніями. „Будучи,—пишетъ онъ,—нетерпѣливымъ читателемъ, особенно въ томъ случаѣ, если читаемое несогласно съ моими собственными мыслями, я скоро прекратилъ чтеніе. Но то, что̀ мнѣ пришлось усвоить, оказало на меня большое вліяніе. Я имѣлъ случай заявить въ другомъ мѣстѣ, что Контъ воздѣйствовалъ на меня далеко не какъ учитель на ученика. Я обязанъ ему тѣмъ, что его противоположныя воззрѣнія во многомъ выяснили мнѣ мои собственныя. Отвергнувъ его ученіе о развитіи наукъ, я тѣмъ самымъ наведенъ былъ на мысль изложить мои личные взгляды на этотъ предметъ, что̀ и было сдѣлано въ статьѣ „Генезисъ знанія“ [1]).

Спенсеру не разъ пришлось отстаивать оригинальность своего философскаго міросозерцанія и отрицать вліяніе, оказанное на выработку его доктрины предшествовавшими ему мыслителями. Когда ему указано было на то, что раньше его Кантъ опредѣлилъ границы государственнаго вмѣшательства въ томъ же направленіи, что и онъ самъ, Спенсеръ не пожелалъ признать въ этомъ ничего, кромѣ случайной встрѣчи во взглядахъ. Въ „Филіаціи идей“ онъ

[1]) См. Duncan, Life and letters of Spenser, стр. 545, приложеніе B.

говоритъ по этому поводу: „Въ теченіе тридцати лѣтъ я считалъ себя первымъ, высказавшимъ ученіе о томъ, что личная свобода каждаго не знаетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, какія кладетъ ей необходимость признанія равной свободы всѣхъ,—другими словами, что каждый въ правѣ дѣлать все, что хочетъ, пока онъ тѣмъ самымъ не посягаетъ на равныя права другихъ. Только тридцать лѣтъ спустя послѣ выхода моей книги я изъ случайной ссылки въ журналѣ „Mind“ узналъ, что Кантъ проводилъ тотъ же принципъ. Но какъ только я познакомился съ тѣмъ, что было написано Кантомъ по этому предмету, мнѣ не трудно было убѣдиться, что онъ додумался до своего положенія, отправляясь отъ противоположной мнѣ точки зрѣнія. Онъ старался опредѣлить границы свободной дѣятельности индивида, озабоченный въ большей степени установленіемъ границъ, чѣмъ доказательствомъ, что индивиду принадлежитъ такая свобода. Я же, наоборотъ, постарался сперва доказать право каждаго дѣйствовать свободно и вывелъ необходимость извѣстныхъ границъ для этой свободной дѣятельности изъ наличности одинаковыхъ запросовъ со стороны другихъ людей“. Оба способа достигнуть одного и того же рѣшенія стоятъ, по мнѣнію Спенсера, въ непосредственной связи съ различнымъ политическимъ укладомъ Пруссіи и Англіи, а также съ личными особенностями писателей, ихъ придерживавшихся. Кантъ, какъ родившійся въ странѣ, въ которой подчиненіе власти было исконнымъ, посмотрѣлъ на вопросъ съ точки зрѣнія ограниченія. Индивидуальная дѣятельность должна, полагалъ онъ, быть введена въ извѣстные предѣлы. Въ то время какъ эти предѣлы признавались имъ обязательными, равной обязательности онъ не счелъ нужнымъ требовать для свободы личнаго поведенія. „Что касается до меня,—прибавляетъ Спенсеръ,—то со мною случилось обратное. Принадлежа къ народу болѣе привыкшему, чѣмъ нѣмцы, къ индивидуальной свободѣ, я прежде всего остановился на отстаиваніи правъ свободной дѣятельности. Меня занимала мысль не объ установленіи субординаціи, а о доказательствѣ права, подлежащаго извѣстнымъ ограниченіямъ. Но мой способъ рѣшенія вопроса былъ характеренъ и по отношенію ко мнѣ самому, какъ къ человѣку, въ которомъ забота о сохраненіи индивидуальности была всегда господствующей чертою“.

Когда Спенсеру такимъ же порядкомъ поставлена была на видъ близость тѣхъ или другихъ его положеній съ ученіями Конта или Тэйлора, онъ не менѣе энергично отстаивалъ свою оригинальность, не отступая передъ полемикой, доказывая, напримѣръ, что отличіе

защищаемой имъ теоріи анимизма, какъ первоначальнаго вѣрованія человѣчества, отъ однохарактернаго ученія автора „Первобытной культуры“ Тэйлора лежитъ въ томъ, что онъ объясняетъ происхожденіе анимизма культомъ привидѣній, тогда какъ Тэйлоръ выводитъ это послѣднее явленіе изъ анимизма [1]). Особенно чутко отнесся Спенсеръ къ тѣмъ заявленіямъ, которыя сводились къ признанію въ его доктринѣ бо́льшаго или меньшаго сходства съ ученіями Конта. Въ 1884 году онъ энергично протестуетъ противъ попытокъ Фредерика Гаррисона использовать его собственныя теоріи къ выгодѣ не столько „Положительной философіи“, сколько Контовой „Религіи человѣчества“. 6-го марта, въ письмѣ къ своему корреспонденту въ Америкѣ—Юмансу—Спенсеръ говоритъ, что воспользуется представившимся случаемъ для того, чтобы высказаться съ должной откровенностью противъ „Религіи человѣчества“. Спенсеръ приводитъ въ исполненіе свое намѣреніе въ статьѣ, озаглавленной: „Регрессивная религія“, напечатанной въ журналѣ „XIX вѣкъ“. Эта статья вызвала, въ свою очередь, рѣзкую отповѣдь со стороны тогдашняго главы англійскихъ позитивистовъ, въ рѣчи, обращенной имъ къ своимъ единомышленникамъ. Спенсеръ отвѣтилъ на нее статьею въ „Times“. Полемика обоихъ философовъ приняла одно время очень рѣзкій характеръ [2]). Спенсеръ встрѣтился и позднѣе съ обвиненіемъ въ присвоеніи себѣ нѣкоторыхъ мыслей Конта, на этотъ разъ со стороны американскаго соціолога Лестера Уорда. Въ статьѣ послѣдняго, озаглавленной „Мѣсто соціологіи въ ряду другихъ наукъ“, Уордъ высказалъ мысль, что, несмотря на всѣ попытки опровергнуть классификацію наукъ Конта, Спенсеръ въ сущности усвоилъ себѣ точку зрѣнія послѣдняго въ своей „Синтетической философіи“. Отрицая справедливость этого замѣчанія, Спенсеръ въ письмѣ къ Уорду настаиваетъ на томъ, что тѣхъ двухъ выдѣляемыхъ имъ группъ наукъ—наукъ абстрактныхъ и наукъ абстрактно-конкретныхъ, подъ которыми онъ разумѣетъ логику и математику, съ одной стороны, механику и физику, съ другой—въ контовой классификаціи вовсе не имѣется. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что при распредѣленіи наукъ въ извѣстномъ порядкѣ онъ имѣлъ въ виду преемство въ ихъ появленіи—мысль, которою

---

[1]) Duncan, стр. 356, письмо къ Андрью Ленгу отъ 21-го февр. 1894 г.; стр. 238, письмо къ Юмансу отъ сент. 1883 г.; стр. 199, новое письмо къ Юмансу отъ 14-го марта 1877 г.

[2]) Ibid., стр. 254 и слѣд.

Контъ не задавался [1]). И дѣйствительно, еще въ 1854 году, въ статьѣ, напечатанной имъ въ „Британскомъ трехмѣсячномъ обозрѣніи“ и озаглавленной „Генезисъ науки“, Спенсеръ останавливается на развитіи той мысли, что предложенная Контомъ научная серія—математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія,—вопреки мнѣнію ея автора, не считается съ дѣйствительнымъ преемствомъ въ возникновеніи отдѣльныхъ наукъ и частей ихъ, что, съ другой стороны, она не соотвѣтствуетъ и тому принципу, на которомъ желалъ обосновать ее Контъ: принципу постепеннаго перехода отъ явленій болѣе общихъ къ явленіямъ болѣе конкретнымъ. Въ доказательство Спенсеръ приводилъ, напримѣръ, такіе факты: геометрія—наука, имѣющая дѣло съ болѣе конкретными явленіями, чѣмъ алгебра, возникаетъ однако ранѣе ея. Она получаетъ болѣе или менѣе законченный видъ уже въ сочиненіи Эвклида, тогда какъ алгебра обязана своимъ происхожденіемъ арабскимъ ученымъ. Въ другомъ опытѣ: „О классификаціи наукъ“, появившемся десять лѣтъ спустя, Спенсеръ, предлагая собственную систему, борется съ построеніями Конта, а въ приложеніи посвящаетъ рядъ страницъ разбору своихъ разногласій съ авторомъ „Положительной философіи“. Изъ этого разбора оказывается, что онъ не раздѣляетъ съ Контомъ ни отрицательнаго отношенія къ психологіи и ея методу самонаблюденія, ни государственнаго идеала, требующаго, какъ онъ говоритъ, сильной власти, тогда какъ самъ Спенсеръ желалъ бы сократить до минимума вмѣшательство государства и расширить сферу свободы личности.

На 38-мъ году жизни Спенсеръ окончательно опредѣлилъ дальнѣйшую задачу своего существованія.

Письмо, посланное имъ отцу 9-го января 1858 г., содержитъ въ себѣ признаніе слѣдующаго рода: „За послѣдніе десять дней мои взгляды на разные вопросы внезапно кристаллизовались. Многія мысли, стоявшія особнякомъ, попали на свои мѣста и оказались гармоническими частями одной системы, допускающей логическое ихъ развитіе изъ наипростѣйшихъ общихъ принциповъ. Я посылаю вамъ короткій набросокъ, который дастъ вамъ нѣкоторое понятіе о всей этой схемѣ. Я надѣюсь современемъ развить въ полномъ видѣ и постепенно все здѣсь изложенное“.

---

[1]) Письмо къ Лестеру Уорду отъ 19-го сент. 1895 г. (Duncan, стр. 366—377). Письмо это воспроизведено Лестеромъ Уордомъ въ его трактатѣ, озаглавленномъ: „Чистая соціологія“.

Къ письму приложена была четвертушка бумаги, съ обозначеніемъ на ней содержанія семи будущихъ томовъ, изъ которыхъ всего двумъ подраздѣленіямъ одного тома не пришлось увидѣть свѣта. Это—отдѣлы объ „астрономической эволюціи“ и „объ эволюціи геологической“. Все же остальное вошло въ составъ „Первыхъ принциповъ“, „Принциповъ біологіи“, „Принциповъ психологіи“, „Принциповъ соціологіи“, наконецъ, „Принциповъ этики“, сперва обозначенныхъ терминомъ „Принциповъ правильнаго поведенія, личнаго и общественнаго“ (Principles of rectitude). Рѣдкому писателю удалось въ такой степени привести въ исполненіе свои намѣренія и наполнить столь же богатымъ содержаніемъ вторую половину своей жизни, оправдывая, такимъ образомъ, опредѣленіе Конта, что „жизнь, достойная названія великой, предполагаетъ осуществленіе въ зрѣломъ возрастѣ задуманнаго въ молодости“. Самъ Спенсеръ не разъ приходилъ въ изумленіе отъ смѣлости, чтобы не сказать—дерзости поставленной имъ себѣ задачи. Когда онъ приступилъ къ ея исполненію, у него не было ни здоровья, ни денегъ. Здоровье навсегда было надломлено усиленнымъ умственнымъ трудомъ и въ послѣдующіе годы жизни Спенсеръ никогда не могъ проводить въ интенсивныхъ научныхъ занятіяхъ болѣе трехъ часовъ въ день. Что касается до средствъ, то ихъ у Спенсера, можно сказать, никогда не было, если не говорить о небольшомъ наслѣдствѣ, оставленномъ ему дядею-воспитателемъ Томасомъ Спенсеромъ. Оно всецѣло пошло на оплату издержекъ путешествія въ Швейцарію. Печатаемые Спенсеромъ „опыты“ обыкновенно приносили ему отъ 6-ти до 10-ти фунтовъ стерлинговъ за листъ, т.-е. отъ 60-ти до 100 рублей, а между тѣмъ каждый требовалъ громаднаго умственнаго напряженія и продолжительныхъ чтеній. Получаемаго едва хватало на покрытіе издержекъ довольно скромной жизни въ одномъ изъ тѣхъ „Boarding Houses“ или пансіоновъ, которые Спенсеръ покидалъ лишь для того, чтобы погостить у своихъ пріятелей въ горной Шотландіи или гдѣ-нибудь на морскомъ берегу. Нерѣдко Спенсеръ предпринималъ также поѣздки, всего чаще въ Парижъ. Жилъ онъ и за границей съ большой бережливостью. Чтобы сдѣлать возможнымъ появленіе цѣлаго ряда сочиненій, совокупность которыхъ пріобрѣла извѣстность подъ названіемъ „Синтетической философіи“, Спенсеръ вознамѣрился одно время обезпечить себѣ постоянный доходъ поступленіемъ на государственную службу. Съ этой цѣлью онъ обратился письменно къ Джону Стюарту Миллю, состоявшему въ то время чиновникомъ въ главномъ управленіи

Индіей. Но всѣ хлопоты друзей не увѣнчались успѣхомъ. Тогда онъ остановился на мысли о частной подпискѣ для покрытія издержекъ по изданію. Эта подписка съ трудомъ доставила бы нужныя ему суммы, если бы въ Америкѣ проф. Юмансъ, блестящій популяризаторъ научныхъ знаній и редакторъ издаваемаго съ этою цѣлью журнала, не принялся энергично хлопотать о привлеченіи возможно бо̀льшаго числа подписчиковъ. Его усиліямъ Спенсеръ обязанъ тѣмъ, что въ состояніи былъ не только покрыть всѣ расходы по выходу въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ „Синтетической философіи“, но и затратить еще два-три десятка тысячъ рублей на напечатаніе не оплатившихъ себя томовъ „Описательной соціологіи“. Вся работа по составленію ея выпала на трудолюбиваго и самоотверженнаго сотрудника—Дункана, автора новѣйшей біографіи англійскаго мыслителя.

Во время тяжкой и мучительной болѣзни, приведшей Юманса въ могилу, Спенсеръ писалъ ему, 26-го іюля 1888 г.: „Подобно вамъ, я смотрю спокойно на необходимость разстаться съ жизнью. Я цѣню ее настолько, насколько она связана съ моимъ научнымъ трудомъ. И если бы этотъ трудъ былъ законченъ, я бы мало озабоченъ былъ исходомъ болѣзни. Но будь, что будетъ, мы во всякомъ случаѣ оба можемъ найти нѣкоторое удовлетвореніе въ сознаніи, что исполнили нашу работу добросовѣстно, движимые все время высшими побужденіями. А когда настанетъ конецъ этой работѣ, дружба, насъ связывавшая, останется для пережившаго однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ воспоминаній его жизни“ [1]).

Въ своей автобіографіи Спенсеръ даетъ Юмансу слѣдующую характеристику: „И въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи, онъ обладалъ въ высочайшей степени тѣми качествами, которыя обезпечиваютъ успѣхъ популяризатора. Съ самаго нашего знакомства и по настоящій день [2]) онъ посвятилъ себя всецѣло распространенію въ Соединенныхъ Штатахъ доктрины эволюціи. Годами ранѣе онъ заявилъ уже о своей привязанности къ широкимъ обобщеніямъ въ лекціяхъ, посвященныхъ такимъ, напр., вопросамъ, какъ соотношеніе

[1]) Duncan, стр. 275.

[2]) „Автобіографія“ написана частями въ разное время и доводитъ описаніе жизни Спенсера до 1893 г. включительно. Приведенный отрывокъ написанъ былъ при жизни Юманса и сообщенъ ему во время его болѣзни. Въ перепискѣ Спенсера, напечатанной Дунканомъ, имѣется нѣсколько строкъ, выражающихъ благодарность Юманса Спенсеру (письмо отъ 5-го іюля 1886 года). Duncan, стр. 274.

физическихъ силъ между собою. Лица, присутствовавшія на этихъ чтеніяхъ, говорили мнѣ, что, благодаря необыкновенному дару изложенія, Юмансъ умѣлъ сообщить слушателямъ тотъ энтузіазмъ, какой вызывали въ немъ самомъ великія научныя истины. Я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что ему всего легче было овладѣть широкими обобщеніями; пренебрегая деталями, онъ усваивалъ себѣ существеннѣйшее, ясно продумывалъ его и излагалъ оригинально, снабжая все сказанное иллюстраціями. Не только въ умственномъ отношеніи, но еще въ большей степени въ нравственномъ, Юмансъ показалъ себя преданнымъ миссіонеромъ. Необыкновенно энергичный, онъ затратилъ всѣ свои силы на защиту того, что считалъ истиной. Онъ пожертвовалъ этому не только всѣми своими силами, но и всѣми своими средствами. Нельзя было удержать его отъ чрезмѣрной дѣятельности, вредно отражавшейся на его здоровьѣ, какъ нельзя было убѣдить его въ необходимости считаться съ личными выгодами. И вотъ почему въ концѣ жизни онъ тридцатилѣтней дѣятельностью только ослабилъ свои силы и сократилъ свое достояніе, преслѣдуя все время высокія цѣли. Въ средѣ людей, открыто провозглашающихъ, что общая польза ихъ высшая забота, мнѣ еще не пришлось найти никого, кто бы принесъ столько жертвъ благу человѣчества“ [1]).

Вмѣшательство Юманса довело число подписчиковъ на „Синтетическую философію“ до 600 и обезпечило тѣмъ самымъ возможность ея выхода въ свѣтъ.

Методъ, задача и значеніе этой философіи въ общей исторіи человѣческой мысли слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы была надобность напоминать о нихъ снова. Достаточно сказать, что идея эволюціи проведена Спенсеромъ при объясненіи генезиса и развитія явленій какъ органической, такъ и неорганической природы, что та же мысль положена имъ въ основу при объясненіи порядка зарожденія умственныхъ процессовъ, въ частности—ассоціаціи идей, и что весь тотъ міръ суперорганическихъ существъ, какими онъ считаетъ общественныя формаціи, также носитъ въ его схемѣ характеръ ряда слѣдующихъ другъ за другомъ трансформацій. Онѣ происходятъ въ равной степени въ области вѣрованій и въ области учрежденій, учрежденій столько же домашнихъ, сколько политическихъ, церковныхъ и индустріальныхъ, не говоря уже о тѣхъ, источникъ которыхъ составляютъ обрядъ и обычай.

---

[1]) II-й томъ „Автобіографіи“, стр. 53—54.

Идея эволюціи—та, обоснованію и защитѣ которой Спенсеръ посвятилъ всю свою жизнь. Онъ проводилъ ее ранѣе Дарвина и отстаивалъ принципъ наслѣдственности физическихъ и нравственныхъ пріобрѣтеній, вызванныхъ процессомъ приспособленія, и послѣ кончины автора „Происхожденія видовъ". Онъ руководствовался въ то же время и при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ идеей эволюціи, идеей постепеннаго, но безповоротнаго перехода отъ старыхъ порядковъ къ новымъ.

Очень характерны въ этомъ отношеніи совѣты, преподанные имъ японской гражданственности въ періодъ охватившаго ее возрожденія,—совѣты, которые своей умѣренностью отчасти напоминаютъ тѣ, въ какихъ Руссо не отказалъ ни полякамъ, ни корсиканцамъ, искавшимъ укрѣпленія своей свободы реформою государственныхъ учрежденій.

Къ числу любопытныхъ данныхъ, какими Дунканъ, новый біографъ Спенсера, обогатилъ наши свѣдѣнія насчетъ послѣднихъ годовъ его жизни, несомнѣнно принадлежатъ письма Спенсера къ японскому государственному дѣятелю, барону Кентаро Канеко. Отношенія между ними завязались въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ Канеко, въ сообществѣ съ графомъ Ито, надъ выработкой новой конституціи для Японіи. Въ 1890 году Спенсеръ, какъ одинъ изъ старшинъ клуба „Атенеумъ", предложилъ включеніе Канеко въ число временныхъ почетныхъ гостей этого сообщества. Подобная честь достается немногимъ. Не болѣе девяти иностранцевъ могутъ быть допущены къ посѣщенію клуба одновременно и на срокъ не болѣе одного мѣсяца. Послѣ своего возвращенія въ Японію Канеко прислалъ Спенсеру письмо, въ которомъ задавалъ англійскому философу вопросъ, въ какой мѣрѣ азіатскія націи могутъ вступить въ циклъ конституціонныхъ народовъ Европы. Съ этого времени между обоими возникъ письменный обмѣнъ, не лишенный интереса для характеристики Спенсера, какъ въ высшей степени осторожнаго политическаго новатора. 21 августа 1892 г. Спенсеръ изъ Пьюзи отправляетъ къ Канеко коротенькую записку, гласящую: „Вы, вѣроятно, помните, что когда вашъ министръ Мори предложилъ мнѣ на разсмотрѣніе проектъ японской конституціи, я счелъ нужнымъ преподать ему весьма консервативные совѣты, указывая на невозможность для японцевъ, привыкшихъ къ деспотическому образу правленія, сразу перейти къ конституціоннымъ порядкамъ. Я опасаюсь, что къ моимъ совѣтамъ отнеслись не съ достаточнымъ вниманіемъ. Насколько можно знать у насъ о положеніи японскихъ дѣлъ, вы уже въ

настоящее время испытываете бѣдствія, связанныя съ слишкомъ широкимъ проведеніемъ начала свободы". Два дня спустя Спенсеръ снова берется за перо, чтобы болѣе опредѣленно высказаться по вопросу о желательномъ направленіи японской политики. „Мой совѣтъ послу, господину Мори,—пишетъ онъ,—состоялъ въ томъ, чтобы привить новые порядки по возможности къ уже существующимъ, такъ, чтобы не было рѣзкаго перехода отъ старыхъ формъ къ новымъ, а одно лишь видоизмѣненіе прежнихъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе широкое. Въ то время я не пустился въ бо́льшія подробности о томъ, какъ это должно быть сдѣлано, но теперь мнѣ кажется, что есть къ тому очень легкій путь. Въ Японіи сохранилась, сколько мнѣ извѣстно, старинная система семейной организаціи. При ней въ каждой болѣе или менѣе многочисленной группѣ старшій мужчина сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю власть. Ей подчиняются одинаково всѣ нисходящіе въ первой и второй степени. Такой патріархальной семьей надо воспользоваться и при проведеніи политической реформы. Однимъ главамъ семей слѣдовало бы предоставить выборъ народныхъ представителей. Это имѣло бы уже ту выгоду, что сократило бы число избирателей. Крайнія мнѣнія, какихъ бы придерживались члены семейныхъ группъ, нашли бы болѣе умѣренное выраженіе при передачѣ ихъ главою семьи, или патріархомъ, который въ то же время оставался бы подъ вліяніемъ взглядовъ своихъ нисходящихъ. Но главное то, что эти патріархи-избиратели имѣли бы, несомнѣнно, болѣе консервативныя тенденціи, чѣмъ молодые люди, и поэтому не склонны были бы къ рѣзкимъ перемѣнамъ. Проводя этотъ принципъ, я отправляюсь отъ той точки зрѣнія, что свободныя учрежденія, къ которымъ японцы не привыкли, не могутъ сразу найти у нихъ удачное примѣненіе. Японцы только постепенно могутъ приспособиться къ нимъ. Въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ представители, избираемые старѣйшинами семей, не должны были бы имѣть другихъ полномочій, кромѣ заявленія о нестроеніяхъ, о томъ, что они считаютъ вреднымъ и нуждающимся въ исправленіи. Имъ не слѣдовало бы предоставлять власти самимъ принимать мѣры къ устраненію этихъ нестроеній, а только заявлять о томъ, что они считаютъ дурнымъ. Такія права отвѣчали бы тѣмъ, какими пользовались наши представители въ начальный періодъ парламентской жизни. На разстояніи трехъ-четырехъ поколѣній тѣмъ же представителямъ можно было бы предоставить право рекомендовать принятіе извѣстныхъ мѣръ къ устраненію злоупотребленій. Но они еще

не могли бы законодательствовать сами по образцу палатъ европейскихъ странъ. Вся ихъ власть ограничилась бы обсужденіемъ того, какъ положить конецъ злу. Свои мнѣнія они препровождали бы палатѣ пэровъ и императору. Прошелъ бы снова рядъ поколѣній— и можно было бы дать народнымъ представителямъ полноту законодательной власти, на ряду съ двумя другими органами—императоромъ и верхней палатой. Рекомендуемый путь имѣлъ бы то преимущество, что лица, призываемыя къ отправленію политической власти, получили бы необходимую имъ продолжительную подготовку. Прибавьте къ этому, что у васъ не возникало бы тѣхъ препирательствъ, отъ которыхъ вы теперь страдаете". Уже послѣ кончины Спенсера, 18 января 1904 г., „Times", характеризуя эти совѣты и нѣкоторые другіе, съ которыми мы сейчасъ познакомимъ читателя, счелъ возможнымъ признать ихъ близорукими, проникнутыми антипатіей къ дѣйствительному прогрессу и умѣстными въ устахъ самодовольнаго мандарина, воспитаннаго въ ненависти къ европейцамъ „варварамъ".

Увѣренность въ томъ, что быстрое сближеніе японцевъ съ иностранцами, какъ и рабское заимствованіе ими порядковъ европейскихъ и американскихъ, можетъ отразиться гибельно на ихъ дальнѣйшей судьбѣ, заставила англійскаго мыслителя такъ же категорично высказаться противъ всякаго тѣснаго общенія жителей имперіи „Восходящаго Солнца" съ западными народами. „По отношенію къ болѣе могущественнымъ расамъ,—пишетъ онъ 26 августа 1892 г. тому же Кентаро Канеко,—вы должны были бы испытывать постоянное недовѣріе и держать ихъ по возможности на далекомъ разстояніи отъ себя. Общеніе съ ними должно ограничиться простымъ обмѣномъ матеріальныхъ благъ и идей, ввозомъ и вывозомъ какъ физическихъ, такъ и умственныхъ продуктовъ". Спенсеръ считаетъ роковой ошибкой рѣшеніе открыть Японію для иностранцевъ и иноземныхъ капиталовъ. Стоитъ только подумать о судьбѣ Индіи. Едва любая изъ наиболѣе могущественныхъ націй допущена будетъ къ болѣе тѣсному общенію съ Японіей, и можно будетъ ждать отъ нея аггрессивныхъ дѣйствій, которыя рано или поздно поведутъ къ столкновеніямъ. Послѣднія же представлены будутъ какъ вызванные по винѣ японцевъ, которые, поэтому, и должны будутъ потерпѣть за нихъ заслуженное наказаніе. Военныя силы посланы будутъ, смотря по обстоятельствамъ, изъ Америки или Европы, для усмиренія японцевъ и захвата части ихъ территоріи для поселенія иностранцевъ.

Послѣ недавно пережитыхъ событій страннымъ кажется читать приведенный отрывокъ. Но стоитъ только вспомнить судьбу другихъ восточныхъ народовъ, внезапно сближенныхъ ходомъ событій съ европейской культурой и потерявшихъ, благодаря этому, свободное распоряженіе собственными судьбами, чтобы понять серьезность опасеній, высказанныхъ Спенсеромъ. Автору „Описательной соціологіи“ должна была ясно рисоваться будущность народа, гостепріимно допустившаго занятіе европейцами или американцами своихъ портовъ, пріобрѣтеніе ими земель въ собственность или въ аренду, разработку чужеземцами собственныхъ рудниковъ и т. д. Вотъ почему Спенсеръ не отступаетъ передъ рекомендаціей японскому правительству закрытія страны для иноземцевъ. Японцы, по его мнѣнію, должны запретить пріобрѣтеніе иностранцами имѣній, снятіе ими фермъ, занятіе горнымъ дѣломъ и даже торговлей въ предѣлахъ самой Японіи. Онъ рекомендуетъ своему корреспонденту придерживаться по отношенію къ европейцамъ и американцамъ той же политики, какая сказалась въ запрещеніи китайской иммиграціи въ Соединенные Штаты. Онъ высказывается даже въ пользу запрещенія браковъ японцевъ съ иноземцами, увѣренный въ томъ, что смѣшанная раса уступаетъ по качествамъ чистой. Къ своимъ совѣтамъ онъ относится какъ къ чему-то способному вызвать враждебность къ нему собственныхъ соотечественниковъ, и потому ходатайствуетъ о томъ, чтобы его письмо появилось въ печати не ранѣе, какъ послѣ его кончины.

Само собою напрашивается сравненіе между отношеніемъ Спенсера къ японскому возрожденію и положеніемъ, занятымъ Жанъ-Жакомъ Руссо въ вопросѣ о надѣленіи Польши и острова Корсики конституціей.

Болѣе ста тридцати лѣтъ назадъ Руссо такъ же убѣдительно доказывалъ полякамъ и корсиканцамъ необходимость сохраненія возможно бо́льшаго числа ихъ исторически нажитыхъ особенностей и такъ же рѣшительно предупреждалъ ихъ насчетъ опасности поспѣшной ломки ихъ старыхъ порядковъ, какъ дѣлалъ это въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія Спенсеръ. Но авторъ „Общественнаго договора“ далекъ былъ отъ мысли рекомендовать полякамъ и корсиканцамъ отчужденіе отъ Европы. Онъ только старался приспособить къ ихъ мѣстнымъ условіямъ свою доктрину народнаго самодержавія, совѣтуя съ этой цѣлью сохранить въ Корсикѣ, по возможности, вѣчевые порядки, а въ Польшѣ — относительную автономію ея провинцій или воеводствъ, что̀ въ концѣ-концовъ позволило бы полякамъ найти въ федералистическомъ устройствѣ примиреніе выгодъ

мелкаго государства съ тѣми преимуществами по отношенію къ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ, какія даетъ обширность территоріи. Ни однимъ словомъ Руссо не обмолвился насчетъ пользы избѣгать гражданскаго общенія съ сосѣдними народами и необходимости законодательными мѣрами обезпечить собственную изолированность, какъ условіе сохраненія политической самостоятельности; а въ этомъ и состоятъ, какъ мы видѣли, совѣты Спенсера японцамъ. Продолжительное занятіе генетической соціологіей, исторіей постепеннаго и медленнаго роста нравовъ и учрежденій, заставило Спенсера подозрительно относиться ко всякимъ быстрымъ перемѣнамъ во внутреннемъ укладѣ общества. Въ этомъ отношеніи его точка зрѣнія рѣзко расходится съ той, которая классическимъ образованіемъ привита была французскимъ мыслителямъ XVIII вѣка и проникнутымъ ихъ міровоззрѣніемъ дѣятелямъ великой революціи. Монтескьё представлялъ себѣ задачу законодателя, насаждающаго въ странѣ государственные порядки, болѣе или менѣе близко къ тому, какъ рисовали себѣ ее древніе. Подобно Ликургу и Солону, законодатель—думалъ онъ—вводитъ у народа нравы, обычаи и привычки, отвѣчающіе характеру устанавливаемыхъ имъ учрежденій. Всякое отступленіе отъ принциповъ, положенныхъ въ основу государственнаго порядка, приближаетъ народъ къ гибели и государство къ разложенію. Идея преемственнаго развитія и усовершенствованія конституціи чужда Монтескьё, быть можетъ потому, что самъ онъ былъ свидѣтелемъ паденія той смѣшанной „готической“ монархіи, которая въ большей степени, чѣмъ англійская, казалась ему образцовой. На совершенно иной точкѣ зрѣнія стоитъ Спенсеръ. Сравнительно-историческое изученіе роста учрежденій породило въ немъ увѣренность въ необходимости медленнаго ихъ усовершенствованія, въ связи съ большей или меньшей подготовленностью народа къ переходу къ высшимъ формамъ жизни. Спенсеру было ясно, что можно быть одновременно сторонникомъ республиканскихъ порядковъ для передовыхъ гражданственностей Европы и конституціонно-монархическихъ для государствъ, общественное и политическое развитіе которыхъ представляется болѣе или менѣе отсталымъ. Если бы ему пришлось надѣлять новыми порядками дагомейцевъ послѣ насильственнаго прекращенія власти ихъ короля Беганзина, онъ навѣрно не остановился бы на мысли объ учрежденіи въ ихъ средѣ представительныхъ камеръ. Одинъ изъ современниковъ Спенсера, сторонникъ, подобно ему, сравнительно-историческаго изученія государственныхъ порядковъ и учрежденій—Льюисъ,—въ извѣстномъ въ свое время „спорѣ о наилуч-

шей формѣ правленія", заставляетъ выведенныхъ имъ символическихъ представителей монархіи, аристократіи и демократіи, придти къ тому заключенію, что въ мірѣ нѣтъ безотносительно совершеннаго государственнаго устройства, а наилучшимъ надо признать всего болѣе отвѣчающее культурному уровню, на которомъ находится данная нація.

Но, являясь, такъ сказать, постепеновцемъ, Гербертъ Спенсеръ обнаруживалъ въ то же время рѣзкое доктринерство, когда рѣчь шла о границахъ государственнаго вмѣшательства. Въ концѣ своей литературной дѣятельности, какъ и въ самомъ ея началѣ, онъ одинаково выступаетъ сторонникомъ возможно сильнаго ограниченія функцій власти. А между тѣмъ сочиненіе, обратившее на него всеобщее вниманіе еще ранѣе выхода въ свѣтъ „Первыхъ принциповъ" — „Соціальная статика" — заключало въ себѣ нѣкоторыя положенія, дававшія поводъ думать, что въ глазахъ Спенсера государство должно обезпечить каждому не только равенство условій въ борьбѣ за существованіе путемъ дарового обученія (то, что̀ англичане еще въ наши дни разумѣютъ подъ терминомъ „equal start" — равенство въ точкѣ отправленія), но и возможность существованія, доставленіемъ работы нуждающимся. Мало этого: Спенсеромъ высказаны были нѣкоторыя мысли, подавшія поводъ считать его сторонникомъ если не національзаціи земель, то обязательнаго государственнаго выкупа ихъ у собственниковъ. Отъ всего этого Спенсеръ отдѣлался въ позднѣйшемъ изданіи своей книги, а равно и въ трактатѣ „О справедливости". Его извѣстный памфлетъ, озаглавленный „Личность противъ государства", заключаетъ въ себѣ самую рѣзкую критику теоріи государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Законодательство Эдуарда III и, въ частности, нормы, изданныя его парламентомъ съ цѣлью регулированія заработной платы и удержанія ея на прежней высотѣ—нормы, вызванныя опустошеніями, произведенными моровой язвой 1348 г.,—приводятся Спенсеромъ какъ убѣдительное доказательство тому, что послѣдствія государственнаго вмѣшательства обыкновенно гибельны для большинства населенія. „Грядущее рабство"—таково понятіе, какое онъ связываетъ съ быстрымъ проникновеніемъ идеи государственнаго соціализма въ законодательство передовыхъ народовъ Европы.

Теоретическимъ пристрастіемъ отвѣчала и практическая дѣятельность Спенсера. Мы находимъ его примыкающимъ къ протесту противъ чрезмѣрнаго обложенія, вызваннаго государственнымъ соціализмомъ лондонскаго совѣта графства („County-council"). Обнародованная Дунканомъ переписка проливаетъ значительный свѣтъ на

эту сторону, столько же теоретической, сколько и практической, дѣятельности Спенсера. 10 іюня 1890 года онъ пишетъ: „Какъ школьное управленіе (school-board), такъ и совѣтъ графства, дѣйствуютъ въ томъ направленіи, какое Генри Джорджъ признавалъ лучшимъ средствомъ не для того, чтобы согнать земельныхъ собственниковъ силою съ занимаемыхъ ими участковъ, а для того, чтобы принудить къ добровольному ихъ оставленію, благодаря чрезмѣрной высотѣ налоговъ. Стоитъ только настоящей соціалистической политикѣ найти дальнѣйшее примѣненіе,—на что, повидимому, можно разсчитывать,—и доходъ съ земель будетъ поглощенъ податнымъ обложеніемъ“. Гербертъ Спенсеръ соглашается на включеніе его въ лигу для защиты свободы и собственности, во главѣ которой стоялъ его корреспондентъ. Онъ также сочувствуетъ основанію газеты „Свободная жизнь“, которую одновременно затѣвалъ Оберонъ Гербертъ, хотя и не питаетъ надежды на возможность остановить ею потокъ соціалистическаго законодательства и соціалистической административной практики. 16 іюня 1890 г. онъ пишетъ: „Я отчаиваюсь въ возможности сдѣлать что-либо на пользу индивидуализма. Общественное движеніе идетъ въ обратномъ направленіи, и это теченіе, по всей вѣроятности, будетъ только возрастать въ своихъ размѣрахъ и быстротѣ хода по той причинѣ, что политическая власть теперь въ рукахъ тѣхъ, чей видимый интересъ лежитъ въ предоставленіи правительству дѣлать какъ можно больше и чьи желанія, разумѣется, найдутъ поддержку во всѣхъ, кто ищетъ государственной службы“. Въ другомъ письмѣ, отъ 22 октября, Спенсеръ заявляетъ: „Съ года на годъ и со дня на день ходъ событій убѣждаетъ меня въ томъ, что люди по природѣ своей способны ужиться только съ извѣстной суммой свободы, а разъ имъ предоставлена будетъ бо́льшая, они сами позаботятся о томъ, чтобы разстаться съ нею и организовать новую форму тиранiи. Этого именно мы и являемся свидѣтелями въ настоящее время. Съ помощью ряда избирательныхъ реформъ люди обезпечили себѣ обладаніе большей свободой, чѣмъ та, какая можетъ быть использована ими. Послѣдствіе этого то, что они организуютъ для себя всякаго рода деспотіи въ формѣ трэдъ-юніонизма, соціализма, соціалистическаго законодательства; все это вмѣстѣ взятое приведетъ ихъ необходимо къ большей зависимости, чѣмъ прежде“. Едва ли въ средѣ философовъ второй половины XIX столѣтія можно найти человѣка, болѣе рѣшительно высказывавшагося въ пользу идеаловъ англійской свободы, въ значительной сте-

пени проведенныхъ и въ „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“, чѣмъ Спенсеръ. Но эта преданность началамъ индивидуализма заставляла его энергически возставать противъ расширенiя сферы вмѣшательства въ личную дѣятельность—все равно, со стороны ли государства, города, графства или добровольнаго профессiональнаго союза.

Въ то же время Спенсеръ являлся рѣшительнымъ проповѣдникомъ альтруизма. Въ его жизнеописанiи, составленномъ Дунканомъ, одна глава прямо обозначена словами: „Альтруизмъ, какъ факторъ соцiальнаго развитiя“. Опасаясь наступленiя общественнаго катаклизма, вызваннаго развитiемъ соцiалистическихъ идей [1]), Спенсеръ въ то же время посвятилъ проповѣди альтруизма цѣлое сочиненiе: „О справедливости“. И когда Фредерикъ Гаррисонъ, извѣстный пропагандистъ контизма и его „религiи человѣчества“, сошелся съ нимъ въ нѣкоторыхъ основныхъ положенiяхъ, онъ счелъ нужнымъ направить къ нему письмо слѣдующаго содержанiя: „Существенное различiе между нами сводится къ словамъ. Вы, повидимому, не признаете, что этика и религiя, сначала сливавшiяся воедино, постепенно дифференцировались и являются совершенно обособленными въ наше время“. Считая возможнымъ полное отдѣленiе нравственности отъ религiи, Спенсеръ въ послѣднихъ главахъ своего трактата „О справедливости“, посвященныхъ „положительной благотворительности“, проповѣдывалъ альтруизмъ, какъ единственное средство примирить дальнѣйшее существованiе современной общественно-политической организацiи, построенной на началахъ индивидуализма, съ поступательнымъ развитiемъ матерiальнаго и духовнаго благосостоянiя народныхъ массъ.

На-ряду съ общественными вопросами вниманiе Спенсера, послѣ завершенiя имъ „Синтетической философiи“, постоянно занимало отстаиванiе идеи эволюцiи. Отсюда его продолжительная полемика и съ Гёкели, и съ Вейсманомъ. Гёкели, писавшiй въ это время научно-критическiя статьи въ „Fortnightly Review“, отрицалъ возможность построенiя теорiи общественнаго прогресса на началѣ борьбы за существованiе. Ту же мысль онъ провелъ и въ одной изъ публичныхъ лекцiй, прочитанныхъ имъ въ теченiе 1893 г., подъ заглавiемъ „Эволюцiя и этика“. Въ письмѣ къ Скильтону въ Нью-Iоркъ, отъ 29 iюня 1893 года, Спенсеръ говоритъ: „Въ

[1]) Прямое указанiе на этотъ счетъ можно найти въ письмѣ Спенсера къ Джону Тиндалю отъ 30 янв. 1893 г.

примѣненіи къ органическому міру Гёксли дѣлаетъ смѣлое допущеніе, что эволюція ограничивается борьбой за существованіе между индивидами въ ея самыхъ жестокихъ проявленіяхъ, и что та же борьба не имѣетъ никакого вліянія какъ на развитіе соціальной организаціи, такъ и на модификацію человѣческаго разума въ періодъ развитія этой организаціи. Положеніе, занимаемое имъ въ этомъ вопросѣ, таково, что въ нашу задачу будто бы входитъ бороться съ космическими процессами, а это уже предполагаетъ, что въ насъ самихъ есть нѣчто, не являющееся продуктомъ этихъ процессовъ. Но развѣ такое отношеніе къ дѣлу не равнозначуще повороту къ теологической точкѣ зрѣнія, согласно которой человѣкъ является антитезою по отношенію къ природѣ?“

Причина разномыслія Спенсера съ Вейсманомъ была нѣсколько иного рода. Вейсманъ не выходилъ изъ области біологіи и отрицалъ возможность передачи по наслѣдству пріобрѣтенныхъ качествъ. Въ письмѣ къ сэру Эдуарду Фрею отъ 7 іюня 1893 г. авторъ „Синтетической философіи“ относится отрицательно къ исходной гипотезѣ Вейсмана о томъ, что наслѣдуется не плазма вообще, а „germ-plasm“ (сѣменная плазма). Между Вейсманомъ и Спенсеромъ завязалась полемика на страницахъ „Contemporary Review“ о томъ, въ какой мѣрѣ пріобрѣтенныя особенности переходятъ къ потомству. Самъ Спенсеръ въ письмѣ къ Фрею соглашается, что употребленный имъ терминъ менѣе удаченъ, чѣмъ тотъ, къ которому онъ прибѣгъ прежде въ „Принципахъ психологіи“, гдѣ рѣчь шла о передачѣ видоизмѣненій, функціонально развившихся. Въ послѣднемъ письмѣ къ Вейсману Спенсеръ, по его примѣру, признаетъ безполезность дальнѣйшаго обмѣна мыслей по этому предмету въ виду того, что его антагонистъ постоянно приводитъ новыя гипотезы, надѣясь ими восполнить недостатки старыхъ. Тѣмъ не менѣе Спенсеръ снова возвращается къ предмету спора съ Вейсманомъ въ статьѣ, вошедшей въ составъ его послѣдней книги „Факты и комментаріи“ и озаглавленной: „Нѣкоторыя данныя объ унаслѣдованіи практикой пріобрѣтенныхъ свойствъ“ (use inheritance).

Личная жизнь Спенсера не богата событіями. Странствія по Швейцаріи, Италіи, Франціи, посѣщеніе озеръ Шотландіи, жизнь на морскомъ берегу, нѣсколько мѣсяцевъ продолжавшееся путешествіе по Америкѣ, прерывали по временамъ монотонность его существованія въ частныхъ пансіонахъ. Единственный разъ, когда мнѣ пришлось встрѣтиться съ Спенсеромъ и благодарить его за

включеніе меня въ число посѣтителей литературнаго клуба „Atheneum“, котораго онъ былъ въ то время однимъ изъ старшинъ, Фредерикъ Гаррисонъ, присутствовавшій при разговорѣ, спросилъ Спенсера, что̀ заставляетъ его держаться такого образа жизни. Безъ малѣйшей улыбки на устахъ Спенсеръ отвѣтилъ: „желаніе практическаго ознакомленія съ выгодами и невыгодами общежитія“. Такія же заданія объясняютъ его готовность принять на себя обязанности одного изъ старшинъ клуба. Вѣдь тѣмъ самымъ открывалась для него возможность познакомиться съ практикой правительственной власти. Никакого политическаго честолюбія Спенсеръ не питалъ, и когда лондонскіе избиратели предложили выставить его кандидатуру на выборахъ, онъ отнесся весьма отрицательно къ мысли сдѣлаться членомъ парламента. Въ Англіи,—объяснялъ онъ въ своемъ письменномъ отказѣ,—руководительство все болѣе и болѣе переходитъ къ общественному мнѣнію, на которое онъ, Спенсеръ, имѣетъ возможность вліять своими сочиненіями; парламенту же только приходится приводить въ исполненіе то, что̀ предписываетъ ему общественное мнѣніе.

Спенсеру было также чуждо всякое искательство внѣшнихъ почестей. Очень осторожно и не желая задѣть ничьего самолюбія, онъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни поставленъ былъ въ необходимость отвергнуть нѣсколько предложеній со стороны ученыхъ академій и иноземныхъ правительствъ, желавшихъ почтить его выборомъ въ свои члены или наградить его орденами. Парижская академія нравственныхъ наукъ не прочь была сдѣлать его своимъ корреспондентомъ. То же желаніе высказала Academia dei Lincei въ Римѣ и академія вѣнская. Императоръ Вильгельмъ II готовъ былъ повѣсить на грудь Спенсера еще Фридрихомъ Великимъ созданный орденъ „pour le mérite“. Всѣ эти почести были отклонены, какъ и болѣе скромныя предложенія войти въ число членовъ возникавшихъ на континентѣ соціологическихъ обществъ. Созданный по иниціативѣ Ренэ Вормса „Международный институтъ соціологіи“ по этой только причинѣ не могъ включить Спенсера въ число своихъ учредителей. Въ присланномъ на имя генеральнаго секретаря письмѣ Спенсеръ заявлялъ, что рѣдкое предпріятіе способно было бы вызвать въ немъ бо̀льшее сочувствіе, но что ему невозможно принять выбора въ члены, разъ имъ отклонены предложенія другихъ академій.

Послѣдніе годы своей жизни Спенсеръ провелъ на берегу моря, въ Брайтонѣ. Предвидя наступленіе конца, онъ распорядился сожженіемъ

своего трупа и въ письмѣ къ Морлею выразилъ желаніе, чтобы по случаю этой церемоніи произнесено было имъ слово, клонящееся къ общей оцѣнкѣ его дѣятельности. Изъ всѣхъ современниковъ, не сошедшихъ еще въ могилу, Морлей казался ему всего сочувственнѣе относящимся къ идеямъ „синтетической философіи“. Спенсеру къ концу его жизни пришлось разувѣриться въ быстромъ распространеніи началъ его системы въ англійскомъ обществѣ. Журналъ „Mind“, долгое время бывшій пропагандистомъ идеи эволюціи и научной философіи, перешелъ въ руки гегеліанцевъ—и Спенсеръ прервалъ связь съ журналомъ, основаннымъ его другомъ, Александромъ Беномъ. Въ письмѣ къ нему отъ 25 апрѣля 1902 г. онъ говоритъ между прочимъ: „Я часто думаю о томъ отчаяніи, которое вы должны испытывать при мысли о судьбѣ, постигшей журналъ „Mind“. Органъ, созданный вами и столько лѣтъ содержимый на ваши средства, превратился теперь въ пропагандиста нѣмецкаго идеализма. Оксфордъ и Кэмбриджъ подпали подъ власть этого старосвѣтнаго безсмыслія (old-world nonsense). Не знаю, что̀ сказать о Шотландіи. Предполагаю, что и въ ней гегеліанство созрѣло“. Мысль объ успѣхѣ нѣмецкой метафизики въ Англіи тревожила Спенсера въ послѣдніе годы его жизни. Его недовольство сказывается и въ письмахъ къ Массону, и въ письмахъ къ Сиджвику. Въ послѣднихъ Спенсеръ говоритъ, что далъ распоряженіе своимъ банкирамъ прекратить подписку на „Mind“. „Я вполнѣ допускаю возможность философскаго журнала, дающаго выраженіе нѣсколькимъ параллельнымъ теченіямъ мысли. Но за послѣднее время „Mind“ такъ мало удѣляетъ мѣста научной философіи, что я рѣшительно не вижу причины, по которой своимъ взносомъ я бы содѣйствовалъ успѣху англійскаго гегеліанства“. Это возрожденіе идеологіи вызывало въ Спенсерѣ опасеніе насчетъ возможности найти въ ближайшее время объективную оцѣнку для своего міросозерцанія. Вотъ почему онъ не счелъ безполезнымъ обратиться къ Морлею съ просьбой, о которой я уже упомянулъ выше: „Я распорядился—пишетъ онъ 16 сентября 1903 г.—сожженіемъ моихъ останковъ и запретилъ, какъ вы можете предположить, совершеніе надъ моимъ тѣломъ или надъ моимъ пепломъ всѣхъ тѣхъ церемоній, которыя отвѣчаютъ требованіямъ ходячаго вѣрованія (current creed). Между тѣмъ я не могу помириться съ мыслью о совершенномъ молчаніи и радъ былъ бы, если бы по случаю этой церемоніи сдѣлано было краткое обращеніе другомъ. Бросая взглядъ на моихъ пріятелей, я нахожу, что вы стоите первымъ въ ряду тѣхъ, отъ

кого было бы наиболѣе подходящимъ услышать это слово, частью въ виду старой дружбы, насъ связывающей, частью благодаря сходству чувствъ, частью, наконецъ, благодаря общности мыслей, обособляющихъ насъ отъ другихъ". Нечего и говорить, что Морлей съ благодарностью принялъ это предложеніе. Но ему не суждено было осуществиться. Извѣстіе о кончинѣ Спенсера застало Морлея во время его путешествія въ Сицилію, и мѣсто его долженъ былъ занять Леонардъ Кортнэ. Останки Спенсера покоятся на кладбищѣ въ „High Gate". Одно время думали о перенесеніи ихъ въ Вестминстерское аббатство; рядъ великихъ именъ, прославленныхъ болѣе научной и философской дѣятельностью, чѣмъ участіемъ въ политикѣ, подписался подъ адресомъ къ декану Вестминстерскаго аббатства, заключавшимъ въ себѣ предложеніе на этотъ счетъ. Армитаджъ Робинсонъ, исполнявшій въ 1904 г. обязанности декана, не счелъ, однако, возможнымъ удовлетворить это ходатайство, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что Вестминстерское аббатство не можетъ быть подобающей усыпальницей для человѣка, исключавшаго христіанство изъ своей системы философіи. Одновременно онъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы участіе Герберта Спенсера въ развитіи англійской мысли имѣло то значеніе, какое бы позволяло отдать ему въ церкви аббатства одно изъ немногихъ еще свободныхъ мѣстъ для увѣковѣченія выдающихся соотечественниковъ. Вѣдь его философія, прибавлялъ онъ, вызвала уже строгую критику и его воззрѣнія въ разныхъ областяхъ знанія, какъ физическаго, такъ и метафизическаго, подвергнуты серьезнымъ сомнѣніямъ со стороны спеціалистовъ.

Возрожденіе метафизики, которое Англія переживаетъ въ наши дни наравнѣ съ континентомъ Европы, не обѣщаетъ того, чтобы въ близкомъ будущемъ можно было ждать справедливой оцѣнки „Синтетической философіи" Спенсера, который, при всемъ своемъ антагонизмѣ къ Конту, явился прямымъ продолжателемъ позитивизма. Даже въ области соціологіи значеніе Спенсера значительно пало вслѣдствіе разгрома теоріи „общества-организма"; рѣшительное же пристрастіе его къ индивидуализму, какъ несогласное съ господствующимъ теченіемъ, въ свою очередь сдѣлало мало популярною въ глазахъ современниковъ проповѣдь имъ одного альтруизма. Несомнѣнно, что въ наши дни Гартманъ, Ницше и многіе другіе писатели по философіи пользуются бо̀льшимъ признаніемъ. Спенсеръ сравнительно забытъ. Но интересъ, съ какимъ молодое поколѣніе встрѣчаетъ философскія системы Авенаріуса, Маха и

Освальда, позволяетъ надѣяться, что слава Спенсера не померкла навсегда и что въ исторіи развитія научной философіи и соціологіи, въ особенности генетической, онъ займетъ въ будущемъ видное мѣсто вслѣдъ за Контомъ—и ранѣе современныхъ руководителей позитивнаго или научнаго мышленія.

Если отъ Спенсера-философа мы перейдемъ къ Спенсеру-соціологу, то намъ придется сказать, что важнѣйшей его заслугой несомнѣнно является построеніе генетической соціологіи.

Когда отъ органической теоріи государства не останется никакихъ или почти никакихъ слѣдовъ, „Основанія соціологіи“ попрежнему будутъ служить образцомъ для всѣхъ, кто съ помощью сравнительно-историческаго метода ищетъ отвѣта на вопросъ о происхожденіи и развитіи человѣческаго общества. Его гигантскій трудъ, охватывающій въ трехъ томахъ прошлое религіи, семьи, собственности и правительства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, могъ быть написанъ только въ странѣ, такъ глубоко интересующейся этнографіей и первобытной археологіей, какъ Англія. Литература этой страны изобилуетъ описаніями путешествій; правительствомъ предпринятъ рядъ изслѣдованій съ цѣлью раскрыть въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ особенности быта населяющихъ британскую имперію народностей. Все это вмѣстѣ взятое должно было привести къ тому, что нигдѣ, кромѣ Англіи, не могла быть сдѣлана и первая попытка соединить въ общій синтезъ всѣ положенія, относящіяся къ вопросу о происхожденіи вѣрованій и различныхъ другихъ сторонъ общественной жизни. „Принципы соціологіи“ Спенсера были подготовлены исподволь такими замѣчательными работами, какъ „Первобытная культура“ Эдуарда Тэйлора, „Происхожденіе семьи“ Макъ-Ленана и превосходныя монографіи Генриха Семнера Мэна о древнемъ правѣ и первобытныхъ учрежденіяхъ. Спенсеръ не всегда отдаетъ должное своимъ предшественникамъ. Такъ, напр., Эдуардъ Тэйлоръ счелъ себя въ правѣ утверждать, что теорія первоначальнаго культа предковъ и происхожденія изъ него фетишизма была построена имъ значительно раньше Спенсера. И дѣйствительно, если сравнить то, что говоритъ Спенсеръ о древнѣйшихъ вѣрованіяхъ съ соотвѣтствующими главами „Первобытной культуры“, нельзя будетъ не признать, что авторъ „Принциповъ соціологіи“ не разъ высказываетъ взгляды, заимствованные имъ изъ сочиненія великаго оксфордскаго антрополога.

Одна изъ наиболѣе оригинальныхъ главъ въ „Принципахъ соціологіи“ та, въ которой Спенсеръ указываетъ на важную роль освященныхъ обычаемъ церемоній и обрядностей въ жизни дикарей.

Отправляясь отъ этого факта, англійскій мыслитель берется доказать, что раньше всѣхъ прочихъ формъ правительства возникло „церемоніальное“. Мнѣ пришлось однажды слышать, изъ устъ одного французскаго соціолога (Тарда) полную юмора критику этой теоріи. По мнѣнію Тарда, о его соотечественникахъ можно приблизительно сказать то же, что̀ Спенсеръ говоритъ о дикаряхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно изучить французскую судебную практику, хотя бы, напр., роль, играемую приставами (greffiers). Это не мѣшаетъ тому, что новѣйшія сочиненія, изображающія намъ бытъ наиболѣе отсталыхъ расъ и народностей земного шара (я имѣю спеціально въ виду изслѣдованія Спенсера и Гиллена объ австралійцахъ и Кодрингтона о меланезійцахъ), вполнѣ подтверждаютъ гипотезу Спенсера: первыми нормами, регулировавшими общественную жизнь людей, были нормы обрядоваго или церемоніальнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ у австралійцевъ и меланезійцевъ, такъ и у краснокожихъ, существуетъ нѣчто въ родѣ посвященія лицъ, достигшихъ половой зрѣлости,—посвященія, напоминающаго собою обрѣзаніе или крещеніе взрослыхъ. Только тотъ мужчина считается у нихъ полноправнымъ, надъ которымъ былъ совершенъ предварительно такого рода обрядъ. Только подчинившись извѣстнаго рода операціи, операціи крайне мучительной, можно сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ тѣхъ тайныхъ обществъ, внутри которыхъ совершаются нѣкоторые тщательно скрываемые обряды или церемоніи магическаго характера. Знаніе ихъ составляетъ своего рода сокровенную науку, въ которую отнюдь не посвящаютъ женщинъ—въ надеждѣ внушить имъ тѣмъ самымъ спасительный страхъ, позволяющій держать ихъ въ повиновеніи.

Нельзя сдѣлать большей похвалы такому синтетическому труду, какимъ являются „Принципы соціологіи“ Спенсера, какъ сказавъ, что общія положенія его подтверждаются фактами, которые остались неизвѣстными его автору. Спенсеръ почти ни слова не говоритъ о славянахъ, и тѣмъ не менѣе его взгляды на характеръ политическихъ учрежденій въ періодъ зарождающагося государства находятъ блестящее подтвержденіе въ политической эволюціи, пройденной славянскими народами.

Въ „Принципахъ соціологіи“ указано, напримѣръ, на то, что княжеская власть въ началѣ своего развитія была ограничена, съ одной стороны, совѣтомъ старѣйшинъ, а съ другой, народными собраніями; и вотъ, оказывается, что это буквально та картина, какую представляютъ собою въ эпоху, предшествующую образованію

Московіи, древне-русскія княжества съ ихъ „вѣчами“ и „думами“. То же самое можно сказать о княжествахъ западныхъ и южныхъ славянъ, о княжеской власти поляковъ, чеховъ, сербовъ и хорватовъ. Изученіе быта кавказскихъ горцевъ также подтвердило теорію Спенсера по слѣдующему вопросу: Спенсеръ утверждаетъ, что гражданская власть далеко не всегда при своемъ первоначальномъ появленіи носитъ характеръ военнаго начальствованія. Сосредоточеніе въ рукахъ той или другой семьи или цѣлаго класса религіознаго или свѣтскаго знанія (знанія легендъ, заклинаній или судебныхъ приговоровъ) путемъ долгой эволюціи можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ предоставленіе имъ извѣстныхъ правительственныхъ функцій, пожизненныхъ и даже наслѣдственныхъ.

И вотъ, оказывается, что мы имѣемъ возможность наблюдать этотъ процессъ не только въ исторіи евреевъ въ эпоху „Судей“,—примѣръ, на который ссылается Спенсеръ,—но еще у кельтовъ Галліи и Ирландіи. Достаточно напомнить о друидахъ, потерявшихъ современемъ, т.-е. съ момента принятія ирландцами христіанства, значеніе духовныхъ вождей націи и превратившихся изъ жрецовъ частью въ народныхъ бардовъ, частью въ судебныхъ посредниковъ, или „брегоновъ“. Тотъ же самый процессъ повторился, наконецъ, еще недавно въ государствѣ, образовавшемся въ XVII и XVIII вв. на югѣ Дагестана, почти на берегу Каспійскаго моря. Я имѣю въ виду Кайтагъ, во главѣ котораго стоялъ наслѣдственный вождь, носившій названіе „Уцмія“. На туземномъ нарѣчіи это слово значитъ „судья“. Лица, носившія этотъ титулъ, принадлежали къ роду знаменитаго судьи XVII в., Рустема. Только членамъ его семьи было извѣстно содержаніе постановленныхъ имъ приговоровъ. Они долгое время тщательно скрывали ихъ отъ всѣхъ остальныхъ семей и съ помощью этого сокровеннаго знанія добились власти надъ ними. Имъ удалось достигнуть этого потому, что народъ разсчитывалъ съ ихъ водвореніемъ воспользоваться выгодами хорошаго суда, въ которомъ онъ такъ нуждался.

Я бы затруднился сказать, какая часть „Принциповъ соціологіи“ должна быть поставлена выше другихъ. Главы, въ которыхъ поднимается вопросъ о происхожденіи семьи, могутъ считаться въ настоящее время нѣсколько устарѣвшими, такъ какъ съ тѣхъ поръ, когда онѣ были написаны, литература обогатилась новыми трудами Моргана, Вестермарка и Колера. Спенсеръ придаетъ, можетъ быть, слишкомъ большое значеніе первобытному гетеризму, считая его исходнымъ моментомъ въ развитіи всѣхъ формъ брака.

Послѣдняя часть его книги, въ которой рѣчь идетъ объ индустріальной эволюціи, носитъ на себѣ слѣды сильной умственной усталости. Съ сожалѣніемъ констатируешь, что преклонный возрастъ и продолжительная работа ослабили свѣжесть и изобрѣтательность ума Спенсера. Но это не мѣшаетъ тому, что и въ этой части блестяще разработанъ вопросъ о раздѣленіи труда. Спенсеръ придерживается при этомъ той самой соціологической точки зрѣнія, съ которой пытались освѣтить этотъ вопросъ Зиммель и Дюркгеймъ. Мнѣ кажется, однако, что всего менѣе пострадали отъ времени и вполнѣ соотвѣтствуютъ современному положенію нашихъ знаній объ исторіи собственности тѣ главы „Принциповъ соціологіи“, въ которыхъ говорится о переходѣ коллективной собственности въ частную. Нѣтъ сомнѣнія, что Спенсеръ заимствовалъ многое у Мэна и Лавелэ; но онъ писалъ эти главы своего сочиненія въ то время, когда въ литературѣ начала брать перевѣсъ противоположная Мэну доктрина Фюстель-де-Куланжа. Великая его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ не поддаться общему увлеченію. Благодаря этому, онъ сдѣлалъ для установленія эмпирическаго закона эволюціи собственности больше, чѣмъ кто другой. Точно также Спенсеръ совершенно правильно указалъ на то, что ростъ населенія долженъ былъ повліять разлагающимъ образомъ на первобытныя земледѣльческія общины. Въ одной, недавно появившейся книгѣ Фулье „Психологія европейскихъ народовъ“ сказано, что я былъ совершенно правъ, и когда боролся съ теоріей Фюстеля, согласно которой частная собственность существовала значительно ранѣе того времени, когда была сдѣлана первая попытка дѣлить періодически землю поровну между членами общины (стр. 404). Но если кому-нибудь принадлежитъ честь поддержанія правильной точки зрѣнія на этотъ счетъ, то, несомнѣнно, прежде всего автору „Принциповъ соціологіи“.

Мы теперь въ правѣ сказать, что Спенсеръ ярко освѣтилъ многіе вопросы генетической соціологіи, что имъ установленъ цѣлый рядъ эмпирическихъ законовъ, единственныхъ обобщеній, которыя мыслимы въ здраво понимаемой соціальной наукѣ. Да позволено же будетъ мнѣ закончить этотъ очеркъ словами, что Спенсеръ такъ много сдѣлалъ для начинающейся науки соціологіи, что имя его смѣло можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Огюста Конта, ея основателя. Въ Спенсерѣ соціологія, какъ абстрактная, такъ и описательная, потеряла одного изъ своихъ творцовъ.

§ 4.

Работы недавно сошедшаго въ могилу французскаго этнографа Летурно по частямъ пересматриваютъ отдѣльныя стороны величественнаго зданія, воздвигнутаго Спенсеромъ. И въ нихъ этнографическій матеріалъ беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ историческимъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи представляетъ значительный недочетъ, объясняемый тѣмъ, что, по собственному сознанію автора, вся подготовительная работа была сдѣлана имъ болѣе тридцати лѣтъ назадъ, въ годы, проведенные во Флоренціи въ ближайшемъ общеніи съ Монтегацца и на недалекомъ разстояніи отъ франко-прусской войны и коммуны.

Если Летурно заимствуетъ у Спенсера его этнографическую описательную методу, то Шэффле, Лиліенфельдъ, Вормсъ, Новиковъ слѣдуютъ за нимъ въ построеніи органическаго ученія о государствѣ и въ поискахъ параллелей между частями человѣческаго тѣла и ихъ функціями, съ одной стороны, общественными учрежденіями и ихъ дѣятельностью, съ другой. Шэффле обнаруживаетъ при этомъ обширнѣйшее знакомство съ экономическими порядками и ихъ исторіей,— обстоятельство, дѣлающее его книгу предметомъ полезнаго чтенія и для тѣхъ, кто готовъ отбросить основную мысль, имъ руководящую. Вормсъ, если отвлечься отъ нѣкоторыхъ не всегда удачныхъ, а подчасъ и прямо забавныхъ уподобленій, имъ дѣлаемыхъ, напримѣръ сердца съ биржей, представилъ наиболѣе стройное и систематическое изложеніе всей доктрины, какъ бы оправдывая тѣмъ слова Тарда: „онъ оказалъ соціологіи услугу, доведши до крайности эту старую греческую метафору и позволивъ намъ тѣмъ самымъ разстаться съ нею навсегда“ (Etudes de psychologie sociale, стр. 121). Очевидно, къ одному порядку съ только-что названными работами принадлежитъ, на-ряду съ прежними, и новѣйшая книга Лиліенфельда „о патологіи“ общества, въ которой характеръ соціальной болѣзни былъ, разумѣется, признанъ авторомъ за всѣми неодобряемыми имъ теченіями современной жизни. Въ трудахъ Новикова, открыто признающаго себя сторонникомъ органической теоріи, отводится несравненно больше мѣста психологіи и, какъ показываетъ самое названіе одной изъ его книгъ: „Сознаніе и воля общественная“, уподобленіе не выходитъ изъ сферы мозга и нервной системы. Въ другомъ, на мой взглядъ, болѣе значительномъ и притомъ первомъ по времени трактатѣ того же автора, озаглавленномъ „Борьба обществъ“, сдѣлана попытка односторонняго освѣ-

щенія жизни обществъ вліяніемъ этой борьбы. Авторъ показываетъ проявленіе элемента борьбы уже въ области неорганической, а затѣмъ органической природы, и изучаетъ послѣдовательныя модификаціи борьбы въ обществахъ: войны, экономическую конкурренцію, соперничество языковъ, литературъ, школъ живописи, ваянія и т. д. Съ этой точкой зрѣнія, очевидно, не согласятся тѣ, кто, подобно мнѣ, думаютъ, что сфера общественной солидарности, къ расширенію которой сводится поступательный ходъ обществъ, раздвигается не войнами, а соглашеніями, не борьбой, а договоромъ. Но цѣлостное воспроизведеніе даже невѣрнаго съ нашей точки зрѣнія взгляда, притомъ со всѣми его крайностями, доходящими до признанія, что и въ любви мужчины къ женщинѣ имѣется элементъ борьбы и побѣды, несомнѣнно, оказываетъ соціологіи ту же услугу, какую, какъ мы видѣли, Тардъ приписываетъ попыткѣ Вормса дать крайнее выраженіе ученію объ обществѣ, какъ организмѣ.

Болѣе оригинальную ноту въ развитіе тѣхъ же взглядовъ вноситъ Изуле, авторъ сочиненія „Современное государство“—„Cité moderne“. Съ нимъ мы переходимъ въ сферу аналогій общества съ низшими организмами. Много говорится о протоплазмѣ и о происходящей въ средѣ ея дифференціаціи и все это служитъ матеріаломъ для уподобленій съ явленіями общественнаго характера. Не мало таланта, рядъ красиво выраженныхъ мыслей, наконецъ, рѣдкая способность найти у каждаго изъ литературныхъ собратій прямую и косвенную поддержку собственной гипотезѣ, длинныя выписки, сопровождаемыя расшаркиваніемъ передъ признанными авторитетами—все это вмѣстѣ взятое позволяетъ профессору Collége de France дать своей мысли, въ сущности простой и несложной, выраженіе на цѣлыхъ 600 страницахъ. Изъ нихъ читатель узнаетъ всѣ благодѣянія, дѣйствительныя и мнимыя, которыми онъ обязанъ государству. Есть даже глава, гласящая, что если у насъ есть душа, то этимъ мы обязаны не кому другому, какъ государству.

Изъ этого бѣглаго очерка читатель могъ познакомиться съ разнообразнѣйшими интерпретаціями, какія органическая теорія государства, еще формулированная въ древности [1]), нашла во второй половинѣ протекшаго столѣтія. Все, повидимому, сказано, все исчерпано по вопросу о сходствѣ общества съ организмомъ; ничего не остается прибавить къ уподобленію его то съ высшими породами

[1]) Въ извѣстномъ сказаніи объ отходѣ плебеевъ на священную гору.

существъ животнаго и растительнаго царства, то съ низшими. Настало, слѣдовательно, время подвесть итоги тѣмъ результатамъ, какіе добыты органической теоріей общества. Немудрено, если на одномъ изъ съѣздовъ соціологическаго института, учрежденнаго въ Парижѣ по иниціативѣ Рене Вормса и имѣющаго своей задачей установить обмѣнъ мыслей между представителями самыхъ различныхъ направленій въ области соціологіи, и притомъ не въ одной Франціи, а во всѣхъ странахъ Европы и Америки, сдѣлана была попытка всесторонней оцѣнки ученій органической школы. Подъ предсѣдательствомъ Лилiенфельда, Вормсъ и Новиковъ одинъ за другимъ выступали съ защитой ея основныхъ положеній. Но слово дано было и противникамъ органической теоріи, въ томъ числѣ Тарду и Штейнмецу. Нельзя сказать, чтобы побѣда осталась на сторонѣ послѣдователей господствующей школы. „Всѣ эти сравненія соціальныхъ феноменовъ съ физическими,—говоритъ, между прочимъ, Штейнмецъ—профессоръ антропологіи и соціологіи въ Утрехтѣ,—не представляютъ никакой пользы. Это не болѣе, какъ игра словъ. Когда говорятъ, напримѣръ, что желѣзныя дороги—междуклѣточная соціальная ткань, что можно вывести изъ такого сравненія? Очевидно ничего. Благодаря такой аналогіи мы не узнаемъ лучше характера той функціи, какая осуществляется путями сообщенія. Такая формула претенціозна и безсодержательна". Съ меньшими преувеличеніями то же отрицательное отношеніе къ органической теоріи высказано было и Тардомъ. „Я не вижу,—сказалъ онъ,—какую пользу принесла намъ эта теорія и въ то же время ясно сознаю порожденныя ею вредныя послѣдствія. Ею я объясняю появившуюся между соціологами тенденцію принимать за нѣчто дѣйствительно существующее простыя отвлеченія, довольствоваться голыми фразами, какъ напримѣръ, соціальный принципъ, душа толпы, соціальная среда и т. д." Вліяніемъ той же аналогической методы, постояннымъ сопоставленіемъ общества съ живыми организмами, объясняетъ Тардъ и то пристрастіе къ ученію о прямолинейномъ прогрессѣ, объ однообразно совершающейся у всѣхъ народовъ эволюціи, которая признается за обществами по образцу той эмбріональной серіи различныхъ состояній живого организма, въ которой сказывается его ростъ. Тардъ поспѣшилъ прибавить, однако, что допускаетъ существованіе дѣйствительныхъ аналогій между организмами и обществами. Но такія аналогіи имѣются со всякаго рода аггрегатами, какова бы ни была ихъ природа, астрономическими (солярная система), химическими (молекулы), физическими (кристаллы),

наконецъ біологическими. Эти аналогіи объясняются тѣмъ, что всѣ эти аггрегаты руководимы въ своей дѣятельности одной механикой или одной логикой. Сходства между біологическими аггрегатами и аггрегатами соціальными потому уже болѣе значительны, что обоимъ присуща идея конечности. Только въ той мѣрѣ, въ какой живые организмы и общества преслѣдуютъ сходныя цѣли: роста, защиты противъ нападенія и т. д., общественныя структуры и функціи представляютъ сходства съ біологическими [1]).

Къ систематическому осужденію органической теоріи Людвигъ Штейнъ, авторъ компилятивной работы „О различныхъ вопросахъ обществовѣдѣнія“, такъ или иначе рѣшаемыхъ современными соціологами, прибавилъ короткій, но весьма вѣрный очеркъ того порядка, какимъ эти старинныя уподобленія общества и организма постепенно перешли въ утвержденія ихъ полнаго единства. Уже Платонъ называетъ государство громаднымъ человѣкомъ. У Аристотеля эта метафора Платона не носитъ болѣе характера поэтической фикціи, а дѣйствительной аналогіи. Государство сдѣлалось организмомъ, т.-е. громаднымъ человѣкомъ, а самъ человѣкъ былъ признанъ существомъ общественнымъ. Аристотеля поэтому необходимо считать дѣйствительнымъ отцомъ теоріи соціологическаго макрокосма. Но Аристотель все же признавалъ это сопоставленіе только сопоставленіемъ; у Спенсера же рѣчь заходитъ уже о параллелизмѣ. Экзодерма, эндодерма, мезодерма, признаются существующими одинаково и въ структурѣ организмовъ, и въ структурѣ общества. На самомъ же дѣлѣ рѣчь можетъ идти только о соотвѣтствіяхъ, встрѣчахъ и параллелизмахъ. Лиліенфельдъ доводитъ послѣдствія такихъ поисковъ за уподобленіями до конца, говоря, что общество не только похоже на живой организмъ, но что оно есть живой организмъ. Итакъ, въ цѣломъ историческое развитіе органической теоріи можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ. У Платона она является метафорой, у Аристотеля—аналогіей, у Спенсера—параллелизмомъ, у Лиліенфельда—абсолютнымъ тождествомъ [2]).

Сдѣланныхъ выписокъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы показать то отношеніе, въ какое становятся къ органической теоріи соціологи, отрѣшившіеся или считающіе себя отрѣшившимися въ равной или не въ равной мѣрѣ и отъ доктринъ Конта, и отъ

[1]) См. „Анналы международнаго института соціологіи“, стр. 240.
[2]) Ibid., стр. 291.

доктринъ Спенсера. Я призналъ себя поэтому въ правѣ выдѣлить ихъ въ особую группу и, считая вторымъ періодомъ въ развитіи соціологіи тотъ, который совпадаетъ съ господствомъ органической теоріи, я начинаю третій съ появленія болѣе или менѣе независимыхъ школъ.

ГЛАВА VIII.

Новѣйшія теченія въ области соціологіи. Лестеръ Уордъ — родоначальникъ психологическаго направленія.

§ 1.

Оживленіе соціологической мысли сказалось за послѣднее время созданіемъ не только уже упомянутаго ранѣе международнаго института соціологіи, а вслѣдъ за нимъ парижскаго соціологическаго общества, но и появленіемъ въ одномъ Парижѣ двухъ періодическихъ изданій, посвященныхъ соціологіи [1]), а въ Италіи цѣлыхъ трехъ, изъ которыхъ въ одной—„Rivista internazionale di sociologia“—мы встрѣчаемъ имена самыхъ выдающихся дѣятелей въ области антропологіи, этнографіи, экономики, права и политики [2]). За послѣдніе годы прибавилось еще нѣсколько соціологическихъ журналовъ—одинъ въ Чикаго, другой въ Лондонѣ, третій въ Парижѣ, четвертый въ Пештѣ. Такая интенсивность соціологической работы стоитъ, какъ намъ кажется, въ прямомъ соотношеніи съ временнымъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ, разрывомъ съ господствующими школами, съ желаніемъ каждаго изъ современныхъ соціологовъ проложить свой собственный путь, пойти своей дорогою. Этотъ индивидуализмъ не мѣшаетъ намъ, однако, открыть между

---

[1]) Revue internationale de Sociologie, издаваемую Р. Вормсомъ, и Année Sociologique Дюркгейма.

[2]) Другія два обозрѣнія издаются въ Палермо и Мессинѣ. Въ Чикаго выходитъ American Journal of Sociology проф. Смолля.

лицами, посвящающими себя изученію отвлеченной науки объ обществѣ, нерѣдкое единство направленія. Изъ разныхъ концовъ Европы и Америки слышатся сходные голоса и незамѣтно возникаютъ цѣлыя школы мыслителей, расходящихся въ частностяхъ и признающихъ въ то же время общія основныя посылки. Это обстоятельство позволяетъ намъ выдѣлить въ самостоятельныя группы или школы писателей разноплеменныхъ и получившихъ неодинаковую предварительную подготовку, философовъ и біологовъ, антропологовъ и этнологовъ, экономистовъ и политиковъ. Въ средѣ современниковъ, пишущихъ о соціологіи, мнѣ кажется возможнымъ установить слѣдующія дѣленія.

Расходясь съ попытками біологическаго объясненія общественныхъ явленій, одни, какъ Лестеръ Уордъ, ищутъ обоснованія своей науки въ законахъ психологіи, восполняя въ то же время послѣднюю еще несуществующей психологіей массъ. Къ числу такихъ писателей, вліяніе которыхъ сказывается и на послѣдователяхъ механическаго ученія объ обществѣ, и на сторонникахъ существованія независимыхъ отъ механики, біологіи или психологіи соціологическихъ законовъ, необходимо отнести во Франціи—Тарда, а въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—Бальдвина и Гиддингса; въ Россіи сходные взгляды съ Тардомъ и отчасти раньше его высказывалъ оставшійся ему совершенно неизвѣстнымъ до послѣднихъ годовъ жизни Н. К. Михайловскій съ своими статьями „О прогрессѣ“ и „Герой и толпа“—очеркъ, къ сожалѣнію, незаконченный.

Въ третью группу мнѣ кажется необходимымъ отнести всѣхъ тѣхъ писателей, которые думаютъ, что, подобно прочимъ наукамъ, іерархическая скала которыхъ установлена Контомъ, соціологія должна имѣть свои самостоятельные законы. Въ этой группѣ въ свою очередь можно установить не мало подраздѣленій. Одни не прочь, вслѣдъ за Контомъ, признать, что всѣ общественныя явленія болѣе или менѣе слѣдуютъ въ своихъ измѣненіяхъ ходу умственнаго прогресса, но при этомъ одни переносятъ центръ тяжести на развитіе положительнаго знанія, тогда какъ другіе—на развитіе религіи и тѣсно связанной съ ней морали. Изъ среды послѣднихъ особенно выдѣляется Киддъ. Въ противоположность съ только-что охарактеризованнымъ направленіемъ, Аммонъ, Лапужъ и Гумпловичъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія приходятъ къ тому же выводу, что ростъ общества и современная его структура обусловливаются борьбою расъ, сопровождающейся своего рода естественнымъ подборомъ и устраненіемъ неспособныхъ къ приспособленію. Между

этими двумя крайними теченіями помѣщаются тѣ соціологи, которые, возводя на степень общаго закона частные законы, управляющіе ходомъ развитія, положимъ, экономическихъ явленій или общественныхъ и политическихъ, признаютъ главнымъ соціологическимъ факторомъ, одни—ростъ населенія и его возрастающую густоту, такъ напримѣръ, Костъ, другіе—раздѣленіе труда въ широкомъ смыслѣ слова или, что то же, дифференціацію общественныхъ функцій (Дюркгеймъ и Зиммель). Однимъ изъ послѣдствій такого раздѣленія труда признается молодымъ французскимъ соціологомъ Бугле — демократизація современныхъ европейскихъ обществъ. Вотъ почему и этого писателя мы готовы отнести къ одной группѣ съ тѣми, кто видитъ въ обособленіи общественныхъ функцій, если не первичный, то важнѣйшій факторъ измѣненій въ общественномъ укладѣ.

Отличную, но весьма родственную съ этими послѣдними писателями группу составляетъ ранѣе ея развившаяся школа такъ называемаго экономическаго матеріализма. Она потому уже заслуживаетъ быть выдѣленной въ особую группу, что ея первые провозвѣстники, Лоренцъ Штейнъ, Марксъ и Энгельсъ, расходясь во многомъ, имѣли между собой то общее, что одинаково принадлежали къ послѣдователямъ діалектической школы Гегеля и совершенно не испытали на себѣ вліянія положительной философіи ни Конта, ни Спенсера.

Въ противоположность писателямъ 18-го вѣка, съ авторомъ „Духа Законовъ“ во главѣ, которые въ политическомъ строѣ видѣли ключъ къ объясненію современнаго имъ экономическаго уклада, послѣдователи только-что указаннаго направленія усматриваютъ въ экономикѣ матеріальный базисъ (нѣкоторые говорятъ „подкладку“) для соціальной и политической надстройки.

Это перемѣщеніе краеугольнаго камня всего общественнаго зданія само по себѣ весьма характерно. Оно указываетъ на то, что интересы современной гражданственности перешли изъ области обсужденія политическихъ реформъ въ область подготовки реформъ соціальныхъ. Въ школѣ экономическаго матеріализма мы необходимо должны отмѣтить нѣсколько направленій. Одни, какъ Лоренцъ Штейнъ и за нимъ Гнейстъ, видятъ во всей системѣ производства, обмѣна и распредѣленія, въ особенности въ послѣдней, ближайшее объясненіе соціальныхъ различій и соціальной борьбы, задержать и пріостановить которую призванъ якобы витающій надъ всѣми классами, одинаково независимый отъ всѣхъ и каждаго изъ нихъ, наслѣдственный правитель. Другіе, съ Марксомъ и Энгельсомъ во

главѣ, указываютъ на измѣненіе въ условіяхъ техники, а слѣдовательно и въ орудіяхъ производства, какъ на ближайшій источникъ перемѣнъ не только соціальнаго и политическаго характера, но также до нѣкоторой степени нравственнаго и религіознаго. Третьи, наконецъ, и, говоря это, я разумѣю въ частности Лоріа, видятъ главный факторъ всѣхъ общественныхъ измѣненій въ постепенномъ исчезновеніи свободныхъ къ занятію земель. Они ставятъ въ непосредственную связь съ ихъ первоначальнымъ существованіемъ и архаическій коммунизмъ, и необходимость, при первомъ разрывѣ съ такими порядками совмѣстнаго владѣнія землей, обезпечить частной собственности нужное ей число рабочихъ рукъ созданіемъ сперва рабства, а затѣмъ крѣпостничества. Только съ того момента, когда за недостаткомъ свободныхъ къ занятію земель трудящемуся люду не оказалось возможности устроиться на правахъ собственности и владѣть землею независимо отъ платежа ренты, возникли условія, благопріятныя развитію свободнаго труда и свободной аренды.

Мы бросили бѣглый взоръ на тѣ различныя школы, какія могутъ быть отмѣчены въ средѣ современныхъ соціологовъ, не являющихся прямыми продолжателями Конта или Спенсера. Мы думаемъ, что не упустили изъ виду ни одного изъ сколько-нибудь крупныхъ представителей отвлеченной науки объ обществѣ, если не считать однако тѣхъ, кто, какъ Е. В. Де-Роберти въ послѣдней по времени эволюціи его философской мысли, не прочь упразднить соціологію, сливая ее воедино съ этикой.

§ 2.

Насколько Гербертъ Спенсеръ можетъ считаться представителемъ біологическаго направленія въ соціологіи, настолько американецъ Лестеръ Уордъ принадлежитъ къ числу родоначальниковъ пользующейся нынѣ широкимъ признаніемъ психологической школы. Въ отличіе отъ Спенсера, Уордъ хорошо знакомъ съ соціологической теоріей Огюста Конта и съ предложенной имъ классификаціей наукъ. Но, читая его „Очерки соціологіи“ и его недавній трактатъ о „Pure sociology“, т.-е. „абстрактная или „чистая“ соціологія“, выносишь также впечатлѣніе о вліяніи, оказанномъ на него философіей Шопенгауэра, у котораго онъ и заимствуетъ свое ученіе о волѣ, какъ о главной соціальной силѣ.

Задавшись вопросомъ о томъ, какое мѣсто соціологія занимаетъ въ ряду другихъ наукъ, Уордъ отвѣчаетъ на него приблизительно

въ томъ же смыслѣ, что и Контъ. Сопоставивъ между собою классификацію Конта и Спенсера, американскій соціологъ справедливо замѣчаетъ, что первая одна можетъ считаться построенной на генетическомъ принципѣ; она одна указываетъ на преемственное развитіе абстрактныхъ наукъ, начиная съ математики и заканчивая соціологіей. Въ послѣднемъ по времени трактатѣ Лестеръ Уордъ находитъ новое основаніе къ защитѣ Контовой классификаціи наукъ. По его мнѣнію, науки расположены Контомъ въ томъ порядкѣ, какому слѣдовала въ своемъ развитіи сама природа. Авторъ „Чистой соціологіи“ посвящаетъ значительный отдѣлъ своей книги вопросу, имѣющему только отдаленное отношеніе къ ближайшему предмету его разсужденія, съ цѣлью доказать, что физика, химія, біологія, психологія и соціологія, слѣдуютъ другъ за другомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ развиваются самыя свойства матеріи. Болѣе сложные феномены, которыми занимаются науки высшаго порядка, въ свою очередь являются продуктомъ творчества феноменовъ менѣе сложныхъ. Движеніе механическое, какъ подробно развиваетъ эту мысль Уордъ, превращается въ движеніе моллекулярное и такимъ образомъ физика служитъ базисомъ для химіи. Въ силу соединенія химическихъ элементовъ, неорганическихъ и органическихъ составовъ, развивается, говоритъ онъ, протоплазма, и химія, такимъ образомъ, даетъ базисъ для біологіи. Благодаря дальнѣйшимъ соединеніямъ жизнь порождаетъ психическую дѣятельность, а творчество послѣдней ведетъ къ образованію общества. Порядокъ, избранный Контомъ, поэтому—не случайный. Онъ не можетъ быть замѣненъ другимъ по выбору изслѣдователя, такъ какъ каждая изъ наукъ, стоящихъ въ его цѣпи, является продуктомъ творческаго синтеза всѣхъ тѣхъ, которыя предшествуютъ ей въ этой цѣпи. Каждая составляетъ опредѣленную величину, но далеко не можетъ считаться независимой отъ другихъ. Химія—не физика, біологія—не химія, психологія—не біологія. Нельзя поэтому и соціологію считать психологіей [1]).

Если системѣ Конта можетъ быть сдѣланъ какой-либо упрекъ, то лишь тотъ, что она опускаетъ одно изъ существенныхъ звеньевъ—психологію. Но и этотъ упрекъ не вполнѣ заслуженъ. Въ эпоху, когда французскій мыслитель выработалъ основы своей философской системы, психофизика не существовала; психологія орудовала однимъ только самонаблюденіемъ. Не мудрено, если въ этихъ

[1]) См. главу пятую, озаглавленную „Филіація“.

условіяхъ Контъ думалъ найти въ френологіи заключительную главу біологіи и посредствующее звено между нею и соціологіей. Уордъ правъ поэтому, когда говоритъ: „въ классификаціи наукъ, предложенной Контомъ, каждой наукѣ отведено подобающее ей мѣсто. Я, однако, прибавилъ бы отъ себя еще одну къ числу координированныхъ здѣсь знаній. Я поставилъ бы, подобно Спенсеру, психологію между біологіей и соціологіей. Не то, чтобы Контъ вполнѣ игнорировалъ психологію, нѣтъ, онъ только сдѣлалъ изъ нея часть біологіи, назвавши ее біологіей трансцендентальной“. Въ своемъ дальнѣйшемъ изложеніи Уордъ останавливается на развитіи той мысли, что изъ всѣхъ наукъ, включенныхъ въ классификацію Конта, ни одна не представляетъ бо̀льшаго интереса для соціолога, чѣмъ психологія.

„Силы общественныя—силы психическія,—пишетъ Уордъ въ своемъ новомъ трактатѣ,—а потому и соціологія должна имѣть психологическій базисъ; она не можетъ быть построена прямо на біологіи, которая имѣетъ дѣло только съ феноменами жизни. На біологіи построена психологія. Между ними существуетъ прямая филіація, такъ какъ психическая дѣятельность имѣетъ біологическую основу“ [1]).

Лестеръ Уордъ посвящаетъ затѣмъ цѣлую главу развитію той мысли, что чувствованія и сознательность имѣютъ біологическій источникъ. Такъ какъ этотъ вопросъ стоитъ внѣ сферы соціологіи, то мы и не считаемъ нужнымъ слѣдить за аргументаціей автора въ этой наиболѣе оригинальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе смѣлой части его общей доктрины.

Интересно самое опредѣленіе, даваемое Лестеромъ Уордомъ соціологіи. Онъ не довольствуется формулой Конта, гласящей, что соціологія—наука о порядкѣ и прогрессѣ человѣческихъ обществъ. „Мой основной тезисъ,—говоритъ онъ,—сводится къ тому, что соціологія имѣетъ своимъ предметомъ общественное творчество человѣка“ (Уордъ употребляетъ терминъ „achievement“).

Почти всѣ соціологи, жалуется онъ, заняты болѣе структурой, нежели функціями. Они не выходятъ изъ области соціальной анатоміи, тогда какъ имъ слѣдовало бы направить все свое вниманіе на соціальную физіологію. Большинство изъ нихъ проникнуто тѣмъ ложнымъ представленіемъ, что эта физіологія равнозначуща общественному прогрессу или тому, что Контъ разумѣлъ подъ име-

[1]) Глава шестая, озаглавленная „Динамическіе агенты“.

немъ соціальной динамики. Но физіологія, вѣдь, занимается не болѣе, какъ функціями, а такъ какъ соціологія занята общественной дѣятельностью и отвѣчаетъ на вопросъ, какъ созданы были продукты общественности, продукты, пріобрѣтающіе постоянный характеръ и становящіеся учрежденіями, то соціологія всего болѣе отвѣчаетъ понятію общественной физіологіи [1]).

Разсматривая тотъ упрекъ, какой сдѣланъ былъ Конту экономистами, и выгораживая его отъ ихъ нареканій, Уордъ словами Милля показываетъ, что „политическая экономія составляетъ только одну изъ вѣтвей соціологіи". Она не имѣетъ дѣла со всѣми сторонами человѣческой природы, насколько онѣ подверглись измѣненію благодаря условіямъ общественной среды; она имѣетъ въ виду человѣка, какъ исключительно озабоченнаго накопленіемъ богатствъ, и совершенно оставляетъ въ сторонѣ всякую другую страсть, всякій иной мотивъ поведенія, который могъ бы считаться вѣчно и неизмѣнно враждебнымъ стремленію къ накопленію; такъ, напримѣръ, ею упущено изъ виду отвращеніе къ работѣ, желаніе немедленнаго пользованія благами земными и т. д. (Милль „Нерѣшенные вопросы политической экономіи", стр. 12). Уордъ справедливо указываетъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ Контомъ, что, какъ наука абстрактная, соціологія не можетъ быть поставлена рядомъ съ такими конкретнымм знаніями, какъ исторія, этнографія, этнологія, демографія, а равно и съ различными вѣтвями антропологіи, такъ много дающими для пониманія природы человѣка, насколько послѣдняя измѣнена жизнью его въ обществѣ. Нѣтъ поэтому основанія упрекать классификацію Конта въ неполнотѣ, такъ какъ она есть классификація наукъ абстрактныхъ, а не конкретныхъ. Вторая глава „Очерковъ соціологіи" посвящена Уордомъ разсмотрѣнію вопроса объ отношеніи соціологіи къ космологіи, или наукѣ о космосѣ. Въ этой главѣ Уордъ показываетъ ненаучность одинаково оптимизма и пессимизма; оптимизма, который думаетъ, что весь міръ разсчитанъ на то, чтобы обезпечить благополучіе человѣка; и пессимизма, „который,—говоритъ онъ,—видитъ одни факты и устраняетъ всякую надежду въ самомъ ея зародышѣ". Нападая на оптимизмъ за опредѣленіе имъ отношеній человѣка ко вселенной, Уордъ имѣетъ въ частности въ виду не оправдываемую разумомъ вѣру, выразительницей которой является такъ называемая антропоцентрическая система „Мысль, что человѣкъ въ какомъ-либо смыслѣ

[1]) См. начало третьей главы.

любимецъ природы,—говоритъ Уордъ,—ложна и можетъ только повредить поступательному движенію общества и установленію правильныхъ взглядовъ въ соціальной наукѣ. Она равносильна коллективному оптимизму и вызываетъ общественную инерцію, подобно тому, какъ личный оптимизмъ имѣетъ послѣдствіемъ индивидуальную косность. Пессимизмъ не менѣе ошибоченъ. Во-первыхъ потому, что многія надежды оправдались, а во-вторыхъ потому, что самое представленіе о возможномъ добрѣ въ будущемъ является добромъ и въ настоящемъ, правда, добромъ второстепеннымъ". Каково же должно быть отношеніе человѣка къ вселенной? Оно должно состоять въ признаніи той истины, что природа и не благопріятна и не враждебна человѣку. Природа вообще лишена какихъ бы то ни было нравственныхъ качествъ; она—арена примѣненія строгаго закона. Человѣкъ—продуктъ дѣйствія этого закона; онъ достигъ той ступени развитія, на которой въ состояніи дать себѣ отчетъ въ этомъ законѣ, а этого довольно для того, чтобы его судьба была въ собственныхъ его рукахъ. Законъ природы, разъ понятый человѣкомъ, можетъ быть имъ контролируемъ; человѣкъ не въ состояніи увеличить или уменьшить силъ природы, но онъ можетъ дать имъ извѣстное направленіе. Въ его власти увеличить или уменьшить количество природной силы, могущей быть затраченной въ данный моментъ; онъ не можетъ собрать солнечные лучи въ одномъ фокусѣ, но отъ него зависитъ измѣнить теченіе рѣкъ, а равно и воздушныя теченія. Онъ можетъ обратить воду въ паръ и привесть ею въ движеніе машины, корабли и поѣзда. Онъ въ состояніи утилизировать электрическую силу; его власть надъ природой неограничена; отъ него зависитъ сдѣлать ее своей служительницей и затратить себѣ на пользу могущественнѣйшія силы вселенной. Оптимизмъ и пессимизмъ одинаково должны считаться пассивными состояніями человѣческаго разума. Оба они предполагаютъ, что природа находится въ постоянной дѣятельности по отношенію къ человѣку, тогда какъ въ дѣйствительности она пассивна, а человѣкъ активенъ. Здравой доктриной Уордъ считаетъ поэтому меліоризмъ—постоянное улучшеніе человѣческихъ условій, благодаря столь же постоянному воздѣйствію человѣка на природу. Такое улучшеніе сдѣлается все болѣе и болѣе возможнымъ по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться знаніе человѣкомъ природы; такъ что условія человѣческаго рода въ концѣ-концовъ зависятъ отъ той степени разумности, какая будетъ достигнута индивидами. Оптимизмъ для Уорда порожденіе невѣжества, какъ пессимизмъ—по-

слѣдствіе общественнаго гнета. Преобладаніе того или другого стоитъ въ тѣсной связи съ религіями. Послѣднія для Уорда распадаются на двѣ группы—восточныя и западныя. Восточныя, будутъ ли ими браманизмъ или буддизмъ, склонны къ пессимизму,—тогда какъ западныя, подъ которыми онъ разумѣетъ христіанство и магометанство, наоборотъ—оптимистичны. Первыя видятъ блаженство въ погруженіи въ ничто, въ нирвану, вторыя—обѣщаютъ его въ будущей жизни. Единственный выходъ изъ двухъ опасностей, представляемыхъ оптимизмомъ и пессимизмомъ, лежитъ въ объективномъ отношеніи къ природѣ; оставляя окончательно заботу о томъ, чѣмъ она должна быть, мы должны исключительно задаться вопросомъ, что она представляетъ въ дѣйствительности. Намъ необходимо также отрѣшиться отъ мысли постигнуть ее путемъ одного разсужденія. Въ природѣ есть стороны необходимыя и стороны случайныя. Тѣ и другія принадлежатъ къ разнымъ категоріямъ. Одинъ классъ явленій можетъ быть охваченъ понятіемъ формы—міры, растенія, животныя, люди; тогда какъ другой классъ входитъ въ категорію силъ или принциповъ, и эти послѣдніе не измѣнчивы, какъ первыя, а постоянны; таковы: жизнь, чувствованіе и мышленіе. И они продуктъ эволюціи а, слѣдовательно, не существовали искони вѣковъ. „Я готовъ,—говоритъ Уордъ,—назвать великими космическими кризисами въ исторіи земли эту троякую эволюцію—зарожденіе жизни, зарожденіе чувствованія, или сознательности, и зарожденіе интеллекта, или разума. Эти три кризиса совершились въ разныя геологическія эпохи; между вторымъ и третьимъ надо предполагать необходимо громадный промежутокъ времени. Формы, въ которыхъ проявились первые два генетическіе процесса, растенія и животныя; но только съ появленіемъ человѣка можетъ идти рѣчь о третьемъ космическомъ кризисѣ, т.-е. о зарожденіи интеллекта, или разума [1]). Человѣкъ—единственное существо изъ всего міра живущихъ, которое обладаетъ и самосознаніемъ и интеллектомъ, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существо соціальное; поэтому необходимо возникаетъ вопросъ, является ли общежительность высшей формой аккумулированія и затраты космической энергіи. Противъ такого предположенія можно выставить то соображеніе, что общежительность встрѣчается и между животными, надѣленными инстинк-

[1]) Тѣ же мысли болѣе обстоятельно развиты Уордомъ въ его сочиненіи „Чистая соціологія“, глава VII „Біологическій источникъ субъективныхъ способностей“.

тами; мы находимъ ее не только у высшихъ позвоночныхъ, напримѣръ, у млекопитающихъ, но даже у насѣкомыхъ. Уордъ разсматриваетъ это возраженіе въ особой главѣ, гдѣ, какъ мнѣ кажется, совершенно ошибочно и въ противность воззрѣніямъ, ранѣе высказаннымъ Эспинасомъ, онъ пытается доказать, что между обществами животныхъ и обществами людей лежитъ цѣлая бездна. Соціологія занимается общественнымъ творчествомъ. Но это творчество доступно, думаетъ Уордъ, только людямъ. Среда измѣняетъ животное, тогда какъ человѣкъ измѣняетъ среду. Эта трансформація среды и есть творчество (achievment); животному оно неизвѣстно, оно только приспособляется къ средѣ, а не измѣняетъ ея [1]). Человѣческія сообщества кажутся Уорду по существу единственными раціональными и искусственными, тогда какъ общества животныхъ инстинктивны и природны. Спорнымъ, разумѣется, остается вопросъ, поднятый еще во времена Декарта, о томъ, гдѣ лежитъ граница между инстинктомъ и разумомъ и въ какой мѣрѣ поэтому общежитія пчелъ, муравьевъ и бобровъ не могутъ считаться продуктами творчества. Для Уорда только-что указанныя различія далеко не имѣютъ второстепеннаго значенія. Они, какъ я покажу впослѣдствіи, могутъ считаться, наоборотъ, краеугольнымъ камнемъ его соціологическихъ построеній.

Наиболѣе оригинальную сторону въ ученіи американскаго писателя объ отношеніи соціологіи къ біологіи составляетъ не поддерживаемая имъ теорія эволюціи, одинаково какъ растительнаго и животнаго міра, такъ и міра человѣческаго, въ чемъ онъ сходится съ Дарвиномъ и съ Спенсеромъ, а утвержденіе, что о соціальномъ организмѣ можно говорить самое бо̀льшее въ томъ широкомъ значеніи этого слова, какое даетъ ему Контъ. Спенсеръ, думаетъ онъ, проводя всего далѣе аналогію общественнаго организма съ животнымъ, упустилъ изъ виду, что въ общественномъ организмѣ степень интеграціи несравненно меньше, чѣмъ въ животномъ. Впрочемъ, эта мысль была высказана еще ранѣе Гёкели, мнѣніе котораго Уордъ приводитъ цѣликомъ, соглашаясь съ нимъ и объявляя его критику Спенсеровой доктрины не подлежащей возраженію. Сущность этого взгляда состоитъ въ томъ, что въ животномъ организмѣ всѣ органы подчиняются руководительству нервной системы; это руководительство является, можно сказать, абсолютнымъ. Самодержецъ-мозгъ,—

[1]) Глава третья „Чистой соціологіи“, озаглавленная „Предметъ соціологіи“.

говоритъ Гёксли, — думаетъ и дѣйствуетъ за весь физіологическій организмъ, онъ правитъ его составными частями желѣзнымъ прутомъ. Кровяныя частицы не могутъ сойтись между собою безъ того, чтобы не вызвать воспаленнаго состоянія и мозгъ, какъ настоящій деспотъ, прибѣгаетъ противъ нихъ къ острой стали; поэтому ужъ если сравнивать человѣческій организмъ съ животнымъ, такъ отнюдь не для того, чтобы имѣть право высказаться затѣмъ противъ усиленія правительственной власти, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ, а наоборотъ, въ пользу его. Единственная сторона во всей теоріи общества-организма, оправдываемая фактами, лежитъ въ признаніи, что сходство обоихъ доходитъ до тождества только если имѣть въ виду, съ одной стороны, нервную систему, а съ другой — правительство. Но такъ какъ вліяніе послѣдняго въ человѣческихъ обществахъ сказывается далеко не съ той силой, съ какой вліяніе мозга въ животномъ организмѣ, то пришлось бы сравнивать современныя общества развѣ только съ протозоидами или съ живущими колоніями коралами, въ которыхъ вліяніе центральной нервной системы сказывается въ слабой степени, или которые связаны между собою только протоплазмой. Между этими низшими формами животнаго организма, которыми являются протозоиды, и соединеніемъ отдѣльныхъ индивидовъ въ подобіе ткани съ большей или меньшей дифференціаціей органовъ и функцій, помѣщается рядъ посредствующихъ звеньевъ; съ ними и слѣдовало бы сравнивать человѣческія сообщества. А отсюда тотъ выводъ, что если послѣднія и могутъ считаться организмами, то только организмами весьма низкой формаціи. Уордъ видитъ въ этомъ возможность довольно оптимистическаго вывода. Мы въ правѣ, по его мнѣнію, сказать себѣ: если столь неразвившійся организмъ, какимъ является современное общество, уже способенъ былъ достигнуть извѣстныхъ положительныхъ результатовъ, то чего только не въ правѣ мы ждать отъ него, когда, подъ вліяніемъ процесса, свойственнаго всему органическому міру, онъ достигнетъ той степени интеграціи, которую мы встрѣчаемъ у извѣстныхъ намъ породъ высшихъ животныхъ. Изъ того положенія, что общество—зачаточный организмъ въ виду того, что въ немъ нѣтъ достаточнаго подчиненія отдѣльныхъ частей центральному руководительству, очевидно вытекаетъ и то, что, чѣмъ сильнѣе будетъ это руководительство, тѣмъ ближе общество уподобится организму. Уордъ не отступаетъ передъ этимъ конечнымъ выводомъ и думаетъ, что соотвѣтственно этому измѣненію произойдетъ и полная модификація входящихъ въ составъ общества единицъ; она сдѣлаетъ для нихъ

возможнымъ приспособиться къ роли кооператоровъ въ общественномъ творчествѣ. Человѣчество, сведенное къ одному цѣлому, добровольно подчиняющееся руководительству общаго правительства, преслѣдующаго задачи общаго благополучія, таково было бы для Уорда, самое большее приближеніе общественнаго организма къ животному.

Очевидно, что точка зрѣнія Уорда радикально противоположна Спенсеровой и что логика скорѣе на сторонѣ Уорда, чѣмъ Спенсера. Это замѣчаніе требуетъ, однако, существенной оговорки. Изъ послѣдующаго анализа идей американскаго мыслителя мы увидимъ, что онъ понимаетъ правительство въ самомъ узкомъ смыслѣ. Для него оно не болѣе, какъ начальство. Различіе свѣтскаго и духовнаго руководительства, различіе, созданное средневѣковой системой дуализма церкви и государства и удержанное Огюстомъ Контомъ въ его системѣ, отнюдь не воспроизводится Уордомъ. Онъ смотритъ на правительство глазами протестанта, для котораго нѣтъ другой власти, кромѣ государственной. Нигдѣ у него нельзя найти ни единаго слова, показывающаго, что общественное мнѣніе и его органы (печать, митинги и т. под.) призваны играть такую же правящую роль, какъ парламенты и конгрессы, президенты и короли. Тѣмъ болѣе нельзя говорить о немъ, какъ о сторонникѣ духовнаго руководительства человѣчества выдающимися учеными и артистами, руководительства, о которомъ мечталъ творецъ положительной философіи.

Понятно однако, что если признать за духовнымъ руководительствомъ такое же и даже большее значеніе, чѣмъ за физической репрессіей, осуществляемой во имя государства его уполномоченными, то явится возможность достигнуть добровольнаго подчиненія людей центральному органу и безъ усиленія правительственной власти въ тѣсномъ смыслѣ слова. Спенсеръ, очевидно, не отрицаетъ необходимости солидарной дѣятельности составныхъ частей общественнаго организма, но онъ думаетъ, что эта солидарность по мѣрѣ человѣческаго развитія все меньше и меньше будетъ нуждаться въ принудительной власти начальства. И раньше Спенсера то же думалъ Прудонъ, говоря о томъ, что въ обществѣ, построенномъ на взаимности, на правильномъ обмѣнѣ экономическихъ услугъ между его участниками, нѣтъ болѣе нужды въ той внѣшней силѣ принужденія, какой необходимо обладаетъ всякое правительство. Безпочвенность современнаго анархизма, которому Уордъ не прочь уподобить теорію Спенсера, насколько она выразилась въ его извѣстной статьѣ „Личность противъ государства“, лежитъ на мой взглядъ въ устра-

неніи ею всякой экономической основы, въ наивномъ предположеніи, что одно отсутствіе власти обратитъ человѣка въ существо почти всецѣло альтруистическое.

Въ главѣ объ отношеніи соціологіи къ антропологіи Уордъ, въ полномъ соотвѣтствіи со взглядами Огюста Конта, опредѣляетъ область соціологіи словами, что „она имѣетъ дѣло не съ человѣческимъ индивидомъ, а съ сообществами людей и со всѣмъ тѣмъ, что ведетъ къ возникновенію этихъ сообществъ“. Но сообщества, или ассоціаціи — представляютъ извѣстное состояніе и наука, которая занимается этимъ состояніемъ, въ сущности изслѣдуетъ законы, или принципы, которые производятъ его или вліяютъ на него. Такая наука не имѣетъ дѣла съ конкретнымъ предметомъ, какъ антропологія, занимающаяся человѣкомъ, этой особой разновидностью животнаго царства, антропологія, которая по этому самому должна бы считаться вѣтвью зоологіи. Соціологія, какъ занятая отвлеченнымъ вопросомъ опредѣленія законовъ человѣческаго общежитія, является по тому самому наукой абстрактной.

Во всемъ этомъ мало новаго для послѣдователя ученій положительной философіи. Ему остается констатировать только счастливое вліяніе, оказанное на Уорда Контомъ, даже въ запутанномъ въ настоящее время, по винѣ антропологовъ, вопросѣ о взаимномъ отношеніи науки о человѣкѣ, какъ животной особи, и науки объ общежительныхъ союзахъ человѣчества. Болѣе оригинальную сторону въ ученіяхъ Уорда составляетъ его попытка опредѣлить, въ чемъ лежатъ существенныя различія человѣка отъ животныхъ и въ частности отъ тѣхъ высшихъ породъ млекопитающихъ, къ которымъ самъ онъ принадлежитъ. Опредѣляющее значеніе для основной точки зрѣнія Уорда имѣетъ то общее положеніе, что эти различія касаются не физики, а психики. Уже Контъ говорилъ о томъ, что въ отличіе отъ животныхъ, которыя только живутъ, человѣкъ имѣетъ еще сознаніе своей жизни. Контъ выразилъ это словами, что „въ человѣкѣ функціи растительныя подчинены функціямъ животнымъ“. Уордъ думаетъ, что только благодаря нежеланію обособить психологію отъ біологіи, основатель положительной философіи поставленъ былъ въ необходимость прибѣгнуть къ такому окольному пути для выраженія той мысли, что различіе человѣка отъ животнаго лежитъ въ его психическихъ функціяхъ. Приступая къ анализу этихъ психическихъ особенностей человѣка, Уордъ не прочь думать, вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ, что главнѣйшая и даже единственная изъ нихъ состоитъ въ способности дѣлать выборъ между мотивами своихъ дѣй-

ствій, къ чему въ дѣйствительности и сводится такъ называемая свобода воли. Что же касается до утвержденія, что человѣкъ одинъ изъ всѣхъ животныхъ является существомъ нравственнымъ, т.-е. способнымъ отличать добро отъ зла, или существомъ способнымъ питать симпатію къ ближнимъ, то Уордъ справедливо показываетъ всю его несостоятельность, хотя бы уже потому, что нравственныя чувства далеко не свойственны всѣмъ людямъ, тогда какъ симпатія встрѣчается и у животныхъ, напр. у собакъ.

На-ряду съ этой способностью человѣческаго разума производить выборъ между мотивами своихъ дѣйствій—Уордъ, вслѣдъ за Гёкели, указываетъ на присущую одному человѣку способность удовлетворять общему ему съ животными эстетическому чувству путемъ творчества. Уордъ старается показать, что эти психическія особенности стоятъ въ тѣсной связи съ способностью разсужденія, болѣе, если не исключительно, свойственной человѣку. Въ этой способности есть одна сторона, указанная Шопенгауэромъ, которая для Уорда присуща однимъ людямъ. Она лежитъ въ возможности давать себѣ отчетъ въ окружающемъ ихъ внѣшнемъ мірѣ. Эта умственная способность предшествуетъ во времени и постепенно восполняется другими — способностью интроспекціи, спекуляціи, рефлексіи, отвлеченія и обобщенія. Уордъ не прочь думать, что всѣ эти свойства развились подъ вліяніемъ жизни въ обществѣ, но жизнь въ обществѣ извѣстна и животнымъ и у самого человѣка такая способность явилась не сразу, а какъ результатъ послѣдовательнаго развитія, по мѣрѣ того, какъ польза общежитія становилась очевидной для разума. Расходясь такимъ образомъ съ извѣстнымъ ученіемъ Аристотеля, что человѣкъ животное общежительное, Уордъ поддерживаетъ, между прочимъ, свою точку зрѣнія тѣмъ соображеніемъ, что если бы въ природѣ человѣческой лежало стремленіе къ жизни въ обществѣ, то не были бы столь обычными противообщественные акты и человѣчеству не являлось бы необходимости создавать правительства для ихъ предупрежденія и пресѣченія. Но отсюда же слѣдуетъ и другой выводъ, что человѣческія общежитія въ отличіе отъ животныхъ—продуктъ разумнаго творчества—мысль, на которой, какъ мы видѣли, Уордъ настаивалъ уже въ одной изъ своихъ предыдущихъ главъ.

Все доселѣ сказанное Уордомъ подготовляетъ читателя къ принятію того положенія, которое, мнѣ кажется, даетъ право считать американскаго мыслителя въ числѣ родоначальниковъ едва ли не господствующаго нынѣ теченія среди соціологовъ, теченія, которое

можно обозначить терминомъ психологическаго. „Такъ какъ при сравненіи общества съ живымъ организмомъ обнаружилось,—пишетъ Уордъ,—что рѣшающее значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, что въ обществѣ можетъ быть уподоблено нервной системѣ, то отсюда ясно, что соціологія должна быть построена не на біологіи, а на той наукѣ, которая занимается психическими свойствами человѣческой природы, другими словами на психологіи. Но психологія имѣетъ дѣло не только съ разумомъ, или интеллектомъ, но и съ чувствованіями, иначе говоря—не съ одними способами мышленія, но и съ аффектами. Вотъ почему психологія въ глазахъ Уорда можетъ быть подраздѣлена на субъективную и объективную, при чемъ подъ послѣдней онъ разумѣетъ главнымъ образомъ законы человѣческаго мышленія. Заодно съ матеріалистами Уордъ доказываетъ, что умъ человѣческій и психическія свойства человѣка имѣютъ біологическій источникъ.

Въ числѣ этихъ психическихъ свойствъ ранѣе всего развились нѣкоторыя грубѣйшія чувствованія, удовлетвореніе которыхъ необходимо для поддержанія и размноженія человѣческой породы. Ихъ повтореніе сопровождалось созданіемъ вкуса къ нимъ; удовольствія и страданія явились послѣдствіями привычки производства извѣстныхъ дѣйствій и воздержанія отъ другихъ. Питаніе и воспроизведеніе, избѣганіе враговъ и опасности — вотъ далѣе чего не идутъ психическія проявленія различныхъ породъ животнаго царства, за исключеніемъ человѣка. Только у человѣка эти психическія свойства восполняются еще однимъ—способностью воспріятія. Интеллектъ одинъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ; но онъ явился не на смѣну аффективныхъ способностей, а развился въ человѣкѣ рядомъ съ ними. Эти аффективныя способности продолжаютъ занимать въ человѣкѣ первое мѣсто: имъ подчинены всѣ прочія. Разумъ не составляетъ цѣли самъ по себѣ, а средство къ достиженію цѣли, которой является добро. Психическія свойства тѣмъ отличаются отъ біологическихъ, что тогда какъ цѣлью природы является функція—жизнь, цѣлью живого организма надо признать чувствованіе, т.-е. психику. Становясь на точку зрѣнія природы, чувствованіе надо признать средствомъ къ функціи; съ точки зрѣнія живого организма функція есть средство къ чувствованію. Удовольствія и страданія обусловливаютъ собою возможность существованія извѣстнаго класса живыхъ существъ, но, сдѣлавшись таковыми, эти существа стали жить для того, чтобы пользоваться жизнью, т.-е. накоплять удовольствія и избѣгать страданій. Это пользованіе жизнью не входило въ расчетъ

природы, для которой удовольствія и страданія живыхъ организмовъ безразличны; въ свою очередь живымъ существамъ безразлично достиженіе природой великой схемы эволюціи. Для этого они не согласились бы ни на малѣйшее пожертвованіе; тѣмъ не менѣе исключительное преслѣдованіе собственнаго блага этими живыми организмами одно обезпечиваетъ достиженіе цѣлей, преслѣдуемыхъ природой.

Удовольствія, ощущаемыя индивидомъ, необходимы для того, чтобы жизнь была возможна, тогда какъ его страданія обусловливаютъ собою смерть. Такимъ образомъ, является новый элементъ,—элементъ нравственный. Его нельзя искать въ природѣ—природа аморальна; но если мораль ничто для природы, то она все для существа чувствующаго; человѣкъ принадлежитъ къ міру чувствующихъ существъ и потому мораль все для него. Соціологія, какъ занимающаяся отношеніями человѣческими, необходимо должна отправляться отъ допущенія, что нравственное благо все для человѣка, но само это благо въ корнѣ своемъ не что иное, какъ пріятное ощущеніе, развившееся въ интересахъ сохраненія жизни. Всякое удовольствіе не только представляется чѣмъ-то добрымъ, но и справедливымъ, разумѣется только подъ условіемъ непричиненія имъ вреда ближнему; разъ оно причиняетъ такой вредъ, оно перестаетъ быть и удовольствіемъ. Но такъ какъ между удовольствіями имѣются различія въ интензивности и качествахъ, то нравственность сводится къ выбору между удовольствіями наилучшихъ. Наилучшій есть превосходная степень отъ добрый, а добро есть удовольствіе, такимъ образомъ наилучшее есть наибольшее удовольствіе. Этическая цѣль лежитъ въ томъ, чтобы обезпечить максимумъ абсолютнаго наслажденія. Никто бы не высказывалъ сомнѣнія въ правильности этихъ положеній, если бы дѣло шло о примѣненіи ихъ къ животнымъ, но они равно справедливы и по отношенію къ людямъ; философы заблуждаются, когда отрицаютъ ихъ или пытаются ихъ восполнить какимъ-нибудь постороннимъ элементомъ. Они желали бы признать за терминомъ удовольствіе — значеніе только грубыхъ, чувственныхъ наслажденій, но чувственныя и духовныя наслажденія незамѣтно переходятъ другъ въ друга и нѣтъ возможности провести между ними строгой границы. Чѣмъ менѣе раффинированы удовольствія, тѣмъ они необходимѣе и существеннѣе. Въ такомъ случаѣ они болѣе тѣсно связаны съ функціями, поэтому ранѣе всего развились и болѣе всего служатъ осуществленію цѣлей природы, сохраненію, расширенію и продолженію жизни.

Высшія же наслажденія—менѣе служатъ цѣлямъ природы и существуютъ болѣе сами по себѣ. Признано, что они наиболѣе прочны, хотя и менѣе интензивны; ихъ удовлетвореніе поэтому равнозначуще достиженію бо̀льшаго удовольствія; сравнительная оцѣнка послѣднихъ, такимъ образомъ, зависитъ въ концѣ-концовъ отъ количества самаго удовольствія. Это, а не что другое, разумѣли тѣ, кто рекомендовалъ добродѣтель и порицалъ порокъ. Вслѣдъ за этимъ Уордъ дѣлаетъ попытку представить въ генетическомъ порядкѣ скалу удовольствій, начиная отъ того, которое доставляетъ удовлетвореніе половыхъ потребностей. Онъ ставитъ его внизу лѣстницы, какъ чисто физическое, наименѣе духовное и въ то же время наиболѣе необходимое, какъ обезпечивающее сохраненіе не только индивида, но и всей расы. За нимъ слѣдуетъ въ порядкѣ перехода отъ низшаго къ высшему—удовольствіе питанія; еще выше—удовольствіе, доставляемое слухомъ и зрѣніемъ,—безъ чего немыслимо было бы развитіе изящныхъ искусствъ. Четвертое мѣсто занимаютъ удовольствія, доставляемыя эмоціями. За исключеніемъ тѣхъ, которыя связаны непосредственно съ сексуальнымъ инстинктомъ (каковы материнское и супружеское чувство), эти эмоціи повидимому существуютъ сами по себѣ, не вліяя ни на сохраненіе, ни на продолженіе, ни на усовершенствованіе жизни. Этотъ классъ удовольствій начинается простой дружбой и взаимной привязанностью и затѣмъ, по степени возрастающей симпатіи, переходитъ сперва въ любовное чувство къ безпомощнымъ, а затѣмъ въ чистѣйшій альтруизмъ, который можетъ быть разсматриваемъ, какъ представляющій собой пятый классъ удовольствій.

Удовольствіе творить добро нерѣдко разсматривается, какъ высшая цѣль всякаго дѣянія. „Что касается до меня самого,—сознается Уордъ,—то я никогда не видѣлъ въ альтруистическомъ мотивѣ высшій и чистѣйшій мотивъ человѣческихъ поступковъ. Я ставлю выше удовольствія, получаемаго отъ него, тѣ, которыя доставляетъ дѣятельность интеллекта, или разума“. Этого рода удовольствія въ классификаціи Уорда составляютъ шестую и послѣднюю категорію. Разумъ не только органъ познавательной способности—это также для Уорда центръ эмоцій; чувствованія, порождаемыя его упражненіемъ, должны считаться наивысшаго порядка. Въ то же время они стоятъ всего дальше отъ области необходимыхъ функцій, они ничего не доставляютъ для расы. Природа никогда не имѣла ихъ въ виду,—они для нея безполезны. Эти удовольствія рѣдко интенсивны, но за то наиболѣе продолжительны. Въ свою очередь ни-

могутъ быть классифицированы въ двѣ группы: первую образуетъ пріобрѣтеніе или усвоеніе чужого, вторую творчество самостоятельное. Первое состоитъ въ удовлетвореніи такъ сказать научнаго аппетита, второе въ раскрытіи новыхъ истинъ; истина же лежитъ въ признаніи тождества тамъ, гдѣ можно было бы по виду предполагать различіе. Хотя способность открыть истину присуща всѣмъ умамъ, но у большинства людей она весьма слаба; вотъ почему въ настоящихъ условіяхъ человѣчества удовольствіе творчества ограничено немногими — что не значитъ, однако, чтобы оно неспособно было къ безграничному расширенію. Не существуй этого удовольствія, не было бы науки,—вѣдь послѣдняя лежитъ въ открытіи истины. Нравственный прогрессъ міра зависитъ отъ науки, а поэтому въ удовлетвореніи запроса на нее нельзя не видѣть наиболѣе альтруистическаго изъ всѣхъ мотивовъ. Построивъ свою классификацію удовольствій и соотвѣтственно желаній, Уордъ настаиваетъ затѣмъ на той мысли, что, чѣмъ насущнѣе извѣстная потребность и желаніе для достиженія цѣлей природы, чѣмъ ближе они стоятъ къ ея функціи, тѣмъ болѣе они интенсивны и нужны.

Въ порядкѣ убывающей необходимости они чередуются слѣдующимъ образомъ: потребности 1) воспроизведенія, 2) питанія, 3) эстетическія, 4) эмоціональныя, 5) нравственныя и 6) интеллектуальныя. Вся эта система въ общихъ чертахъ изложена была Уордомъ уже въ его первомъ трудѣ „Dynamic Sociology“ и болѣе обстоятельно развита въ спеціальномъ сочиненіи „Психическіе факторы цивилизаціи“. Оно появилось въ 1893 г. Одни лишь общія положенія этого трактата резюмированы самимъ авторомъ въ статьяхъ для американскаго журнала соціологіи, перепечатанныхъ затѣмъ въ отдѣльномъ томикѣ.

Значеніе этихъ психологическихъ изслѣдованій для ближайшей задачи автора, для его соціологическихъ построеній, прямо слѣдуетъ изъ заявленія Уорда, что соціологія имѣетъ отправнымъ пунктомъ своимъ аффективную сторону человѣческаго разума, а не интеллектуальную. Въ этомъ отношеніи его точка зрѣнія довольно близка къ той, какой придерживается господинъ Костъ, авторъ сочиненія „Объ объективной соціологіи“. Костъ настолько проникнутъ убѣжденіемъ въ томъ, что интеллектуальная и артистическая дѣятельность человѣка выходитъ за предѣлы изученія тѣхъ отношеній, какими занимается соціологія, что не прочь построить рядомъ съ ней особую науку, неудачно обозначаемую имъ старинnымъ и весьма скомпрометированнымъ терминомъ идеологіи. Но если у Коста такой выводъ логически свя-

занъ съ представленіемъ о ростѣ человѣчества, какъ обусловленномъ не прогрессомъ знаній, а процессомъ размноженія населенія и увеличенія его густоты, то у американскаго мыслителя, нами разбираемаго, онъ кажется совершенно противорѣчащимъ принятію имъ главныхъ основныхъ посылокъ Конта и нерѣдко высказываемому имъ самимъ положенію, что прогрессивное развитіе морали стоитъ въ связи съ ростомъ науки. Я не буду касаться здѣсь вопроса объ односторонности той точки зрѣнія, которая видитъ въ ростѣ населенія ключъ къ объясненію всего поступательнаго движенія человѣчества. Костъ сдѣлалъ мнѣ честь признать, что онъ только расширилъ въ этомъ отношеніи мою теорію о значеніи, какое увеличеніе или уменьшеніе густоты населенія имѣетъ на прогрессивное или регрессивное движеніе въ области экономическихъ отношеній. Мнѣ кажется, что его ошибка именно и состоитъ въ такомъ распространеніи на чуждыя экономикѣ области—системы, разсчитанной исключительно на объясненіе первѣйшихъ и наипростѣйшихъ измѣненій въ сферѣ производства и распредѣленія, явленій, предшествующихъ во времени техническимъ усовершенствованіямъ и расширенію обмѣна, въ свою очередь оказавшимъ воздѣйствіе и на область производства и на область распредѣленія.

Если я въ настоящее время счелъ нужнымъ сблизить воззрѣнія Коста съ ученіемъ Лестера Уорда, то не потому, чтобы этотъ послѣдній сколько-нибудь задавался вопросомъ о роли возрастающей густоты населенія на прогрессивное движеніе человѣчества. Въ его книгахъ я не нахожу ничего подобнаго, хотя изъ самого положенія, что потребность воспроизведенія породы первая изъ потребностей, необходимо требующихъ себѣ удовлетворенія, и можно было бы искать отправнаго пункта для развитія ученія, которое трудно признать изобрѣтеніемъ того или другого изъ современныхъ экономистовъ или соціологовъ, всего менѣе Лоріа, каковы бы ни были притязанія его на этотъ счетъ, такъ какъ въ зародышѣ мы находимъ его уже у физіократовъ, а въ болѣе опредѣленномъ видѣ у итальянскаго экономиста Ортиса во второй половинѣ 18-го вѣка. Говоря о сходствѣ между воззрѣніями Коста и Уорда, я имѣлъ въ виду только вопросъ объ исключеніи ими обоими, въ не равной, впрочемъ, мѣрѣ, интеллектуальной, а не аффективной дѣятельности человѣка изъ области соціологіи. У Коста такое исключеніе является полнымъ, такъ что требуется построеніе особой науки, такъ называемой имъ идеологіи, для разсмотрѣнія роли, какую научная и артистическая дѣятельность имѣютъ въ исторіи прогресса. У Уорда, какъ мы сейчасъ

увидимъ, изъ того же основного положенія получается совершенно отличный выводъ; чтобы сдѣлать возможнымъ включеніе области накопленія знаній и артистическаго творчества въ сферу соціологіи, предлагается различать въ послѣдней двѣ категоріи, пассивнаго и активнаго прогресса,—генетическаго и телеологическаго (см. „Динамическая соціологія“ т. I, стр. 56 и 57). Первая занимается изученіемъ того вліянія, какое потребности воспроизведенія, питанія, эмоціональныя и нравственныя, имѣютъ на сложеніе и развитіе человѣческаго общежитія; вторая задается мыслью показать положительное и въ то же время искусственное воздѣйствіе, какое на ростъ человѣческихъ обществъ оказываютъ какъ индивидуальное, такъ и коллективное творчество, умственное, техническое и художественное. Самъ Уордъ придаетъ большое значеніе этой сторонѣ своего ученія. „Я считаю себя первымъ,—пишетъ онъ,—указавшимъ съ психологической точки зрѣнія, скорѣе чѣмъ съ біологической, на то, что, ограничивая человѣческій прогрессъ одними только пассивными воздѣйствіями, мы упустили бы изъ виду одинъ изъ главныхъ его факторовъ. Этотъ факторъ—субъективнаго характера. Его нельзя найти на низшихъ ступеняхъ общественности. Онъ присущъ одному только человѣческому и соціальному прогрессу. Съ этой цѣлью и была написана мною „Динамическая соціологія“. Вся вторая часть ея посвящена ближайшимъ образомъ этой задачѣ“ (см. Outlines, стр. 235).

Въ своей совокупности всѣ порождаемыя желаніями потребности разсматриваются Уордомъ, какъ соціальныя силы, или мотивы человѣческихъ дѣйствій. Сумма же всѣхъ потребностей обнимается имъ понятіемъ воли—этимъ и объясняется заявленіе: двигателемъ міра общественнаго—является воля,—заявленіе, которое само по себѣ говоритъ о вліяніи, какое на весь складъ философскаго мышленія Уорда оказала философія Шопенгауэра. Между этими-то соціальными силами, совокупность которыхъ образуетъ изъ себя волю, Лестеръ Уордъ различаетъ такія, которыя обусловлены вліяніемъ аффективныхъ способностей, и такія, въ которыхъ проявляется дѣятельность человѣческаго интеллекта. Для Уорда онъ руководитель аффектовъ, или чувствованій. Онъ свойственъ, по его ученію, только людямъ, почему его вліяніе можетъ сказываться въ однихъ человѣческихъ сообществахъ. Животныя для него то же, что „корабль безъ руля“—рулемъ, очевидно, является разумъ и его воспринимательная способность. Этотъ терминъ (руль), говоритъ Уордъ, хотя и не можетъ выразить высшей дѣятельности человѣческаго интеллекта, какъ нельзя лучше передаетъ начальныя стадіи въ развитіи ра-

зумной жизни. Въ книгѣ „О психическихъ факторахъ цивилизаціи“ Уордъ обстоятельно развилъ тотъ взглядъ, что разумъ также продуктъ эволюціи, что зародыши его могутъ быть открыты еще въ животномъ мірѣ и что первоначальное его назначеніе было помогать волѣ — или совокупной аффективной способности, иначе силѣ, въ достиженіи предметовъ ея желаній.

На первыхъ порахъ интеллектъ направленъ былъ исключительно на удовлетвореніе эгоистическихъ интересовъ индивидовъ. Эти интересы потребовали обхода или сдерживанія физическихъ силъ природы, послѣдствіемъ чего и было первоначальное появленіе изобрѣтеній и развитіе творчества. Человѣкъ могъ быть стаднымъ животнымъ до появленія творчества (разумѣя подъ нимъ не одно изящное); но онъ едва ли былъ существомъ общежительнымъ, ранѣе этого времени. Развитіе общества было развитіемъ творчества; его поступательный ходъ также связанъ съ эволюціей этого послѣдняго. Результаты своей попытки установить связь психологіи съ соціологіей и раскрыть въ жизни человѣческихъ обществъ вліяніе психическихъ факторовъ Уордъ передаетъ въ слѣдущемъ сжатомъ видѣ. „Если цѣлью природы можно признать функцію, то для живого организма такою цѣлью является чувствованіе; но для развитія, для эволюціи, т.-е. для перемѣнъ въ самомъ строеніи общества, недостаточно однихъ только чувствованій — нуженъ актъ или усиліе. Только благодаря такому усилію, въ которомъ дѣятельная роль падаетъ на сторону человѣческаго интеллекта, организмъ приспособляется къ окружающей его средѣ; происходящія отсюда измѣненія въ немъ и образуютъ тѣ усовершенствованія въ его внутреннемъ строеніи, которыя обусловливаютъ дальнѣйшее его развитіе. Персонифицируя вслѣдъ за природой и эволюцію, мы можемъ сказать, что ея предметомъ является творчество (achievment)“.

Ученіе о психическихъ факторахъ представляетъ одну изъ оригинальныхъ сторонъ въ соціологической доктринѣ Уорда. Все же то, что онъ говоритъ о необходимости для соціолога ознакомиться съ основными положеніями наукъ о природѣ и живомъ организмѣ, какъ и представленная имъ классификація конкретныхъ наукъ о человѣкѣ и обществѣ, не выходитъ изъ области ходячихъ воззрѣній, возникшихъ на почвѣ интерпретаціи положительной философіи Конта и восполненія ея въ соотвѣтствіи съ новѣйшими успѣхами антропологіи и этнографіи и критикой Спенсеровыхъ построеній. Отмѣтимъ, однако, нѣсколько общихъ замѣчаній Уорда, заслуживающихъ вниманія, во-первыхъ, въ виду близости ихъ къ тѣмъ, которыя болѣе

обстоятельно развиты Тардомъ, а во-вторыхъ, благодаря заключающемуся въ нихъ здравому смыслу и вѣрному пониманію того пути, по которому пойдетъ дальнѣйшее развитіе соціологіи. Къ числу точекъ зрѣній, общихъ Уорду съ Тардомъ, я отношу большое значеніе, приписываемое имъ разъясненію генезиса человѣческой способности къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Вопросъ этотъ, очевидно, не входитъ въ задачу соціологіи и принадлежитъ всецѣло вѣдѣнію психологовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Рибо и Польганъ, уже сдѣлали довольно удачныя попытки его изученія. Другое замѣчаніе, которое я считаю полезнымъ отмѣтить здѣсь, клонится къ утвержденію, въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ взглядомъ Огюста Конта, что соціологія должна опираться преимущественно на историческихъ данныхъ и что ея принципы должны быть выведены изъ точной координаціи прочно установленныхъ фактовъ. Въ чемъ Уордъ является на мой взглядъ всего болѣе послѣдователемъ автора „Положительной философіи“, это въ признаніи, что за фактами стоятъ вызвавшія ихъ къ жизни идеи и что слѣдовательно идейное развитіе человѣчества обусловливало собою все прочее. Расходясь такимъ образомъ радикально съ новѣйшими ученіями, между прочимъ съ марксизмомъ, онъ объявляетъ, что только при такомъ пониманіи можно говорить о психическомъ методѣ въ соціологіи и о томъ, что соціологія опирается на психологію.

Лестеръ Уордъ считаетъ вполнѣ доказанной истиной, что прогрессъ интеллекта производитъ правильное и необходимое измѣненіе въ человѣческихъ идеяхъ. Въ доказательство онъ приводитъ установленную Контомъ схему постепенной замѣны фетишизма политеизмомъ и монотеизмомъ, за которыми слѣдуетъ въ порядкѣ преемства метафизика и, наконецъ, положительная философія. Какъ сильно общественная структура подчиняется вліянію каждаго изъ этихъ основныхъ классовъ идей, говоритъ Уордъ, показываетъ тщательное изученіе исторіи.

Повторяя мысль, высказанную ранѣе Контомъ, Уордъ настаиваетъ на томъ, что начальному теологическому періоду отвѣчаетъ военный строй общества, предполагающій въ свою очередь наслѣдственное отправленіе общественныхъ функцій, тогда какъ индустріализмъ или контрактуальный порядокъ отношеній по общей Уорду съ Контомъ терминологіи стоитъ въ причинной связи съ позднѣйшими стадіями раціонализма и научности.

Отмѣтимъ еще слѣдующую классификацію конкретныхъ наукъ объ обществѣ, знакомство съ которыми, по мнѣнію Уорда, необходимо для

соціолога. Это—исторія, экономика, юриспруденція, политика и этика; рядомъ съ ними Уордъ ставитъ этнографію, этнологію, технологію, археологію и демографію, или статистику.

§ 2.

Уордъ началъ свои работы по соціологіи изученіемъ соціальной динамики; она повела его къ признанію психическихъ факторовъ соціальнаго развитія, которымъ и посвящены были его ближайшія работы. Только въ новѣйшее время онъ счелъ нужнымъ восполнить свою систему непосредственнымъ изученіемъ соціальной статики. Этой задачѣ посвящены отчасти и отдѣльныя главы его очерковъ соціологіи, и мемуаръ, прочитанный имъ на конгрессѣ международнаго института въ 1900 году, и послѣдній по времени трактатъ „Чистая соціологія“. Въ отличіе отъ Спенсера и его многочисленныхъ послѣдователей, въ томъ числѣ Лиліенфельда и Вормса, Лестеръ Уордъ отправляется въ своей „Соціальной статикѣ“ отъ воззрѣнія на общество не какъ на организмъ, а какъ на механизмъ. Статика, какъ и динамика одинаково имѣютъ дѣло съ дѣйствіемъ соціальныхъ силъ—силъ, которыя, какъ показалъ Уордъ, по природѣ своей должны считаться психическими. Статика имѣетъ дѣло съ этими силами въ состояніи ихъ равновѣсія, тогда какъ соціальная динамика, наоборотъ, изучаетъ ихъ въ процессѣ движенія. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что соціальныя силы весьма часто сталкиваются между собой, останавливаютъ другъ друга и постоянно стремятся къ прекращенію движенія, т.-е. къ тому состоянію, которое мы называемъ равновѣсіемъ. Первыми пріостанавливаются въ своемъ движеніи болѣе обширныя массы, соціальныя группы, но внутри ихъ продолжается родъ молекулярной дѣятельности, который и ведетъ къ образованію соціальныхъ структуръ. Въ болѣе широкомъ смыслѣ эти соціальныя структуры могутъ быть названы учрежденіями. Образцами соціальныхъ структуръ можно считать, напримѣръ, семью, родъ, племя, государство, церковь и безчисленные виды добровольныхъ союзовъ; образцами учрежденій—бракъ, правительство, языкъ, обычай, нравственный и юридическій кодексъ, который Лестеръ Уордъ обозначаетъ терминомъ договоровъ, наконецъ религія, искусство и даже литература и наука. Само общество можетъ быть разсматриваемо, какъ обширная структура, въ которой соціальныя силы приведены до нѣкоторой степени въ состояніе равновѣсія. Со всѣми своими структурами и учрежденіями общество, какъ цѣлое,

образуетъ механизмъ. Его структуры не хаотическія и не случайныя, онѣ симметричны и входятъ въ составъ цѣлой системы. Каждая соціальная структура имѣетъ свою опредѣленную цѣль и все общество является механизмомъ, созданнымъ для достиженія извѣстныхъ результатовъ. Соціальный механизмъ въ его цѣломъ образуетъ соціальный порядокъ, почему о соціальной статикѣ и можно говорить какъ о наукѣ объ общественномъ порядкѣ. Уордъ думаетъ, что употребленіе термина соціальная механика для обозначенія соціологіи желательно уже потому, что машина, которой уподобляется имъ общество, на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ способъ привести въ состояніе равновѣсія тѣ силы, которыя имѣется въ виду утилизировать. Не будь машины, эти силы могли бы въ концѣ-концовъ пропасть даромъ. Машина останавливаетъ ихъ естественное теченіе и временно по крайней мѣрѣ ихъ уравновѣшиваетъ. Силы природы, благодаря ей, собираются и накопляются съ тѣмъ, чтобы быть утилизированными съ бо́льшей пользой и по выбору. Это предполагаетъ, разумѣется, преднамѣренность, но тоже надо сказать и о генетическихъ механизмахъ природы. Растенія и животныя—механизмы въ этомъ смыслѣ слова. Они также представляютъ собою накопленную энергію, средство привесть извѣстный классъ силъ въ состояніе равновѣсія съ цѣлью увеличить количество труда, получаемаго при затратѣ той же энергіи. Тотъ же принципъ лежитъ въ основѣ соціальныхъ структуръ—человѣкъ достигаетъ больше въ обществѣ, чѣмъ внѣ общества. Разнообразно организованныя группы производятъ больше того, чѣмъ могли бы сдѣлать индивиды, оставшись неорганизованными. Каждое учрежденіе увеличиваетъ силу общества для работы. Работа, нормально производимая каждымъ механизмомъ—физическимъ ли, органическимъ или соціальнымъ—образуетъ его функцію. Такъ функція хлопчатобумажной мельницы—производить хлопчатобумажные товары, а функція зародыша—дать ростокъ. Въ животномъ функція ногъ бѣгать, какъ желудка—переваривать пищу. О цѣльномъ, индивидуальномъ организмѣ можно сказать, что его функція лежитъ въ защитѣ, питаніи и охранѣ его самого. Функціей спаривавшейся группы индивидовъ является воспроизведеніе породы и продолженіе расы. Подымаясь далѣе къ соціальнымъ структурамъ, мы можемъ сказать, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою функцію и эта функція состоитъ въ производствѣ того труда, для котораго она была создана. Само общество организовано для защиты своихъ членовъ. Правительства и государства существуютъ для блага общества. Ихъ функція состоитъ въ защитѣ послѣдняго отъ противуобщественныхъ вліяній.

Религія и церковь существуютъ для защиты общества противъ предполагаемыхъ духовныхъ существъ и для того, чтобы сдѣлать эти духовныя существа благопріятными. Съ болѣе возвышенной, философской точки зрѣнія онѣ имѣютъ болѣе глубокую и полезную функцію, а именно противодѣйствовать тенденціи къ нарушенію законовъ внѣшняго міра и всему, что̀ можетъ повредить существованію нашей породы. Всѣ эти вопросы относятся къ области статической соціологіи, но можно сдѣлать шагъ далѣе. Статика не ограничивается только заботой о сохраненіи и продленіи, она вноситъ въ свой кругъ также заботу о ростѣ и размноженіи. Пока продолжается нормальная функція одной и той же структуры, феноменъ остается статическимъ, хотя бы продуктъ такого функціонированія и увеличился въ объемѣ. Отъ увеличенія числа веретенъ на фабрикѣ и соотвѣтственно числа производимыхъ ею товаровъ не измѣняется характеръ функцій, отправляемыхъ ея машинами. Если въ силу благопріятныхъ причинъ тотъ или другой организмъ получитъ необычное развитіе, не сопровождающееся физической модификаціей его органовъ, его функція останется прежней. То же можно сказать и о соціальныхъ структурахъ и о человѣческихъ учрежденіяхъ: какъ бы ни увеличилась ихъ функціональная дѣятельность, до тѣхъ поръ, пока они остаются прежними структурами и прежними учрежденіями,—изученіе ихъ будетъ принадлежать къ области соціальной статики. Не надо терять изъ виду тотъ важный фактъ, что̀ структуры на первыхъ порахъ грубы и потому плохо осуществляютъ свои функціи. Онѣ только постепенно становятся болѣе совершенными и соотвѣтственно болѣе производительными. И это явленіе также принадлежитъ къ области статики, до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ существенныхъ измѣненій, если не въ самихъ структурахъ, то въ ихъ подструктурахъ,—обстоятельство, благодаря которому самыя структуры долгое время могутъ казаться неизмѣненными. Въ этомъ случаѣ мы на самомъ дѣлѣ можемъ оказаться въ присутствіи динамическаго явленія, не зная этого. Подъ условіемъ избѣжать такой ошибки мы въ правѣ сказать, что усовершенствованія структуры также должны считаться статическимъ явленіемъ. Общій выводъ, къ какому мы необходимо приходимъ на основаніи предыдущаго, тотъ, что всякія соображенія насчетъ структуры и функціи носятъ статическій характеръ. Изслѣдованія структуръ—это то, что мы называемъ анатоміей, тогда какъ изслѣдованіе функцій составляетъ область физіологіи. Мы въ правѣ поэтому сказать, что изученіе анатоміи и физіологіи общества одинаково принадлежатъ къ области соціальной статики.

Въ мемуарѣ, прочитанномъ Уордомъ на конгрессѣ международнаго института соціологіи, дано болѣе полное и въ то же время оригинальное развитіе одному изъ главныхъ положеній соціальной статики, какъ понимаетъ ее американскій мыслитель.

Основному вопросу, какъ возникаютъ общественныя структуры, Уордъ даетъ слѣдующее любопытное рѣшеніе. Вопреки современной тенденціи къ монизму, не слѣдуетъ забывать, говоритъ онъ, что во всѣхъ царствахъ природы мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ—взаимнаго противодѣйствія отдѣльныхъ факторовъ. Это та самая мысль, которая побудила Тарда озаглавить одинъ изъ своихъ трактатовъ терминомъ „Opposition universelle“. Я не прочь думать, что сочиненія Тарда вообще и только-что указанное, въ частности, оказали свое воздѣйствіе и на Уорда, такъ что построенная имъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, теорія общественныхъ структуръ, якобы порождаемыхъ такъ называемой синэргіей [1]), или взаимодѣйствіемъ нерѣдко задерживающихъ другъ друга общественныхъ силъ, не мало напоминаетъ ту, которую подъ другимъ только именемъ развиваетъ французскій мыслитель. Мы приведемъ цѣликомъ ту страницу, на которой Уордъ высказалъ этотъ, повидимому, дорогой ему взглядъ. Общій результатъ всякаго конфликта силъ состоитъ въ производствѣ формъ симметрическихъ и системъ, т.-е. структуръ. Во всѣхъ царствахъ природы этотъ процессъ извѣстенъ подъ названіемъ организаціоннаго. Благодаря ему, необузданныя и даромъ пропадающія силы природы задержаны въ своемъ дѣйствіи, запасены и предназначены для работъ построительныхъ.

„Я долго искалъ подходящаго термина для обозначенія этого основного принципа всякой организаціи,—пишетъ Уордъ.—Въ своей первичной формѣ явленіе, о которомъ я веду рѣчь, носитъ характеръ коллизіи, обхода или задержки движенія, результатомъ чего получается дѣятельность менѣе интенсивная на мѣсто болѣе интенсивной, и, наконецъ, образованіе ясно опредѣленныхъ структуръ. Такимъ образомъ процессъ, начавшійся въ формѣ противодѣйствія и антагонизма, пріобрѣтаетъ вскорѣ болѣе мягкія формы антитезы и конкурренціи и завершается компромиссомъ и кооперацією. Я пробовалъ,—продолжаетъ Уордъ,—пустить въ ходъ всѣ эти термины, но ни одинъ, какъ мнѣ кажется, не передаетъ вполнѣ природу того принципа, который мы теперь разсматриваемъ. Приспособленіе

[1]) Самый терминъ синэргія въ употребляемомъ Уордомъ смыслѣ впервые встрѣчается у французскаго писателя Masol.

есть также одно изъ послѣдствій его дѣйствія, но употребляя этотъ терминъ, мы бы снова приблизились къ гегелевской тріадѣ, въ которой приспособленіе явилось бы синтезомъ антиноміи. Послѣ зрѣлаго размышленія, я остановился на словѣ синэргія, какъ обнимающемъ собой всѣ признаки указаннаго принципа [1]). Оно передаетъ не только идею пассивнаго сосуществованія и взаимности, но и идею активной работы и энергіи. Синэргія такимъ образомъ есть принципъ, объясняющій собой существованіе организаціи во всемъ мірѣ, но организаціей занимается наука, извѣстная подъ названіемъ статики. Такъ какъ функція не болѣе, какъ утилизація энергіи, сохраняемой структурой, то о ней также должна итти рѣчь въ статикѣ. Удивительно, что столько соціологовъ впали въ ошибку, состоящую въ допущеніи, что различіе между структурой и функціей то же, что между статикой и динамикой. Анатомія для нихъ статика, физіологія—динамика". Говоря это, Уордъ имѣетъ въ виду не только новѣйшихъ соціологовъ, какъ Де-Роберти или Вормса, но и Огюста Конта. Послѣднее замѣчаніе вызвало справедливый протестъ со стороны одного изъ „позитивистовъ", Арожо, указавшаго, что термины „общественная статика и динамика" употребляются Контомъ въ томъ значеніи, какое придается имъ въ механикѣ, далеко не въ смыслѣ анатоміи и физіологіи общества.

Какъ въ цѣломъ космосѣ, такъ и въ болѣе тѣсной области общественной жизни, говоритъ Уордъ, структура является послѣдствіемъ синэргіи. Только на этотъ разъ взаимодѣйствующими силами являются не силы физическія, а силы психическія, силы не матеріальныя, а идеальныя, каковы инстинкты, привычки, нравы, обычаи, учрежденія. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ „Чистая соціологія", Уордъ снова возвращается къ вопросу о синэргіи и видитъ въ ней универсальный принципъ, дѣйствующій во всѣхъ областяхъ природы и при всякой стадіи развитія, принципъ столько же консервативный, сколько созидательный и разрушительный. „Если я выбралъ терминъ „синэргія" (десятая глава „Чистой соціологіи"), то потому, что онъ одновременно выражаетъ и энергію и взаимность, или кооперацію, и притомъ, какъ проявляющуюся систематично и органически между противоположными силами природы. Но это опредѣ-

[1]) Въ своей замѣткѣ о послѣдней книгѣ Уорда, строго и несправедливо отнесшійся къ ней Шарль Жидъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что терминъ синэргія пущенъ былъ въ обращеніе раньше Уорда французскими писателями. (См. Revue d'Economie Politique за 1891 годъ).

леніе не обнимаетъ еще третьяго признака, одинаково существеннаго и неизмѣннаго—признака творчества, конструкціи. Синэргія—это синтезъ труда. Вѣдь трудъ всегда предполагаетъ полученіе какого-либо продукта. Этимъ онъ и отличается отъ простой дѣятельности".

Проведши тотъ взглядъ, что о синэргіи можно говорить и въ примѣненіи къ космосу и когда рѣчь идетъ объ органическихъ структурахъ, Лестеръ Уордъ переходитъ затѣмъ къ главной своей темѣ—къ доказательству той мысли, что структуры общественныя обязаны своимъ возникновеніемъ синэргіи общественныхъ силъ, другими словами,—поясняетъ онъ,—ихъ взаимо- и противодѣйствію. Сами по себѣ каждая изъ этихъ силъ оказываютъ разрушительное вліяніе, но задерживая и приводя другъ друга въ равновѣсіе, онѣ своими совокупными усиліями порождаютъ структуры. Дѣйствуютъ онѣ въ направленіи къ экономизаціи силъ, очевидно, подчиняясь тому закону сохраненія энергіи, который въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ извѣстенъ Уорду подъ именемъ закона сбереженія (law of parcimony)[1]). Общественныя структуры, порождаемыя синэргіей,—это человѣческія учрежденія. Уордъ перечисляетъ ихъ. Ими являются и религія, и законъ, и нравственность; послѣдняя,—замѣчаетъ онъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что болѣе обстоятельно развито было Де-Роберти,—имѣетъ соціальный источникъ и проникнута соціальнымъ характеромъ. Къ учрежденіямъ Уордъ относитъ также семью, собственность, политическій строй, строй экономическій съ характеризующимъ его раздѣленіемъ труда. Всѣ эти учрежденія, перечень которыхъ,—прибавляетъ Лестеръ Уордъ,—данъ мною далеко не полно, являются продуктомъ борьбы соціальныхъ силъ. Центробѣжныя и разрушительныя свойства каждой изъ нихъ, дѣйствующей въ отдѣльности, нейтрализуются и каждая сила поставлена въ необходимость содѣйствовать построительной работѣ общества. Всѣ структуры стоятъ въ соотношеніи другъ съ другомъ. Осуществленіе каждой своихъ функцій приводитъ ихъ въ соприкосновеніе, а иногда и столкновеніе другъ съ другомъ. Эта умѣренная борьба соціальныхъ структуръ имѣетъ тѣ же послѣдствія, что и въ другихъ областяхъ. Она ведетъ къ общей организаціи соціальной группы. Конечнымъ результатомъ является общественный порядокъ, другими словами, общество, насколько оно организовано. Само же общество, по опредѣленію Уорда, это—резервуаръ соціальной энергіи, накопленной общественными учрежденіями для служенія че-

[1]) См. главу девятую „Чистой соціологіи".

ловѣчеству [1]). Дарвинъ указалъ намъ,—пишетъ Уордъ,—что во всемъ органическомъ мірѣ дѣйствуетъ борьба за существованіе. Общество также театръ борьбы, но при болѣе широкомъ взглядѣ на этотъ вопросъ можно открыть одинаково и въ человѣческомъ организмѣ, и въ обществѣ, борьбу не за существованіе, но за организацію. Въ обществѣ структуры, создаваемыя этою борьбой, не что иное, какъ человѣческія учрежденія. Поэтому, не злоупотребляя метафорой, мы можемъ сказать, что эти учрежденія служатъ для общества аккумуляторами, экономизирующими соціальную энергію. Она—продуктъ общественной синэргіи, которая является въ свою очередь высшимъ выраженіемъ космической энергіи или борьбы за структуру.

Таково ученіе Уорда о соціальной статикѣ. Чѣмъ же является въ его глазахъ вторая необходимая часть соціологіи—соціальная динамика? „Когда мы говоримъ,—замѣчаетъ онъ,—что общественныя структуры измѣняются, мы имѣемъ въ виду не чередованіе поколѣній и не увеличеніе и расширеніе общественныхъ группъ, а перемѣну въ самомъ типѣ структуръ. Въ средѣ измѣнчивой центробѣжныя силы вѣчно озабочены тѣмъ, чтобы выйти изъ границъ, положенныхъ имъ силой центростремительной. Если такое стремленіе связано съ какимъ-нибудь прибыткомъ силы, то оно увѣнчивается успѣхомъ. Этимъ объясняется въ біологіи принципъ естественнаго подбора или переживанія болѣе приспособленныхъ организмовъ. Общественныя структуры подчинены тѣмъ же законамъ, что и структуры органическія. Человѣческія учрежденія постоянно измѣняютъ свой типъ и характеръ, соотвѣтственно съ перемѣнами въ общественной средѣ, несравненно болѣе многочисленными и разнообразными, чѣмъ тѣ, какія происходятъ въ средѣ организмовъ. Пока не послѣдовало измѣненія въ типѣ структуры, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ статическимъ, а не динамическимъ“. Поэтому, справедливо замѣчаетъ Уордъ, всѣ тѣ явленія, которыя обнимаются Тардомъ понятіемъ подражанія, должны считаться статическими, а не динамическими. Динамическое явленіе заключаетъ въ себѣ три отличительныя черты: это, во-1-хъ, дѣйствіе, удовлетворяющее опредѣленному желанію, это, во-2-хъ, дѣйствіе, осуществляющее извѣстную функцію, и это наконецъ, въ 3-хъ, дѣйствіе, измѣняющее среду. Безъ желанія не будетъ дѣйствія, но само желаніе вызвано къ жизни мотивами, лежащими въ человѣческой природѣ. Динамическое дѣйствіе должно быть осуществленіемъ извѣстной функціи, но вовсе не требуется, чтобы агентъ

[1]) Глава десятая „Чистой соціологіи“.

поступалъ сознательно. Ему можетъ быть неизвѣстно, что его дѣйствіе будетъ имѣть послѣдствіе. Какъ справедливо замѣтилъ Летурно,— у низшихъ расъ процессъ половой не разсматривается, какъ причина, опредѣляющая собой воспроизведеніе, а въ обществахъ даже самыхъ развитыхъ—крайне рѣдки случаи, въ которыхъ этотъ актъ совершается сознательно, съ опредѣленной цѣлью воспроизведенія. Наконецъ, чтобы быть динамическимъ, актъ долженъ состоять въ измѣненіи среды. Въ этомъ отношеніи общественный прогрессъ совершенно не то, что органическая эволюція. Послѣдняя состоитъ въ томъ, что среда измѣняетъ организмъ; въ соціальномъ же прогрессѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, измѣняющимъ среду. Ни объ одномъ изъ животныхъ нельзя сказать, что его дѣйствія направлены не къ временной, а къ постоянной трансформаціи среды въ собственныхъ его интересахъ. Это не исключаетъ возможности постройки гнѣздъ птицами или плотинъ бобрами, но, дѣйствуя такимъ образомъ, подъ вліяніемъ инстинкта, эти животныя рѣдко когда достигаютъ постоянныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, птицы рѣдко возобновляютъ гнѣзда изъ года въ годъ на прежнемъ деревѣ. Иное дѣло человѣкъ. Даже самые первобытные типы людей стремились къ трансформированію среды, желали приспособить ее къ своимъ нуждамъ. Вся такъ называемая матеріальная культура — не болѣе, какъ продуктъ такой трансформаціи. Корень этого различія,—и, говоря это, Уордъ повторяетъ уже высказанное имъ ранѣе положеніе,— лежитъ въ человѣческомъ интеллектѣ. Человѣкъ—единственное животное, умственныя способности котораго достаточно сильны, чтобы открыть ему глаза на возможность удовлетворенія его желаній путемъ измѣненія среды. Уордъ останавливается на той мысли, что въ виды природы вовсе не входитъ измѣненіе условій и соотвѣтственно структуръ. Она озабочена только ростомъ и размноженіемъ особей. Цивилизація принадлежитъ такимъ образомъ далеко не къ числу продуктовъ природы; тѣмъ не менѣе для большинства соціологовъ и вообще лицъ, думавшихъ по вопросамъ обществовѣдѣнія,—весь прогрессъ сводится къ слѣпому, безсознательному воздѣйствію соціальныхъ силъ. Уордъ вооружается противъ такого односторонняго пониманія условій общественнаго развитія. Онъ думаетъ, что на ряду съ безсознательнымъ процессомъ усовершенствованія общественныхъ структуръ, дѣйствовалъ и процессъ сознательный, источникъ котораго лежитъ въ человѣческомъ разумѣ и который онъ обозначаетъ греческимъ терминомъ—теллическаго. Этотъ процессъ предполагаетъ необходимо, съ одной стороны, изобрѣтеніе, съ другой—трудъ. Изо-

брѣтеніемъ надо считать всякую перцепцію возможности измѣненія среды такимъ образомъ, чтобы тѣмъ самымъ обезпечить болѣе полное удовлетвореніе желаній. Трудомъ же является всякое усиліе, направленное къ производству такого измѣненія. Въ совокупности своей изобрѣтеніе и трудъ являются творчествомъ. Эти мысли, только намѣченныя въ сообщеніи, сдѣланномъ соціологическому конгрессу въ Парижѣ, развиты Уордомъ болѣе обстоятельно въ его „Очеркахъ соціологіи", а равно и въ „Чистой соціологіи". Въ нихъ наглядно выступаетъ связь между ученіемъ Уорда о соціальной динамикѣ и его теоріей психическихъ факторовъ общественности. Длинными выдержками изъ статей, напечатанныхъ имъ въ англійскихъ и американскихъ психологическихъ обозрѣніяхъ, Уордъ старается обосновать прочнѣе тотъ взглядъ, который развить имъ еще въ 83 г. въ трактатѣ о „Динамической соціологіи". Всѣ эти соображенія, однако, не выходятъ изъ сферы ученія о человѣческомъ разумѣ и въ общемъ обзорѣ его соціологической доктрины въ правѣ быть опущены. Я считаю полезнымъ отмѣтить только тотъ взглядъ, по которому интеллектъ или разумъ, отождествляемый имъ съ теллической силой, развился въ человѣкѣ въ помощь его воли—этой совокупности желаній и потребностей—и ради лучшаго ихъ удовлетворенія. Хотя разумъ, или интеллектъ, имѣетъ такимъ образомъ источникомъ зарожденія природу, а первоначальной задачей—служить средствомъ къ достиженію ея цѣлей, т.-е. быть ея функціей, тѣмъ не менѣе онъ рано расторгъ свою первоначальную связь съ природой и сталъ преслѣдовать задачи нерѣдко противоположныя ей. Этимъ путемъ онъ сдѣлался поборникомъ принципа кооперації, противоположнаго началу соперничества, составляющему законъ природы. Благодаря искусственному подбору, явившемуся на смѣну естественнаго, человѣческій интеллектъ развилъ въ животныхъ извѣстныя качества, особенно полезныя для человѣка и сдѣлавшія возможными ихъ доместикацію. Тѣ же результаты были достигнуты и въ области растительнаго царства и обусловили собою развитіе земледѣлія и садоводства. Наконецъ, въ сферѣ физической природы путемъ изобрѣтенія орудій человѣкъ пріобрѣлъ средство утилизаціи матеріи для собственныхъ выгодъ. Но изобрѣтеніе орудій сдѣлало возможнымъ экономію силъ—экономію, которой не знаетъ природа и которая мыслима только со стороны разумнаго существа. Таковы были измѣненія, вызванныя въ различныхъ царствахъ природы теллической способностью человѣка или его разумомъ. Но помимо вліянія, какое на измѣненіе общественныхъ структуръ можетъ оказать индивидуальное изобрѣтеніе, т.-е.

проявленіе теллической способности любого индивида, есть еще возможность говорить о коллективной дѣятельности, направленной къ ограниченію, контролю, руководительству и утилизаціи естественныхъ силъ общества. Эта дѣятельность и обнимается Уордомъ понятіемъ коллективнаго теллезиса. Изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что американскій соціологъ разумѣетъ подъ этимъ выраженіемъ не что иное, какъ ту организацію, чрезъ посредство которой общество выражаетъ и проводитъ свою коллективную волю, иначе говоря — правительство. Въ виду тѣхъ многочисленныхъ различій, какія существуютъ между человѣческими расами, говоря о коллективной соціальной дѣятельности, приходится разумѣть пока дѣятельность національную, или дѣятельность нѣсколькихъ націй, сошедшихся въ одномъ желаніи. Понятіе коллективной дѣятельности обнимаетъ также дѣятельность болѣе тѣсныхъ союзовъ, въ томъ числѣ муниципій, приходовъ, получающихъ свою власть отъ общаго органа, правительства. Уордъ ясно сознаетъ, что доселѣ этотъ коллективный теллезисъ проявился лишь въ слабой степени, благодаря чему общество, говоритъ онъ, остается жертвою закона природы, т.-е. той конкурренціи, которая преобладаетъ въ животномъ царствѣ, а такая борьба не можетъ обезпечить переживанія наиболѣе способнаго; иначе пришлось бы считать имъ всякаго, у кого развита способность приспособленія, способность, которая, какъ показываетъ случай паразитизма, предполагаетъ не развитіе, а вырожденіе. Посредствующее звено между индивидуальнымъ теллезисомъ и соціальнымъ составляетъ организація индивидовъ въ численно-ограниченную группу, обыкновенно для какой-нибудь спеціальной цѣли. Если бы такая частная организація надѣлена была правомъ принужденія собственныхъ членовъ или постороннихъ къ совершенію извѣстныхъ актовъ,—она присвоила бы себѣ права правительства; разъ такія притязанія были бы признаны за нею—она бы сдѣлалась имъ на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ, между прочимъ, примѣръ римской церкви. Необходимость правительства Уордъ выводитъ изъ того, что съ ростомъ интеллекта неравенство въ степени теллической силы, находящейся въ обладаніи извѣстныхъ членовъ общества, также сильно возросло, а это увеличило способность однихъ эксплуатировать другихъ. Тогда какъ индивидуальная телеологія, преслѣдуя собственныя выгоды, только косвенно и случайно достигаетъ выгодъ общественныхъ, коллективная телеологія, или правительство, ставитъ себѣ это сознательной цѣлью. Такъ какъ править значитъ прилагать на дѣлѣ то, что общество знаетъ о соціальныхъ силахъ, то

оно всегда предполагаетъ творчество, но въ теперешнемъ своемъ состояніи оно близко къ тому, какое занимали всякіе другіе виды творчества до момента примѣненія къ нимъ широкихъ принциповъ систематическаго знанія. Знаніе общества должно породить особое общественное творчество. Законодательство, заслуживающее этого имени, всегда должно быть изобрѣтеніемъ.

Подобно тому, какъ индивидуальная изобрѣтательность имѣетъ въ виду утилизацію силъ природы, такъ точно коллективная изобрѣтательность, или правительственная дѣятельность, должна бы быть направлена не къ подавленію, а къ утилизаціи здоровыхъ человѣческихъ аффектовъ, или эмоцій. Законодательство должно ставить себѣ цѣлью привести въ гармонію интересы индивида съ интересами общества, сдѣлать для индивида выгоднымъ поступать въ смыслѣ, благопріятномъ обществу. Это можетъ сдѣлать законодательство „привлекательнымъ“ (терминъ, пущенный въ ходъ Уордомъ еще въ его „Динамической соціологіи“, а затѣмъ въ „Психическихъ факторахъ цивилизаціи“).

Соціальное творчество, т.-е. научный контроль соціальныхъ силъ коллективнымъ разумомъ общества къ пользѣ послѣдняго, обнимается Уордомъ терминомъ соціократіи. Авторъ старается показать, чѣмъ его соціократія отличается, съ одной стороны, отъ соціализма, а, съ другой—отъ системы свободной конкурренціи и индивидуализма. Онъ дѣлаетъ это въ формѣ простого перечисленія главныхъ своихъ тезисовъ, отказываясь отъ всякаго ихъ обоснованія. Вотъ эти тезисы: индивидуализмъ создалъ искусственное неравенство, соціализмъ ищетъ создать искусственное равенство. Соціократія признаетъ природныя неравенства и стремится къ отмѣнѣ искусственныхъ. Индивидуализмъ обезпечиваетъ преимущество только за тѣми, кто отличается достаточной ловкостью для ихъ пріобрѣтенія, благодаря преимуществу власти, хитрости, ума или случайности положенія; соціализмъ желалъ бы предоставить тѣ же преимущества всѣмъ безразлично и стремится къ тому, чтобы обезпечить равенство въ пользованіи. Соціократія же доставляла бы преимущества въ строгомъ соотвѣтствіи съ заслугами. Она настаиваетъ на необходимости обезпечить всѣмъ равныя возможности, какъ единственное средство для опредѣленія степени личной заслуги.

Очевидно, что эти общія положенія, какъ и все, что Уордъ говоритъ о необходимости расширить въ представительныхъ демократіяхъ дѣятельность парламентскихъ комиссій и вліяніе на зако-

нодательство администраторовъ,—конечно по той причинѣ, что и тѣ и другіе кажутся ему ближе стоящими къ обществознанію,—интересно только для характеристики его собственныхъ политическихъ идеаловъ и не прибавляетъ ничего существеннаго къ основамъ его соціологической доктрины.

Значеніе послѣдней лежитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, въ правильномъ пониманіи того мѣста, какое соціологія занимаетъ въ общей системѣ абстрактныхъ наукъ (въ этомъ отношеніи Уордъ, впрочемъ, является только послѣдователемъ Конта), во-вторыхъ, въ построеніи ученія о вліяніи психическихъ силъ на образованіе силъ соціальныхъ и вытекающей отсюда связи соціологіи съ психологіей. Прибавлю, однако, что хотя Уордомъ отводится цѣлая глава силамъ соціологическимъ, но въ ней онъ болѣе или менѣе повторяетъ сказанное о силахъ психическихъ, такъ что въ строгомъ смыслѣ слова можно бы сказать, что для Уорда, какъ и для Тарда, соціологія является не болѣе, какъ коллективной психологіей.

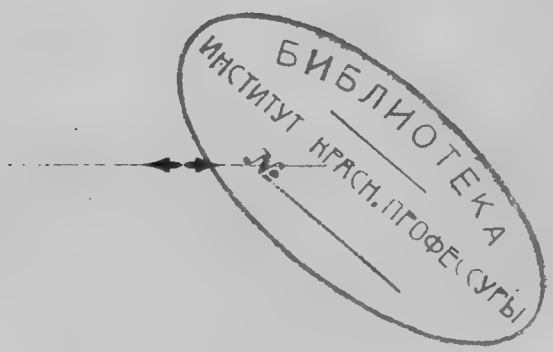
Ученіе о роли психическихъ силъ и въ числѣ ихъ человѣческихъ аффектовъ, или чувствованій, на жизнь общества, заставляетъ Уорда высказаться въ пользу приравненія общества не къ организму, а къ механизму. Эта аналогія, разумѣется, какъ и всякая аналогія вообще, не можетъ имѣть другого значенія, кромѣ болѣе нагляднаго, но въ то же время и только приблизительнаго выраженія той мысли, что общество, будучи чѣмъ-то самостоятельнымъ, въ то же время многими своими сторонами отвѣчаетъ понятію механизма. Что Уордъ самъ не вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ гомологіей, или тождествомъ, слѣдуетъ уже изъ того, что онъ не прочь признать за обществомъ, какъ и за живымъ организмомъ, регуляторъ—въ первомъ нервную систему, во второмъ—довольно узко понимаемое имъ правительство. При такой координаціи, при такомъ подчиненіи отдѣльныхъ органовъ центральному, очевидно возникаетъ мысль объ организмѣ; и въ одномъ мѣстѣ, критикуя теорію Спенсера, американскій соціологъ дѣлаетъ, однако, ту уступку, что признаетъ общество зачаточнымъ организмомъ, благодаря слабому подчиненію его руководящему вліянію разума. Несравненно болѣе удачной я считаю попытку Уорда опредѣлить границу между соціальной статикой и соціальной динамикой, не только въ томъ смыслѣ, что, подобно Конту, онъ придаетъ имъ то значеніе, которое они имѣютъ въ механикѣ, а не въ біологіи, но прежде всего въ томъ, что только дѣйствія, ве-

дущія къ измѣненію общественной структуры, признаются имъ динамическими. Въ этомъ отношеніи, какъ справедливо указано Костомъ, онъ дѣлаетъ шагъ далѣе въ томъ же направленіи, что̀ и Литрэ, различавшій уже въ соціальной динамикѣ, какъ и въ физіологіи, акты, направленные исключительно къ сохраненію организма, и акты, обусловливающіе его ростъ. Для обоихъ Литрэ еще въ 1872 году предложилъ особое обозначеніе: первую онъ назвалъ sociergie, а вторую sociauxie. Но тогда какъ Литрэ относитъ обѣ къ соціальной динамикѣ, Уордъ съ большей послѣдовательностью присоединяетъ первую къ статикѣ. Нельзя, наконецъ, не признать положительной стороной въ соціологической системѣ Уорда развитіе той мысли, что рядомъ съ безсознательнымъ процессомъ видоизмѣненія общественныхъ структуръ и учрежденій, раскрытіемъ котораго довольствовались писатели въ родѣ Спенсера и Летурно, необходимо указать еще на сознательный процессъ измѣненія тѣхъ и другихъ подъ вліяніемъ человѣческаго творчества, неразрывно связаннаго съ ростомъ интеллекта. Это творчество можетъ быть, согласно ему, индивидуальнымъ и коллективнымъ. И мнѣ кажется, что, вопреки утвержденію Уорда, исторія уже указываетъ намъ на цѣлый рядъ коллективныхъ творчествъ. Таковы, напримѣръ, переходы отъ матріархата къ патріархату, отъ системы родовыхъ отношеній къ системѣ отношеній общинныхъ, свободныхъ или несвободныхъ, феодальныхъ, наконецъ, отъ послѣднихъ къ системѣ непосредственнаго подчиненія обособленныхъ другъ отъ друга индивидовъ единой государственной власти,—системѣ, обнимаемой понятіемъ индивидуалистическаго, или буржуазнаго строя. Параллельно этимъ слѣдующимъ другъ за другомъ структурамъ въ области всего общественнаго уклада, совершался въ сферѣ государственной власти переходъ отъ мѣстной автономіи къ политической централизаціи, осуществляемой сперва на началѣ взаимодѣйствія единоличнаго правителя со старѣйшинами родовъ, а затѣмъ съ главами феодальнаго общества, и перешедшей въ концѣ-концовъ въ руки народнаго самодержавія, построеннаго на представительствѣ и являющагося продуктомъ того же общественнаго телезиса, существованіе котораго допускается Уордомъ. Но соглашаясь съ тѣмъ, что независимо отъ безсознательнаго или генетическаго развитія, человѣчество шло и сознательными путями, я не могу не поставить въ вину Уорду, во-первыхъ, того, что имъ вовсе не указано, чѣмъ непосредственно вызывалось безсознательное измѣненіе общественной организаціи, а во-вторыхъ, того, что сознательныя измѣненія не приведены имъ

въ связь съ безсознательными. И то, и другое, обусловливается самимъ характеромъ его системы, однако въ неравной степени. Не указывая, какъ мы сказали, на дѣйствіе въ обществѣ другихъ силъ, кромѣ психическихъ, и допуская, что гдѣ начинается дѣятельность разума, тамъ кончается безсознательное измѣненіе общественной структуры, Уордъ необходимо долженъ былъ въ воздѣйствіи аффектовъ, или чувствованій, искать источника актовъ, не только повторяющихъ извѣстныя общественныя явленія, но и ихъ измѣняющихъ. А между тѣмъ онъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что желаніе, мы бы сказали потребность воспроизведенія породы, съ его необходимымъ послѣдствіемъ—размноженіемъ населенія и увеличиваніемъ его густоты, не является источникомъ соціальныхъ дѣйствій, измѣняющихъ структуру общества. Выскажись онъ въ обратномъ смыслѣ, Уордъ имѣлъ бы возможность показать, какъ простого факта увеличенія густоты населенія достаточно, чтобы вызвать переходъ отъ первобытныхъ промысловъ къ пастушеству и земледѣлію, и соотвѣтственно отъ разсѣянной жизни родами къ болѣе интенсивному существованію сплошными селами и городами. Я полагаю, что къ однохарактернымъ выводамъ, т.-е. къ признанію, что психическія силы должны были вызвать не только поддержаніе общественной жизни, но и перемѣны въ ея структурѣ, Уордъ пришелъ бы и при анализѣ того вліянія, какое, при измѣнившихся внѣшнихъ условіяхъ, можетъ имѣть, положимъ, запросъ на поддержаніе самой породы. Возьмемъ хотя бы фактъ истребленія, въ виду продолжительнаго удовлетворенія этой потребности, антропофагами—сосѣднихъ съ ними племенъ, а охотниками и рыболовами—имѣющейся въ данной мѣстности дичи. Не повлечетъ ли это за собой или переселенія племени, или перехода его къ другимъ пріемамъ удовлетворенія голода, хотя бы къ утилизаціи съ этой цѣлью корней, сѣмянъ, плодовъ и т. д., въ чемъ, разумѣется, лежитъ первый зародышъ земледѣлія, допускающаго бо́льшую скученность населенія со всѣми послѣдствіями, вытекающими отсюда въ отношеніи къ измѣненію общественной структуры.

Переходя ко второму возраженію, какъ не высказать недоумѣнія по поводу того, что Уордъ не ставитъ сознательныя измѣненія общества въ прямую связь съ тѣми запросами, которые эти измѣненія вызываютъ на той стадіи общественнаго развитія, которая была достигнута безсознательнымъ или, какъ онъ выражается, генетическимъ ростомъ. Здѣсь, по его же дефиниціи, разумъ приходитъ только на помощь волѣ, или совокупности желаній, а изъ этого ясно слѣдуетъ,

что разумное измѣненіе существующей структуры должно начаться именно съ реформы тѣхъ ея сторонъ, которыя не удовлетворяютъ болѣе желаніямъ, и въ то же время не могутъ быть измѣнены иначе, какъ при помощи разума. Возьмемъ для примѣра хотя бы слѣдующій наипростѣйшій фактъ,—фактъ, уже затронутый нами по другому поводу. Въ обществѣ, благодаря измѣненію внѣшнихъ условій, подъ вліяніемъ продолжительнаго дѣйствія человѣческихъ потребностей, оказывается недостатокъ въ животной пищѣ. Разумъ ищетъ исхода изъ этого положенія и находитъ его или въ переселеніи, или въ первыхъ опытахъ доместикаціи животныхъ, или въ первыхъ искусственныхъ посѣвахъ и посадкахъ питательныхъ растеній. Я бы могъ продолжить развитіе этого взгляда и иллюстрировать его многочисленнѣйшими примѣрами, но, поступая такимъ образомъ, я только бы показалъ, что̀ есть положительнаго въ столь неудачно названомъ ученіи экономическаго матеріализма,—ученіи, все значеніе котораго сводится къ тому, что творческая дѣятельность человѣка и общества и притомъ во всѣхъ сферахъ, а не въ одной лишь сферѣ интересовъ матеріальныхъ или экономическихъ, всегда начинается съ удовлетворенія наиболѣе неотложныхъ потребностей, въ свою очередь вызванныхъ къ жизни всѣмъ предшествующимъ ростомъ.


БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ V

ОТДѢЛЪ I.

Соціологія и конкретныя науки объ обществѣ.

ГЛАВА I. Природа соціологіи. Отношеніе ея къ философіи, исторіи, этикѣ и психологіи. Соціологія и ученіе о соціальной жизни животныхъ. Соціологія и статистика . . . 3
ГЛАВА II. Соціологія и исторія учрежденій 31
ГЛАВА III. Соціологія и право 61
ГЛАВА IV. Этнографія и соціологія 81
ГЛАВА V. Соціологія и политическая экономія. 110

ОТДѢЛЪ II.

Очеркъ исторіи соціологическихъ системъ.

ГЛАВА VI. Контъ, его предшественники и послѣдователи 125
ГЛАВА VII. Соціологія Герберта Спенсера 206
ГЛАВА VIII. Новѣйшія теченія въ области соціологіи. Лестеръ Уордъ—родоначальникъ психологическаго направленія. . . . 264